ЛЕОН ГЕРШОВИЧ

Евреи в Гомеле, 1917-1941 гг.

ЛЕОН ГЕРШОВИЧ Евреи в Гомеле, 1917-1941 гг.

Leon Gershovich

Jews in Gomel, 1917–1941

Jerusalem, 2026/5786

Леон Гершович

Евреи в Гомеле, 1917–1941 гг.

Иерусалим, 2026/5786

Леон Гершович.
Евреи в Гомеле, 1917–1941 гг. Иерусалим, 2026 г., 340 с., 48 с. илл.
Под научным руководством *Леонида Смиловицкого*.

Книга представляет собой первое научное комплексное исследование, посвященное истории еврейской общины Гомеля и Гомельской области в наполненный драматическими событиями советский период с 1917 по 1941 гг. Подробно рассматриваются экономическая, национальная, культурная и духовная жизнь евреев, вопросы образования, семьи и быта, здравоохранения, влияние трех русских революций, эмиграция, погромы, преследование сионистов и закрытие синагог, угасание еврейской жизни, сталинские репрессии, трагедия общины в годы нацистской оккупации. Материалом для исследования послужили архивные документы, монографии, статистические сборники, периодическая печать, воспоминания жителей Гомеля и их потомков.

Монография предназначена для всех, кто интересуется советской историей Беларуси и ее еврейской общины.

This book is the first comprehensive scholarly study devoted to the history of the Jewish community of Gomel and the Gomel region during the dramatic Soviet period from 1917 to 1941. It examines in detail the economic, national, cultural, and spiritual life of Jews, including issues of education, family and everyday life, and healthcare. It also examines the impact of Russian revolutions, emigration, pogroms, the persecution of Zionists, and the closure of synagogues, the decline of Jewish life, Stalin's repressions, and the community's tragedy during the Nazi occupation. The research draws on archival documents, monographs, statistical compilations, periodicals, and the memoirs of Gomel residents and their descendants. This monograph is intended for anyone interested in the Soviet history of Belarus and its Jewish community.

Редактор и корректор *Рахель Лифшиц*
Дизайн обложки *Александр Литин*
Верстка *Шауль Симан-Тов*

В оформлении лицевой стороны обложки использовано фото улицы Базарная в Гомеле, 1913 г. Из коллекции Мордехая Райхинштейна

Предложения и отклики направлять по адресу:
leongershovich@gmail.com или по тел. +(972)52-372-41-45

ISBN 978-965-7862-81-0
© Леон Гершович, текст и фотографии
Printed in Jerusalem

Оглавление

Предисловие. *Л. Смиловицкий* 7

От автора 13
Введение 17

Глава первая
Евреи в Гомеле до 1917 г. 33

Глава вторая
Годы революции и иностранной интервенции, 1917–1918 гг. 53

Глава третья
Гражданская война и начало советских преобразований, 1919–1921 гг. .. 69

Глава четвертая
Новая экономическая политика, 1922–1926 гг. 92

Глава пятая
Отказ от политики либерализации, 1927–1932 гг. 138

Глава шестая
Сталинские преобразования, 1933–1941 гг. 182

Послесловие 219
Библиография и источники 223

Приложения

Моисей Айзикович Лурье. Гомель начала XX века 242
Документы 254
Таблицы 272
Леонид Смиловицкий. Гетто в Гомельской области 1941–1942 гг. 282
Словарь терминов 320
Словарь имен 329
Географический указатель 333
Именной указатель 337
Фотографии 341

Table of Contents

Foreword by L. Smilovitsky 10

From the Author 13
Introduction 17

Chapter One
Jews in Gomel before 1917 33

Chapter Two
The Years of Revolution and Foreign Intervention, 1917–1918 52

Chapter Three
The Civil War and the Strengthening of Soviet Power, 1919–1921 69

Chapter Four
The New Economic Policy, 1922–1926 92

Chapter Five
Rejection of Liberalization Policy, 1927–1932 138

Chapter Six
Stalin's Transformations, 1933–1941 182

Afterword 221
Bibliography 223

Appendices

Moisei Lurye. Gomel at the beginning of the 20th century Memories 242
Documents 254
Tables 272
L. Smilovitsky. Ghetto in the Gomel Region of Belarus, 1941–1942 282
Glossary of terms 320
Glossary of names 329
Geographical index 333
Names index 337
Photos 341

Предисловие

Монография Леона Гершовича представляет собой первое научное комплексное исследование, посвященное истории еврейской общины Гомеля и Гомельской области. Она охватывает период, наполненный драматическими событиями, начиная с 1917 г. до вторжения Германии на территорию Советского Союза летом 1941 г., что привело к почти полной гибели общины.

Роль евреев Гомеля в межвоенный период, несмотря на все понесенные потери в результате большевистского переворота, братоубийственной гражданской войны, экономического и политического насилия сталинских преобразований, нельзя переоценить. Евреи внесли существенный вклад в общественную, экономическую, культурную и научную жизнь Гомеля, несмотря на то, что их пытались ограничить узкими рамками решения национального вопроса в пределах титульной нации в отдельно взятой советской союзной республике.

После войны Гомель навсегда потерял свое еврейское лицо, хотя евреи продолжали там жить, но, согласно переписи 1959 г., они составили уже только 25 000 чел. — всего 5% от общего городского населения вместо довоенных 40%. Ничего еврейского после войны в Гомеле не осталось, кроме рассказов переживших Холокост, расстрельных рвов и могил на кладбище. Школы на идише не стали восстанавливать, так же как издавать еврейские газеты и печатать еврейские книги. Ходатайство евреев в 1945 г. о возвращении им здания синагоги в Гомеле было отклонено. В 1947 г. верующие на собранные ими средства приобрели для синагоги частный дом, однако городские власти его конфисковали и запретили молитвенные собрания. В 1963 г. милиция напала на частное молитвенное собрание, разогнала верующих и изъяла два свитка Торы и другие религиозные принадлежности.

Казалось, евреи Гомеля окончательно превратились в советских людей, отвечавших обезличенным советским стандартам. Они могли обсуждать недоверие к себе властей и проявления государственного или

бытового антисемитизма только кругу семьи, за закрытыми дверями и опущенными ставнями, но не выносить это недовольство наружу. Некоторые евреи-коммунисты с дореволюционным стажем писали письма-протесты в партийные и советские инстанции, вплоть до ЦК КП(б)Б, где их складывали под сукно. Да и сами эти обращения были написаны с учетом того, чтобы не вызвать лишнее раздражение, а их авторов не посчитали еврейскими националистами. Коммунисты-евреи переживали за своих родителей, которые продолжали несмотря ни на что соблюдать традицию и молиться в миньянах, и, конечно, они перестали обрезать своих новорожденных мальчиков, опасаясь гонений.

История еврейской общины Гомеля по своей значимости не уступает еврейским общинам Минска, Могилева, Витебска и других крупных городских центров Восточной Беларуси. Однако ее роль до сих пор полузабыта. Устранить эту несправедливость призвана книга Леона Гершовича, которая написана по материалам его докторской диссертации на иврите, защищенной в Тель-Авивском университете. Приятно отметить, что автор живо откликнулся на мое предложение издать ее на русском языке. Он решил это сделать по нескольким соображениям. Во-первых, для того чтобы предать гласности в русскоязычной аудитории значительный вклад евреев в становление и развитие Гомеля как одного из главных центров экономической, культурной и научной жизни Беларуси до и после 1917 г. Во-вторых, показать, что представляла собой религиозная жизнь гомельских евреев, ревностно соблюдавших традицию и заповеди Торы, и какую цену они заплатили в борьбе за свои убеждения после установления советской власти. В-третьих, что и как потребовалось сделать большевикам, чтобы еврейская молодежь нарушила традиционный уклад еврейской общины и увлеклась идеалами нового бесклассового общества, принеся для этого в жертву собственное национальное самосознание. Евреи Гомеля оказались втянутыми в водоворот сталинских репрессий, которые обескровили общину. И та жестокость, с которой они боролись с мнимыми врагами советской власти, потом обернулась против них самих. На примере судьбы евреев Гомеля видно, что происходит в обществе, когда строят безальтернативную модель — сначала устраняют несогласных и сомневающихся, а потом и самих борцов за эту идею.

Книга дает представление о стандартах исторического исследования западной научной школы, которая неподвластна идеологическим догмам и руководствуется принципами научной достоверности и объективности. Для того чтобы читатель понял, какой путь был пройден для появления этой книги, необходимо рассказать коротко об ее авторе. Леон Гершович (1981 г. р.), уроженец Гомеля, репатриировался с семьей в Израиль в 1991 г. После окончания средней школы (2000 г.) он служил в боевых частях Армии обороны Израиля (2001–2004 гг.), а потом год провел как

посланник Еврейского агентства «Сохнут» в Великобритании (2004–2005 гг.), получил степень бакалавра по иудаике и еврейской Библии (2010 г.) и степень магистра по еврейской истории и современному еврейству (2011 г.) в Еврейском университете в Иерусалиме. В 2018–2019 гг. он работал научным сотрудником в Центре исследований диаспоры им. Гольдштейна-Горена. В 2021 г. Леон Гершович получил степень доктора философии по истории в Тель-Авивском университете, защитив диссертацию (Ph.D.) с отличием, одновременно преподавал еврейскую Библию и историю (2010–2024 гг.) и занимал должность директора школы на севере Израиля (2024–2025 гг.).

Монография заполняет большой пробел в наших знаниях по истории евреев Беларуси, показывает, как много общего и типичного было в истории евреев Гомеля и насколько они были связаны с еврейским миром не только бывшей царской империи, а затем Советского Союза, но и мирового еврейства. Автор умело использует метод сравнительного анализа, чтобы показать, как евреи и белорусы Гомеля стремились построить свое лучшее будущее, что в этом движении у них было общего, какие существовали отличия и что при этом преобладало: сотрудничество, взаимовыручка, терпимость, снисходительность или недоверие, страхи, предубеждения, конкуренция, зависть и вражда? Что объединяло два народа и составляло основу духовного и материального мира и почему национальная жизнь как евреев, так и белорусов представляла собой опасность для сталинского интернационализма?

О том, насколько удалось автору исполнить свой замысел и воссоздать цельную картину жизни еврейского Гомеля за первые 20 лет советской истории, судить тебе, дорогой читатель.

Леонид Смиловицкий,
старший научный сотрудник, доктор исторических наук,
руководитель проекта «История евреев в Беларуси» в Центре
диаспоры при Тель-Авивском университете

Foreward

Leon Gershovich's monograph is the first comprehensive scholarly study devoted to the history of the Jewish community of Gomel and the Gomel region. It covers the dramatic Soviet period from 1917 to the German invasion of the Soviet Union in the summer of 1941, which resulted in the community's near-total annihilation.

The role of Gomel's Jews during the interwar period, despite all the losses they suffered as a result of the Bolshevik coup, the fratricidal civil war, the economic and political violence of Stalin's reforms, and the loss of their national identity, cannot be overstated. They made a significant contribution to the social, economic, cultural, and academic life of Gomel, despite attempts to confine them to the narrow framework of resolving the national question within the dominant ethnic group in a particular Soviet republic.

After the war, Gomel lost its Jewish identity forever. Although Jews continued to live there, according to the 1959 census, they constituted approximately 25,000 people-but they were only 5% of the city's total population, down from the pre-war 40%. Nothing Jewish remained in Gomel after the war, save for the stories of Holocaust survivors, the execution ditches, and the graves in the cemetery. Yiddish schools were not rebuilt, Jewish newspapers were not published, and no Jewish books were printed. A 1945 petition by Jews to return the synagogue building to them was denied. In 1947, believers used funds they had raised to purchase a private home for the synagogue, but city authorities confiscated it and banned prayer meetings. In 1963, police raided a private prayer meeting, dispersed the worshipers, and confiscated two Torah scrolls and other religious paraphernalia.

The Jews of Gomel were finally transformed into Soviet citizens, expected to conform to impersonal Soviet standards. They could discuss the authorities' distrust of them and manifestations of state or everyday anti-Semitism only within their families, behind closed doors and with the shutters down, but they could not air their discontent publicly. Some veteran Jewish communists, with pre-revolutionary experience, wrote letters of protest to party and Soviet

authorities, even to the Central Committee of the Communist Party of Belarus, where they were filed away. These appeals themselves were carefully crafted to avoid causing unnecessary irritation, and their authors were not considered Jewish nationalists.

The Jewish communists worried about their parents, who, despite everything, continued to observe the tradition and pray in minyanim. And, of course, they stopped circumcising their newborn boys, fearing persecution. The history of the Jewish community of Gomel is as significant as that of Minsk, Mogilev, Vitebsk, and other major urban centers of eastern Belarus. However, its role remains largely forgotten. Leon Gershovich's book, a based on his doctoral dissertation in Hebrew defended at Tel-Aviv University, aims to correct this injustice. I am pleased to note that the author responded enthusiastically to my proposal to publish it in Russian. He decided to do so for several reasons. First, to publicize the significant contribution of Jews to the formation and development of Gomel as one of the main centers of economic, cultural, and scientific life in Belarus before and after 1917. Second, to answer the question of what religious life was like for Gomel Jews, who zealously observed the traditions and commandments of the Torah, and what price they paid in the struggle for their beliefs after the establishment of Soviet power. Third, what and how did the Bolsheviks had to do to persuade Jewish youth to break with the traditional Jewish community structure and embrace the ideals of a new classless society, sacrificing their own national identity. The Jews of Gomel found themselves caught in the maelstrom of Stalinist repression, which bled the community dry. And the brutality with which they fought against perceived enemies of Soviet power later turned against them. The fate of the Jews of Gomel illustrates what happens in a society when a model is built that has no alternative—first, those who disagree and doubt are eliminated, and then the very champions of this idea are eliminated.

The book provides an insight into the standards of historical research of the Western academic school, which is not subject to ideological dogmas, guided by the principles of scientific reliability and objectivity. In order for the reader to understand the path taken to the publication of this book, it is necessary to tell briefly about its author. Leon Gershovich (born 1981), a native of Gomel, repatriated with his family to Israel in 1991. After graduating from high school (2000), he served in combat units of the Israel Defense Forces (2001-2004), spent a year as an emissary of the Jewish Agency (Sochnut) in the UK (2004-2005), and received a BA in Judaic Studies and Hebrew Bible (2010), and an MA in Jewish History and Modern Jewry (2011) from the Hebrew University of Jerusalem. In 2018-2019 He worked as a research fellow at the Goldstein-Goren Center for Diaspora Studies. In 2022, Leon Gershovich received his Ph.D. in history from Tel Aviv University, defending his dissertation with honors. He also taught Hebrew Bible and history (2010–2024) and served as director of a school in northern Israel (2024–2025).

The reader may notice that in certain places, the author's presentation of events and the formulation of conclusions exhibit a certain roughness of style. I hope for the reader's kindness and indulgence, as Leon Gershovich is not a native Russian speaker. If the author's efforts in some places fall short of his goal in presenting his thoughts, this can be attributed to his efforts to overcome the language barrier. Gershovich's book fills a major gap in our knowledge of the history of Jews in Belarus, demonstrating how much the history of Gomel's Jews shared and how connected they were to the Jewish world not only of the former Tsarist Empire and then the Soviet Union, but also of world Jewry. The author skillfully uses comparative analysis to show how the Jews and Belarusians of Gomel understood and strove to build a better future for themselves. What did they have in common in this movement, what differences existed, and what prevailed—cooperation, mutual assistance, tolerance, leniency, mistrust, fears of prejudice, competition, envy, or hostility? What united the two peoples and formed the basis of their spiritual and material world, and why did the national life of both Jews and Belarusians pose a threat to Stalinist internationalism?

It is up to you, dear reader, to judge the extent to which the author succeeded in fulfilling his plan and recreating a complete picture of life in Jewish Gomel during the first 20 years of Soviet history.

Dr. Leonid Smilovitsky,
Senior Research Associate,
Head of the Project “History of Jews in Belarus”,
The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University

От автора

В 1927 г., находясь в Париже, будущий советский писатель Илья Эренбург закончил роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца»[1], главного героя которой прозвали «гомельским Гамлетом»[2]. В ней автор в сатирической форме представил жизнь гомельского еврейского портного в первые годы советской власти, когда он после единственного, невольно вырвавшегося вздоха отправляется в долгий путь скитаний, полный нелепых приключений и череды бедствий. Он попадает из одной европейской столицы в другую и, наконец, в подмандатную Эрец-Исраэль (Палестину). Приключения Лазика освещают судьбу еврея первой половины XX в. в трагикомическом стиле — вроде бы смешно, но вместе с тем пронизано состраданием и печалью.

Гомель и Юго-Восточную Беларусь в конце XIX — начале XX вв. по значимости нельзя считать второстепенной окраиной Российской империи и Советского Союза, возникшего на ее руинах. Эти события позволяют понять на локальном уровне общие процессы и драматические перемены, через которые прошло еврейское население при советской власти. Если Эренбург описывает эти процессы как литератор, то автор настоящей монографии стремится рассмотреть их в исторической ретроспективе.

Кардинальные изменения в политике, экономике, культуре и духовной жизни граждан бывшей Российской империи, вызванные большевистской революцией и установившимся советским режимом, существенно повлияли на самосознание евреев и их судьбу в межвоенный период. Все последующие события, включая Вторую мировую войну и трагедию Холокоста, послевоенное восстановление и безуспешные попытки возрождения еврейской жизни в СССР, эмиграцию евреев на Запад, в США, а также репатриацию в Эрец-Исраэль, способствовали созданию и становлению

[1] См. https://imwerden.de/pdf/erenburg_burnaya_zhizn_lazika_rojtshvanetsa_1991__ocr.pdf

[2] Е. Риц, «Гамлет из Гомеля», см. https://jewish.ru/ru/stories/literature/186418/

государства Израиль. Одновременно эти процессы привели к массовой эмиграции из Беларуси после 1991 г.

В монографии, которую читатель сейчас держит в руках, на примере еврейской истории Гомеля и его округи рассматривается в целом история еврейской жизни в Юго-Восточной Беларуси между 1917 г. и нацистским вторжением в СССР летом 1941 г. — одном из наиболее значимых периодов современной еврейской истории республики.

Работа над диссертацией, которая положена в основу этой книги, заняла у меня семь лет. И сегодня, оглядываясь назад, чтобы оценить пройденный путь, я рад, что принял на себя эту ношу, поскольку, как говорится в Мишне (трактат «Авот» 2, 16): «...Не тебе предстоит завершить работу, но и не волен ты освободиться от нее». Надеюсь, эти исследования будут продолжены и в будущем смогут восполнить существующие пробелы в коллективной исторической памяти еврейского народа как в Израиле, так и его диаспоре.

Я надеюсь, что эта книга поможет лучше оценить феномен еврейской жизни в Советском Союзе и в Беларуси. Как педагог, который преподавал в израильской средней школе, я часто спрашивал себя, что нужно сделать, чтобы люди трепетно относились к своей истории и стремились ее осмыслить, а потом передать следующему поколению? Много раз, когда я имел дело с материалами, относящимися к моим исследованиям, включая архивные источники, документы, предметы личного происхождения из семейных архивов, я размышлял о тех, кто будет читать мою книгу и как они ее воспримут. И когда это случится, то насколько эти знания будут востребованы и приведет ли это к взаимопониманию разных народов? В настоящее время у меня нет ответа на этот вопрос, и я надеюсь, что читатели после знакомства с книгой помогут его найти.

Композиционно монография «Евреи в Гомеле, 1917–1941 гг.» состоит из разделов «Предисловие», «От автора», «Введение», шести глав и «Послесловия». Комментарии и ссылки для удобства читателя расположены постранично. В конце приводится общий список использованной литературы и источников. Книгу дополняют именной и географический указатели, что облегчает поиск ответов на интересующие вопросы, дает представление о многообразии собранных свидетельств участников событий, помогает выяснить, где и как именно они происходили.

В «Приложениях» приводятся воспоминания Моисея Айзиковича Лурье о жизни евреев в Гомеле до 1917 г., также уникальные архивные документы, раскрывающие подробности участия евреев в советском строительстве и ликвидации еврейской общины в Гомеле в межвоенный период, которые впервые вводятся в научный оборот. Кроме того, читатель познакомится с докладом Леонида Смиловицкого «Гетто в Гомельской области Белоруссии: общее и особенное, 1941–1942 гг.», который был про-

читан в Музее Холокоста в Вашингтоне и раскрывает подробности гибели гомельских евреев от рук нацистов в годы Холокоста, а также найдет «Словарь имен» и «Словарь терминов», уточняющие сведения и понятия, которые могут быть малоизвестны современному читателю.

Я выражаю сердечную благодарность всем, кто помогал мне в проведении исследования и работе над монографией. Прежде всего, это относится к моим научным руководителям доктору Леониду Смиловицкому (Центр исследований диаспоры им. Гольдштейна-Горена) и доктору Рафаэлю Ваго (Тель-Авивский университет). Они терпеливо направляли и консультировали меня, помогали найти, понять и оценить сведения для написания моей книги. Их опыт и научная квалификация, убедительные советы и примеры, как нужно работать с документами, излагать свои мысли и формулировать выводы, стали для меня большой школой и открыли путь в науку. Также благодарю Центр изучения диаспоры им. Гольдштейна-Горена и его директора профессора Симху Гольдина за огромную помощь в проведении моих исследований, ценные рекомендации и советы, за возможность работать в Центре в 2017–2019 гг. и за щедрую стипендию, покрывшую часть расходов на две исследовательские поездки в Беларусь. Выражаю глубокую признательность преподавателям Тель-Авивского университета, которые передали мне свои знания и позволили сформировать методологический подход, расширили мой кругозор. Слова признательности относятся также к административному персоналу Тель-Авивского университета, секретариату Школы иудаики и археологии и секретариату кафедры истории народа Израиля, которые всегда откликались на мои просьбы и старались наиболее полно отвечать на мои запросы.

Особую благодарность я выражаю сотрудникам архивов, где я проводил большую часть исследований: Центрального сионистского архива (ЦСА) и Центрального архива истории еврейского народа (ЦАИЕН) в Иерусалиме, Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) в Минске, Государственного архива Гомельской области (ГАГО) и Государственного архива общественных организаций Гомельской области (ГАООГО). Благодаря профессионализму их сотрудников я смог найти большинство необходимых документов и материалов для моего исследования.

Чрезвычайная удача, что мои полевые исследования: поездки в Беларусь, работа в ее архивах и библиотеках, встречи с научными работниками и жителями Гомеля и Гомельской области — завершились до эпидемии коронавируса, когда нормальная жизнь всего мира была приостановлена, и до известных событий августа 2020 г. в Беларуси, коренным образом изменивших атмосферу общественной и научной жизни в республике. В противном случае работа над моей докторской диссертацией и настоящей монографией затянулась бы на неопределенное время.

В ходе подготовки книги я постоянно ощущал товарищескую поддержку выходцев из Гомеля и Гомельской области, других регионов Юго-Восточной Беларуси и их потомков, живущих сегодня в разных странах мира. Слова глубокой благодарности и признательности выражаю Рахель Лифшиц из Иерусалима, улучшившей текст рукописи, а также Шаулю Симан-Тов из Тират а-Кармель и Александру Литину из Хадеры, которые подготовили макет, фотографии и обложку книги.

Наконец, неизменная благодарность членам моей семьи, которые помогали, поддерживали и подбадривали меня на протяжении всего долгого пути к созданию этой книги.

Введение

Коренные преобразования в политике, экономике, культуре и духовной жизни оказали значительное влияние на самосознание евреев и их судьбу с момента большевистского переворота в 1917 г. до немецкого вторжения в СССР в 1941 г. Все последующие события, включая Вторую мировую войну и Холокост, послевоенное восстановление и неудачные попытки возрождения еврейской жизни в СССР, эмиграцию евреев в Польшу, Германию, Соединенные Штаты Америки, Канаду, Аргентину, Австралию, а также репатриацию в Эрец-Исраэль, способствовали образованию государства Израиль и возрождению национальной еврейской государственности. В то же время это привело к исходу евреев и завершению еврейской страницы истории Беларуси.

Настоящая книга посвящена изучению еврейской жизни в Юго-Восточной Беларуси на примере Гомеля в межвоенные годы как одном из наиболее важных периодов в современной истории евреев Беларуси и советского еврейства в целом. Гомельский округ был передан из состава Российской Федерации (РСФСР) советской Беларуси (БССР) в 1926 г. Перекраивание границ (укрупнение) в пользу БССР за счет РСФСР проводилось по решению всесоюзного правительства в Москве из политических соображений — чтобы укрепить буферную зону советской России со стороны Европы. О реальной независимости отдельных советских республик в рамках Советского Союза речи никогда не велось. Гомельский округ имел уникальные черты (демографические, этнические, социальные, религиозные и т. д.) как перекресток трех республик — России, Беларуси и Украины. Юго-Восточная Беларусь как часть бывшей черты оседлости Российской империи имела значительное по численности еврейское население в самом Гомеле и окружавших его малых городах и местечках с преобладающим русскоязычным населением в городской и белорусским населением в сельской местности.

Гомельский регион включал в себя территорию Гомельского уезда Могилевской губернии площадью около 5 200 кв. км, население которого в

1897 г. превышало 224 000 чел., из них более 32 000 (14,4%) составляли евреи. С 1919 г. по декабрь 1926 г. уезд входил в состав Гомельской губернии РСФСР, а с 8 декабря 1926 г. — в состав БССР. В 1926 г. уезд как административная единица был ликвидирован, а его территория включена в Гомельский округ, который просуществовал до июля 1930 г. Площадь округа составляла около 16 000 кв. км, однако административные границы его неоднократно менялись. По данным переписи 1926 г., численность населения составляла более 408 000 чел., из них евреи — 11,2%. В январе-феврале 1938 г. была образована Гомельская область. В нее вошли 14 районов: Гомельский, Буда-Кошелевский, Ветковский, Добрушский, Жлобинский, Журавичский, Кормянский, Лоевский, Речицкий, Рогачевский, Светиловичский, Уваровичский, Тереховский, Чечерский. Тогда же возникла и Полесская область с центром в Мозыре, присоединенная к Гомельской области в 1954 г. В 1939 г. на территории Гомельской области численность населения составляла не менее 1 528 600 чел., из них 67 578 (4,42%) — евреи[1].

Это был регион с традиционным укладом еврейской жизни, особенно в местечках, где евреи проживали компактно, говорили на идише, ориентировались на социально-культурные ценности прежних поколений и стремились к давно устоявшейся сфере занятости, в которой торговля играла особую роль. Пример Гомеля позволяет последовательно определить все этапы важнейших перемен в жизни еврейского населения Беларуси, долгие годы проживавших среди белорусов, русских, украинцев, поляков и других народов, этнических и культурных групп.

После большевистского переворота евреям было предоставлено гражданское равенство, и они фактически заменили российское чиновничество и средний класс, которые не приняли советскую власть, участвовали в белом движении или эмигрировали за рубеж. В связи с этим перед евреями открылись беспрецедентные возможности для интеграции в среду титульной нации для получения образования и профессионального продвижения, и многие этим воспользовались. Другая, не меньшая, часть еврейства не спешила делать свой выбор, поскольку это требовало безоговорочной лояльности режиму, отказа от религии и традиции, принятия советского образа жизни и участия в советских преобразованиях. Запрет частной собственности и экспроприации, обобществление основных средств

[1] А. Селиванов, Гомель, Гомельский уезд. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, т. IX. Санкт-Петербург, 1893, с. 150–151; *Демографический ежегодник Республики Беларусь*. Минск, 2018, с. 31; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение городского и сельского населения областей союзных республик по национальности и полу см:
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39_gs.php?reg=18&gor=3&Submit=OK

производства пагубно сказались на экономической активности евреев, значительно понизив их доходы и уровень жизни.

До сих пор отсутствуют научные исследования, которые показали бы в комплексе все процессы экономического, культурного и общественного развития еврейской общины Юго-Восточной Беларуси. Нет работ, посвященных противостоянию евреев коммунистической партии и советским органам власти в этом важном регионе республики, сионистской деятельности, разгрому еврейской религии, навязыванию советской модели образования, использованию идиша как инструмента влияния на массовое сознание еврейского населения, борьбе с инакомыслием, преследованию лишенцев.

Предстоит выяснить, как изменилась жизнь евреев в этом регионе после падения царского режима и до лета 1941 г., насколько советской власти удалось привлечь евреев к участию в социалистическом строительстве и народном хозяйстве, в общественной жизни.

Важно найти ответ на фундаментальный вопрос: чего достигли и что потеряли евреи Беларуси при советском режиме в социальной, экономической, культурной, политической жизни и т. д.? Кому принесли пользу евреи в Беларуси — себе самим, республике, советскому режиму? И, наконец, как советские преобразования повлияли на национальное самосознание евреев, их самоидентификацию, отношение к иудейской религии, традиции и национальной истории? Ответы на эти вопросы позволят составить ясную картину, что представляла собой еврейская община Юго-Восточной Беларуси накануне немецкого вторжения в СССР в июне 1941 г. Какие потери и приобретения сопутствовали этому, насколько советской власти удалось (и какой ценой) привлечь самих евреев к осуществлению политики большевиков в экономике, культуре, образовании, науке, охране здоровья, преобразованию деревни на социалистический лад, построению промышленности. Наконец, что представляло собой национальное самосознание евреев и как повлияла на них изоляция от внешнего мира, разрыв с мировым еврейством.

Решение этой задачи потребует заново оценить все существующие к настоящему времени публикации историков (научные, популярные, в периодической печати), посвященные еврейской жизни в Белорусской ССР, делая упор на архивные документы, которые свыше полувека не были доступны исследователям.

В последнее время международное научное сообщество уделяет судьбе белорусских евреев все больше внимания. Это закономерно, поскольку евреи Беларуси вместе с евреями Украины всегда составляли демографический центр еврейского населения в Российской империи до 1917 г. и в Советском Союзе до начала Второй мировой войны. В качестве примера можно привести монографию Эндрю Слойна «Еврейская рево-

люция в Беларуси», в которой автор пытается по-новому оценить роль евреев в советском строительстве и отношение режима к своим еврейским гражданам[2].

История советского еврейства все больше привлекает внимание исследователей на постсоветском пространстве. В России к ним в первую очередь следует отнести Олега Будницкого, Михаила Членова и Илью Альтмана, Григория Куповецкого, Геннадия Костырченко, Ольгу Белову. Многие белорусские исследователи изучают иудаику через призму общей истории Беларуси. Большинство работ имеют отношение к Холокосту: Событиям еврейской истории Беларуси до и после 1917 г. посвятили свои труды Эммануил Иоффе, Захар Шибеко, Андрей Замойский, Дмитрий Шевелев, Константин Карпекин, Инна Соркина, Ольга Соболевская, Андрей Киштымов, Ирина Вавренюк и др.

В общих работах последних лет евреи рассматривались чаще всего как объект истории. Их авторы анализировали отношение властей к евреям. Кроме того, многие работы, формально посвященные отдельным сторонам еврейской жизни, в действительности имеют гораздо большее значение для понимания общих процессов, происходивших с советскими евреями в этот период. Так, до недавнего времени считалось, что еврейская национальная и социальная жизнь до войны была разрушена советской властью, сломан традиционный уклад жизни, потеряны прежние ориентиры, пример отцов перестал быть привлекательным для потомков, увеличилось количество межнациональных браков. Так ли это? Детальное исследование жизни евреев провинции с использованием новых источников даже на базе одного региона позволит уточнить представление о советских евреях в целом.

Характеризуя собранный материал по теме книги, я хочу обратить внимание на обобщающие труды, посвященные судьбе советского еврейства между мировыми войнами (1917–1941 гг.), которые дают представление о главных событиях советской эпохи и о том, как они отразились на евреях.

Биньямин Пинкус создает объемную историческую картину относительно широкого спектра аспектов жизни советских евреев[3]. Матитьяху Минц в сборнике своих статей «Страдания, надежды и отчаяние евреев советской России» раскрывает пренебрежительное отношение советских руководителей к национальной судьбе евреев и стремление к их скорейшей ассимиляции[4]. Цви Гительман приходит к выводу о том, что главной тен-

---

[2] A. Sloin, *The Jewish revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik power*. Bloomington and Indianapolis, 2017.

[3] ב. פינקוס, יהודי רוסיה וברית המועצות תולדות מיעוט לאומי, שדה-בוקר תשמ"ו

[4] מ. מינץ, המצוקות, התקוות והייאוש של יהודי רוסיה הסובייטית, תל-אביב תשע"ה

денцией, которая характеризует еврейскую жизнь на российско-советском пространстве в XX в., является двойственность[5], а Нора Левин связывает эволюцию советского еврейства с парадоксом выживания[6]. Авраам Гринбаум раскрывает особенности жизни советских евреев на примере еврейского театра, судьбы раввинов и научной иудаики в СССР[7]. Мордехай Альтшулер и Эзра Мендельсон проводят важный сравнительный анализ положения евреев в СССР и Польше[8] и отмечают имевшиеся общие закономерности.

Важную работу выполнили Грегори Ааронсон, Алексис Гольденвейзер и Яаков Фрумкин. В 1968 г. они опубликовали в США сборник статей, которые представляют самый широкий спектр тем — от еврейского образования до преследования сионистов, Холокоста и эмиграции в Израиль[9]. Эти исследования основаны на анализе открытой информации, однако выводы, к которым пришли их авторы, оказались, безусловно, правильными. Юрий Слёзкин из университета Беркли (Калифорния) в своей книге «Еврейский век» утверждает, что XX век был «еврейским», так как принес евреям беспрецедентный успех в интеграции среди титульной нации стран проживания. Автор утверждает, что интеграция евреев в Советском Союзе была полностью оправдана своими результатами и достижениями за счет отказа от национальной культуры, традиции и истории. Фактически г-н Слёзкин оправдывает ассимиляцию советских евреев, считая ее неизбежной и полезной[10]. С этим нельзя согласиться, поскольку цена интеграции для евреев в СССР, как я собираюсь доказать в своей книге, оказалась

---

[5] Z. Gitelman, *A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present*. New York, 1988.

[6] N. Levin, *The Jews in the Soviet Union since 1917. Paradox of Survival.* New York, 1988.

[7] А. Гринбаум, *Евреи в России: историографические очерки: 2-я половина XIX века — XX век*. Москва, 1994; A.A. Greenbaum, *Jewish Scholarship in Soviet Russia, 1918–1941*. Boston, 1959; Idem. *Soviet Jewry during the Lenin-Stalin period*. Oxford, 1965; Idem. *Jewish scholarship and scholarly institutions in Soviet Russia, 1918–1953*. Jerusalem, 1978.

א. גרינבוים, התיאטרון האידי ברוסיה הסובייטית בשנות העשרים, ירושלים תשכ"ט; א. גרינבוים, רבני ברית המועצות בין מלחמות העולם: 1917-1939: חומר ללקסיקון ביו-ביבליוגראפי, ירושלים תשנ"ד; א. גרינבוים, הרבנות בברית המועצות, רמת-גן תש"ס

[8] מ. אלטשולר, ע. מנדלסון, 'יהדות ברית המועצות ופולין בין מלחמות העולם: ניתוח השוואתי', עיונים ביהדות זמננו (1984) עמ' 64-53

[9] Г. Аронсон, А. Гольденвейзер, Я. Фрумкин (ред.) *Книга о русском еврействе 1917–1967*. Нью-Йорк, 1968.

[10] י. סליזקין, המאה היהודית, תל-אביב תשס"ט

непомерно высока. Она потребовала от евреев не только лояльности антинародному режиму, активного участия в его действиях, граничащих с преступлениями, но и фактического отказа от национального самосознания.

Из наиболее заметных исследований, вышедших в последние годы, нужно отметить третий том «Истории российских евреев» под научной редакцией Михаэля Бейзера, который охватывает период от революций 1917 г. до распада СССР в конце 1991 г.[11]

Изучение еврейской истории Беларуси советского времени проводилось в следующих направлениях: 1) демографическое и социальное положение евреев в Советском Союзе до начала Второй мировой войны, 2) место евреев в советском обществе, 3) политика советского государства в отношении евреев, 4) эмиграция из СССР, 5) сионистская деятельность, 6) землеустройство советских евреев и политика переселения, 7) советская культура на идише, 8) религиозная жизнь и соблюдение традиции, 9) советское образование на идише.

Подробный обзор демографического и социального положения евреев СССР до начала Второй мировой войны дает монография Аркадия Зельцера[12] и фундаментальная работа Мордехая Альтшулера[13], которые были дополнены всесторонним академическим исследованием Вячеслава Константинова[14].

Влияние процессов советизации изучал Барух Гур-Гуревич, который пришел к важным выводам в вопросе о еврейской идентичности и интеграции евреев в советское общество. Его главная мысль состоит в том, что советская политика по еврейскому вопросу в 1920-х гг. была непоследовательной, включала в себя «приливы» и «отливы», но в итоге режим позволил евреям интегрироваться в общество как отдельной группе[15].

Важные ориентиры дают обобщающие труды Цви Гительмана и Мордехая Альтшулера, посвященные роли евсекции при ЦК ВКП(б) в

---

[11] מ. בייזר (עורך), תולדות יהודי רוסיה III: ממהפכות 1917 עד נפילת ברית-המועצות, ירושלים תשע"ה

[12] א. זלצר, 'ההיסטוריה החברתית-דמוגרפית של יהודי ברית המועצות, 1921-1939', א. זלצר (עורך), יהודי רוסיה במאה העשרים ג', רעננה תשע"ד, עמ' 305-406.

[13] M. Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile*. Jerusalem, 1998.

[14] В. Константинов, *Еврейское население бывшего СССР в XX веке (социально-демографический анализ)*. Иерусалим, 2007.

[15] ב. גור-גורביץ', חיפוש זהות בין התבוללות להגירה: היחסים בין השלטון הצארי, הסובייטי והרוסי לבין היהודים, ירושלים תשס"ג; ב. גור-גורביץ, 'השלטון הסובייטי ויהודי ברית המועצות, 1921-1939', א. זלצר (עורך), יהודי ריסיה במאה העשרים א', רעננה תשע"ד, עמ' 181-303

процессах адаптации евреев в советском обществе[16]. Российский историк профессор Олег Будницкий обосновал причины, по которым евреи предпочли «красную» сторону в период гражданской войны, что, по мнению автора, совпало с аналогичным предпочтением россиян в целом[17]. Артур Далгатов изучал взаимоотношения этнических и религиозных меньшинств после революции до начала 1930-х гг.[18], а Геннадий Костырченко проанализировал политику государственного антисемитизма в СССР[19]. В этой связи нужно отметить исследование Леона Бойма о влиянии на евреев государственной политики национальной идентификации[20]. Николай Бугай раскрывает процесс внутренней миграции еврейского населения с 1920-х по 1950-е гг.[21], Елена Школьникова определила изменения, которые претерпело традиционное еврейское местечко (штетл) в Советском Союзе в 1930-х гг.[22]

В этом ключе необходимо упомянуть об историко-философских размышлениях Якова Басина[23]. Автор вносит значительный вклад в понимание роли еврейского фактора в советской политике на примере Беларуси. Сюда же нужно отнести монографию Гура Элрои, посвященную еврейской эмиграции из Российской империи до 1924 г.[24]

Отдельной темой является сионистская деятельность в советской России и СССР. Прежде всего, это фундаментальное исследование Ицхака

---

[16] Z. Gitelman, *Jewish Nationality and Soviet Politics: The Jewish Sections of the CPSU, 1917–1930*. Princeton, 1972.

מ. אלטשולר, הייבסקציה בברית המועצות 1918-1930: בין לאומיות לקומוניזם, ירושלים תש"ם

[17] О. Будницкий, *Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)*. Москва, 2005.

[18] А. Далгатов, *Правительственная политика по отношению к этноконфессиональным меньшинствам: еврейский вопрос в жизни советского общества (окт. 1917-го — начало 1930-х годов)*. Санкт-Петербург, 2002.

[19] Г. Костырченко (ред.), *Государственный антисемитизм в СССР — от начала до кульминации 1938–1953*. Москва, 2005.

[20] ל. בוים, 'שיטת הפספורטים בברית המועצות והשפעתה על מצבם של היהודים', שבות 3 (תשל"ה), עמ' 7-16

[21] Н. Бугай, «1920–1950-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР» // *Отечественная история* 4 (1993).

[22] E. Chkolnikova, “The Transformation of the Shtetl in the USSR in the 1930s” // *Jews in Eastern Europe* 1 (52), 2004, p. 91–129.

[23] Я. Басин, *Большевизм и евреи: Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008; Я. Басин, *Музы и тьма*. *Исторические очерки*. Иерусалим, 2014.

[24] ג. אלרואי, המהפכה השקטה: ההגירה היהודית מהאימפריה הרוסית 1875–1924, ירושלים תשס"ח

Маора[25], которое дополняют работы Зивы Галили и Бориса Морозова[26], Виктора Гусева[27], Анны Симоновой[28]. Уникальное исследование проделал Авраам Итай по истории движения «Ха-шомер ха-цаир» — НЕЦАХ в СССР[29]. Арье Рафаэли (Ценципер) в числе первых убедительно изложил особенности сионистской деятельности в СССР[30].

Видное место в политике советской власти в отношении евреев было уделено землеустройству. С его помощью коммунистические руководители предполагали не только преодолеть перенаселение местечка, но и сломать традиционный образ жизни евреев, изменить их быт, культуру и традиции, открыть двери для ускоренной ассимиляции, интеграции евреев в светское государство. Первый шаг в исследовании этого феномена сделали Хоне Шмерук[31] и Яаков Левави[32]. Эту тему продолжил и творчески

---

[25] י. מאור, התנועה הציונית ברוסיה, ירושלים תשמ"ו

[26] Z. Galili, , B. Morozov, *Exiled to Palestine: The Emigration of Soviet Zionist Convicts 1924–1934*. London, 2006; Z. Galili, "Zionism in Early Soviet State Legality and Persecution", Z. Gitelman, and Y. Ro'i, (eds.). *Revolution, Repression and Revival*. Lanham, 2007, p. 37–68.

ז. גלילי, 'מרחב הפעולה של הציונים ברוסיה הסובייטית בשנות העשרים', עיונים בתקומת ישראל כרך 14, (2004), עמ' 479-508

[27] В. Гусев, «Сионистское движение в Советской Украине в первой половине 20-х гг. XX в.: архивы ОГПУ свидетельствуют» // *Российский сионизм: история и культура*: Материалы научной конференции. Москва, 2002, с. 265–277.

[28] А. Симонова, «Сионистское движение в Советской России в 20-е годы» // *Российский сионизм: история и культура*: Материалы научной конференции. Москва, 2002, с. 278–287.

[29] א. איתי, קורות השומר הצעיר בס.ס.ס.ר. - נוער צופי חלוצי-נצ"ח, ירושלים 1981

[30] א. רפאלי (צנציפר), פעמי הגאולה - ספר הציונות הרוסית מראשית "חיבת ציון" עד מהפכת 1917, תל-אביב תשי"ב; א. רפאלי (צנציפר), במאבק לגאולה- ספר הציונות הרוסית ממהפכת 1917 עד ימינו, תל-אביב תשט"ז

[31] ח. שמרוק, הקיבוץ היהודי וההתיישבות החקלאית היהודית בביילורוסיה הסובייטית (1918–1932), ירושלים תשכ"א

[32] י. לבבי, 'ציוני-דרך בהתיישבות החקלאית היהודית בברית-המועצות', בחינות 1 (תש"ל), עמ' 27-34

развил Йонатан Декель-Хен[33]. О еврейских сельскохозяйственных кооперативах досталинской эпохи в Беларуси писал Л. Смиловицкий[34].

Эволюцию еврейской культуры в СССР хорошо показал в своих трудах Дэвид Шнеер[35]. Анна Штерншис сосредоточила внимание на народной еврейской культуре в СССР в 1920-х и 1930-х гг.[36] Сюда же нужно отнести обзор Бера (Бориса) Котлермана[37]. Много нового привнес в раскрытие этой темы Кеннет Б. Мосс, изучавший подъем еврейской культуры в России с 1917 по 1921 г.[38]

Особую ценность представляют работы по освещению иудейской религиозной жизни в СССР, которая до сих пор до конца не изучена. Еще меньше работ написано о верующих евреях и их отношении к советской власти в БССР. Не останавливаясь на причинах этого, отметим, что исследователи давно делают попытки внести ясность в этот вопрос. Прежде всего, я имею в виду очерк Аарона Элиягу Гершуни о преследовании еврейской религии в СССР[39]. Элисса Бемпорад в своей монографии, посвященной еврейской традиции и жизни верующих в советском Минске до 1939 г., отмечает, что национальная идентичность у евреев претерпела значительные изменения, но не была утрачена полностью, что они сумели приспособиться к советскому режиму[40].

Исследования по истории советской школы на идише в СССР как отдельного феномена отличаются фрагментарностью. Я отмечу здесь исследование Элиаса Шульмана по истории образования на идише в СССР[41], а также исследования Цви Липста[42], Дворы Силин-Виноград[43], работы

---

[33] J. Dekel-Chen, *Farming the Red Land: Jewish Agricultural Colonization and Local Soviet Power, 1924–1941*. New Haven, 2005; Idem. “Jewish Agricultural Settlement in the Interwar Period: A Balance Sheet”, Z. Gitelman, and Y. Ro'i, (eds.) *Revolution, Repression and Revival*. Lanham, 2007, p. 69–90.

[34] L. Smilovitsky, “The Jewish Farmers in Belarus During the 1920s” // *Jewish Political Studies Review* 9, 1–2 (1997), p. 59–71.

[35] D. Shneer, *Yiddish and the Creation of Soviet Jewish Culture 1918–1930*. Cambridge, 2004.

[36] A. Shternshis, *Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939*. Bloomington and Indianapolis, 2006.

[37] ב. קוטלרמן, 'העולם התרבותי של יהודי ברית המועצות 1949–1919', א. זילצר ומ. שפרבר (עורכים), יהודי רוסיה במאה העשרים ב', רעננה תשע"ד, עמ' 7-205

[38] K.B. Moss, *Jewish renaissance in the Russian revolution*. Cambridge, 2009.

[39] א. גרשוני, יהדות ברוסיה הסובייטית – לקורות רדיפת הדת, ירושלים תשכ"א

[40] E. Bemporad, “Behavior Unbecoming a Communist: Jewish Religious Practice in Soviet Minsk” // *Jewish Social Studies: History, Culture, Society* 14, 2 (2008), p. 1–31.

[41] E. Schulman, *A History of Jewish Education in the Soviet Union*. New York, 1971.

[42] צ. ליפסט, 'בתי-הספר היהודיים בברית המועצות ושקיעתם', בחינות 1 (תש"ל), עמ' 59-69

Сильвии Фукс по изучению национального содержания в школе на языке идиш[44], Леонида Смиловицкого о советской школьной системе на идише в БССР в 1921–1941 гг.[45] и, наконец, Аркадия Зельцера и Вячеслава Селеменева о ликвидации школы на идише в советской Беларуси[46].

Эпоху межвоенных лет и отношение советского государства и коммунистической партии к еврейскому вопросу помогают понять обобщающие работы по истории становления советского общества и национальному строительству Терри Мартина[47], Шейлы Фитцпатрик[48], Андрея Артизова[49], Татьяны Горяевой[50], Натальи Лебиной[51] и некоторые другие.

Исследований, посвященных истории еврейской общины советского Гомеля и Гомельского округа, очень немного. До сих пор не написано ни одной книги, существуют только несколько научных статей, которые дополняют обзоры, очерки в популярных изданиях или периодической печати. Они отражают лишь определенные стороны или эпизоды жизни евреев и очень неравноценны по своему содержанию, уровню анализа и свободе выражения мысли. Исследования в советское время проводились в рамках марксистско-ленинской парадигмы. Они часто выдавали желаемое за действительное, умалчивали о неудобных примерах и фактах, трактовали события с точки зрения классовой борьбы и неизбежности торжества так называемой народной справедливости. Многие недостатки общественного развития советские историки представляли как пережитки прошлого. Выводы и обобщения были надуманными. Но самое главное — советские историки (как евреи, так и белорусы) рассматривали возможность решения национального вопроса только в рамках советского интер-

---

[43] ד. סילין-וינוגרד, 'קווים לדמותו של בית-הספר היהודי בברית-המועצות', בחינות 5 (תשל"ד), עמ' 97-109

[44] ס. פוקס, 'תכנים לאומיים בבית-הספר היסודי ביידיש בברית-המועצות', בחינות 8-9 (תש"ם), עמ' 89-112

[45] Л. Смиловицкий, «Школа на идиш в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921–1941 гг.» // *Новая еврейская школа* 11 (2002), с. 171–212.

[46] V. Selimenev, A. Zeltser, “The Liqudation of Yiddish Schools in Belorussia and Jewish Reaction” // *Jews in Eastern Europe* 1, 14 (2000), p. 11–74.

[47] T. Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. New York, 2001.

[48] S. Fitzpatrick, “Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia” // *Journal of Modern History* 65, 4 (1993), p. 745–770.

[49] А. Артизов, О. Наумов (ред.), *Власть и художественная интеллигенция 1917–1953*. Москва, 1999.

[50] Т. Горяева (сост.). *История советской политической цензуры*. Москва, 1997.

[51] Н. Лебина, *Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии 1920–1930*. Санкт-Петербург, 1999.

национализма. Таким примером, связанным с Гомельщиной, может служить эссе Исая Пульнера[52].

Наиболее исчерпывающим остается исследование Мордехая Альтшулера о суде над раввином Рафаилом-Мордехаем Барышанским, изданное более 45 лет назад[53]. Дипломная работа Бориса Тернопольского из Хайфского университета посвящена Гомельскому погрому 1903 г., но это событие выходит за хронологические рамки рассматриваемого периода[54].

После распада СССР и открытия большинства архивов на постсоветском пространстве у историков возникли принципиально новые возможности, что отразилось на содержании научных исследований. Появились работы, которые позволяют увидеть объективную историю жизни евреев в Беларуси, и в Гомеле в частности, накануне 1917 г. Прежде всего, я имею в виду труды Андрея Киштымова, Валентина Михедько, Владимира Райского и Татьяны Литвиновой[55].

Наибольший интерес представляют работы Юрия Глушкова о еврейских социалистических организациях в первой четверти XX в.[56], Галины Засинец о еврейском образовании в 1920-х гг.[57], Александра Лебедева и Виктора Пичукова о политике советской власти в отношении еврейской

---

[52] И. Пульнер, «Из жизни города Гомеля» // *Еврейские местечки в революции* (ред. В. Тан-Богораз). Москва — Ленинград, 1926, с. 157–196; Он же. «Из религиозного мира города Гомеля» // Там же, с. 197–219.

[53] M. Altshuler, “The Rabbi of Homel's trial in 1922”, Michael: on the History of the Jews in the Diaspora 6 (Tel-Aviv, 1980), p. 9–61.

[54] ב. טרנופולסקי, הפוגרום בהומל בשנת 1903: מקרה מבחן של היחסים בין יהודים לרוסים בתחום המושב, עבודת גמר לתואר מוסמך, אוניברסיטת חיפה 2007

[55] Г. Алексейченко, «Городское самоуправление и еврейская общественность г. Гомеля во второй половине XIX — начале XX вв.» // *Евреи в Гомеле; история и культура (конец XIX — начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Ред.: А. Л. Киштымов, В. А. Михедько, В. Я. Райский. Гомель, 2004, с. 54–60; А. Киштымов, «Место и роль предпринимателей-евреев в экономике Гомельщины на рубеже XIX–XX вв.» // Там же, с. 13–31; Т. Литвинова, «Еврейские дома на улицах Гомеля в конце XIX — начале XX веков» // Там же, с. 65–68.

[56] Ю. Глушаков, «Деятельность еврейских социалистических организаций в Гомеле в первой четверти XX в.» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков):* Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 69–81.

[57] Г. Засинец, «Еврейское советское образование на Гомельщине в 20-х годах XX века» // *Евреи Беларуси: история и культура* 6 (Минск, 2001), с. 165–171.

религии[58] и Натальи Миновой об антисемитизме в межэтнических отношениях[59], Андрея Замойского о социальном положении национальных меньшинств в Гомельском регионе[60] и о ситуации в еврейских местечках в Гомеле и округе в 1920–1930-е гг. Все указанные работы основаны на архивных материалах, которые ранее были недоступны исследователям. Однако анализ и выводы белорусских историков часто страдают от незнания авторами других языков, кроме русского и белорусского, еврейской истории, традиции и культуры и, конечно, идиша и иврита.

Материалом для моей книги послужили главным образом архивные документы, дополненные сведениями, почерпнутыми в научных и популярных изданиях, статистических сборниках, периодической печати. Метод сравнительного анализа позволил оценить достоверность документов, исторического примера и мемуаров. При работе с источниками и свидетельствами приходилось снижать эмоциональный фон, чтобы сохранить беспристрастный подход к изложению событий.

Собирая материал для книги, я посетил следующие архивы: Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО), Государственный архив Гомельской области (ГАГО), — в которых работал с документами в 2016 и 2018 гг., а также использовал материалы из личного архива д-ра Леонида Смиловицкого, любезно предоставленные им, которые включают документы Центрального архива КГБ Республики Беларусь в Минске и Архива управления КГБ по Гомельской области.

Среди архивов в Израиле, прежде всего, следует отметить Центральный сионистский архив (ЦСА), а также Центральный архив истории еврейского народа (ЦАИЕН) в Иерусалиме. Кроме того, в книге были использованы документы из семейных архивов иммигрантов и их потомков, выходцев из Юго-Восточной Беларуси, которые проживают в различных странах: Израиле, США, Канаде, Австралии, Германии и Польше. Наиболее значимые из этих архивов представлены на сайте JewishGen, где публикуются материалы для изучения еврейского наследия, а с 2003 г.

---

[58] А. Лебедев, В. Пичуков, «Политика советской власти в отношении иудейской религии на Гомельщине в 1920–1930-х гг.» // *Цайтшрифт* 7, 2 (2012), с. 28–35.

[59] Н. Минова, «Проблема антисемитизма в межнациональных отношениях на Гомельщине в 1920–30-е годы XX века» // *Евреи Беларуси: история и культура* 6 (2001), с. 152–164.

[60] А. Замойский, «К вопросу о социальном положении национальных меньшинств Гомельщины в 20-е гг.» // *Творчество молодых 98:* Сборник научных работ студентов и аспирантов Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Часть II. Гомель, 1998, с. 30–31.

JewishGen согласует свои действия с нью-йоркским Музеем еврейского наследия[61].

Архивные материалы в сочетании с монографическими исследованиями, научными и популярными изданиями, статистическими сборниками, периодической печатью и воспоминаниями современников позволили получить объективную картину прошлого, выявить особенности межвоенного периода, оценить поведение главных действующих лиц и вывести общие закономерности еврейской жизни в Юго-Восточной Беларуси на примере Гомеля.

Формирование советских архивных фондов в 1930-е гг. ограничивали известные обстоятельства: репрессии и преследования лишили советские учреждения образованных, подготовленных и компетентных сотрудников, которые могли грамотно вести делопроизводство, оформлять необходимую документацию для государственного аппарата и общественных организаций. Кроме того, контрольные органы коммунистической партии и службы государственной безопасности (ГПУ, ОГПУ, НКВД) не стремились оставлять письменные следы своих действий. Делопроизводство часто велось формально, опуская важные для историка подробности и детали событий, часто не упоминая участников. Многие еврейские учреждения, активно действовавшие в 1920-е гг., были распущены и упразднены (евсекция при ЦК КП(б)Б, органы судопроизводства, национальные сельские, местечковые и районные Советы, школы на идише), а оставшиеся потеряли свое влияние и значимость (еврейская секция Союза писателей БССР, еврейское отделение Института истории в Академии наук, ОЗЕТ и КомЗЕТ и др.). Архивы Беларуси пострадали от военных действий, пожаров и наводнений, также известно, что нацисты собирали архивы на оккупированной территории и вывозили их в Германию.

Большинство относящихся к истории евреев архивных материалов в Минске и Гомеле содержат сухие протоколы, отчеты и циркуляры (директивные указания) партийных и советских органов, которые относительно мало касаются повседневной жизни людей. Значительная часть этих документов, даже составленных еврейскими партийными и государственными организациями, были написаны по-русски, что объяснялось контролем над национальной сферой со стороны центральных и местных властей. На идише сохранилась преимущественно переписка некоторых работников-евреев между собой и частично материалы еврейских партий — «Бунда», «Поалей Цион», «Ха-шомер ха-цаир» и др.

Очень информативными оказались тематические обзоры политических настроений населения, периодически составлявшиеся по заданию службы государственной безопасности, отложившиеся в бывших партий-

[61] www.jewishgen.org

ных архивах. Кроме самих высказываний в них приведены сведения об авторах, включая национальность, возраст, место работы и должность. Это позволяет провести анализ по широкому кругу вопросов, замалчивавшихся советской печатью в 1920–1930-е гг. Остается невыясненным механизм сбора этих сведений: были они получены от «активных граждан» (добровольных помощников режима), под страхом ареста или из корыстных интересов. Однако не остается сомнений, что негласный контроль со стороны властей над самыми широкими слоями населения существовал постоянно, периодически усиливаясь в связи с проведением той ли иной идеологической кампании. При использовании подобных материалов (ОГПУ/НКВД/КГБ) приходилось постоянно учитывать их идеологическое клише, обвинительный уклон и негативную направленность против явных и мнимых врагов советской власти.

В отличие от архивных материалов, газеты и журналы дают более живой и разнообразный материал. Например, об отношении еврейского населения к религиозным праздникам, национальному образованию, соблюдению традиции, кашруту, синагоге, раввинам, еврейской истории, сионизму. Это особенно характерно для газет на идише, предназначенных для агитационного воздействия на традиционных евреев, плохо понимавших русский язык. Происходило разделение информации в соответствии с родным языком читателя. Например, большинство публикаций, обличавших негативные стереотипы по отношению к окружающему евреев населению и соблюдению еврейской традиции, публиковались на идише. И наоборот, материалы против бытовавших антиеврейских стереотипов и соблюдения православных праздников — на белорусском или русском языках. В контексте Гомеля и округи были широко использованы материалы на русском, белорусском и идише, опубликованные в газете «Полесская правда» и пришедшей ей на смену газете «Гомельская правда» (позже — «Гомельская праўда»).

В материалах на идише существовала бóльшая открытость, поскольку тексты были обращены к еврейскому читателю. Редакторы газет на русском или белорусском языках, наоборот, опасались резкого тона публикаций о негативных, с точки зрения властей, явлениях в еврейской среде, что могло способствовать росту антиеврейских настроений или восприниматься евреями как проявление антисемитизма.

Опубликованные материалы, сборники документов, монографии и научные статьи, периодическая печать и разнообразные справочные и энциклопедические издания[62] помогли мне получить представление об

[62] Ф. Брокгауз, А. Ефрон (ред.), *Еврейская энциклопедія*, т. 1–16. Санкт-Петербург, 1906–1913 (см. pdf https://runivers.ru/lib/book7069/); Г. Брановер, З. Вагнер (ред.). *Российская еврейская энциклопедия*, т. 1–7. Москва, 1994–2007

общих процессах советизации и оценке влияния этой политики на евреев. В дополнение к этому были использованы обширные сведения, почерпнутые из Сети.

Исследование выполнено в рамках региональной истории, уделяющей главное внимание жизни провинции и «маленькому человеку», с его заботами и трудностями, радостями и достижениями. Такой подход позволяет сопоставить события прошлого на уровне местечка, уезда и губернии, района, округа и области как в общегосударственном, так и в национальном контексте, показать, как политика центра воспринималась населением на местах и претворялась на практике. Понимание и анализ процессов советизации на местном (локальном) уровне возможны только в общем контексте еврейской истории в Советском Союзе, пережившем большевистскую революцию, последовавшие за ней гражданскую войну, еврейские погромы, эмиграцию, «военный коммунизм», «новую экономическую политику» (НЭП), сталинские пятилетки (1928–1932, 1933–1937 гг.), коллективизацию деревни, ускоренную индустриализацию, период Большого террора (так называемые «чистки») 1930-х гг.

Я вижу свою книгу как естественное продолжение уже испытанного метода региональной истории, апробированного моими старшими товарищами и коллегами. Прежде всего, я имею в виду исследования Михаэля Бейзера из Еврейского университета в Иерусалиме о еврейской общине Петербурга-Петрограда-Ленинграда между двумя мировыми войнами[63], Аркадия Зельцера о евреях Витебска[64], Леонида Смиловицкого о евреях приграничного города Туров в Полесье[65], Альберта Кагановича о еврейской общине в Речице[66] и Элиссы Бемпорад о евреях в Минске[67].

(см. http://www.rujen.ru); А. Авнер, Х. Бернарт, Н. Прат (ред.), *Краткая еврейская энциклопедия*, т. 1–11. Иерусалим, 1976–2005 (см. https://eleven.co.il/); А. Фіадосау, Г. Пашклоу (ред.), *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*, т. 1–6. Мінск, 1993–2004; А. Фіадосау, Г. Пашклоу, І. Шамякін (ред.), *Беларуская энцыклапедыя*, т. 1–18. Мінск, 1996–2004; C. Roth, G. Wigoder, (eds.) *Encyclopaedia Judaica*, vol. 1–22. Jerusalem, 1971–2006; S. Spector (ed.) *Encyclopaedia of Jewish Life Before and During the Holocaust,* vol. 1–3. New York — Jerusalem, 2001.

ד. תדהר (עורך), האנציקלופדיה לחלוצי היישוב ובוניו, כרכים א'-י"ט, תל-אביב תש"ז – תשל"א (גרסת מרשתת/ http://www.tidhar.tourolib.org)

[63] מ. בייזר, יהודי לנינגרד 1917-1939, ירושלים תשס"ה

[64] А. Зельцер, *Евреи советской провинции: Витебск и местечки. 1917–1941*. Москва, 2006.

[65] Л. Смиловицкий, *Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья*. Иерусалим, 2008.

[66] A. Kaganovitch, *The Long Life and Swift Death of Jewish Rechitsa: A Community in Belarus, 1625–2000*. Wisconsin, 2013.

[67] E. Bemporad, *Becoming Soviet Jews — The Bolshevik Experiment in Minsk*. Bloomington, 2013.

Я надеюсь, что моя книга поможет лучше понять феномен еврейской жизни в Беларуси и в Советском Союзе в целом, правильно оценить сложные и противоречивые процессы, происходившие на территории республики в XX в., которые изменили наш мир до неузнаваемости. Правдивая история — это необходимое условие для того, чтобы не только оценить путь, пройденный нашими родителями, дедами и прадедами, но и избежать повторения ошибок прошлого.

Глава первая
Евреи в Гомеле до 1917 г.

Считается, что евреи достигли Гомеля уже во времена Киевской Руси, но, скорее всего, это произошло в период господства Великого княжества Литовского (ВКЛ). С этого момента упоминания о евреях можно найти в различных документах XV в. Кроме этого, сведения о Гомеле приводятся в исторической хронике Натана Неты Ганновера «Явен мецула»[1], посвященной погромам во время казацкого восстания Хмельницкого в 1648 г. В этой книге обращает на себя внимание рассказ Меира Бен-Шмуэля из Шбершина о массовом отказе гомельских евреев креститься для спасения своих жизней при нападении казаков, которые осаждали город, и смерти после этого отказа: «*В святой общине Гомие погибло несколько тысяч человек ради освящения имени Всевышнего*»[2]. В определенном смысле это событие стало точкой отсчета для гомельских евреев. Весной 1649 г. войска Хмельницкого под командованием полковника Небабы захватили Гомель и убили католиков (поляков), а также около 1 500 евреев, которые отказались принять православную веру[3].

Демография

Самые первые сведения о численности евреев в Гомеле относятся к первой половине XVII в. (1640-е гг.) — тогда здесь проживало около 2 000 евреев. После восстания Хмельницкого (1648–1654 гг.) численность еврейской общины резко сократилась. В начале второй половины XVIII в. (1765 г.) в Гомеле было всего 658 евреев. Около ста лет спустя, в

---

[1] G. Bacon, "'The House of Hannover': Gezeirot Tah in Modern Jewish Historical Writing" // *Jewish History* 17, 2 (2003), p. 179–206.

[2] נ"נ הנובר, ספר יון מצולה: גזירות ת"ח ות"ט, תל-אביב תש"ה, עמ' 57

[3] Ф. Жудро, И. Сербовъ, Д. Добгялло, *Городъ Гомель (Могилевской губ.): Географическо-статистический очерк — отдельный оттиск из «Записок Северо-Западного отдела Императорского Русского Географического общества»*, Кн. 2 (300). Вильно, 1911, с. 17.

1847 г., — 2 400 евреев, в 1863 г. — 6 518 евреев, в 1881 г. — 10 700 евреев, в 1893 г. — 14 472 еврея, в 1897 г. — 20 385 евреев, что составило около 55% всех жителей города; в 1899 г. — 24 981 (56,3%), в 1905 г. — 26 614, в 1910 г. — 30 708, в 1911 г. — 46 435 (48,3%), в 1912 г. — 57 810[4]. Причиной устойчивой динамики увеличения численности еврейского населения стали естественный прирост как результат традиционно высокой рождаемости у евреев и миграция еврейского населения в экономический и промышленный центр. Железнодорожный узел Либаво-Роменской и Полесской железных дорог[5] в Гомеле значительно способствовал развитию в нем промышленности и торговли. На рост численности населения также повлияло изгнание еврейского населения из Москвы в 1891–1892 гг.[6] Накануне Первой мировой войны евреи в Гомеле составляли около половины его населения, причем доля евреев по-прежнему отличалась быстрым и существенным приростом.

Традиционная жизнь

Большинство еврейского населения Гомеля придерживалось традиционного образа жизни. Это свидетельствовало о том, что главные устои, на которых основывались нравственные, духовные, культурные и экономические отношения в общине, оставались незыблемыми.

Иудейская традиция оказывала определяющее влияние на весь ход повседневной жизни. В Гомеле до 1917 г. существовало три религиозных центра, которые притягивали к себе большинство еврейского населения города: 1) митнагдим — литваки, 2) хасиды (в основном движение Хабад), 3) учащиеся ешивы «Мусар» под руководством Йоэля Горовица, которые переехали в Гомель во время Первой мировой войны из Новогрудка. Религиозные учреждения включали в себя ешивы, хедеры и около 30 синагог. Во время традиционных еврейских праздников город менял свое лицо —

[4] Демографические данные взяты из исследований по демографии и этнографии польского исследователя Петра Эберхардта. П. Эбэрхардт, *Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989*. Мінск, 1997.

[5] Либаво-Роменская железная дорога — железнодорожная линия, которая соединяла порты на Балтике (Либау, или Лиепая — в сегодняшней Латвии) с левобережной Украиной (по вектору север-юг). Проходила через Гомель с 1873 г. См. «Либаво-Роменская железная дорога»: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, т. XVIIа. Санкт-Петербург, 1896, с. 629; Полесская железная дорога строилась с 1882 по 1907 г. (по вектору запад-восток). Проходила через Гомель с 1887 г. См. *Обзор деятельности Министерства путей сообщения за время царствования императора Александра III*. Санкт-Петербург, 1902, с. 32.

[6] Об историческом эпизоде изгнания еврейского населения из Москвы в 1891 г. см. D. Gutwein, “The Politics of Jewish Solidarity: Anglo-Jewish Diplomacy and the Moscow Expulsion of April 1891” // *Jewish History* 5, 2 (Fall, 1991), p. 23–45.

магазины закрывались, по утрам верующие заполняли синагоги, а днем они выходили на улицы. Праздники помогали евреям почувствовать национальное единство, общую судьбу, демонстрировали сплоченность народа, сохранение и передачу традиций следующим поколениям. Смысл и философию религиозных праздников вместе с взрослыми постигали дети. Они помогали родителям готовить угощения и вместе с ними распевали праздничные песни. Ставить хупу, делать обрезание, соблюдать кашрут было повсеместным явлением. По пятницам в домах проводили генеральную уборку, пекли халы, а вечером зажигали свечи и ели цимес[7].

На духовное развитие и мировоззрение гомельских евреев значительное влияние оказали хасидизм, особенно хасидизм движения Хабад, и литовско-митнагедское направление, которые являлись антиподами друг друга. Среди гомельских раввинов были фигуры, чьи имена стали известными далеко за пределами Гомеля, такие как Исаак Айзик ха-Леви Эпштейн[8] (Хабад) и Авраам Эльяшив[9] (митнагедское движение). Другими раввинами, которые служили в Гомеле, были Зелик Зак (в 1880-е гг.), Менахем Лейб Левин и Рафаил-Мордехай Барышанский (религиозный сионизм). Российская империя учредила институт казенного раввина, эту функцию в Гомеле исполнял раввин Меир Майянц.

Во время владения Гомельским староством графом Петром Румянцевым-Задунайским в Гомеле наряду с другими молитвенными еврейскими домами была построена Большая каменная синагога. Известно, что в 1863 г. в городе имелось девять синагог, а в 1897 г. уже 26 синагог. В Гомеле получил распространение «исправленный» хедер, в котором изучение традиционных еврейских религиозных предметов, включавших в себя основы Торы и других связанных с ней знаний, совмещалось с преподаванием иврита и светских наук. «Исправленный» хедер считался успешным заведением, и еврейские учителя и представители общественности прихо-

---

[7] В. Пичуков (сост.). *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 151–152.

[8] Исаак Айзик ха-Леви Эпштейн (также известный как раввин Исаак Гомлер; 1780–1857) был раввином Гомеля и главой ешивы в первой половине и начале второй половины XIX в., приверженец движения Хабад в первом поколении движения (последователи раввина Шнеура Залмана из Ляд); его внук, Цви Лутакер, служил раввином в Гомеле после кончины Эпштейна, а правнук Лутакера стал израильским художником — Одед Лутакер. Еще об Эпштейне см.
ש. בארמען, 'תולדות יצחק', בתוך: י. סובלסקי (עורך), כנסת גדולה: ספר עם, א', ורשה תר"ן, עמ' 18-22

[9] Авраам Левинсон (1877–1942) родился в Шауляе (сегодня — Литва), во время Первой мировой войны переехал в Гомель, где служил раввином и был также известен как «Дер Гомлер рав»; репатриировался в Эрец-Исраэль в 1924 г., основал «Тиферет бахурим» — бейт-мидраш, представитель литовско-митнагедского течения.

дили, чтобы перенять практику этого учреждения. В начале XX в. интерес к политической жизни на еврейской улице в Гомеле заметно возрос. Этому способствовали глобальные перемены в общественном и экономическом развитии империи и так называемого Северо-Западного края, в который входила Могилевская губерния (частью которой были Гомель и Гомельский уезд). Традиционный уклад еврейской жизни переживал кризис: перенаселение местечек заставляло людей покидать родные места в поисках работы в отдалении от дома, чтобы кормить свои семьи, что нарушало вековую изолированность евреев, замкнутость в пределах местечка и вынуждало искать выход из положения. Приспособиться к новым нормам жизни становилось все труднее. Государственная, национальная и религиозная дискриминация евреев в условиях царского самодержавия толкала их на крайние меры. Большинство еврейской молодежи видело выход из тупика в эмиграции, ассимиляции или революции. Еврейская политическая жизнь развивалась одновременно в разных направлениях, главными из которых были сионистское и социалистическое.

Социальный аспект

В 1891 г. численность еврейской общины в Гомеле резко выросла за счет принудительной депортации евреев из Москвы и Санкт-Петербурга в черту оседлости. Это произошло в связи с ужесточением антисемитской политики правительства Александра III, направленной на соблюдение черты оседлости. Основной причиной стало стремление московских властей, возглавляемых великим князем Сергеем Александровичем, «очистить» город от еврейского населения, начав с ремесленников и мелких торговцев. Многие из выселенных столичных евреев внесли значительный вклад в развитие торговли, финансовой системы и промышленности в городе. Они скупили в Гомеле помещения, которые превратили в коммерческие предприятия и доходные дома, сдавая их в аренду. Некоторые из этих зданий до сих пор сохранились и используются под государственные учреждения, частные компании и элитное жилье[10].

Евреи компактно расселились по всему Гомелю, создавая жилые кварталы, которые назывались «Америка», «Кавказ» и «Кагальный ров».

В 1897 г. занятия евреев Гомеля и его округи представляли собой следующую картину[11]:

---

[10] См. Т. Литвинова, «Еврейские дома на улицах Гомеля в конце XIX — начале XX веков» // *Евреи в Гомеле; история и культура (конец XIX — начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 65–68.

[11] Н. Тройницкий (ред.), *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.*, т. XXIII, *Могилевская губерния*. СПб, 1903 г., с. 202–205.

Таблица 1

Занятость еврейского населения Гомеля и Гомельского уезда (по данным переписи 1897 г.)

Род занятий	Гомель	Гомельский уезд
Административная деятельность	—	1
Общественная (государственная) служба	6	5
Частная юридическая деятельность	4	1
Воинская служба	136	3
Богослужение	13	7
Обслуживание религиозных учреждений	45	38
Педагогическая деятельность	210	115
Научная деятельность и в сфере культуры	23	—
Врачебная деятельность	60	14
Земледельческая занятость	89	58
Кустарничество, ремесло и производство	2 264	1 155
Транспорт	252	82
Почта, телеграф, телефон	94	—
Торговая и финансовая деятельность	2 040	861
Неопределенная занятость	175	78
Другое	1 569	877
Всего	**6 980**	**3 295**

Примечание: К данным, приведенным в таблице, нужно добавить еще 8 714 членов семей в Гомельском уезде и 13 376 членов семей в Гомеле.

Из данных табл. 1 следует, что большинство еврейского населения в Гомеле и округе были заняты кустарным производством, ремеслами и в промышленности, а также в разных сферах торговли и финансов. Эти сведения совпадают с итогами, выраженными в процентах по всей Беларуси, как показано в табл. 2[12]:

Таблица 2

Занятость еврейского населения Беларуси (по данным переписи 1897 г.)

Род занятий	**Число,** *%*
Рабочие и ремесленники	34,6
Мелкие торговцы	43,1
Крестьяне	3,8
Лица свободных профессий	6,3
Бедняки	10
Неопределенные занятия	15

Учитывая, что отмеченные тенденции сферы занятости еврейского населения сохранялись до революций 1917 г., табл. 1 в большей степени отражает ситуацию, в которой гомельские евреи встретили конец XIX в. В это время большинство частных предприятий Гомеля принадлежали евреям, которым царское правительство закрыло доступ к государственной службе. Ввиду этого евреи использовали накопленный капитал и знания для предпринимательской деятельности. Деловая хватка и финансовые возможности позволили им быстро проявить себя в ходе начавшихся экономических реформ в Российской империи в последней четверти XIX в. В Гомеле появились современные лесоперерабатывающие предприятия В. Левитана и В. Бройтмана, металлообрабатывающие заводы Агроскина, Р. Довинского и М. Фрумкина, мельница З. Певзнера, маслоперерабатывающие заводы А. Школьникова и М. Шевелева. Спичечная фабрика «Везувий» была арендована М. Виттенбергом и А. Задунайским.

[12] В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (1920–30-е годы XX века)*. Вып. 1. Гомель, 1999, с. 87.

Типографиями владели Лейбик Захарин и Шолом Соскин, а позднее, к концу XIX в., также Артур Малев и Залман Казовский. Фотоателье принадлежали Аарону Гопману, Шевелю и Иегуде Немченко, книжные магазины — Гиршу Романовскому, Аарону Эпштейну, Аврааму Гальтману и Самуилу Лурье.

Евреи играли важную роль в банковской сфере города. С 1897 г. кредитную компанию в Гомеле возглавлял Самуил Логинов, а три года спустя Шевель Быховский и Михаил Поляков, председателем правления компании с 1906 г. был Маркус Каган. Отделениями банка управляли тоже евреи. Отделение минского Коммерческого банка возглавлял Боаз Гинзбург, филиал Коммерческого банка «Орел» Исаак Браун, филиал Северного банка Берка Пудиков, филиал Объединенного банка Семен Выготский. В городе также действовала коммерческая кредитная компания под руководством Фишеля Добкина[13].

В условиях экономического подъема выяснилось, что традиционное образование уже не отвечает запросам времени. Евреи должны были «вписаться» в бурно меняющуюся окружавшую их жизнь, к этому вынуждала как конкуренция с «гоями» (неевреями), так и современные нравы и приоритеты. К этому следует добавить и искушение ассимиляции, которую продвигали руководящие круги царской империи[14]. Здесь назревал конфликт между сторонниками еврейской ортодоксальной общины и еврейской буржуазией, для которой заповеди старой жизни становились преградой. Выход гомельские евреи пытались найти в изменении системы профессионального образования, приспособленного к потребностям современной жизни. Это касалось как гуманитарных, так и естественных наук. С 1860 г. в Гомеле действовала государственная профессиональная еврейская школа первой степени. В 1889 г. в ней училось 78 еврейских мальчиков, в 1902 г. — 120 мальчиков и в 1905 г. — 150 мальчиков. Для сравнения в талмуд-торе (которая была эквивалентом своего рода средней школы с традиционными учебными программами) учились 120 мальчиков.

В 1907 г. число учащихся в профессионально-техническом училище Гомеля достигло 200 мальчиков, в то время как в талмуд-торе было

---

[13] А. Киштымов, «Место и роль предпринимателей-евреев в экономике Гомельщины на рубеже XIX–XX вв.» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 13–31; Н. Егорова, «Роль еврейского населения в экономике Гомельщины (вторая половина XIX — начало XX вв.» // Там же, с. 32–37.

[14] В. Гимбут, «Политика царского самодержавия в области еврейского образования в XIX — начале XX вв.» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 37–45.

152 мальчика. В 1886 г. в городе открыли профессиональную школу для девочек, которой стала руководить Анна Сыркина. Обучение продолжалось в течение четырех лет, число учениц в школе достигло 360. В 1907 г. ее дополнила частная гимназия для мальчиков под руководством Аркадия Ратнера — четвертая частная еврейская мужская гимназия в Российской империи. Она располагалась в историческом центре города на углу улиц Румянцевской и Александровской и предоставляла образование в соответствии с правилами и учебными программами министерства народного просвещения. В 1911 г. в гимназии Ратнера насчитывалось 255 учеников и 27 учителей. При этом гомельские евреи не пренебрегали традиционным образованием. Многие родители продолжали отправлять своих детей в хедер. В 1910 г. в Гомеле работало 45 хедеров, которые посещали 662 учащихся[15].

Большие перемены произошли в области культуры. С 1908 по 1914 гг. в городе действовала театрально-музыкальная компания, которая объединяла 240 чел. Театральные представления шли под руководством М.А. Марголина, еврейским хором, который с успехом выступал на многих культурных вечерах, руководил Н.В. Эрлих (40 чел.).

Евреи сказали свое слово в области охраны здоровья. Они освоили почти все направления практической медицины и работали хирургами, терапевтами, логопедами, гинекологами, офтальмологами, ортопедами, зубными врачами и т. д., а также фармацевтами. Популярность медицинской профессии приносила не только уважение и материальный достаток, но и позволяла жить вне черты оседлости. Авторитет еврейских врачей считался очень высоким, поскольку процентная норма заставляла идти в медицину лучших из лучших, а для получения медицинского высшего образования многие евреи стремились выехать за границу. В 1897 г. в Гомеле было основано «Городское медицинское общество», первое учреждение такого рода в Могилевской губернии, примечательно, что среди 21 учредителя Общества насчитывалось 12 евреев[16].

Российское государство преследовало свои цели, поддерживая эмансипацию евреев, чтобы скорее нарушить замкнутость еврейского мира, сделать его подконтрольным и послушным (заставить платить налоги, служить в армии и т. д.). Эти цели государства совпадали с требованиями времени. Кроме этого, эмансипация также преследовала политические цели — стремление повысить уровень жизни отвлекало евреев от революционных настроений и серьезно помогало решить проблему трудоустройства.

---

[15] Ф. Жудро, И. Сербовъ, Д. Добгялло, Указ. соч., с. 32.

[16] ЦГИАЛ., ф. 1284, д. 428, лл. 1, 9.

Евреи вызывали перемены в области социальной политики. Кричащее противоречие возникало между теми, кто имел образование, и теми, у кого его не было, кто занимался физическим или умственным трудом, и это разрывало общину изнутри. Спутником экономического прогресса стало имущественное расслоение, контраст между бедностью большинства и материальным успехом меньшинства, что сильно беспокоило руководителей общины. Это угрожало общественному равновесию и ростом симпатий к революционерам всех направлений, призывавшим к насильственному переустройству мира.

Еврейские филантропы пытались снять социальное напряжение, обеспечить себе поддержку в еврейской среде и поддержать государственную стабильность, чтобы препятствовать росту революционных настроений в обществе. В 1897 г. было создано «Еврейское общество помощи нуждающимся» сначала под руководством Григория Брука, затем (с 1906 г.) под руководством врача Зеэва (Вульфа) Захарина, а позднее (с 1910 г.) — врача Нахума Александрова. Общество содержало дешевую столовую, оказывало медицинскую помощь, имело талмуд-тору и предоставляло беспроцентные кредиты. Накануне Первой мировой войны в Гомеле действовали организации профессиональной помощи, объединявшие сапожников и портных, подавляющее большинство которых были евреи.

Политический аспект

В начале XX в. Гомель стал одним из центров рабочего движения. В результате растущего правового и социального неравенства революционные идеи стали быстро завоевывать популярность среди еврейского населения города. С 1893 по 1895 г. в Гомеле возник первый кружок самообразования из 50 рабочих и ремесленников под руководством А. Полака. В 1895 г. сформировалась социал-демократическая группа, подавляющее большинство в которой составляли евреи. В 1898 г. был создан Гомельский союз борьбы за освобождение рабочего класса как отделение Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В 1900 и 1901 гг. в городе выходила газета “Der Kampf” («Борьба»). В 1900 г. власти провели первые аресты социал-демократов в Гомеле. «Бунд» руководил забастовками рабочих спичечной фабрики «Везувий» в 1901 г. и кустарей в следующем году (1902 г.).

«Бунд» имел сложные отношения с социал-демократами. Принципиальные разногласия сторон заключались в том, что «Бунд» добивался права отстаивать интересы исключительно еврейского пролетариата и трудящихся евреев, занятых наемным трудом, тогда как в РСДРП придерживались наднационального подхода. Бундовцы считали, что евреи сами долж-

ны о себе позаботиться, а не быть попутчиками в революции. Они опасались монополии в рабочем движении, которой добивались «русские товарищи», что впоследствии и произошло. В РСДРП настаивали, что национальные права рабочих только ослабляют общее пролетарское единство и мешают борьбе с капиталом и российским самодержавием.

Состоятельные евреи старались повлиять на общественную жизнь Гомеля. На первых городских выборах в 1876 г. они получили 22 места в городском Совете, что составило треть всех избранных депутатов. В течение 1880-х гг. еврейские представители участвовали в управлении Гомелем, затрагивая многие стороны городской жизни. Среди этих активистов были Моше Майянц, Залман Утевский, Берка Цейтлин и Цадик Нахамкин.

Политика царской администрации была направлена на ограничение участия евреев в российской государственной системе[17]. Для этого в начале 1890-х гг. квоту для представителей евреев в органах местного самоуправления ограничили 10%. В результате их количество резко сократилось, и с 1902 по 1906 гг. был только один еврейский депутат в городской думе, а в следующей думе (1906–1914 гг.) — всего два. Это явно не соответствовало сложившейся пропорции в национальном составе жителей города, поскольку евреи в Гомеле в 1912 г. насчитывали около 57 500 чел. из 102 000 чел. всех жителей. Несмотря на искусственные ограничения и откровенную национальную дискриминацию, евреи старались оказывать влияние на все стороны городской жизни. Большую активность при этом проявляли депутаты городской думы Гомеля К. Фейгинберг и Ю. Шикер[18].

Внешний вид города и особенно его окраины напоминали сельскую местность: одноэтажная жилая застройка, огороды и сады, отсутствие тротуаров, неразвитая система канализации и водопровода, наконец, домашние животные, свободно бродящие по улицам города, сами улицы, покрытые грязью, которая создает что-то вроде болота, когда она смешивается с лужами после дождя или таяния снега.

---

[17] Подробное описание изменений в политике царского режима по отношению к евреям — подданным Российской империи см. Z. Gittelman, *A. Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present*. Bloomington, 2001, p. 1–58.

א. לוריא (עורך), תולדות יהודי רוסיה, מחלוקות פולין עד נפילת הקיסרות הרוסית, 1772-1917, ירושלים תשע"ב

[18] Г. Алексейченко, «Городское самоуправление и еврейская общественность г. Гомеля во второй половине XIX — начале XX вв.» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 54–60.

Семьи гомельских евреев были многодетными. Количество детей колебалось от одного ребенка до восьми детей в семье. Средний возраст вступления в брак составлял 24–25 лет для мужчин и 22 года для женщин.

По мере развития города в сторону современной европейской урбанизации изменялись потребности и привычки местных жителей. Вошли в обиход современные товары и продукты, привычными стали такие виды отдыха, как прогулки по зеленым зонам и улицам города, катание на лодках по реке Сож и многое другое. Очень популярным занятием оставалось чтение, поэтому успехом пользовалась библиотека «Общества по распространению просвещения среди евреев в России» (ОПЕ), где традиционно запрашивали литературу на иврите и идише, но также и на русском, польском и немецком языках, что отражало определенную перемену нравов в еврейской среде, ведь если в прошлом еврейского читателя привлекала только религиозная литература, то в начале XX в. интерес вызывала также нерелигиозная литература как на общие, так и на еврейские бытовые и светские темы.

Еврейское население жадно читало периодическую печать, общероссийскую и городскую, это были газеты «Цайт», «Хайнт» (на идише), «Ха-зман», «Ха-цфира» (на иврите), а также газеты на русском языке: «Полесская мысль», «Гомельская мысль» и «Гомельская копейка», в которых освещались как еврейские темы, так и общие городские новости[19].

На повседневную жизнь евреев в Гомеле повлияли рост города, увеличение численности его населения за счет притока выходцев из окрестных местечек и сел, как евреев, так и белорусов, в поисках лучших условий труда, жизни и образования, при этом большая часть гомельских евреев сохраняла верность национальной традиции[20].

Отношения с неевреями

Гомель в начале XX в. оставался местом соприкосновения еврейского и нееврейского мира. От взаимного понимания, добрососедских отношений, делового сотрудничества, веротерпимости зависело очень многое. Межнациональный диалог являлся насущной потребностью, а не знаком доброй воли. Российские власти были заинтересованы в поддержании баланса между евреями и неевреями для обеспечения общественного

[19] У. Конан, Газета «Гомельская копейка», Г. Пашкоў (гл. рэд.) // *Беларуская энцыклапэдыя*, т. 3. Мінск, 1996, с. 71.

[20] О. Ященко, «Повседневная жизнь еврейского населения Гомеля в начале XX века» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX веков):* Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 61–64.

спокойствия. Однако, если требовалось нарушить это единство, агенты охранного отделения жандармского управления Гомеля с готовностью могли это сделать. Радикалов по обе стороны было достаточно.

Евреи могли сохранять автономное существование только в рамках, разрешенных режимом. Прежде всего это касалось традиционной системы образования, религии, благотворительности, медицины. Ускорение процессов урбанизации рождало новые связи между еврейскими и нееврейскими жителями — иногда в форме сотрудничества, взаимного влияния и поддержки, а иногда в виде ссор и стычек. Наиболее драматические события вошли в историю как Гомельский погром. В 1903 г., между 29 августа и 1 сентября, в Гомеле произошел погром, в котором убили десять евреев, многих ранили, повредили и разграбили немало еврейского имущества. Однако восемь зачинщиков беспорядков также были убиты, так как впервые в Российской империи евреи применили активную самооборону. Здесь нет необходимости детально описывать это событие, по поводу которого уже проведено тщательное исследование, рассматривающее его с разных сторон[21]. Погром шокировал еврейское общественное мнение как в самой Российской империи, так и за рубежом[22]. События в Гомеле ускорили еврейскую эмиграцию, которая составила основу так называемой второй алии в Палестину (1904–1914 гг.)[23].

В годы Первой мировой войны

К 1914 г. Гомель превратился в хозяйственный центр Северо-Западного края Российской империи. Главная роль принадлежала промышленным предприятиям и мастерским Либаво-Роменской железной дороги, важнейшей транспортной артерии Российской империи, которая соединяла порты на Балтийском море с Левобережной Украиной.

---

[21] В. Мехедько, «Гомельский погром 1903 года — этнический конфликт или гражданская война?» // *Евреи Беларуси* 3–4 (1998), с. 35–48; В. Райский, Как это было (Гомель, 29 августа и 1–2 сентября 1903 г.) // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 91–97.

[22] Я. Басин, «“Второй Кишинев” и общественная мысль России начала XX в. (К 100-летию Гомельского погрома)» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 97–105.

[23] Э. Иоффе, «Активисты еврейской самообороны из Гомеля в Палестине (начало XX в.)» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX веков)*: Сб. материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 106–113.

Значение Гомеля в общегосударственном масштабе выросло с началом Первой мировой войны. В городе расположили тыл Варшавского военного округа, открыли восемь военных госпиталей, а также узел военных транспортных коммуникаций и эвакуации гражданских лиц с линии фронта. Предприятия Гомеля выполняли оборонные заказы, обеспечивая армию всем необходимым. В 1916 г. на фабриках работало около 25 000 рабочих, включая предприятия, эвакуированные из зон боевых действий. Госпитали оказывали медицинскую помощь раненым и больным военнослужащим, городская администрация участвовала в приеме и обустройстве многих тысяч беженцев из западных провинций, ставших ареной военных действий. Гомель служил убежищем для евреев, их ешив и раввинов. Одной из них стала ешива «Мусар» из Новогрудка во главе с раввином Йоэлем Горовицем, которая переехала в 1915 г. в Гомель.

Скопление в городе большого числа армейских частей, затяжной характер военных действий, неудачи на фронте, нежелание воевать среди общей солдатской массы создавали атмосферу протеста против бессмысленной войны. В течение 1915 и 1916 гг. в Гомеле были отмечены случаи неподчинения властям и восстания в воинских частях, отправляющихся на фронт, которые часто сопровождались демонстрациями и даже служили платформой для антиправительственных волнений, а в октябре 1916 г. произошел крупномасштабный военный бунт мобилизованных солдат. Все это оказало прямое влияние на еврейскую общину города, которая помимо своей воли была вовлечена в эти события.

К началу 1917 г. в Гомеле и его пригороде Новобелице проживало более 69 000 евреев, что составляло более половины населения города[24]. Евреи были заняты практически во всех отраслях городского хозяйства, особенно много в розничной и оптовой торговле, в финансовой сфере, в свободных профессиях. Это были юристы, врачи, архитекторы, художники, писатели, переводчики или фотографы. Значительная часть евреев оставалась ремесленниками-кустарями. Одни из них имели небольшие мастерские по месту жительства и справлялись самостоятельно, а другие нанимали одного или двух подмастерьев или стажеров. Для поддержки мелких производителей в Гомеле открылся Банк ремесленников Либермана и доктора Брука[25]. На большинстве фабрик и заводов, принадлежавших евреям, были заняты рабочие-евреи: завод по обработке тяжелых металлов, каркасные мастерские, спичечная фабрика «Везувий», швейные и обувные мастерские, фабрика по производству кистей, фабрика «Полеспе-

[24] *Бюллетень Гомельского губернского статистического бюро*, 1923, № 1, с. 15.

[25] ГАГО, ф. 1442, оп. 1, д. 2, л. 29.

чать» и др. В дополнение к этому евреи были заняты в системе традиционного религиозного образования, социальной опеки и в синагогах[26].

Общественная жизнь в Гомеле отличалась разнообразием, существуя за счет благотворительности. Возникли многочисленные политические партии, организации, движения, каждое из которых заявляло о себе с помощью собственного печатного издания. Одни из них закрывались так же быстро, как появлялись, а другие держались немного дольше. Неугодные газеты и журналы городские власти штрафовали и запрещали, но спрос на печатное слово как единственный источник информации продолжал расти, поскольку люди не собирались оставаться в неведении и нуждались в новостях.

Среди газет и журналов, выходивших в эти годы, нужно отметить «Полесскую мысль», «Полесье», «Полесскую жизнь», которые придерживались общественно-политического и радикально-либерального направления, а также «Гомельскую копейку», определяющую себя как «прогрессивную» и ориентированную в основном на еврейское население. Им противостояли «Белорусский голос» (1910 г., общественно-политическая и литературная газета, выполнявшая роль рупора «Союза русского народа»), «Гомельское слово» (1911–1912 гг., газета консервативного направления монархического толка)[27].

Периодическая печать в Гомеле сыграла огромную роль в формировании гражданского самосознания среди еврейского населения.

Еврейская улица бурно реагировала на события общероссийского масштаба. Национальные партии и движения, апеллировавшие к населению под лозунгами защиты гражданской свободы и социальной справедливости, отличались разнообразием. Историк Игорь Пушкин делит партийно-политические организации Беларуси среди еврейского населения на три основных типа:

— сторонники большевистской революции и советской власти, допускавшие сотрудничество: «Поалей Цион», «Бунд», Еврейская коммунистическая партия (ЕКП), молодежные организации «Югенд Бунд» и Евкомол (Еврейская коммунистическая молодежь);

— оставшиеся на национально-демократических позициях: «Народная партия», «Цеирей Цион», организация сионистской молодежи (ОСМ), «Гехалуц», «Маккаби»;

[26] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1569, л. 107.

[27] *Газеты дореволюционной России — 1703–1917*: Каталог. Санкт-Петербург, 2007, с. 454.

— противники большевистского режима: социалистическая сионистская партия ЦС и ее молодежная организация — ЦС «Югенд Фарбанд»[28].

Эту классификацию можно принять с оговорками. Союз большевиков с партиями «Бунд» и «Поалей Цион» был для обеих сторон вынужденной временной мерой и прекратил свое существование вскоре после окончания гражданской войны.

Действия политических партий в провинции часто не согласовывались с их центральными органами в Москве или Петрограде по ряду причин. Прежде всего из-за удаленности периферии, отсутствия оперативной связи или ограниченности ее технических возможностей, а также из-за слабой внутрипартийной дисциплины, поэтому многие судьбоносные решения местные политические лидеры принимали самостоятельно.

К 1917 г. на еврейской улице сформировались три основные политические силы: сионисты, еврейские социал-демократы («Бунд») и религиозно-ортодоксально-консервативные круги.

Границы между этими группами не всегда были четко определены. Линией раздела или объединения чаще всего служили идеологические, религиозные установки или необходимость политических маневров и политических союзов. На выборах во Вторую государственную думу Российской империи (1907 г.) еврейской общественности удалось благодаря конструктивному сотрудничеству между различными партиями избрать двух еврейских кандидатов — С. Цейтлина, представлявшего «Бунд», и доктора Зеэва (Вульфа) Захарина из «Альянса за гражданское равенство для российских евреев»[29]. Другой пример: Авраам Брук, офтальмолог, будучи членом комитета Революционной социалистической партии Гомеля, также возглавлял «Еврейское иммиграционное общество», которое поддерживалось в основном более состоятельными слоями[30].

---

[28] І. Пушкін, *Нацыянальгыя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцце 20-я гады XX стагодзя*. Магілёу, 2004, с. 47–51.

[29] *Наша трибуна*, 10 (2.1907), с. 28. «Альянс за гражданское равенство для российских евреев» — организация, боровшаяся за интеграцию еврейского населения в Российскую империю на основе полного гражданского равенства, выступавшая против идеи национально-культурной автономии. Подробнее об этой группе см. A. Geifman, *Russia Under the Last Tsar: Opposition and Subversion, 1894–1917*. Malden, 1999, p. 68; B. Pinkus, *The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Soviet and East European studies*. Cambridge, 1988, p. 45; Z. Gitelman, *A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present*. Bloomington, 2001, p. 62.

[30] Ю. Глушаков, «Деятельность еврейских социалистических организаций в Гомеле в первой четверти XX в.» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004.

Революционные движения и организации

К 1917 г. на еврейской улице вырос авторитет социалистических еврейских движений. Они рассматривали идеи социализма как альтернативу царскому самодержавию, упорно отказывавшемуся от конституционной формы правления, гарантии гражданских свобод и равных прав для так называемых инородцев (национальных меньшинств). Сказывались и процесс эмансипации, рост образования и осведомленности в происходивших событиях общественной жизни, увеличение числа наемных работников, более эффективная пропаганда и ее влияние на различные слои еврейского населения.

«Бунд»

«Бунд» как социал-демократическая партия отстаивал национальные интересы еврейских трудящихся, действуя в Гомеле с самого начала своего существования (создан в Вильно в 1897 г., а в Гомеле он заявил о себе в 1900 г.). Он оказывал влияние на малообеспеченные слои еврейского населения Гомеля, главным образом рабочих, ремесленников-кустарей, малоимущих и обездоленных людей. В 1901 г. около 40% еврейских ремесленников в Гомеле принадлежали к «Бунду», что позволило этой организации провести свою первую демонстрацию.

Сионисты-социалисты

Зарождение сионистских идей в Гомеле произошло на заре XX в. Первые кружки, в которых собирались еврейские интеллектуалы, обсуждали идеи Теодора Герцля уже в 1901–1903 гг. Один из таких кружков возглавлял учитель иврита Рыжиков[31]. В первые годы существования социалистических еврейских движений четких границ между ними не было, и некоторые люди переходили из одного движения в другое, яркий пример тому известный писатель Йосеф Хаим Бреннер, который жил в Гомеле в 1897–1902 гг.[32] Со временем возникла необходимость более четко разграничить идейные позиции.

---

[31] Ю. Глушаков, «Деятельность еврейских социалистических организаций в Гомеле в первой четверти XX в.» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 69–81.

[32] О Й. Х. Бреннере см.:

ד. תדהר (עורך), האנציקלופדיה לחלוצי היישוב ובוניו, כרך ג', ישראל תש"ט, עמ' 1117

Накануне Февральской революции Гомель был уже сложившимся сионистским центром, который пользовался авторитетом в еврейской среде. Это видно по итогам муниципальных выборов в июле 1917 г. и выборов еврейской демократической общины в январе 1918 г. (см. гл. 2). Среди признанных сионистских лидеров в Гомеле был доктор Хавин, врач, который в дореволюционный период служил «казенным раввином». Главными приверженцами общего сионизма, его сторонниками и носителями идей в основном становились представители наиболее обеспеченных слоев еврейского населения — либеральная интеллигенция, торговцы и предприниматели, лица свободных профессий. У общего сионистского движения сложился имидж «стареющего» тела, поэтому молодые люди с большей охотой вливались в движение «Цеирей Цион», которое также разделяло социалистические идеи (хотя термин «социализм» они принимали с оговорками).

Религиозные сионисты

Определенной части еврейского населения Гомеля оставались ближе идеи религиозно-сионистского движения «Мизрахи», которое считало, что в основе сионизма должны лежать принципы религии и традиции. Доминирующей фигурой в движении «Мизрахи» в Гомеле был раввин Большой синагоги Рафаил-Мордехай Барышанский по прозвищу «Дер Геллер рав» («Рыжий раввин»). Сторонники «Мизрахи» в Гомеле принадлежали в основном к «простонародью» — мелким ремесленникам, торговцам, всякого рода посредникам и небогатым маклерам, людям, работающим по найму, с низким материальным достатком.

Общественные организации

Еврейские организации активно участвовали в общественной жизни города. Среди них были «Гомельский комитет» JCA под руководством доктора З. Захарина, «Еврейское иммиграционное общество» во главе с доктором А. Бруком, «Еврейское общество помощи нуждающимся» под руководством Н. Александрова, гомельское отделение «Еврейского общества для распределения просвещения среди евреев в России» (ОПЕ) во главе с С. Выготским, гомельский филиал «Любителей еврейского языка», возглавляемый А. Лусковичем, а с 1915 г. — Б.А. Хавиным, «Еврейская детская колониальная компания» во главе с Ю. Добкиным.

Названные организации и объединения дают представление о политических и общественных силах, которые вели открытую, полулегальную или подпольную деятельность, имея своих сторонников и распространяя влияние на определенные слои еврейского населения Гомеля и округи.

Одни надеялись попасть в муниципалитет и стать частью городского управления, чтобы влиять на жизнь еврейского населения; другие полагали, что ключ к успеху лежит в реформировании системы народного просвещения и образования; третьи были уверены, что лучшего будущего для евреев можно достичь только в Эрец-Исраэль; четвертые являлись сторонниками построения гражданского общества, основанного на соблюдении национальных прав евреев; пятые были непримиримыми противниками самодержавия и считали, что реальных перемен можно добиться только с помощью радикальных мер — революции. Все эти направления общественной мысли на еврейской улице не были четко сформулированы даже в умах их лидеров. Границы идеологических течений еще окончательно не сложились, большинство евреев колебались, примыкая то к одному, то к другому движению, но всех объединяла жажда перемен. Такая возможность появилась с началом Февральской революции 1917 г., которая ниспровергла царский режим и провозгласила демократическое устройство государства.

* * *

Таким образом, 1917 г. евреи Гомеля и Юго-Восточной Беларуси встретили в ожидании больших перемен. Военная, экономическая, политическая обстановка диктовала новую логику поведения людей. События повседневной жизни говорили о том, что старая форма государственного правления, взаимоотношения власти с народом, национальные противоречия, формы контроля правоохранительных органов над обществом с неизбежностью меняются. Война истощила материальные резервы и духовные силы. Прежние лозунги о национальной гордости и ведении войны до победного конца, верность союзническому долгу и монархии уже никого не устраивали. Откладывать давно назревшие решения становилось все труднее.

Еврейское население Гомеля, заметно выросшее за счет беженцев из западных губерний Российской империи, составляло почти половину городского населения. Несмотря на это, евреи по-прежнему находились в стороне от решения насущных проблем городской жизни и фактически оставались гражданами второго сорта. При этом в экономическом отношении они не только сохранили, но и увеличили свое влияние в торговле, финансах, в развитии индустрии, а также в рабочей среде — как среди промышленных рабочих, так и ремесленников-кустарей. В религиозном и культурном отношении большинство еврейского населения придерживалось традиционного образа жизни, особенно влиятельными оставались ортодоксальные течения (как литваки-митнагдим, так и хасиды, в особенности течение Хабад), в Гомеле было много еврейских религиозных учре-

ждений ритуального предназначения (синагоги, миквы) и учебно-просветительного (ешивы, хадарим, батей-мидраш). Вместе с тем среди еврейского населения Гомеля развивались и светские тенденции, отражающие курс на модернизацию еврейской жизни в личной и общественной сфере. В Гомеле получили распространение светские формы образования, которые своей задачей считали подготовить еврейскую молодежь к самостоятельной жизни в стремительно меняющемся мире.

На еврейской улице действовали различные политические партии — от социалистов до либералов, от религиозных до светских, от сторонников интеграции в российское общество (полной или частичной ассимиляции) до сионистов. В Гомеле бурлила разносторонняя и очень энергичная жизнь, отражавшая разные, иногда противоречивые и контрастные, направления процессов обновления. Евреев Гомеля, как и всей Российской империи, объединяли две вещи: национальное, религиозное и культурное самосознание и понимание своего бесправия по сравнению с титульной нацией. Февральская демократическая революция отменила дискриминацию евреев на государственном уровне. Евреи, наконец, получили возможность открыто участвовать не только в экономической, но и в политической жизни страны, самостоятельно решать свою судьбу и судьбу своих детей. В это время они оказались на пороге больших исторических событий, не представляя, что их ожидает.

Глава вторая
Годы революции и иностранной интервенции, 1917–1918 гг.

События Февральской демократической революции стали закономерным результатом назревших политических, экономических, военных, правовых, национальных противоречий, копившихся годами. Неудачное ведение войны и поражения на фронте только усугубили этот кризис и привели к взрыву. Общественный протест вылился в свержение самодержавного строя и падение династии Романовых.

Февральская революция пробудила национальные окраины империи, так называемых инородцев, и подчеркнула стремление народов к самоопределению и реализации в государственных или автономных рамках, что отразилось на международном положении России.

Отсчет изменений в демократической жизни Гомеля начался после перехода власти в Петрограде к Временному правительству. 22 марта 1917 г., оно декларировало отмену всех правовых ограничений граждан по религиозным и национально-этническим признакам[1]. Евреи впервые в российской истории получили законное право участвовать в политической жизни на всех уровнях. Новая ситуация позволила проявить себя новым лидерам, пришедшим из еврейской среды, и необязательно из еврейских партий. В Полесском областном комитете РСДРП заявил о себе Лазарь Каганович, который впоследствии станет ближайшим соратником Сталина[2].

Какая атмосфера царила на улицах Гомеля после Февральской революции в целом и среди еврейского населения города в частности? Моисей

---

[1] מ. בייזר (עורך), יהודי רוסיה 3: ממהפכות 1917 ועד נפילת ברית-המועצות, ירושלים תשע"ה, עמ' 46

[2] Подробнее о Кагановиче см. E. Rees, *Iron Lazar: A Political Biography of Lazar Kaganovich*. London — New York, 2013.

Герчиков[3] описывает общую атмосферу и то, как партии, движения и союзы проводили собрания и митинги, общественные деятели приезжали в Гомель читать лекции от различных организаций[4]. «Бунд» и сионисты открыли собственные политические клубы. Митинги часто проводились в здании Большой каменной синагоги. 1 мая 1917 г. состоялось массовое шествие во главе с железнодорожниками, оркестр играл революционные песни, а сионистская группа несла красные и бело-голубые флаги, ее сопровождали охранники на велосипедах из организации «Маккаби»[5].

В начале июля 1917 г. прошли демократические выборы в городскую думу Гомеля. Из 101 депутатского мандата 52 получили евреи. Социалистический блок «Поалей Цион» и Сионистская социалистическая рабочая партия (СЕРП) — 12 депутатов, сионисты — семь депутатов, национально-религиозный (еврейский) список — четыре депутата. «Бунд» принял участие в выборах вместе с Революционной социалистической партией (СР) и умеренными социал-демократами (меньшевиками). Всего социалистические списки получили 65 мест из 101[6]. Только два депутата были выбраны от списка беспартийных еврейских активистов.

Итоги выборов в Гомеле свидетельствовали о росте авторитета рабочих и социалистических партий, с одной стороны, а с другой — о влиянии

---

[3] Моисей Герчиков родился в 1904 г. и окончил гимназию в Гомеле, активный участник партии «Поалей Цион» и его молодежной организации, в 1923 г. переехал в Ленинград, химик, работал в области фармакологии, арестован в 1937 г. и приговорен к 10 годам тюрьмы. Срок отбывал на Колыме. Его жена была сослана в Татарстан, где вскоре скончалась, а маленький сын рос и воспитывался бабушкой в семье сестры Моисея. Приговор отменен в 1963 г., умер в 1966 г.

http://berkovich-zametki.com/Avtory/Gerchikov.htm

Мемуары Герчикова опубликованы в историческом сборнике «Еврейская старина» в Сети в 2006–2007 гг., и их можно прочесть полностью по ссылке:

http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Gerchikov1.htm

[4] От общих сионистов с лекцией выступил журналист Меир Гроссман, о нем см.:

'מאיר גרוסמן', ד. תדהר (עורך), אנציקלופדיה לחלוצי היישוב ובוניו, כרך ד', ישראל תש"ט, עמ' 1927-1928 ,

от «Поалей Цион» — Яаков Зрубавель, о нем см.:

'יעקב זרובבל', ד. תדהר (עורך), אנציקלופדיה לחלוצי היישוב ובוניו, כרך ה', ישראל תש"ט, עמ' 2298-2301,

от «Бунда» — Эстер Фрумкин (Хая-Малка Лифшиц), о ней см. в энциклопедии YIVO

http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Lifshits_Khaye_Malke

[5] См. http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Gerchikov1.htm

[6] И. Немкевич, «Первый опыт демократии: органы народовластия в Гомеле 1917 года» // *Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины* 2 (101). Гомель, 2017, с. 104–109.

сионистских настроений, с третьей стороны — о сохранении позиций еврейских ортодоксальных кругов[7]. Представители еврейской общественности потребовали отметить в решении Гомельской думы значение декларации Временного правительства об устранении всех видов дискриминации евреев. 3 августа 1917 г. социалист-сионист Н. Уффрихтиг потребовал признать «еврейский язык» (не уточняя, идиш или иврит) равноправным русскому в официальной переписке жителей с учреждениями городской администрации[8].

Одновременно с присутствием в городской думе представители еврейских социалистических партий преобладали в Совете рабочих, который имел де-факто статус альтернативного органа власти. Совет был избран уполномоченными рабочих и солдат (а также, в теории, крестьянами) и представлял различные партии, которые заявляли о себе как социалистические.

В Гомельском совете в период с февраля по ноябрь 1917 г. наиболее активно вели себя фракции «Бунда» и меньшевиков. Их дополняли еврейские социалистические партии, такие как Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия (ОЕСРП), ее видным представителем был Эвентов[9], которого также избрали председателем Гомельского советского исполкома в августе 1917 г. и в члены партии «Поалей Цион».

В обществе возникла новая реальность, которая таила в себе большие опасности, но в случае успеха открывала немалые перспективы. У евреев Гомеля появилась возможность принять активное участие в демократизации городской жизни и политическом переустройстве. Одновременно шла борьба с ортодоксальным влиянием и усиление светской части еврейского населения города, росла популярность сионизма, призывавшего к репатриации в Эрец-Исраэль. Среди негативных тенденций отмечались ухудшение экономического положения, сокращение рабочих мест, снижение доходов, падение уровня жизни, угроза личной безопасности, рост антисемитизма, распад еврейской общины, утрата национальных традиционных ценностей, ассимиляция.

Двойственность подобной ситуации можно видеть на примере эволюции «Еврейского общества для распределения просвещения среди евреев в России» (ОПЕ). Оно действовало в Гомеле еще до 1917 г. и располагало

---

[7] Л.С. «В провинции» // *Новый путь* 24–25 (15.7.1917), с. 30–31; І. Валкавіцкі «Дзейнасць гомельскай гарадской думы 1917 года» // *Гомельшчына: старонкі мінулага*. Гомель, 1996, с. 88–93.

[8] П. Рабянок, (укл.). *Памяць: Гістарычна-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі: Гомель*, кніга 1. Мінск, 1998, с. 262.

[9] Л.Я. Эвентов (1889–1962 гг.) — член ЦК ОЕСРП, с 1920 по 1921 г. — член Комбунда (коммунистического «Бунда»), а затем сделал академическую карьеру в области экономики народного хозяйства.

самой большой библиотекой в городе, которой заведовал Хаим Горфинкель[10]. Некоторые считали, что Общество должно объединить и возглавить евреев города в преддверии ожидаемых выборов, другие утверждали, что ему не следует выходить за рамки просвещения[11]. Основная дискуссия касалась вопроса языка обучения в образовательном учреждении ОПЕ. Было решено, что в первый год языком обучения станет идиш. Иврит признали символом национального культурного возрождения, однако, когда именно начнут его изучать, не уточнили.

В ходе обсуждений поднимались вопросы о будущем еврейской общины в Гомеле — станет ли она светской или религиозной и на каком языке будут говорить ее члены, подчеркивалась роль организации как образующего элемента общины, построенной на демократических принципах (выборы, представительство, решение большинством голосов)[12].

Летом 1917 г. «Общество энтузиастов языка иврит» в Гомеле открыло отделение «Тарбут» — еврейской просветительно-культурной организации, под эгидой которой в период между двумя мировыми войнами действовала сеть светских образовательных учреждений на иврите в России, Польше, Румынии и Литве[13].

Значительно увеличило свою активность среди еврейской молодежи спортивное движение «Маккаби». В его рядах выросли известные спортсмены, в том числе Давид Дубнов, которого через некоторое время избрали членом центрального комитета «Маккаби»[14].

Существовали и независимые общественные инициативы, например, еврейские старшеклассники в возрасте 14–15 лет создали кружок для изучения идей сионизма под названием «Иехиэль» (в память об Иехиэле Членове, одном из сионистских лидеров в России). Они читали и обсуждали литературу и беллетристику в еврейской прессе, в основном на русском языке, — изданиях «Рассвет», «Еврейская жизнь» и «Еврейская старина»[15].

---

[10] Библиотекой, которая содержалась на еврейские деньги, пользовалось все население Гомеля. Позднее советская власть ее национализировала, и с тех пор она стала центральной городской библиотекой им. Герцена. Эта информация упоминается сегодня на веб-сайте библиотеки, см.
http://ggcbs.gomel.by/100faktov.html

[11] ГАГО, ф. 3531, оп. 2, д. 20, лл. 15–16.

[12] Там же, лл. 16–17.

[13] Из мемуаров Моисея Герчикова, см.
http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Gerchikov1.htm

[14] Из мемуаров Моисея Герчикова, см.
http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Gerchikov1.htm

[15] Из мемуаров Моисея Герчикова, см.
http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer8/Gerchikov1.htm

Таким образом, восемь месяцев между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. характеризовались значительным политическим, социальным и культурным подъемом в Гомеле, как и по всей стране в целом. Перед его жителями открылись большие возможности в государственном переустройстве, экономическом, культурном и духовном развитии не только титульной нации, но и других народов, населяющих бывшую Российскую империю. Евреи как наиболее грамотная, экономически и социально активная часть населения приняли в планах переустройства городской жизни самое живое участие. Многие гомельчане надеялись на перемены в обществе на основе всеобщего равенства, однако большевистский переворот разрушил эти иллюзии и развернул общественное развитие в другом направлении.

Октябрь 1917 г. — март 1918 г.

Известие о государственном перевороте в Петрограде достигло Гомеля несколько дней спустя, и после жарких дискуссий в городском Совете большинством голосов было решено объявить о поддержке нового режима, возникшего в результате большевистского переворота в Петрограде. 5 декабря 1917 г. (22 ноября по старому стилю) гомельские газеты опубликовали официальное заявление исполнительного комитета Гомельского совета о передаче ему власти, в то время как население призывали сохранять спокойствие и продолжать вести обычную жизнь[16].

Среди советских активистов в первый период власти большевиков в Гомеле были Яаков Агранов[17], Давид Цырлин, Лазарь Каганович. Последнего избрали членом Учредительного собрания по списку большевиков, а в декабре 1917 г. он стал делегатом на III Всероссийский съезд Советов и навсегда покинул Гомель. Видную роль в установлении советской власти

«Рассвет» — еженедельный еврейский журнал, выходивший в Санкт-Петербурге с августа 1879 по январь 1883 г.; «Еврейская жизнь» — ежемесячный еврейский журнал, выходивший в России с 1 января 1904 по 1 апреля 1907 г.; «Еврейская старина» — научно-исторический журнал (трехмесячник) Еврейского историко-этнографического общества, издавался в Петербурге в 1909–1930 гг.

[16] І. Нямкевіч, «Да пытання аб часе ўсталявання савецкай ўлады ў Гомелі» // *Гомельшчына: старонкі мінулага. Нарысы*. Гомель, 1996, с. 97–102.

[17] Яаков Агранов (Янкель-Швель Шмаев, 1893–1938) родился в Чечерске Могилевской губернии, в 1917 г. — секретарь Полесского комитета РСДРП, в 1918 г. — секретарь Совета народного комиссариата (правительства), с 1919 г. — на руководящей работе в советских секретных службах безопасности, в 1938 г. репрессирован и погиб. Подробнее см. https://en.wikipedia.org/wiki/Yakov_Agranov

в Гомеле сыграли Мендель Хатаевич, Григорий (Гирш) Леплевский[18], Соломон Кацаф и председатель Революционного комитета Гомеля Семен Комиссаров (Гуревич)[19].

Однако большевики смогли удержаться у власти только первые три месяца (с конца ноября 1917 г. до начала марта 1918 г.). Они пытались противодействовать немецкому наступлению, решать вопросы снабжения, вести борьбу с голодом и анархией для обеспечения жизнедеятельности города и уезда. Это заставило их сотрудничать с другими политическими силами в городе и округе, а вступать в конфликт с религией и сионистами было некогда.

Первая волна советских преобразований почти не повлияла на порядок жизни евреев в Гомеле и его окрестностях. Городская дума формально передала свои полномочия советскому режиму и приняла декларацию от 29 ноября 1917 г. в поддержку Учредительного собрания для выбора государственного устройства России. Оно национализировало землю у помещиков, призвало к заключению мирного договора с Германией и ее союзниками, провозгласило Россию федеративной демократической республикой, но отказалось рассматривать Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая наделила бы Советы рабочих и крестьянских депутатов государственной властью[20].

Накануне немецкой оккупации весной 1918 г. в городе существовало двоевластие Совета и городской думы. В думе были представлены различные демократические партии, большинство из которых придерживались социалистической направленности. Возглавлял думу Петр Богданов. Заметной общественной фигурой являлся врач Авраам Брук, сотрудничавший в области гуманитарных проектов с княгиней Ириной Паскевич. В начале 1918 г. исполком Гомельского совета возглавил Григорий (Гирш) Леплевский[21].

---

[18] Григорий (Гирш) Леплевский (1889–1938) родился в Бресте, большевистский революционный активист (начал свою карьеру в составе «Бунда») сначала в Гомеле, затем был избран в большевистское Всероссийское Учредительное собрание и участвовал в его первом и последнем заседаниях 18 января 1918 г., работал в центральных органах советской власти — секретных службах безопасности и в системе прокуратуры. Его последняя должность — помощник генерального прокурора. Арестован и казнен в 1938 г.

[19] Семен Комиссаров (Гуревич; 1896–1919) — большевистский активист, служивший председателем ревкома в Гомеле с января по март 1919 г. Схвачен и убит мятежниками во время восстания Стрекопытова, о котором см. в гл. 3.

[20] І. Валкавіцкі, «Дзейнасць гомельскай гарадской думы 1917 года» // *Гомельшчына: старонкі мінулага*. Гомель, 1996, с. 88–93.

[21] И. Такова, *Гомельская губерния: как все начиналось — неизвестные страницы*. Гомель, 2014, с. 11–13.

Избирательная кампания

Характер выборов в российское Учредительное собрание определили общественные настроения в городе. Подготовка к выборам началась до большевистского переворота в октябре 1917 г.[22] В Гомельском уезде насчитывалось 136 избирательных участков в сельской местности и еще 12 избирательных участков в самом Гомеле. При этом имелось 11 списков, из которых четыре были исключительно еврейскими, а именно: Национальный еврейский список (список № 9), Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия (список № 3), «Поалей Цион» (список № 4) и список Еврейской народной партии — «Фольксспартей», а также беспартийный Еврейский демократический комитет (список № 7).

Еврейские кандидаты также были включены в общепартийные списки, например, в список социал-демократов (меньшевики, список № 2), социалистов-революционеров (список № 1), Партии народной свободы (кадеты, список № 6), большевиков (список № 11). Евреи отсутствовали только в польском списке (список № 10), белорусском (список № 8) и списке Всероссийского союза владельцев земли (список № 5). Общее количество засчитанных голосов в Гомельском уезде составило 125 881.

Еврейские списки избирателей в сумме набрали более 11 000 голосов, что стало значительным достижением. Большинство евреев предпочитали голосовать за общие политические партии. Это отражало изменение электоральных предпочтений по сравнению с муниципальными выборами в городскую думу летом 1917 г., в ходе которых влиятельные еврейские партии получили около половины голосов евреев. Следует добавить, что на выборах в городскую думу у социалистического блока, в который входил «Бунд», оказалось значительное число голосов, среди них, скорее всего, также голоса евреев, но на выборах в Учредительное собрание список социал-демократов, который включал «Бунд», набрал не много голосов, и неизвестно, сколько среди его избирателей было евреев. Все это позволяет сделать вывод, что в период между революциями усилилась тенденция к радикализации в среде гомельских евреев. Почему же большинство из них отдали свои голоса общероссийским партиям (РСДРП, эсеров и др.), а не национальным еврейским? Скорее всего, потому что они видели в общероссийских партиях реальную политическую силу, способную привести к желаемым результатам. Евреи Гомеля зависели от своих работодателей, поставщиков, партнеров по рынку, покупателей и

[22] А. Воробьев, «К вопросу о выборах в Учредительное собрание на территории Гомельского уезда Могилевской губернии» // *Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина* 1(16), 2007, с. 53–57.

клиентов. Потеря этих связей означала для них экономический крах со всеми вытекающими последствиями. Части еврейских избирателей Гомеля импонировали идеи радикальных перемен, которые могли привнести именно общероссийские революционные партии. Были и такие евреи, кто видел свое будущее в ассимиляции.

Таблица 1

Результаты выборов в Учредительное собрание по Гомельскому уезду в 1917 г.[23]

Название избирательного списка	Подано голосов
Социалисты-революционеры	66 414
Большевики	32 694
Национальный еврейский список	8 127
Народная партия свободы (кадеты)	5 909
Социал-демократы (меньшевики)	4 777
Польский список	3 318
Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия	1 664
Список Всероссийского союза владельцев земли	978
«Поалей Цион»	863
Список Еврейской народной партии и беспартийного Еврейского демократического комитета	633
Белорусский список	504
Всего	125 881

[23] НАРБ, ф. 863, оп. 1, д. 1, лл. 52–54.

Главное состояло в том, что еврейское население Гомеля стало политически активным. С одной стороны, это объясняется принципиальным обновлением атмосферы общественной жизни и отменой официальной дискриминации российских евреев, с другой — заметными успехами в области просвещения, образования, медицины и социального обеспечения в Гомеле, достигнутыми благодаря активному еврейскому участию.

Перемены в общественном сознании наглядно отразились на итогах выборов во Всероссийскую еврейскую общину, состоявшихся в январе 1918 г.[24] Всего в выборах участвовало 7 492 чел., или треть всех еврейских граждан Гомеля, имевших право выбора, что свидетельствует о представительном характере выборов. Большинство из них отдали свои голоса за кандидатов сионистских кругов (сионисты, сионисты-социалисты и «Поалей Цион») — 3 533 голоса (47,12%), второе место получил «Бунд» — 1 823 голоса (24,3%), третье место с небольшим отрывом занял национально-религиозный блок — 1 670 голосов (22,3%), четвертое и пятое места соответственно — так называемые Трудовая и Национальная группы (не совсем ясно, что именно представляли собой эти списки, но предположительно Трудовая группа была связана с СЕРП, а Национальная группа стояла на позициях либерального национального автономизма).

Итоги выборов в Гомеле можно сравнить с результатами выборов среди еврейского населения страны в целом. На них сионисты получили около 60%, социалистические партии — около 25% (все вместе), а религиозные партии — около 12% от общего числа голосов[25].

Сложившееся соотношение политических сил в Гомеле соответствовало ситуации в других городах Беларуси. На выборах в Учредительное собрание Минска в Минском уезде в ноябре 1917 г. сионистская и религиозная коалиция получила 65 046 голосов, тогда как еврейские социалисты — 11 064 голоса. На выборах в Минский совет еврейской общины, состоявшихся в 1918 г., сионистская группа набрала 53% голосов, в то время как «Бунд» — 20% голосов[26]. Большевики расценили эти выборы как попытку реванша со стороны еврейской буржуазии[27]. Однако они вынуждены были согласиться на проведение выборов, поскольку не могли их запретить.

---

[24] *Известия Гомельского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Земельного комитета*. 25.1 (6.2). Гомель, 1918, с. 3.

[25] מ. בייזר (עורך), יהודי רוסיה 3: ממהפכות 1917 ועד נפילת ברית-המועצות, ירושלים תשע"ה, עמ' 51

[26] E. Bemporad, *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk*. Bloomington and Indianapolis, 2013, p. 24.

[27] А. Зельцер, Указ. соч., с. 33–34.

Таблица 2

Результаты выборов в Гомеле
во Всероссийскую еврейскую общину (январь 1918 г.)

Наименование избирательного списка	Число голосов	Число голосов, %
Сионисты	2 130	28,43
«Бунд»	1 823	24,33
Национально-религиозный блок	1 670	22,30
Сионисты-социалисты	972	12,97
«Поалей Цион»	431	5,75
Трудовая группа	279	3,72
Национальная группа	187	2,50
Всего	7 492	100

Примечание. Проценты подсчитаны автором.

Германская оккупация 1918 г.

За десять дней до вступления в Гомель войск германского кайзера Вильгельма II большевики покинули город, передав все властные полномочия городской думе. Предшествующий опыт учил евреев, что анархия всегда приводит к погромам, грабежам и насилию над ними. С 22 по 24 февраля 1918 г. среди еврейского населения прокатился слух о грядущих погромах. Беспокойство вызвали опасения, возникшие в атмосфере безвластия после отступления Красной армии.

Еврейская молодежь, и прежде всего члены сионистских организаций, взяли на себя защиту города. Они создали самооборону, которая включала пять разведывательных и боевых групп. В большинстве случаев это были группы из 40–50 подростков и юношей от 14 до 18 лет, в основном ученики старших классов. Вместе с взрослыми ополченцами они взяли под контроль территорию города и предотвратили погром[28]. Настроения тех дней выражены в свидетельстве Герчикова: «*За пару дней до вступления*

[28] ГАООГО, ф. 52, оп. 1, д. 25., л. 35.

немцев, советские власти покинули город, в котором тотчас же воцарился погромный хаос. Не торопившиеся уходить… группы… красноармейцев стали грабить магазины и дома евреев. Человеческих жертв… не было, перепуганное еврейское население (в основном, женщины и дети) попряталось в погребах у соседей-христиан... с появлением первых немецких отрядов на гомельском вокзале громилы мгновенно исчезли»[29].

Немцы вступили в Гомель 1 марта 1918 г., не встретив никакого сопротивления. Председателем думы они поставили социалиста-сиониста Моисея Кагана, отправив в отставку прежнего ее главу — Петра Богданова, который поспешил уехать[30]. Это было логично, поскольку немцы не собирались оставлять управление городом человеку, который сотрудничал с большевиками.

Советские преобразования были упразднены. Евреи сохранили свой автономный статус, который существовал с февраля по ноябрь 1917 г. Однако, когда немцы включили Гомель и его округ в состав Украинской республики, это вызвало разочарование и недовольство населения, хотя и не привело к открытой конфронтации.

Часть горожан приветствовали вступление немецких войск, которые могли навести порядок[31]. Немцы разрешили деятельность профсоюзов и социалистических движений и организаций, позволили отметить годовщину Февральской революции (12 марта 1918 г.). В честь этого события прошли несколько открытых собраний, а также торжественное заседание городской думы[32]. Во время германского правления легально работали клубы политических партий, заявивших о своей лояльности к новой власти, — клуб меньшевиков им. Карла Маркса, клуб «Бунда» и «Бейт ха-Ам» («Дом народа») — сионистский клуб[33].

В течение первой половины 1918 г. политические противники немецкой оккупации были малочисленными. Они создали подпольный «революционный комитет», большинство членов которого составили евреи: Фаянс, Майзлин, Левин, Шейндлин, Драгунский. Это была горючая смесь радикальных сил — от левых социалистов-революционеров и анархистов до коммунистов (большевиков) и других[34]. В целом немецкая оккупация способствовала объединению социал-демократических сил (меньшевики, СР, «Бунд») Гомеля, которое раскололи большевики за время своего правления.

---

[29] И. Такова, Указ соч., с. 17.

[30] Там же, с. 20, 22. П. Богданов, оставив Гомель, переехал в Москву, где сделал карьеру на службе в административном партийном аппарате.

[31] ГАООГО, ф. 52, оп. 1, д. 45, л. 39.

[32] Там же, д. 53, л. 33.

[33] И. Такова, Указ. соч., с. 22–23.

[34] ГАООГО, ф. 52, оп. 1, д. 45, лл. 56, 85.

Влияние Украины

Территория Гомеля оказалась предметом споров между советской Россией, Белорусской народной республикой (БНР)[35] и Украиной. По соглашению между Украинской радой и Германией от 9 февраля 1918 г. Северное Полесье переходило в состав Украинской республики, поскольку это отвечало интересам Германии[36].

В конце марта 1918 г. территория Гомеля и Гомельского округа была официально передана Украине под названием Дреговичская земля[37], хотя фактически управляли ею немецкие военные власти.

Городская дума Гомеля протестовала и требовала провести референдум, а до тех пор рассматривать Гомель и округу как пространство без какой-либо политической принадлежности[38]. Политическая и государственная нестабильность в Украине ослабили опасность украинизации Гомельского округа и самого Гомеля. В мае 1918 г., после прихода к власти в Украине Павла Скоропадского, территория Гомеля стала уездом в пределах Полесского района Украины, в который также вошло Белорусское Полесье (в современных границах). В Гомеле комиссаром нового украинского правительства был назначен Евгений Стош, в свое время один из представителей аристократии в Гомеле. Намерение украинизации Гомеля и введения украинского языка большинство населения восприняло негативно.

Одновременно правительство БНР в Минске отправило в Гомель своего представителя И. Нецецкого, но в августе 1918 г. его арестовали[39]. В целом белорусское национальное движение в Гомеле оставалось слабым в политическом отношении[40].

---

[35] Белорусская народная республика (БНР) — государство, существовавшее с марта по декабрь 1918 г. под протекторатом Германии, в 1919 г. де-факто перестало существовать, сохранив правительство в изгнании (в Вильно и Гродно). Подробнее см. Rudling, P. A. *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931.* Pittsburgh, 2014.

[36] М. Алейникова и др. (сост.). *Гомельская губерния 1919–1926: документы и материалы*. Минск, 2009, с. 4.

[37] И. Такова, Указ. соч., с. 20.

[38] Там же, с. 26.

[39] В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.). *Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века)*. Вып. 1. Гомель, 1999, с. 1–13.

[40] БНР заявила, что территория Белорусского Полесья (включая Гомель и округу) является частью Беларуси. В апреле 1918 г. состоялись белорусско-украинские переговоры по урегулированию спорных границ, но они не увенчались успехом. См. Такова И. Указ. соч., с. 26–28.

В городе действовали в основном всероссийские политические партии и особенно еврейские, тогда как проукраинские силы играли едва заметную роль[41]. В ноябре 1918 г. Скоропадского в Киеве отстранили от власти в Украине, и была создана директория[42] во главе с Симоном Петлюрой и Владимиром Винченко[43].

Под властью директории евреи получили право на свое представительство в органах местного самоуправления в Гомеле. Сначала (15 декабря 1918 г.) три делегата служили на разных должностях: Г. Райский и М. Каган — от сионистско-социалистической партии (ССП) и Я. Браун — от «Бунда». Были добавлены два других еврейских представителя: Кляшторный — от ОСЕРП и Гольдштейн — от «Бунда». Евреев назначили на должности, которые играли ключевую роль в городской жизни. Начальником милиции стал М. Гезенцвей, комиссаром хлебного бюро — А. Брук, в городском казначействе работали М. Каган и Шустович, а в налоговом комитете — Каганов, Каганович, Хазанов и Кроль.

Таким образом, при немецко-украинском правлении евреи в Гомеле получили возможность оказывать реальное влияние на жизнедеятельность города. Выбор немецкой стороной евреев Гомеля как партнеров по восстановлению работы городской администрации и коммунальных служб объясняется рядом обстоятельств. Евреи были наиболее понятной и предсказуемой для оккупационных властей частью населения. Они отличались экономической самостоятельностью, лояльностью, сговорчивостью, грамотностью и, что немаловажно, хорошо понимали немецкий язык. В свою очередь, евреи Гомеля нуждались в защите своего имущества и самой жизни в противостоянии антисемитам и погромщикам. Они могли продолжать вести традиционный образ жизни, их юридические права были защищены законом, соблюдение которого гарантировали немецкие власти. Обе стороны понимали, что это временный союз. В то же время другая часть гомельских евреев связала свое будущее с общероссийскими политическими партиями. Они видели себя частью нового мира, который борется за социальную справедливость, а немцев — иностранными захватчиками.

Общий протест социалистических партий в Гомеле против украинизации привел к активизации еврейских социалистических партий. После прихода к власти гетмана Скоропадского в мае 1918 г. и назначения Евгения Стоша комиссаром нового украинского правительства в Гомеле были

---

[41] И. Такова, Указ. соч., с. 26.

[42] Директория Украинской народной республики (14 декабря 1918 г. — 10 ноября 1920 г.) — высший орган государственной власти УНР.

[43] https://www.encyclopediaofukraine.com/display.asp?AddButton=pages\D\I\DirectoryoftheUkrainianNationalRepublic.htm

предприняты попытки отстранить социалистов от власти в городской думе, ликвидировать действующую модель выборной думы и вернуться к модели, основанной на классовом подходе. Эти попытки привели к усилению антиукраинской и антигерманской активности в целом. 16 и 17 августа 1918 г. в городе произошел вооруженный мятеж, направленный против немецкой власти и заранее обреченный на провал, поскольку германский гарнизон насчитывал 50 000 солдат и офицеров и действительно легко справился с мятежниками. Однако выступление подорвало ситуацию с безопасностью в регионе, поскольку часть сил повстанцев двинулись в сельскую местность и начали партизанскую войну[44].

В Гомеле находились люди, имевшие опыт индивидуального террора. Германские военные власти не могли полностью контролировать сельскую местность, где на руках у населения оставалось много оружия. Немцам оказывали сопротивление люди самых разных политических убеждений и часто просто из уголовного мира. Идейный анархист Ефим Майзлин заявлял, что его группа из 25 чел. совершила серию конфискаций денег и имущества. В другом случае была взорвана лестница в доме Добкина. Во время этой «операции» другая семья — Боборыкиных, проживавшая в этом же здании, получила указание покинуть его в течение 24 часов[45].

В конце осени 1918 г. подпольная большевистская организация в Гомеле пополнилась новыми членами, часть из которых пришла из советской России[46]. Они развернули антивоенную пропаганду среди немецких солдат, пользуясь революционной ситуацией в Германии, которая привела к отречению кайзера Вильгельма II и учреждению Веймарской республики в ноябре 1918 г.

18 декабря 1918 г. подпольный революционный комитет Гомеля организовал новую попытку вооруженного захвата власти. В ней приняли участие большевики, анархисты и левые эсеры — около 90 чел. Однако, несмотря на временный успех (захват почтовых отделений, телеграфа, банка и здания городской думы), эта попытка была подавлена в тот же день. Тем не менее даже неудачный опыт антигерманского выступления способствовал росту влияния оппозиции. В декабре 1918 г. члены городской группы «Поалей Цион» присоединились к большевикам и левым эсерам, добивавшимся восстановления советской власти в Гомеле. Они обращались к патриотическим чувствам горожан в борьбе с иностранной оккупацией, надеясь на мировую революцию, которая охватит и Германию.

---

[44] ГАООГО, ф. 52, оп. 1, д. 45, лл. 43, 52, 61–62.
[45] Там же, л. 65.
[46] И. Такова, Указ. соч., с. 48.

По следам ноябрьской революции 1918 г. в Германии в немецком гарнизоне Гомеля был создан комитет солдатских депутатов, который принял на себя ответственность за поддержание порядка в городе и его окрестностях. В это время Украина, которой формально принадлежал Гомель, оставалась на перепутье[47], а в самом Гомеле соперничали сторонники двух тенденций: одни были за демократическое устройство по примеру украинской директории, а другие — за восстановление советской власти.

16 декабря 1918 г. в Гомеле состоялась конференция гомельских рабочих, на которой объявили о создании общего органа власти на многопартийной демократической основе по украинской модели. На следующий день они провозгласили директорию с депутатами от «Бунда» (А. Браун) и «Поалей Цион» (М. Каган), которая просуществовала только 25 дней[48].

Противники директории, особенно среди большевиков (такие как Григорий Лелевич), утверждали, что гомельская директория создана меньшевиками и членами «Бунда» в попытке присоединить Гомельщину к Украине, по словам Лелевича, к «*государству Петлюры, которое поднялось на мгновение*»[49]. Подобная аргументация была надуманной и имела целью скомпрометировать сторонников директории как модели демократического развития по западному образцу.

Наряду с вопросом о политической власти в Гомеле и округе остро встала задача поддержания работы городских структур, коммунальных служб, контроля санитарного состояния, систем здравоохранения и образования, соблюдения правопорядка. В конце декабря 1918 г. в Гомеле вспыхнула эпидемия тифа, общая ситуация ухудшилась, выросла преступность. Гомельская директория уделяла много внимания обеспечению населения продовольствием[50].

В ожидании вывода немецких войск, запланированного на 20 декабря 1918 г., в городе был восстановлен революционный комитет (ревком), в который вошли евреи-анархисты (Ефим Майзлин, Исаак Драгунский) и евреи-коммунисты (Самуил Хавкин, Давид Цырлин). Евреи составляли большинство в коммунистической пропагандистской группе — четверо из пяти: Фейгин, Хефец, Яаков Фейнс и Хаим Любарский. Они печатали свои бюллетени в типографии, принадлежавшей еврею по имени Хиллберг, которого заставляли это делать под дулом пистолета[51].

---

[47] И. Такова, Указ. соч., с. 53–55.

[48] Там же, с. 57–58, 70.

[49] В. Лебедева, М. Чуянова (сост.) «*Из истории не вычеркнуть…» — к 90-летию Стрекопытовского мятежа в Гомеле (март 1919 г.)*. Гомель, 2010, с. 11.

[50] И. Такова, Указ. соч., с. 71–73.

[51] ГАООГО, ф. 2, оп. 1, д. 5, лл. 25–26.

Несмотря на все эти потрясения, культурная жизнь в Гомеле продолжалась. В январе 1919 г. состоялась премьера оперетты Мелеха Буца “Das Yiddishe Leben” («Еврейская жизнь») с участием актеров Натанзона, Майнштейна и Аппельбаума, а также выступление актрисы П. Левандо в спектакле на идише знаменитой в то время еврейской юмористки Шуры Яновской в театре «Мулен-Руж»[52]. Эти события имели трагикомический характер, и их можно оценивать как заключительный аккорд старой жизни. С приходом большевиков к власти менялись не только декорации, но и суть политической жизни, когда на смену демократическим опытам самых разных политических сил пришла пролетарская диктатура. Отныне еврейское общество в Гомеле, как и на остальных территориях, было под ее властью, безжалостной и беспощадной не только к своим противникам, но и к попутчикам, а потом, как показало время, и вчерашним соратникам.

* * *

События 1917–1918 гг. в истории Гомеля и всей Юго-Восточной Беларуси по своей интенсивности и пестроте не имели себе равных. Это было время крушения политических стереотипов, поиска новых форм общественного устройства, проверки в действии демократических идеалов, гражданских свобод и национального равенства. Жители Гомеля, независимо от национального и социального происхождения, имущественного состояния, впервые получили возможность влиять на собственную судьбу. Все были готовы к переменам и жаждали их, но пришли они извне, после событий в Петрограде. Это была часть цепной реакции, которая пронеслась по всей бывшей Российской империи. Впервые еврейская улица Гомеля заявила о себе в полный голос, интерес к политической жизни у евреев заметно возрос. Однако приспособиться к привносимым нормам жизни им становилось все труднее. Традиционный уклад национальной жизни переживал кризис. Перенаселение местечек заставляло часть евреев в поисках работы покидать родные места. Это нарушало вековую изолированность евреев, давало богатую пищу для размышления и заставляло искать выход из экономического и социального тупика. Одни видели этот выход в эмиграции, другие — в ассимиляции, а третьи — в революции. Долгие годы государственной, национальной и религиозной дискриминации толкали евреев на крайние меры, поэтому еврейская молодежь с воодушевлением пошла в революцию и приняла ее. В результате повысился авторитет социалистических еврейских движений (ассимиляционных, культурно-

[52] *Полесье*: Бюллетень, № 137, 5 января 1919) г., с. 1; Там же, № 142, 11 января 1919 г., с. 1.

национальной автономии и сионистских), а социалистические идеи рассматривались как альтернатива старому миру.

Существенное влияние на политическое самоопределение евреев в Гомеле оказывали рост эмансипации, надежда на доступ к образованию, осведомленность в событиях общественной жизни, увеличение числа занятых наемным трудом, развитие товарно-денежных отношений. После марта 1917 г. евреи, составлявшие больше половины населения города, впервые получили возможность заявить о себе в политической, общественной и социальной жизни Гомеля и региона в целом. Симпатии еврейского населения разделились между сионистами, социал-демократами в лице «Бунда» и религиозными сионистами, с одной стороны, и общероссийскими партиями: эсерами, большевиками и меньшевиками — с другой. Так произошел разрыв между национальными чаяниями и общегражданскими ценностями. Это было только начало будущего конфликта, который стремительно вызревал в недрах еврейской общины Гомеля, Беларуси и всей бывшей Российской империи в целом. После марта 1917 г. на политическую арену вступили совершенно новые силы. Началась борьба между социалистическими партиями (эсеры, анархисты, меньшевики, большевики) с одной стороны и либералами (Партия народной свободы, или кадеты) — с другой. Политические партии вначале оставались очень малочисленными и нуждались в своих сторонниках. Они вступали во временные союзы между собой не из-за идеологической близости, а из политической конъюнктуры и практических соображений. Большое распространение получила социальная демагогия, когда людям говорили то, что они хотели услышать, чтобы манипулировать их волеизъявлением. Накал страстей был очень высоким. Большинство граждан в Гомеле лелеяли мечту построить новую жизнь на основах свободы и равенства, без угнетения, дискриминации, принуждения со стороны, на основе добровольного и свободного выбора. При этом им приходилось приспосабливаться к новым обстоятельствам. Все хотели перемен, но понимали их по-разному. Общую ситуацию того времени можно определить как попытки методом проб и ошибок. При этом события и политические перемены 1917–1918 гг., несмотря на всю их значимость, проходили пока относительно бескровно. Они не сопровождались большим количеством человеческих жертв и разрушений, массовыми бедствиями и безвозвратными потерями.

Глава третья
Гражданская война и советские преобразования, 1919–1921 гг.

Советская власть в Гомеле была восстановлена 14 января 1919 г.[1], Красная армия вошла в город под звуки «Марсельезы», штаб-квартира большевиков разместилась в здании гостиницы «Савой»[2].

Советский режим вел непримиримую борьбу за свое существование против многочисленных противников внутри страны и за рубежом и для этого не останавливался ни перед чем. К идеологическим оппонентам он относился как к реальным врагам, со всеми вытекающими последствиями. Еврейские партии, объединения и союзы не стали исключением из этого правила несмотря на то, что многие еврейские горячие головы ушли в революцию и стали «пламенными большевиками».

Борьба с антисемитизмом

С началом гражданской войны в России вспыхнул антисемитский террор, который использовался в своих целях всеми противоборствующими сторонами, как «белыми», так и «красными».

Как это могло случиться? Большевики считали всех имущих евреев эксплуататорами, поляки преследовали евреев, следуя религиозному догмату католической церкви об их вине в распятии Христа, большая часть белорусов, проживавших в сельской местности, отождествляли евреев с враждебным большевистским режимом, особенно с учетом политики конфискаций периода «военного коммунизма», а белорусские националисты рассматривали их как фактор русификации и противников идеи независимой Беларуси[3].

---

[1] М. Алейникова и др. (сост.). Указ. соч., с. 5.

[2] И. Такова, Указ. соч., с. 89, 94.

[3] Л. Смиловицкий, *Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья*. Иерусалим, 2008, с. 256.

В то же время большевики представляли наименьшую угрозу для еврейского населения с точки зрения его физического выживания, поскольку они открыто заявляли о противодействии антисемитизму и насилию на антисемитской почве, а во многих случаях даже преследовали по суду тех, кто участвовал в погромах и других формах репрессий против евреев. Большевики официально осудили еврейские погромы, объявили их контрреволюцией, позволяли их документировать и преследовали виновных вплоть до расстрела зачинщиков и исполнителей[4]. Следовательно, поддержка евреями большевиков была не столько идейной, сколько практикой выживания, выбором наименьшего из зол, как пишет Олег Будницкий, «*для евреев выбор между красным и белым постепенно становился выбором между жизнью и смертью*»[5].

25 июля 1918 г. СНК РСФСР был издан Декрет о борьбе с антисемитизмом и еврейскими погромами и опубликован через два дня — 27 июля 1918 г. В нем предусматривалось суровое наказание за беспорядки и притеснения на почве антисемитизма вплоть до смертной казни[6]. Однако влияние этого указа оказалось довольно ограниченным, и антисемитское насилие особенно широко отмечалось в районах военных действий, где проживали евреи. Большая часть еврейского населения, пострадавшего от погромов, находилась на украинских территориях, но беспорядки и расправы над евреями имели место и в самой Беларуси.

Борьба с погромами позволила РКП(б) привлечь к себе симпатии широких слоев еврейского населения. Личная безопасность (выживаемость) в годы гражданской войны превалировала в еврейских семьях над другими насущными жизненными проблемами — чем накормить, напоить, как обогреть, одеть и обучать своих детей. С другой стороны, защита евреев от антисемитского преследования отвечала теории и практике коммунистического движения. Большевики отчаянно нуждались в евреях как в своих горячих сторонниках и активных помощниках из самой дискриминируемой части населения Российской империи, обладающих обостренным чувством социальной справедливости, и не ошиблись в своих расчетах.

Нападения на евреев всегда имели экономическую подоплеку. Мендель Хатаевич в своем письме в ЦК РКП (б) в феврале 1919 г. отмечал, что интенсивность антисемитских настроений в районе Гомеля подкрепляется коммерческими спекуляциями, якобы совершаемыми евреями, и тому, что

---

[4] E. Bemporad, *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk*. Bloomington and Indianapolis, 2013, p. 30.

[5] A. Sloin, Op. cit., p. 69.

[6] Там же, p. 69; полный текст декрета см. http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12358-25-iyulya-postanovlenie-o-borbe-s-antisemitizmom-i-evreyskimi-pogromami#mode/inspect/page/1/zoom/4

партийные и советские активисты преимущественно евреи[7]. Другими словами, существовал собирательный негативный образ евреев, который не нуждался в фактическом обосновании.

Погромные настроения среди сельского населения титульной нации подогревались активным участием евреев-коммунистов в экспроприации продовольствия и товаров потребления для нужд революции. Это вызывало протест и сопротивление, которые часто принимали форму антисемитизма, потому что крестьяне полагали, что именно евреи ответственны за реквизиции[8].

В феврале-марте 1919 г. обстановка в Гомельском округе характеризовалась волнениями, вызванными политикой «военного коммунизма». Вооруженные столкновения с человеческими жертвами произошли в Корме (конец февраля 1919 г.) и Рогачеве (11–14 марта 1919 г.). Взрывоопасная обстановка сложилась в Рогачеве (15 марта) и самом Гомеле (2 марта). Участники протестов призывали к избавлению от еврейского засилья в органах власти[9].

В Беларуси за годы гражданской войны произошло 225 погромов, пять из которых были совершены украинскими войсками, 18 — польскими, 47 — военными подразделениями Булак-Балаховича, 155 — другими боевыми силами, в том числе отрядами Красной армии[10].

В округе Гомеля имели место грабежи, побои, убийства и другие акты насилия. В местечках Восточного Полесья ситуация оказалась еще тяжелее: только от погромов пострадало 1 748 семей, то есть 7 096 чел., из которых 1 100 чел. были убиты или ранены. Экономический ущерб оказался настолько серьезным, что многие евреи вынужденно покинули свои местечки и перебрались в Гомель[11].

В отчете Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией от 3 ноября 1920 г. о борьбе с вооруженными повстанцами, действующими в Гомельской губернии, отмечается, что мятежные группы из 10–20 чел., совершающие акты насилия вплоть до убийства, преднамеренно и жестоко нападающие на беззащитные еврейские местечки, фактически поддержи-

---

[7] И. Такова, Указ. соч., с. 101–102.

[8] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 107, л. 10.

[9] И. Такова, Указ. соч., с. 136–148.

[10] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 35.

[11] А. Замойский, «Социальные последствия антисемитских акций в Восточном Полесье» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 138–141.

ваются сельским населением[12].

Современные белорусские историки пытаются объяснить вооруженное сопротивление советскому режиму народным протестом, не упоминая антисемитизм, которым были пронизаны все заявления и действия погромщиков-крестьян. Игорь Пушкин из Могилевского государственного педагогического университета им. А.А. Кулешова делит повстанцев на три основных типа: 1) приверженцы реставрации старой власти, существовавшей до большевистской революции, 2) сторонники обретения белорусской независимости без Советов и коммунистов, 3) откровенные грабители, прикрывавшие свои выступления против евреев борьбой с антинародной советской властью[13]. Такой подход нельзя назвать объективным.

Сам Гомель не пострадал от погромов, которые обошли его стороной. В конце февраля — начале марта 1919 г. была предпринята попытка погрома, который предотвратили отряды самообороны, состоявшие в основном из еврейских социалистов (чаще всего члены «Бунда»), а также члены большевистского революционного комитета во главе с М. Бахтиным из левых эсеров.

Сохранились сведения о погромах на территории Гомельской губернии в 1920–1922 гг. В письме, направленном исполнительному комитету Еврейского общественного комитета в Гомеле, подробно описывается 31 случай нападений, совершенных различными группами бандформирований (особенно отрядами Булак-Балаховича, бандой Галака и др.). Чрезвычайно серьезные инциденты произошли в Краснополье (38 убитых, 39 тяжелораненых, 18 сожженных), Калинковичах (27 убитых, 56 тяжелораненых, 60 изнасилованных женщин), Хойниках (10 погибших, 23 тяжелораненых), Холмече (23 погибших), Розаевке (45 убитых — все еврейское население села, кроме двух детей, которым удалось бежать), Репках (около 100 погибших), Микуличах (17 убитых). Было совершено нападение на пассажирское судно в русле Днепра (37 убитых евреев) и др.[14]

После погромов Политбюро ЦК РКП(б) в Москве 18 июня 1920 г. приняло решение создать Еврейский комитет общественной помощи жертвам беспорядков (Евобщестком). Комитет функционировал с 1920 по 1924 г., и его роль заключалась в оказании гуманитарной помощи жертвам погромов во время гражданской войны и тем, кто пострадал от ее последствий. Механизм помощи уже был разработан еврейскими организациями (во время Первой мировой войны). Комитет занимался распределением

---

[12] І. Пушкін, *Узброены супраціу ва усходняй Беларусі (1920–30-я гады XX стагодзя)*. Магілёу, 2003, с. 19–27.

[13] Там же, с. 3.

[14] ГАГО, ф. 1725, оп. 1, д. 34, лл. 74–74об. Эти события произошли в октябре-ноябре 1920 г.

продуктов питания, одежды, инструментов для рукоделия, денег, предметов первой необходимости, предоставляемых американской организацией «Джойнт» (JDC), обеспечением медицинской помощи и многим другим. Беженцам в Гомеле и в округе была оказана продовольственная помощь на сумму около 1 млн руб.,[15] которые поступали в основном от «Джойнта».

Советская политика включала в себя так называемый «сухой закон», который ограничил деятельность увеселительных учреждений (ресторанов, кафе, казино), предусматривала национализацию аптек, запрет на пользование землями при подготовке к их полной национализации, лимиты на вывоз товаров первой необходимости из городского пространства и полный контроль за продовольственными резервами[16].

В январе-феврале 1919 г. между гомельскими большевиками и руководством РКП(б) в Москве велось соперничество по вопросам экономической политики[17]. Гомельчане настаивали на том, чтобы конфискованные ресурсы направляли в первую очередь на нужды своего города и его жителей, тогда как центральная власть стремилась передать их столицам и Красной армии, сражавшейся в то время на нескольких фронтах. Принцип диктатуры в области хозяйственного снабжения означал полное изъятие сельскохозяйственных ресурсов, включая домашний скот, технику и др.[18] Эти меры можно было принять, когда речь шла о выживании, но большевики и в дальнейшем не собирались останавливаться. Это привело к росту очагов сопротивления особенно в сельских районах, где политика неограниченных изъятий продовольственных запасов превзошла все ожидания.

Как выглядел Гомель в начале 1919 г. при большевиках? Вот одно из свидетельств современников, в котором описывается экономическая ситуация: «*…в кафе продавали шоколад, а кондитеры предлагали конфеты и печенье*». И тут же замечание, которое передает негативное отношение к евреям: «*…город наводнен торговцами и спекулянтами — большинство из них евреи*»[19]. Моисей Герчиков вспоминал, что в 1919 г. был острый дефицит товаров, одежды и топлива. Деньги потеряли свою стоимость, поэтому часть селедки стоила миллионы рублей. Подростки в 15–16 лет вынуждены были оставлять школу и идти работать, чтобы помочь прокормить семью. За работу платили продовольствием — пакетами с продуктами питания в качестве замены денежных средств[20]. Несмотря на

---

[15] Л. Смиловицкий, *Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья.* Иерусалим, 2008, с. 280–283.

[16] ГАООГО, ф. 52, оп.1, д. 43, лл. 83–84.

[17] И. Такова, Указ. соч., с. 95–100.

[18] Там же, с. 103–106.

[19] Там же, с. 153–154.

[20] Мемуары Моисея Герчикова, см.
http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Gerchikov1.htm

эти трудности, ценой огромных усилий большевикам временно удалось стабилизировать свой режим, прежде всего решить самые насущные экономические проблемы, обеспечив город поставками товаров.

Восстание Стрекопытова, 23 марта — 1 апреля 1919 г.

Январь-апрель 1919 г. имели решающее значение для города. Стремление большевиков к политической гегемонии привело к проведению национализации и попытке централизации экономики, угнетению частного предпринимательства, репрессиям в отношении людей, причисленных ими к классовым врагам, а также к перебоям в снабжении и введению абсолютного контроля в этой сфере. К этому добавился жилищный кризис, связанный с расселением красноармейцев, которые, ожидая отправления на фронт, оставались некоторое время в городе[21].

В это время произошло восстание Стрекопытова, которое приобрело характер антибольшевистского мятежа. Его участниками стали солдаты Красной армии, расквартированные в Гомеле, которые были поставлены на постой в частных домах, в подавляющем большинстве случаев принадлежавших евреям[22].

В восстании участвовали солдаты 67-го и 68-го батальонов 8-й армейской стрелковой дивизии, укомплектованной призывниками из крестьян Тульской губернии. Силы насчитывали около 10 000 солдат под командованием офицеров, которые раньше служили в царской армии и перешли на службу в Красную армию. 18–19 марта 1919 г. батальоны были отправлены на фронт сражаться с украинскими войсками, но в результате неудачных боев солдаты решили покинуть фронт и вернуться в Тулу по железной дороге через Гомель и Брянск. Повстанцы взяли под свой контроль поезда и прибыли в Гомель 23 марта 1919 г. Власти Гомеля не были готовы к восстанию, а глава местной власти Мендель Хатаевич находился в Москве на партийной конференции. Повстанцы начали захватывать стратегические позиции рядом с железнодорожной станцией, требуя обеспечить их топливом и расходными материалами для продолжения движения в направлении Брянска.

Существуют различные объяснения причин восстания. Одна из версий говорила об офицерах — членах партии социалистов-революционеров (СР), которая находилась в оппозиции к коммунистам. Однако большинство восставших солдат, по-видимому, руководствовались не политическими мотивами, а нежеланием воевать и стремлением вернуться домой. Сказалось и плохое снабжение мобилизованных солдат в условиях их по-

[21] В. Лебедева, М. Чуянова (сост.). Указ. соч., с. 16, 78–79.

[22] И. Такова, Указ. соч., с. 151.

стоя в частном секторе. Восставших поддержали отдельные служащие из городского управления, а также железнодорожники, почтовые служащие и работники служб снабжения, часть из которых были бывшими офицерами царской армии, настроенными против большевиков[23].

Большевики организовали революционный комитет и штаб защиты и держали оборону в гостинице «Савой». После боев, продолжавшихся около трех дней, защитники сдались. Город удерживался повстанцами в течение пяти дней. За это время им удалось создать штаб, который объявил себя Полесским революционным комитетом во главе с Владимиром Стрекопытовым, командиром продовольственного отдела батальона. Штаб пытался стабилизировать ситуацию, расширить сферу влияния и привлечь в свои ряды различные местные силы. Казалось, что город может охватить хаос. Однако 28 марта повстанцы отступили на запад. Красная армия вернулась в Гомель 29 марта. В результате инцидента погибли 175 чел. (включая казненных повстанцев)[24].

Отношение евреев к восстанию

Выступление повстанцев сказалось на евреях Гомеля. Среди восставших солдат раздавались антисемитские лозунги и призывы: «Не хотим защищать евреев!» или «За Советы без евреев!»[25] Когда стрекопытовцы освобождали заключенных городской тюрьмы, это не коснулось «еврейских спекулянтов»[26]. После капитуляции сдавшихся защитников гостиницы «Савой» привели к почтовому отделению, и толпа избила их. В адрес Песи Каганской звучали различные оскорбительные выкрики, в том числе «жидовка»[27]. При этом руководители восстания во главе со Стрекопытовым угрожали самым суровым наказанием за насилие по отношению к гражданскому населению[28]. Но, несмотря на инструкции штаба, риск погромов был реальным.

Еврейская молодежь Гомеля пыталась организовать самооборону. В своем дневнике вечером 24 марта 1919 г. один из участников восстания, член штаба повстанцев Сергей Де-Маньян, записал: *«...еврейские магазины*

---

[23] В. Лебедева, М. Чуянова (сост.). Указ. соч., с. 58, 60, 67.

[24] В. Лебедева, *Studia internationalia*: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях XVII– XX вв.», 22–24 июня 2011 г. Брянск, 2010, сс. 99–109.

[25] И. Такова, Указ. соч., с. 159.

[26] Там же, с. 171.

[27] ГАООГО, ф. 52, оп. 1, д. 44, л. 5.

[28] Там же, л. 93.

спешно закрывались... К вечеру на улицах появились патрули еврейской самообороны... изредка в воротах домов или на подъездах попадались незначительные [количественно] *группы еврейской молодежи с винтовками в руках*»[29].

В ночь с 25 на 26 марта 1919 г. повстанцы попытались совершить погром, но ущерб нанесли только имуществу, и никто не пострадал. Повстанческое руководство остановило погром, и некоторое число солдат, участвовавших в нем, были казнены[30].

Восстание напугало евреев, но его оценки зависели от политической принадлежности свидетелей. Анархист-коммунист Ефим Майзлин утверждал, что еврейское население негативно отнеслось к восстанию «*из-за ощущения, что погром рано или поздно наступит*»[31]. Большевик Лелевич писал, что «*буржуазные еврейские чиновники были действительно счастливы*» в свете слухов о свободной торговле, но опасение погрома удержало массы евреев от поддержки восстания. Лелевич приводит слова хозяина гостиницы «Савой» Б. Гуревича, который якобы сказал: «*Хотя они* [мятежники] *вернули мне дом с разбитыми окнами, они все же вернули его*»[32].

Восстание Стрекопытова в Гомеле лишило большевиков власти только на пять дней. Но для еврейского населения, потерявшего всякую защиту на это время, они были наполнены тревожным ожиданием. Для состоятельной части горожан блеснула надежда возрождения свободы торговли, в худшем случае они готовы были откупиться. А у неимущих появился еще один повод сблизиться с советской властью, которая изгнала погромщиков и защитила евреев от физического насилия, не исключавшего убийства безоружных людей.

Административные перемены

20 апреля 1919 г., примерно через три месяца после возвращения большевиков к власти, последовало решение превратить Гомель в политический и экономический центр Гомельской губернии в пределах Российской Федерации. Еще через три месяца (11 ноября 1919 г.) его ратифицировал НКВД советской России[33]. Однако путь к этому оказался непростым. С января по май 1919 г. шли широкие дискуссии по вопросу, станет ли Гомель и прилегающие к нему районы частью Украины или советской

[29] И. Такова, Указ. соч., с. 169.
[30] Там же, с. 177.
[31] ГАООГО, ф. 52, оп. 1, д. 44, л. 23.
[32] В. Лебедева, М. Чуянова (сост.). Указ. соч., с. 39.
[33] М. Алейникова и др. (сост.). Указ. соч., с. 4, 7.

Беларуси или они войдут в состав советской России? И если в РСФСР — то как часть Могилевской губернии, как это было до немецкой оккупации в начале 1918 г., или Гомельской губернии? В конце концов, после жарких споров Гомельскую губернию включили в состав Российской Федерации. Это позволило усилить безопасность границ, получить экономическую поддержку и скорее обеспечить население города и округа товарами первой необходимости. При этом учитывалось, что административное деление в условиях молодого советского государства во многом носит условный и неокончательный характер.

Укрепление власти большевиков

Социальная структура еврейского населения осталась прежней, его религиозные, общинные, культурные и образовательные учреждения действовали в том же виде, как и между революциями в 1917 г. и под немецко-украинским правлением в течение большей части 1918 г. Несмотря на все перемены 1917–1918 гг., жизнь гомельских евреев заметно не изменилась. Они отмечали еврейские праздники, предпочитали соблюдать субботу, дети посещали хедеры и частные еврейские школы. Сионистское движение сохраняло значительное влияние, общественная жизнь города по-прежнему отличалась многопартийностью и оживленным обсуждением всех насущных проблем в периодической печати самых разных направлений.

Первой задачей, стоящей перед большевистским руководством города, стала стабилизация общей экономической ситуации и одновременно укрепление советской власти. Примерно через две недели после восстановления большевистского режима в Гомеле были закрыты независимые издания — «Полесье» (социал-демократическая газета) и «Голос» (газета «Бунда» на русском языке). Члены редколлегии газеты «Полесье» обратились к Ленину, чтобы отменить это решение. Среди аргументов они указывали, что в результате закрытия газет безработица в городе возрастет примерно до 50%, в то время как еще 10% населения окажутся безработными. Обращение осталось без ответа, и газеты перестали существовать[34]. Это был первый признак того, что большевики в 1919 г. уже не те, какими были в 1917 г., и что их готовность к компромиссу уменьшается, а стремление безраздельно господствовать усиливается.

В этот период в Гомеле все еще существовало некоторое идеологическое и политическое разнообразие, по крайней мере в отношении партий и движений, которые считали себя социалистическими. Доказательством этому служит публикация на первой странице издания «Путь Советов»

[34] И. Такова, Указ. соч., с. 100.

(орган Гомельского исполнительного комитета и Гомельского совета) на идише сообщения о планировавшейся конференции Объединенной еврейской социалистической рабочей партии в Минске[35]. Однако со временем все, что не совпадало с политикой большевиков, исчезало без следа.

Стремление к монополизму в деятельности большевиков было заметно за несколько месяцев до их возвращения в Гомель. В июне 1918 г. большевики вывели из Советов «Бунд», меньшевиков и правых эсеров (в отличие от левых эсеров)[36]. В Гомеле этот процесс начался позже и потребовал больше времени. Поэтому большевикам пришлось иметь дело с другими рабочими и социалистическими партиями, а именно с теми, кто заявил о своей поддержке революции в ноябре 1917 г., и, учитывая уникальный контекст национально-этнического демографического состава Гомеля, с еврейскими социалистическими партиями, которые идеализировали советский режим. В еврейской среде Гомеля большевикам пришлось столкнуться с тремя основными факторами: 1) двойственным отношением к себе внутри еврейских социалистических партий, 2) надеждами сионистов, чья позиция была нейтральной, что им будет позволено работать для достижения своих целей, 3) не антибольшевистским априори, но подозрительным отношением к себе религиозных и сторонников традиции людей, которые продолжали влиять на еврейскую жизнь в городе и округе.

Отношение к «Бунду»

Отношение «Бунда» к большевикам долго оставалось двойственным. С одной стороны, бундовцы критиковали РКП(б), а с другой — готовы были идти на компромисс по ряду практических вопросов. Во время польского наступления весной-летом 1919 г. члены гомельского «Бунда» организовали добровольческий отряд, который вошел в 1-й пролетарский батальон Красной армии. По оценке Эндрю Слойна, концентрация социалистических еврейских партий и тесные контакты с нееврейскими партиями сделали города Белоруссии центром революционной активности. Это особенно касается «Бунда», в рядах которого насчитывалось 30 000 членов[37].

В Беларуси, где у «Бунда» традиционно насчитывалось много сторонников и сочувствующих, большевики вынуждены были считаться с его влиянием. Рабочее движение здесь представляли ремесленники и кустари, тогда как промышленный пролетариат не принимал в нем участия. Поэтому большевики использовали внутренние противоречия в «Бунде», чтобы

---

[35] *Путь Советов*: Бюллетень, № 108, 11 мая 1919) г., с. 1.

[36] מ. בייזר (עורך), יהודי רוסיה 3: ממהפכות 1917 ועד נפילת ברית-המועצות, ירושלים תשע"ה, עמ' 65

[37] A. Sloin, Op. cit., p. 8–9.

добиться раскола в его рядах, обещая включить желающих в РКП(б). Добровольному союзу двух рабочих партий препятствовало принципиальное расхождение в вопросе о том, что первично: интернационализм (большевики) или национальные интересы рабочего класса («Бунд»).

В апреле 1920 г. внутренняя напряженность в «Бунде» привела к расколу на XII съезде РКП(б), когда «левая» фракция во главе с Эстер Фрумкиной и Аароном Вайнштейном стремилась сформировать совместную партийную платформу «Бунда» и большевистской партии. Для этого они создали «Комбунд», который вел переговоры о присоединении в качестве автономной фракции к большевистской партии и в конечном итоге выполнил директиву Коминтерна и объединился с партией большевиков. Окончательно их слияние произошло летом 1921 г.[38]

В Гомеле эти события имели свою динамику. Здесь «Бунд» получил значительную поддержку, и между двумя революциями его члены находились на руководящих должностях после выборов в Еврейскую демократическую общину в начале 1918 г. Большую активность в городской организации «Бунд» проявляла ее молодежная группа «Югенд Бунд». Гомельские большевики рассматривали «Бунд» как заметную силу. Сохранилось письмо Менделя Хатаевича в ЦК РКП(б) в феврале 1919 г., где он представлял «Бунд» как серьезного конкурента верховенству большевистской партии. При этом Хатаевич указывал на «Поалей Цион» как на возможного временного союзника коммунистов[39]. Так или иначе, но большевики тогда еще не могли позволить себе открыто выступить против «Бунда», завоевавшего популярность среди еврейских рабочих и населения. Однако в 1920 г. они перешли к более решительным действиям и даже забрали здание клуба «Бунда» в Гомеле, построенного на деньги еврейских рабочих. В том же году закрыли газету «Югенд Бунд»[40]. Однако это стало только началом бескомпромиссной борьбы большевиков за власть в рабочем движении.

Отношение к сионистам

Вторыми после «Бунда» временными попутчиками большевиков, которых требовалось устранить, были сионисты. Они поддерживали большевиков в период их общей борьбы с самодержавием, монархистами, либералами, иностранными интервентами, белым движением, крестьян-

[38] А. Великий, «Бунд в коммунистической Беларуси: хроника политического уничтожения» // *Беларусь у XX стагодзі* 2 (2003), см. http://jewishfreedom.org/page400.html

[39] И. Такова, Указ. соч., с. 101–102.

[40] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920*-е. *Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 64.

скими атаманами, но стали не нужны, когда наступил мир. Принципиальное несогласие между большевиками и сионистами состояло в определении пути построения справедливого общества. Коммунисты настаивали, что это возможно только для трудящихся, а не для всех без исключения граждан, тогда сионисты считали, что все евреи без исключения (трудящиеся и предприниматели, религиозные и светские) имеют право на собственный национальный дом, для этого необходимо переселиться в Палестину.

Положение сионистов в Гомеле и Гомельском округе было настолько прочным, а количество сторонников столь многочисленным, что большевики в 1919 г. не решились на открытое противостояние [41].

Орудием борьбы с сионистами большевики избрали Еврейское бюро (евсекция) при Гомельском отделении РКП(б), состоявшее в основном из членов «Бунда». В начале июня 1919 г. вторая конференция евсекций Гомельского округа подчеркнула необходимость борьбы с несоциалистическими еврейскими партиями, движениями и организациями. Было выдвинуто требование запретить не только общую сионистскую деятельность, но и демократические еврейские общества как «*опорные пункты всех реакционных сил в еврейском народе*».

Большевики добивались своей цели с помощью власти, которую они узурпировали, поскольку не терпели инакомыслия и предпочитали силу аргументам в споре. 19 июня 1919 г. они сообщили о закрытии еврейских выборочных демократических общин[42], а четыре дня спустя (22 июня 1919 г.) — о конфискации их имущества в Гомеле и его округе[43]. Примерно через месяц (23 июля 1919 г.) был издан циркуляр Евкома, подписанный Шимоном Диманштейном, объявлявший роспуск демократических общин, а также других «буржуазных» организаций — учреждений «Тарбут», обществ помощи евреям и т. д. Это положило конец деятельности в Гомельском округе еврейских учреждений — религиозных, светских, сионистских и даже социал-демократической ориентации.

Однако полностью устранить сионистскую составляющую из общественной жизни еще не пришло время. Строительство социализма с сионистским лицом, то есть для еврейских трудящихся, как и отказ от эксплуатации человека человеком, признание диктатуры пролетариата и союза с российским рабочим классом, считалось «кошерным». Одним из

---

[41] Ю. Глушаков, «Деятельность еврейских социалистических организаций в Гомеле в первой четверти XX в.» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 76.

[42] В Гомеле аналогичный указ был официально опубликован 24 июня 1919 г. *Путь Советов*: Бюллетень, № 145, 24 июня 1919 г., с. 2.

[43] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 70.

направлений этой работы стала спортивная организация «Маккаби», которую в Гомеле возглавлял Самуил Голодец, а финансирование осуществлялось Всемирным движением «Маккаби» и на добровольные пожертвования[44]. Спортивное общество оставалось популярным среди еврейской молодежи и держалось в стороне от политической жизни, что препятствовало его запрету. В Гомельской губернии число членов «Маккаби» выросло с 486 в 1917 г. до 1 278 в 1921 г.[45], почти в три раза.

В течение 1919 г. сионистская деятельность в Гомеле и его округе продолжалась, хотя ее главным направлением стала репатриация в Эрец-Исраэль и профессиональная подготовка к ней, в первую очередь сельскохозяйственная. Это изменение сферы деятельности было обусловлено как новыми условиями при большевистском советском режиме, так и созданием организации «Гехалуц» годом ранее (1918 г.) и принятием «Плана Трумпельдора» в Москве в 1919 г., в котором особое внимание также уделялось приобретению сельскохозяйственных навыков. В рамках этой программы были открыты два пункта для обучения ведению сельского хозяйства (которые затем назовут учебной фермой), один из которых — «Кадима», а другой — «Новая ферма». Летом 1919 г. 20 000 рублей поступили в сионистскую организацию Петрограда для создания второго фермерского хозяйства, которое возглавили Аарон Элиезер Ааронсон, Эзра Альтерман, адвокаты Дов Гиссин и Хаим Конин. Деньги отправил председатель кооперативного общества «Кадима» в Гомеле Цви Хаим Индман[46] (об этом человеке и его работе см. в гл. 4).

Появились инициативы, которые имели целью направить сионистскую деятельность в новые русла. Был создан Гомельский еврейский кружок национального самосознания (ГЕКНАС), который сотрудничал с организацией «Цеирей Цион» в области воспитания, осмысления и укрепления еврейского самосознания. В его рядах выделялись молодые лидеры: Моисей Цилов, Лия Краснова, Давид Фиглин, Зяма Шмулевич и др. Программа включала в себя знакомство с основами сионизма, лекции. Перед участниками кружка выступал литературный критик Натан Бистрицкий, известный как Натан Агмон[47], сами они готовили творческие постановки (пьесы, поэтические литмонтажи и хор). Эти мероприятия проходили частично в «Бейт ха-Ам», специализированном сионистском клубе, и в снятом скромном здании, которое служило клубом для членов

---

[44] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, л. 59.

[45] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 95.

[46] אצ"מ: A390/11

[47] 'נתן אגמון', ד. תדהר (עורך), האנציקלופדיה לחלוצי היישוב ובוניו, כרך ו', ישראל תשט"ו, עמ' 2557

см. http://www.tidhar.tourolib.org/tidhar/view/6/2557

кружка[48]. Однако кружок прекратил свое существование в 1920 г. из-за политизации некоторых его членов, которые создали молодежное крыло Еврейской социал-демократической партии «Поалей Цион» («Югенд Поалей Цион») и открыто противостояли большевикам[49].

В целом в начале 1920-х гг. советский режим в отношении сионистов еще предпочитал не столько запреты, сколько уговоры. Он пытался ограничить сферу их деятельности, отказывал в финансировании и устраивал искусственные преграды. Большевики утверждали, что будущее еврейской молодежи — в СССР, а не за тридевять земель в Палестине, что рабоче-крестьянская власть сделает все необходимое, для того чтобы осчастливить трудящихся евреев по месту их рождения.

Закат еврейских политических движений

Одним из путей устранения политических конкурентов было их поглощение РКП(б). Иногда с этой целью создавались номинальные промежуточные партийные образования, которые носили временный характер. Так произошло с еврейской социал-демократической рабочей партией «Поалей Цион», левая фракция которой на конференции в Гомеле в августе 1919 г. образовала еврейскую коммунистическую партию «Поалей Цион» (ЕКП) с центральным печатным органом — журналом «Накануне» (1919–1921 гг.)

Тон конференции в Гомеле задавали сторонники слияния «Поалей Цион» с большевиками — Цви Фридланд, Александр Хешин, Меир Гер, Зяма Островский[50]. Создание ЕКП привело к массовому переходу активистов «Поалей Цион» в ряды новой (и временной) партии осенью 1920 г., что стало промежуточным этапом на пути к ее полному слиянию с большевистской партией.

В августе 1920 г. ЕКП «Поалей Цион» и родственные ей партии ряда стран (Австрии, Италии, Латвии, Литвы, Польши и др.) создали Всемирный еврейский коммунистический союз «Поалей Цион» (Коммунистический Вельтфарбанд). Он активно пропагандировал сионизм и идею проникновения через структуры Коминтерна на Ближний Восток. В 1919–1922 гг. после ожесточенной идеологической и политической борьбы с РКП(б) ЕКП «Поалей Цион» отказалась от сионистской идеологии и заявила о разрыве с Коммунистическим Вельтфарбандом. В декабре

[48] Из мемуаров Моисея Герчикова, см. http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer8/Gerchikov1.htm

[49] Из мемуаров Моисея Герчикова, см. http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer8/Gerchikov1.htm

[50] Из мемуаров Моисея Герчикова, см. http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Gerchikov1.htm

1922 г. ЕКП «Поалей Цион» в советских республиках самораспустилась. Часть членов партии, перешедших на большевистские позиции, была принята в ряды РКП(б), другие отошли от политики, а представители правого крыла оформились в Еврейскую рабочую коммунистическую партию. Последние группы «Поалей Цион» в России прекратили свое существование летом 1928 г.

В 1920 г. в Гомеле прошла чрезвычайная конференция Объединенной еврейской социалистической рабочей партии во главе с М. Литваковым, по итогам которой она потеряла свою независимость, и действительно конференция решила, что «*Объединенная социалистическая еврейская партия перестала существовать*»[51].

Шолом Холавский считает, что прекращение деятельности независимого еврейского политического движения связано с окончанием войны между советской Россией и Польшей в июле 1920 г. Это позволило большевикам заняться укреплением своей политической гегемонии, поскольку до тех пор в Красной армии существовали еврейские воинские подразделения, организованные по партийной принадлежности, такие, например, как отряд им. Борохова, связанный с движением «Поалей Цион», и отряд им. Гроссера, близкий к «Бунду»[52].

Еврейские организации и союзы

В течение 1919 г. существовало широкое еврейское общественное движение. Можно сказать, что эта деятельность происходила по инерции и потому что обновленный советский режим, с одной стороны, еще не смог остановить предыдущую еврейскую деятельность и пока не создал большевистскую альтернативу — с другой. В Гомеле действовали еврейские организации, цель которых состояла в оказании помощи еврейскому населению. И среди них: «Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России» (ОРТ), «Еврейский общественный комитет» (Евобщестком), «Джойнт» (JDC), «Еврейское колониальное общество» (JCA), «Еврейская организация здравоохранения» (ОЗЕ) и др.

Большая роль в связях с еврейской общественностью принадлежала «Джойнту», который оказывал безвозмездную поддержку на систематической основе наиболее нуждающимся слоям еврейского населения, субсидировал проекты в области образования, профессиональной подготовки и медицинского обслуживания. Эта помощь делилась на так называемые «конструктивную» и «неконструктивную». Первая включала содержание и

[51] Из мемуаров Моисея Герчикова, см. http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Gerchikov1.htm

[52] ש. חולבסקי, משלי, ישראל תשס"ב, עמ' 81

субсидирование детских домов, профессионально-технических и сельскохозяйственных школ, а также проведение курсов профессиональной подготовки и повышения квалификации, вторая — бесплатную раздачу обедов и продуктов питания, одежды и обуви, отопление детских домов, а также содержание столовых. Представителем «Джойнта» в Гомельской губернии был М. Ханин[53].

В целом отношение властей к еврейским общественным организациям и союзам было прагматичным, поскольку они делали то, с чем сами власти не могли справиться из-за отсутствия опыта, финансовых возможностей рабочей силы и пр. Большевики, в первую очередь, стремились влиять на эту деятельность с помощью своих сторонников в «Еврейском общественном комитете» (Евобщесткоме)[54].

Однако со временем советские руководители вмешивались в дела благотворительных и непартийных организаций все более настойчиво. 27 марта 1920 г. на заседании окружного совета Гомельской евсекции была дана негативная политическая оценка действиям «Джойнта» (JDC): «*…евсекция Гомеля рассматривает действия "Джойнта" как попытку международной еврейской буржуазии возродить деятельность религиозных еврейских организаций посредством материальной помощи*», а 19 июля 1921 г. принято решение прекратить деятельность этих организаций под предлогом нецелесообразности[55].

На службе у большевиков

Симпатии евреев к советской власти были закономерными. Особенно после того, как она открыто встала на их защиту от погромщиков и провозгласила равенство перед законом. Кроме всего прочего, на службу к большевикам евреев толкали и экономические трудности. Но самое главное, что советская власть обещала евреям национальное равенство и гражданское равноправие, и когда старое российское чиновничество отказалось сотрудничать с большевиками, то евреи их успешно заменили. Поэтому неудивительно, что среди первых советских служащих, руководителей общественных организаций и союзов, учреждений, ведомств, районных, городских и областных исполкомов Советов, партийных комитетов, особенно в области пропаганды, экономики и культуры, оказалось много евреев. Они откликнулись на призыв большевиков участвовать в

[53] M. Beizer, *Relief in Time of Need: Russian Jewry and the Joint 1914–1924.* Bloomington, 2015; М. Ботвинник, «Первые шаги Джойнта в Беларуси» // *Беларусь у XX стагодзі* 2 (2003). См. http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/xx/xx020105.html

[54] ГАООГО, ф. 1 оп. 1, д. 118, л. 70.

[55] Там же, д. 450, л. 136; д. 1578, л. 1.

советском строительстве по ряду причин, среди которых можно выделить основные: 1) национальные (отмена дискриминации), 2) профессиональные (уровень образования и деловые качества, организаторские способности), 3) экономические (предоставление нормированного снабжения и крова над головой).

Высокий уровень грамотности и образованности среди евреев сыграл существенную роль в их карьерном росте на государственной службе, поскольку до 1917 г. общий уровень образования подданных Российской империи, включая Северо-Западный край (современная территория Беларуси), был очень низким.

В 1913 г. в белорусских губерниях грамотными были только 327 из каждой 1 000 чел. (32,7%), а в сельской местности — 276 из 1 000 чел. (27,6%). Для сравнения: в Европейской России владели грамотой 434 из каждой 1 000 чел. (43,4%) , в Украине — 416 чел. (41,6%), на Северном Кавказе — 356 чел. (35,6%)[56]. В то же время среди еврейского населения Беларуси уже в конце XIX в. грамотными были 42,0% (из них 45,2% — в городах и 40,8% — в уездах). Среди мужчин-евреев процент грамотных был еще выше — 52,1% (53,2% — в городах и 51,3% — в уездах)[57].

Евреи справедливо опасались, что в случае провала большевиков вырастет антисемитизм. Председатель ВЦИК РСФСР М.И. Калинин на 2-й конференции евсекций в начале июня 1919 г.[58] отмечал, что царский режим «*создал человеческий резервуар революции*»[59] во время Первой мировой войны, что привело к массовому переселению евреев из районов, прилегающих к фронту, — около 250 000 чел. тогда были депортированы, а еще 350 000 чел. бежали из зоны боевых действий во внутренние районы Российской империи. Эти перемещения евреев часто сопровождались неприкрытым насилием, включая надругательство над женщинами, грабежи и погромы[60]. В этих обстоятельствах привычное зло бытового антисемитизма и экономические трудности пугали еврейские массы больше, чем незнание своего будущего.

Коммунисты-евреи доказывали, что для борьбы за всеобщее счастье трудового народа необходим отказ от национальной ограниченности. Известен случай, когда из местечка в округе, пострадавшего от погрома, несколько евреев бежали в Гомель. Они пришли в отделение ЧК и связались со старшим, находившимся в бюро, который тоже оказался евреем, и по-

---

[56] А. Зеленкова, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (1920–30-е годы XX века)*. Вып. II. Гомель, 2000, с. 15.

[57] А. Гурко и др. *Кто живет в Беларуси*. Минск, 2012, с. 438.

[58] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки.* Минск, 2008, с. 74–75, 77–78.

[59] ГАООГО, ф. 2, оп. 1, д. 5, лл. 9, 136.

[60] A. Sloin, Op. cit., p. 42–43.

просили вооружить их для целей самообороны. «*Разве*, — спросил чекист, — *русские тоже пострадали в погроме?*» Ответ был отрицательным — только евреи пострадали в погроме. «*Тогда я ничего не могу с этим поделать*», — ответил им начальник ЧК в Гомеле[61].

Однако не все евреи-коммунисты стремились к полной ассимиляции. Среди них были люди, которые допускали сохранение еврейской культуры, языка идиш и традиций в обществе без эксплуатации человека человеком. Они были убеждены, что национальное равноправие не означает унификацию, пренебрежение национальными идеалами, отказ от опыта старших поколений. Это был наиболее дальновидный и разумный взгляд на возможности национального строительства в СССР. Призывы евреев-коммунистов не нашли широкого отклика у еврейской улицы, поскольку запрет свободной торговли, отказ от рыночной экономики, пренебрежительное отношение к деньгам, реквизиции собственности и пустые обещания скорого всеобщего благоденствия свидетельствовали об обратном.

Евреи в городском управлении

Политическую жизнь после восстановления советской власти в Гомеле возглавили евреи-революционеры. Прежде всего, выделялась такая харизматичная личность, как Мендель Хатаевич, который во многом способствовал тому, чтобы Гомель стал губернским городом. Хатаевича поддерживали Давид Цырлин, Соломон Кацаф и Яаков Фрид (помощник военного комиссара). Известные активисты Борис Ауэрбах-Подгорный, который возглавлял комиссариат юстиции, Песя Каганская, председатель революционного комитета, были частью группы Хатаевича, к которой примыкали Самуил Хавкин, Лев Файншмидт, Зоя (Зелик) Песин и другие.

Первая большевистская администрация Гомеля после 1919 г. состояла из 19 чел., 13 из которых были евреи: Комиссаров (Гуревич), Цейтлин (комиссариат снабжения), Цырлин (комиссариат по обработке земли), Отавский, Абрамович, Фельдман (комитет народного хозяйства), Драгунский (народное образование), Хавкин, Хафт, Фейгельсон (департамент труда), Кацаф (внутренняя администрация), Ашберг (юстиция), Майзлин (городской жилотдел). На руководящих должностях в городской и губернской партийной организации находились почти исключительно евреи. Это были молодые, энергичные, решительные и бескомпромиссные люди, которые сделали стремительную карьеру, пожертвовав для этого национальным самосознанием[62].

[61] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 67, л. 33.
[62] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 9, 136.

Роль евсекции

Большую роль в осуществлении советской политики среди еврейских граждан сыграли евсеки, как на партийном жаргоне того времени называли членов еврейской секции при ЦК КП(б)Б, сформированной 30 июня 1919 г. В августе 1919 г. центральный комитет евсекции обосновался в Гомеле. Сначала руководителем назначили Григория (Гирша) Рыклина, уроженца города Стародуб Черниговской губернии, который до перехода к большевикам состоял в «Поалей Цион». Ему помогал еврейский поэт Давид Уткес. Вместе они начали издавать коммунистическую газету на идише «Дер комунистишер вег»[63].

Евсекция стремилась уничтожить дореволюционные нормы жизни, основанные на еврейском наследии, традиции, еврейской культуре, сионизме и т. д., и преобразовать их в новые и альтернативные образцы еврейской идентификации. Это должно было произойти с помощью образовательных, культурных и политических институтов[64]. Однако евсекция занималась не только устранением политических противников на еврейской улице и распространением большевистской идеологии. Она помогала в решении социальных проблем и трудоустройстве евреев, заботилась о нуждах беженцев и безработных, искала средства для детских домов, школ и культурно-просветительных учреждений.

Евсекция пыталась завоевать еврейскую улицу в два этапа: 1) июль-декабрь 1919 г. — сталкивание конкурирующих партий, которые действовали среди еврейского населения, с политической арены, 2) январь 1920 г. — создание специальной партийной инфраструктуры для непосредственного обращения к еврейскому населению. В лекции Х. Пестуна на губернской партийной конференции в Гомеле, посвященной деятельности евсекции в первой половине 1920 г., обнаружилось ее отношение к небольшевистским партиям, действующим в еврейской среде. Намерение состояло в том, чтобы вызвать раскол между ними, тем самым ослабляя и разрушая их до основания. В основном это была агрессивная пропаганда, направленная на дискредитацию идейно-политических противников среди еврейского населения. Одновременно члены евсекции продолжали сотрудничать с эсерами, бундовцами, меньшевиками и сионистами для решения повседневных вопросов городской жизни. Члены небольшевистских партий оставались частью административного аппарата Гомеля и его

---

[63] Из мемуаров Моисея Герчикова, см. http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Gerchikov1.htm

[64] E. Bemporad, *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk*. Bloomington and Indianapolis, 2013, p. 32.

окрестностей во многих сферах деятельности[65].

Возможности евсекции заниматься большевистской пропагандой среди еврейского населения не были ограничены. Однако этого было недостаточно, чтобы завладеть его вниманием, поскольку материальные возможности в оказании практической помощи нуждавшимся оставались более чем скромными. Более того, в случаях необходимости защитить еврейское население от необоснованных притеснений советской администрации евсекция оказывалась бессильной. Когда летом 1919 г. польская армия на западе и армия Деникина на юге приблизились к Гомелю, в город прибыли отряды Красной армии, которые требовалось срочно разместить на постой. Недолго думая городской Совет в категоричной форме, распорядился в течение двух дней выселить 1 000 семей «неработоспособных элементов» из своих домов, предоставив их военным. Это вызвало ужас и панику в Гомеле. 19 июля 1919 г. непосредственно Ленину была отправлена телеграмма, из которой можно узнать, что это около 1 000 семей, большинство из них еврейские, по-видимому, с наиболее высоким социально-экономическим статусом. В телеграмме выражалась обеспокоенность тем, что переселение будет восприниматься как антиеврейская операция и что «*она будет кормом для антисемитов всех видов*»[66]. В конце концов выселение отменили. В результате авторитет евсекции сильно пострадал, а еврейская эмиграция выросла.

Наступление на религию

Профессор Кеннет Б. Мосс из университета Джона Хопкинса в Балтиморе отмечает, что период между 1917 и 1921 гг. был решающим для нововведений в ортодоксальном иудаизме, а также прямым ответом на такие политические события, как советизация.

В качестве примера Мосс приводит решение раввина Йосефа (Йоэля) Горовица, основателя ешивы «Мусар» в Новогрудке, использовать учеников для распространения своих идей во время Первой мировой войны[67], после переезда ешивы в Гомель в 1915 г. В 1919 г., после восстановления советского режима в Гомеле, власти стали проявлять нездоровый интерес к этой ешиве. Тогда Горовиц переехал со старшими учениками в Киев. Однако в Гомеле осталась небольшая часть ешивы, возглавляемая зятем

---

[65] С. Лерман, А. Патыко (сост.), *Трудящиеся Гомельщины в борьбе за власть Советов (1917–1920 гг.): Хроника событий*. Гомель, 1958, с. 160.

[66] И. Такова, Указ. соч., с. 100.

[67] מ. בייזר (עורך), יהודי רוסיה 3: ממהפכות 1917 ועד נפילת ברית-המועצות, ירושלים תשע"ה, עמ' 78

Горовица, раввином Авраамом Яффе (1887–1970). В ней обучалось около 200 учеников, в подавляющем большинстве дети[68].

В 1921 г. раввина Яффе арестовали и содержали под стражей около месяца, но затем освободили благодаря усилиям различных людей, ходатайствовавших за него перед властями. После этого раввин Яффе и около 600 студентов нелегально, с помощью контрабандистов, перешли границу с Польшей. Впоследствии ешива продолжила свою деятельность в Белостоке[69]. Это был пример того, как верующие, которые не смирились с советским режимом, оставляли пределы СССР, даже используя нелегальные пути. Большинство гомельских евреев не имели такой возможности и были вынуждены приспособиться к советской действительности.

Регистрация религиозных общин и контроль за их деятельностью находились в компетенции местных властей. Декретом СНК РСФСР «Об отделении государства от церкви» 23 января 1918 г. здания религиозных общин были переданы муниципальным властям. Если группа верующих (любой религии) хотела продолжать использовать здание, как и до вступления в силу этого декрета, она должна была заключить договор на аренду с местными властями. Для этого требовалось организовать инициативную группу не менее чем из 20 чел., которая арендовала бы здание с заранее оговоренными условиями[70].

Этнограф Исай Пульнер описывает изменение религиозного служения и традиций среди еврейского населения после стабилизации большевистского режима в Гомеле в середине января 1919 г.: молодежь все больше покидала синагогу и отходила от традиционного жизненного уклада по идеологическим или практическим причинам. Например, для государственных служащих-неевреев суббота была обычным рабочим днем, а от тех евреев, кто стремился занять подобную должность, также требовалось работать по субботам. Кроме того, антирелигиозная пропаганда, хотя и не систематическая, сосредотачивалась на неких мероприятиях, которые имели двоякий эффект: с одной стороны, они привлекали молодежь как нечто интересное, новое и возможностью участия, с другой — вызывали противодействие старшего поколения и обостряли отношения внутри семьи. Вот как И. Пульнер описывает Йом Кипур 1920-го г.: «*яркий солнечный день*», на Площади труда, рядом с которой находились

[68] А. Лебедев, В. Пичуков, «Политика Советской власти в отношении иудейской религии на Гомельщине в 1920–1930-х гг.» // *Цайтшрифт* № 7 (2), 2012 г., с. 28–35.

[69] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 107–108; после Второй мировой войны раввин Яффе заново открыл Новогрудскую ешиву уже в Бруклине, Нью-Йорк (США).

[70] В. Пичуков и др. (сост.), *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 9–10.

пять крупнейших гомельских синагог, состоялся митинг с участием оркестра. И после выступления каждого оратора оркестр играл тот или иной революционный гимн. Митинг вызвал интерес как у детей, так и у взрослых (из любопытства или как акт сопротивления)[71] и привел к полемике, преимущественно устной, и к публикации на тему «Судный день». Событие не осталось без ответа — прошли советская еврейская демонстрация против активистов, которые помешали празднованию Йом Кипура, и демонстрация во главе с раввином Большой каменной синагоги и лидером движения «Мизрахи» в Гомеле раввином Барышанским[72]. Это были первые случаи направленной антирелигиозной деятельности, которая со временем усилилась.

* * *

Гражданская война и иностранная интервенция в 1918–1920 гг. вызвали экономический хаос — трудности, связанные со снабжением продовольствием и товарами первой необходимости, истощением дореволюционных запасов, и социальные проблемы — напряженность межнациональных отношений, рост преступности, крах системы здравоохранения и образования, резкое падение уровня жизни. Все это поставило жизнь жителей Юго-Восточной Беларуси, как и всей страны, на грань выживания. Восстановление порядка и стабильность любой политической власти считались за благо. Евреи, составлявшие больше половины населения Гомеля, были активно вовлечены в эти события. Одни из них действовали сознательно по своему выбору, другие — по воле обстоятельств. Еврейские национальные, религиозные и культурные партии, союзы и организации существовали по инерции, как это происходило между двумя русскими революциями 1917 г., во время немецко-украинского правления в Гомеле.

Большевики, вернувшиеся в Гомель в январе 1919 г., столкнулись на еврейской улице с тремя основными силами — сионистскими социалистическими партиями, религиозными сионистами и ортодоксальными объединениями. «Бунд» из оппонента большевиков стал их попутчиком, а потом союзником. Еврейской секции при РКП(б) Гомеля, большую часть которой составляли выходцы из «Бунда», предстояло бороться с сионистами. Чаще всего они добивались своей цели не путем убеждения, а используя формальные рычаги власти, которую узурпировали коммунисты.

---

[71] В. Пичуков и др. (сост.), *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 153.

[72] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 116–117.

Однако полностью устранить из политической жизни сионистов-социалистов еще не пришло время. Они заполняли те социальные ниши, с которыми советская власть не могла справиться из-за неопытности, нехватки бюджета и профессионализма.

Советские руководители Гомеля, устранив своих конкурентов в социалистических партиях, принялись за сионистов-ревизионистов и ортодоксов. Руководствуясь декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 г. об отделении государства от церкви, они потребовали передачи им всего конфессионального имущества верующих, включая культовые здания, синагоги и кладбища. Синагоги утратили роль общинного еврейского центра, где верующие не только учили Тору, но и обсуждали все насущные вопросы, занимались благотворительностью. Евреи теперь могли там только молиться. Так был существенно ослаблен последний реальный противник советской власти, и она могла теперь сосредоточиться на экономических вопросах. Евреи Гомеля откликнулись на призыв городской администрации участвовать в советском строительстве по ряду причин, среди которых можно выделить экономические, профессиональные, социальные, национальные. Авторитет большевиков вырос главным образом после того, как они начали бороться с антисемитским насилием.

Глава четвертая
Новая экономическая политика, 1922–1926 гг.

После окончания гражданской войны городское хозяйство Гомеля находилось в плачевном состоянии. Ресурсы его были исчерпаны, жилищный фонд требовал срочного ремонта, коммунальные службы не работали. Улицы города наводнили беспризорные дети, родители которых погибли, умерли от голода или болезней, не вернулись из плена, оказались в эмиграции. В Гомель прибыло большое количество беженцев из сельских районов в поисках убежища от погромов и голода. Городские власти должны были срочно решать неотложные задачи жизнеобеспечения, создавать рабочие места, обеспечивать прожиточный минимум для тысяч людей, пока они не вышли на улицы с протестом. Обещания и угрозы не могли помочь делу. Для решения наболевших вопросов требовалось доверие между представителями власти и гражданами.

В период между революциями и окончанием гражданской войны произошли общие демографические и социальные изменения, в частности, среди еврейского населения. Эти изменения отражали три основных фактора: 1) внутренняя миграция в Гомель жителей близлежащих местечек, 2) эмиграция вне советского контроля — особенно в Польшу, Латвию и Литву, 3) смертность от болезней, голода, борьбы и погромов.

Достоверные демографические данные за эти годы отсутствуют, и мы располагаем лишь частичными сведениями. В 1920 г. в Гомеле (не включая пригород Новобелица) проживали 29 080 евреев, которые составляли 53,2% от всего населения, насчитывавшее 54 655 чел. Кроме этого, в местечках Гомельского уезда числился 8 501 еврей (28,9%) из населения, составлявшего 29 423 чел.[1] Во время гражданской войны население Гомеля уменьшилось, но после ее окончания оно выросло и даже превысило свою численность накануне революций.

[1] *Отчет Совета труда и обороны с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г.*. (приложение). Гомель, 1922.

Перемены в еврейской жизни

Что представляла собой еврейская жизнь в Гомеле к началу 1920-х годов? Иудейская религиозная община утратила свое единство и распалась на несколько разрозненных групп верующих, объединенных вокруг отдельных синагог. 23 августа 1923 г. городской комитет коммунистической партии в Гомеле распространил директивное указание для уездных комитетов РКП(б)Б, в котором излагались основные организационные принципы отношения к религиозным конфессиям и верующим. В нем подчеркивалось принципиальные положения о том, что «*церкви, молитвенные дома и синагоги*»

1) нельзя закрывать, пользуясь административными методами, а в противном случае культовые помещения необходимо вернуть общине;

2) решение о самороспуске общины принимать путем голосования без привлечения неверующих и лиц, которые не были активными членами общины;

3) отказаться от преследования верующих за их убеждения, что только усиливает их упорство и мешает взаимопониманию. Вместо этого предлагалось сосредоточить внимание на «*вдумчивой и терпеливой критике религиозных предрассудков при серьезном рассмотрении идеи Бога, поклонения религии*»[2].

Важно было успокоить верующих, несмотря на атеистический характер государства и отделение школы от церкви, что права верующих защищены законом, соблюдение традиции и молитвенные собрания проводятся открыто, как и в прежние времена. Всеми этими заверениями предполагалось добиться лояльности верующих и привлечения их к мероприятиям советской власти. Однако не случайно многие распоряжения партийных комитетов и Советов излагались таким образом, что толковать их можно было двояко.

К середине 1920-х гг. политика относительной терпимости к верующим изменилась. Экономические успехи, достигнутые на основе НЭПа, и мирный диалог, налаженный с бывшими идеологическими противниками советской власти, дали ощутимые результаты. Городская казна Гомеля пополнилась, коммунальные службы и жилой фонд обновились, жители стали больше доверять представителям власти и муниципальным органам. Однако это «двоевластие» долго сохраняться не могло: одна из сторон должна была взять верх, и коммунисты начали готовить наступление на верующих и «частников».

10 марта 1926 г. отдел пропаганды Гомельского райкома партии подготовил секретный документ, в котором откровенно излагалась программа

[2] ГАООГО, ф. 2, оп. 1, д. 338, л. 67.

действий советских учреждений по ограничению свободы религиозной жизни верующих. Главные направления заключались в следующем: 1) лишить иудейские общины финансовой независимости и запретить «коробочный сбор»[3], 2) закрыть при синагогах «полуподпольные» хедеры (не согласованные с отделом народного образования), 3) запретить любую деятельность при синагогах, не связанную с отправлением религиозных обрядов, 4) предотвратить появление «блуждающих магидов» (проповедников, которые воспринимались как антиреволюционные элементы). Всем выступающим в синагоге надлежало иметь «сертификаты» — документы, подтверждающие согласование содержания лекций с местными Советами и губернским департаментом политического образования. При этом благотворительность при синагогах еще разрешалась, поскольку снижала бремя социальной поддержки и опеки, оказываемых властью[4].

В целом политику советского режима в отношении религии определяли быстро меняющиеся обстоятельства, но тенденция всегда оставалась неизменной — ослабить влияние клерикалов как потенциальных противников социалистического переустройства общества.

Идеологическое и административное давление советской власти на еврейское население в Гомеле давало результаты. Они были не такими масштабными и стремительными, как этого желали в евсекции, но уже отражали общую тенденцию перемен в шкале приоритетов. Традиционные духовные ценности становились все менее привлекательными, особенно в молодежной среде. Если раньше еврей искал ответы на свои вопросы в Торе или обращался за советом к раввину, то теперь это теряло свою значимость. Атеистическая политика советского государства соблазняла выгодами ассимиляции. Учить Тору и не вмешиваться в события, которыми бурлил окружающий мир, означало отстать от жизни.

Исай Пульнер отмечал, что в течение первой половины 1920-х гг. наблюдалось смешение «старого» и «нового» в еврейской среде. Он приводит два наглядных примера: 1) суббота в еврейском доме в трущобах Кагального рва: во время субботнего ужина молодой человек сидит за столом «*и ест с большим аппетитом... свинину*», 2) противоположная картина: группа еврейских рабочих отмечает 1 Мая, Международный день трудящихся, и на столе традиционные еврейские блюда — «*печень и редька, кугель и цимес*». Другой пример, который дает И. Пульнер, это описание 9-го ава, посещение кладбища: большинство присутствующих старики и старухи, но есть также и молодые люди со значками коммунистов и комсомольцев на одежде, звучат традиционные молитвы на иврите и од-

[3] Коробочный сбор (на идише טאַקסע, таксе) — внутриобщинный налог, главным образом на кошерное мясо.

[4] ГАООГО, ф. 2, оп. 1, д. 818, л. 46.

новременно импровизированный плач на идише и русском — все смешалось.

Вот еще подобный пример сохранения и обновления в еврейской жизни в Гомеле: 1) субботний седер у раввина Шнеерсона: присутствующих меньше, чем всегда бывало в его доме до революции (см. описание в гл. 2), — от 10 до 12 чел., все они глубокие старики, но рьяно берегут субботние предписания, 2) еврейский рабочий клуб им. Леккерта[5].

Один из активистов клуба рассказал Пульнеру, что прежде антирелигиозная агитация проводилась путем убеждения, но с 1923 г. началась настойчивая систематическая пропаганда. Большинство рабочих не проявляли антирелигиозных настроений, например, многие шли на митинги, а затем в свои дома, где отмечали еврейские праздники в соответствии с традицией, но сейчас (1923 или 1924 г.), по его словам, происходят резкие перемены: еврейские рабочие не готовят пасхальную мацу и не соблюдают праздничные обычаи. Кроме того, Пульнер описал, как, проходя мимо синагоги, он увидел группу детей, поющих революционные песни под ее окнами, в которой были такие слова: «*Долой монахов, раввинов и попов, мы взойдем на небеса, уберем всех богов*». В это время в синагоге находился раввин. Дети ворвались в синагогу и подняли шум и только после долгого объяснения со служкой покинули ее. Пульнер писал: «*Ко мне подошел мальчик 12–13 лет и сказал, что к дверям синагоги следует прибить крест, — старики будут расстроены*»[6].

Приведенные примеры указывают на двойственность настроений в еврейской среде в первой половине 1920-х гг. в Гомеле и Юго-Восточной Беларуси в целом. С одной стороны, оставалось сильное притяжение традиционного образа жизни и представлений о том, что такое плохо и что такое хорошо для еврея среди «гоев», с другой — появились альтернативные модели общественного поведения. Они доказывали свою эффективность для жизненного устройства — получения образования, трудоустройства, социального продвижения.

---

[5] Гирш Леккерт (1879–1902) — российский революционер, состоял в «Бунде». В 1900 г. возглавил нападение евреев-рабочих на полицейский участок в пригороде Вильны, чтобы освободить арестованных. В 1902 г., после того как по приказу виленского генерал-губернатора фон Валя были высечены 28 арестованных за участие в первомайской манифестации, Леккерт стрелял в губернатора из револьвера и ранил его. По приговору военного трибунала повешен. Леккерт стал прототипом героя, жертвующего собой ради идеалов, и почитался как в «Бунде» (членом которого он был) и среди сионистов (причем и социалистов, и ревизионистов), так и среди еврейских большевиков (на раннем этапе советской власти).

[6] В. Пичуков и др. (сост.). *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы*: *документы и материалы*. Минск, 2013, с. 151–153.

Конфискация имущества синагог

В 1921 г. в советской России разразился тяжелый голод, последствия которого оказались катастрофическими. Очагами массового голода стали Поволжье, Северный Кавказ, Южный Урал, а также юг Украины. Основной причиной продовольственного кризиса явилась засуха, которая поразила посевы, и конфискация зерна как часть политики «военного коммунизма»[7]. Трагедию массового голода как народного бедствия советская власть использовала в качестве предлога для лишения религиозных обществ финансовой независимости. Конфискация в ультимативном порядке ценного имущества (золота, серебра и драгоценных металлов) из церквей, костелов, монастырей, синагог под предлогом приобретения за границей продуктов питания для голодающих внешне казалась необходимой и действенной мерой. Она должна была продемонстрировать решимость советского руководства спасти жизни сотен тысяч людей, которым грозила голодная смерть. Это вводило в заблуждение общественное мнение и позволяло скрыть действительные причины голода — последствия братоубийственной гражданской войны, исчерпавшей последние продовольственные резервы.

В Гомеле в начале 1922 г. была развернута широкая кампания, призванная настроить общественность города против религиозных «толстосумов». Она включала конференции, демонстрации, митинги, пресс-релизы и т. д., а также пропаганду в периодической печати[8]. Последовавшие за этим конфискации в Гомеле церковного и синагогального имущества стали практическим результатом этой кампании: в синагогах (23–24 апреля 1922 г.), православных церквях (26–28 апреля 1922 г.) и костелах (29 апреля 1922 г.). Всего было отнято около 8 пудов (около 131 кг[9]) ценностей, из которых 19 фунтов (около 7,78 кг) серебра — у синагог[10].

---

[7] О голоде в Поволжье 1921–1922 гг. см. В. Ф. Зима, *Голод 1921–1922 гг. в Советской России: власть и церковь*. Москва, 2015; В. Поляков, *Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия*. Волгоград, 2007; A. Yakovlev, *A Century of Violence in Soviet Russia*. New Haven, 2002, p. 155–156; C. Edmondson, “The Politics of Hunger: The Soviet Response to Famine, 1921” // *Soviet Studies*, 29, 4 (1977), p. 506–518.

[8] Например, Г. Лелевич, «Надо проверить гомельские синагоги» // *Полесская правда*, № 563, 2 апреля 1922 г., с. 3.

[9] Один пуд равен 16,38 кг.

[10] *Бюллетень Гомельского губернского статистического бюро*, № 1, 1923 г., с. 8–9; К. Карпекин, *Иудейские общины в Белорусской ССР (январь 1919 — сентябрь 1939 г.)*. Витебск, 2016, с. 79; *Полесская правда* от 4 мая 1922 г., с. 2; Там же, 5 мая 1922 г., с. 3; Там же, 12 мая 1922 г., с. 3.

В синагогах конфисковали меньше, чем в христианских храмах, поскольку иудейская религия всегда использовала минимум драгоценных металлов для ритуальных целей. Партийные чиновники, не посвященные в эти простые истины, хорошо известные еврейским верующим, были разочарованы. Об этом мы читаем в письме М. Гузова, председателя комиссии по изъятию церковных ценностей из религиозных учреждений в Гомеле, главе администрации Гомельской губернии Ивану Федяеву в мае 1922 г. Чиновники обратились за разъяснением к гомельским раввинам Барышанскому и Шнеерсону, которых просили о содействии в розыске ценностей. Раввины вынуждены были согласиться, и призвали верующих всячески помогать голодным своими деньгами, поскольку синагоги не имеют особых ценностей, которые могли бы внести существенный вклад в закупку продовольствия для голодных[11].

Обращение авторитетных раввинов возымело некоторое действие. Член правления Малой каменной синагоги Шагас отдал членам комитета корону свитка Торы (кетер), изготовленную из серебра. На вопрос, почему кетер не был передан членам комитета в первую конфискацию и не фигурирует в инвентарном списке, Шагас ответил, что этот предмет исключительно важен для ритуала[12]. Но это советских чиновников не удовлетворило, они настаивали, что евреи припрятали свое золото, а это негативно скажется на репутации синагоги в глаза христианских верующих. Главы нескольких иудейских общин Гомеля вынуждены были собрать пожертвования и выделить часть суммы из бюджета синагог, чтобы купить некоторые ценные вещи специально для того, чтобы передать комиссии по изъятию церковных ценностей[13]. Ущерб синагогам был небольшим, но оказался только прелюдией к новым, более масштабным гонениям на верующих в будущем.

После инцидента власти репрессировали двух членов администрации Малой каменной синагоги: Шагаса и Фрадина по обвинению в сокрытии ценностей от комиссии. 17 июня 1922 г. арестованные были приговорены к одному году тюремного заключения и лишены «активного и пассивного избирательного права» в течение двух лет после заключения. Однако пять месяцев спустя (15 ноября 1922 г.) они получили помилование в связи с 5-летием большевистской революции[14].

В начале 1920-х гг. антирелигиозная деятельность в Гомеле осуществлялась через общественные организации, которые пользовались пра-

[11] К. Карпекин, Указ. соч., с. 78–79; «Голос раввина» // *Полесская правда*, 26 апреля 1922 г., с. 2.

[12] ГАГО, ф. 100, оп. 1, д. 678, лл. 3–3об.

[13] Там же, лл. 5–5об.

[14] Там же, лл. 52, 59.

вом на свободу атеистической пропаганды, поскольку свобода вероисповедания (как и свобода от религии) в СССР гарантировалась законом. Государство оставило за собой роль внешнего арбитра в вопросе религии, а антирелигиозные активисты как частные лица якобы действовали в рамках закона. С этой целью в 1924 г. был создан «Союз безбожников» (с 1929 г. — «Союз воинствующих безбожников»). Все действия общественных организаций заранее согласовывались и направлялись партийными комитетами и Советами. При этом учитывалось, что антирелигиозная деятельность среди национальных меньшинств должна осуществляться на их родном языке. Таким образом, с синагогой боролись, пользуясь своим знанием языка идиш, коммунисты-евреи и бывшие члены «Бунда», вступившие в еврейскую секцию при ЦК РКП(б)[15].

Антирелигиозные пропагандистские кампании 1920-х гг. в Гомельском округе в основном были приурочены к еврейским традиционным праздникам (Рош ха-шана, Йом Кипур, Песах). Как правило, они имели один сценарий. Все начиналось с выступлений активистов «Союза безбожников» в периодической печати, потом переходило к демонстрациям и митингам, чтению лекций, полемике, показательным судам над Торой и синагогой, постановкам в самодеятельных театрах и любительских кружках.

В конце сентября 1922 г. перед наступлением Йом Кипура (2 октября 1922 г.) в газете «Полесская правда» было опубликовано сообщение, что в этот день «*все еврейские реакционные силы объединяются в синагогах*». В связи с этим городской комитет комсомола 1 октября 1922 г. (накануне Йом Кипура) провел собрание актива, а на следующий день (2 октября 1922 г.) назначил общегородской митинг, в котором «*должна принять участие вся работающая молодежь*». Авторы статьи угрожали, что молодые люди, которые присоединятся к «неправильной» стороне, «*выразят поддержку буржуазии и клерикализму*»[16].

Власти не ограничились декларативными заявлениями и предусмотрели конкретные действия. Список таких шагов можно увидеть в протоколе № 26 заседания окружного Еврейского бюро от 9 октября 1923 г., посвященного Йом Кипуру: во всех учебных заведениях провели беседы об осенних праздниках, около 80% детей, посещавших школу, в Йом Кипур участвовали в общественном завтраке[17].

В преддверии Песаха (1–8 апреля 1923 г.) Гомельский комитет партии выпустил циркуляр «Об антирелигиозной кампании против еврейской

[15] А. Замойский, *Трансформация местечек Советской Белоруссии 1918–1939*. Минск, 2013, с. 12.

[16] Там же, с. 164–165.

[17] ГАГО, ф. 3531, оп. 2, д. 19, л. 17.

пасхи». В документе говорится, что цель кампании состоит в «*освобождении рабочих от религиозных предрассудков*». Кампанию начали за две недели до наступления Песаха — чтобы убедить еврейское население продолжать работать в праздничные дни, не посещать синагогу и отказаться от соблюдения традиции. Особое внимание уделяли еврейским женщинам, призывая их «*создать атмосферу мятежа и сопротивления этим праздникам, которые вызывают удовольствие у буржуазии и ложатся тяжелым бременем на трудящихся*»[18]. В вечер седера было рекомендовано провести общее собрание евреев, включающее лекции, развлекательные мероприятия и угощения. Не забыли они и про учащихся: «*За несколько дней до Пасхи желательно организовать антирелигиозные беседы с детьми в школах и детских домах*». Отчет о проведении антирелигиозных мероприятий ответственным лицам предложили подать не позднее чем через два дня после их окончания[19].

Участниками атеистических акций чаще всего были юноши и девушки из семей рабочих в первом поколении или недавние выходцы из местечек, которые только еще искали свое место в новой жизни, пионеры и комсомольцы, с энтузиазмом выполнявшие поручения партии. Большинство еврейских юношей и девушек искренне верили, что они заняты праведным делом и помогают «темным» и «отсталым» людям найти дорогу в светлое будущее. Крикливый характер пропагандистских кампаний, поддержанных властями, был направлен на оскорбление чувств верующих, на лишение их возможности выполнять религиозные предписания. «Безбожники» чувствовали свою полную безнаказанность, а советская периодическая печать с восторгом освещала их «подвиги», которые граничили с хулиганством.

Борьба с синагогой служила своего рода проверкой общественных настроений и носила провокационный характер. Участие в антирелигиозной кампании считалось хорошим трамплином для служебной карьеры, возможностью обратить на себя внимание, получить направление на учебу, найти выгодное рабочее место. Критика синагоги и религии в целом использовалась как демонстрация преданности правящему советскому режиму в борьбе против старого мира. Молодые люди не отличались большой грамотностью и широким кругозором, не смотрели далеко. Разрыв происходил не только на общественном, служебном, но и на семейном уровне. Представители старшего поколения, умудренные жизненным опытом, не одобряли поведение своих детей и внуков, но не могли ничего изменить.

[18] ГАООГО, ф. 9, оп. 1, д. 158, л. 2.
[19] Там же.

Сопротивление синагоги

В годы НЭПа верующие почувствовали себя увереннее, так как не стало откровенного нажима со стороны властей. В апреле 1924 г. в Гомеле была зарегистрирована в соответствии с действующим законодательством община «Адас Исроэль»[20], в которой основное внимание уделялось только религиозным вопросам. При этом документация общины теперь велась на русском языке.

«Адас Исроэль» владела миквой, кладбищем и отвечала за поддержание там порядка. В общине работали три раввина, которые получали зарплату от горсовета. Другие городские раввины жили за счет пожертвований. Были синагоги, частично принявшие элементы религиозной реформы, в том числе изменения в молитвах, отмену перегородки (разделения мужчин и женщин во время молитвы), отказ целовать цицит и свиток Торы якобы по гигиеническим причинам.

Кто становился активистами религиозных еврейских общин в это время? До середины 1920-х гг. в городах и местечках советской Беларуси почти половина верующих, регулярно молившихся в синагоге, были в возрасте от 40 до 50 лет (47,77% — в городах и 46,89% — в местечках). Верующие от 40 лет и старше 60 лет составляли около 25%[21]. Синагоги содержались на регулярные добровольные взносы членов общины[22]. Однако существовали дополнительные источники финансирования, такие как денежные переводы из-за границы, пожертвования от еврейских организаций по оказанию помощи из советской России.

Тем не менее вопрос закрытия синагог был уже предрешен. В этом заключалась принципиальная позиция, которую советская власть последовательно осуществляла, поскольку понимала, что не совместима с религией. Для этого под надуманными предлогами верующим отказывали в праве на аренду их синагог или отбирали культовые здания для нужд культурно-просветительной работы, учебных заведений, общежитий, складских помещений, промышленных предприятий, мест сбора утильсырья.

Решением Гомельского райисполкома от 7 апреля 1923 г. Большая каменная синагога была преобразована в Дом Советов, Старосельскую синагогу отдали под общежитие для рабочих или студентов. Деревянную синагогу в Любавичах перевели в другое место, а ее здание использовали

---

[20] См. Печать «Адас Исроэль» в Гомеле, 1924 г. — К. Карпекин, Указ. соч., с. а, рис. 6.

[21] К. Карпекин, Указ. соч., с. 44–45.

[22] В. Пичуков и др. (сост.). *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 151–153.

под рабочее общежитие. Еще две синагоги передали для жилья беженцам[23].

Закрытие синагог вызвало протест среди всего населения Гомеля. Здание Большой синагоги являлось архитектурной и культурной достопримечательностью, так как было построено еще в 1828–1833 гг. при активном участии графов Румянцевых[24]. Поэтому Гомельский краеведческий музей ходатайствовал сохранить ее в прежнем виде. Сначала эту просьбу отклонили, потом удовлетворили, но было уже поздно, так как начались ремонтные работы, чтобы превратить здание в клуб. Позже оно служило залом заседаний городской администрации (горисполкома) Гомеля и было снесено в годы войны.

Когда стало ясно, что некоторые из синагог, отнятых для целевого назначения, не подходят для него, власти решили найти им другое применение, но не возвращать верующим[25]. Однако изъятие части синагог не дало желаемого результата. Конфискованные синагоги заменили миньяны, которые не требовали официальной регистрации и не считались нарушением закона. Известно, что с апреля по сентябрь 1923 г. в Гомеле в частных домах собиралось не менее 17 миньянов[26]. Эта практика получила в дальнейшем широкое распространение, и власти города не имели представления, что ей можно противопоставить.

Репрессии против раввинов

Основой стойкости верующих и жизнеспособности синагоги были раввины как духовные наставники, обладавшие большим и заслуженным авторитетом. В течение долгих столетий они не только демонстрировали знание Торы, но и давали личный пример соблюдения традиции и жизни среди неевреев.

Для того чтобы сломить сопротивление раввинов, режим действовал в двух направлениях: 1) лишение раввинов тех немногих полномочий, кото-

---

[23] ГАГО, ф. 9, оп. 1, д. 30, л. 59.

[24] Т. Литвинова, «Еврейские дома на улицах Гомеля в конце XIX — начале XX веков» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции. Гомель, 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 65–68.

Вид Большой каменной синагоги в начале XX в. См. В. Пичуков и др. (сост.) *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы.* Минск, 2013, с. 318, а также см.

https://i0.wp.com/belisrael.info/wp-content/uploads/2017/08/gomel.jpg

[25] ГАГО, ф. 9, оп. 1, д. 30, л. 33.

[26] Там же, ф. 428, оп. 1, д. 178, л. 33.

рыми они обладали, 2) подрыв общественного статуса раввинов среди верующих. В Гомельском райкоме партии раздавались голоса, обвиняющие раввинов в попытках «*разжечь религиозных фанатиков — еврейских мелких торговцев и ремесленников*» и «*протестовать против указов центрального правительства*»[27].

Из доклада Гомельского районного комитета партии об антирелигиозной борьбе в период с мая по июнь 1923 г. можно узнать, что 2–3 мая 1923 г. состоялся суд над раввинами Шнеерсоном и Перловым, которых обвинили в незаконном присвоении судебных полномочий. Судебный процесс проводился на идише и был предназначен для навязывания полемики с верующими в пропагандистских целях. Он вызвал большой общественный интерес, и в дни слушаний в зале суда присутствовало от 800 до 1 000 чел.[28]

В том же 1923 г., чтобы понизить статус раввинов как юридических лиц и заставить евреев обращаться в советские суды, власти приняли решение об открытии в городе «правовой ячейки», заседания которой проводить на идише[29]. Этому решению предшествовали дискуссии, в которых высказывались разные точки зрения относительно этой идеи. Так, согласно одной из них на идише должны разбираться только дела политико-демонстративного значения, такие как суды раввинов, меламедов, резников и т. д., в то время как остальные слушания следует вести на русском языке. В итоге было принято принципиальное решение, которое не ограничивалось делами чисто политического контекста[30].

Однако ограничения полномочий раввинов оказалось недостаточно, чтобы заставить верующих прекратить соблюдать традицию и посещать синагогу, для этого властям пришлось запретить хедеры и принять другие административные меры.

Тогда начались показательные аресты. 7 декабря 1925 г. милиция взяла под стражу 39 делегатов окружной раввинской конференции, включая восемь раввинов. 31 задержанный были из Гомеля, а остальные прибыли из местечек округи. В конференции участвовал раввин Залман Шнеерсон, которого в найденном мной документе (внутренний партийный циркуляр) назвали «городским раввином», хотя он не имел такого звания официально и его полномочия ограничивались в основном хасидами Хабада.

---

[27] М. Х. «Тихоновцы иудейского вероисповедания» // *Полесская правда*, № 611, 6 июня 1922 г., с. 1; Г. Лелевич «Контрреволюционер ли раввин Барышанский?» // Там же, № 613, 8 июня 1922 г., с. 2.

[28] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1713, лл. 4, 7.

[29] Там же, д. 1577, л. 5.

[30] Там же, д. 1578, л. 35.

Формальная причина задержания состояла в том, что конференция якобы организована без разрешения властей. На самом деле ставилась цель сорвать конференцию, на которой планировалось выбрать делегатов от Гомельского округа на Всероссийскую конференцию религиозных еврейских общин, намечавшуюся в Ленинграде[31]. Из того же документа мы узнаем имена участников этой конференции в Гомеле, состоявшейся 7 ноября 1925 г. В числе задержанных оказались: Шломо Йосл Зевин — раввин местечка Новозыбкова, Абрам Рогинский — раввин в Речице, Алтер Янкель Левин из местечка Мглина, Барух Пороцкий — председатель еврейской религиозной общины в Речице, Исер Тумаркин — раввин Стародуба, Нехемия Брискин — раввин в местечке Климов. На конференции присутствовали члены общинного совета Гомеля: Ашер Любин (председатель), Биньямин Гринберг, Моше Хувин, Моше Явинин, Гилель Зак, Яаков Габинович, Ицкэ Каган, а также Залман Шнеерсон — «раввин в Гомеле», Мендель Черняк — секретарь общины и другие[32].

Поводом для созыва конференции стало письмо, полученное гомельской общиной «Адас Исроэль» от иудейской религиозной общины в Ленинграде (без даты). Письмо на иврите сообщало о намерении организовать собрание советской еврейской общины, на котором соберутся лидеры всех признанных еврейских религиозных общин для выработки общей политики в отношении шагов советской власти по ограничению религиозных свобод[33].

6 января 1926 г. административный отдел Гомельского райисполкома принял решение обвинить руководителей синагоги «Адас Исроэль» в несанкционированном съезде раввинов[34]. Продолжение этого дела не совсем ясно, но известно, что власти использовали его, по крайней мере, для административного давления, ограничения возможностей и снижения религиозной активности. При этом общая ситуация в отношении синагоги еще оставалась относительно либеральной.

Наступление на хедеры и ешивы

Борьба с синагогой предполагала лишить старшее поколение верующих возможности передавать знание традиции и молитв своим детям и внукам. Добиться этого можно было, только запретив хедер как систему воспитания и образования еврейских детей, устоявшуюся веками. 28 де-

[31] В. Пичуков и др. (сост.). *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 20.

[32] ГАГО, ф. 9, оп. 1, д. 276, лл. 112–112об.

[33] Там же, л. 103.

[34] Там же, лл. 112–114.

кабря 1920 г. евсекция получила циркуляр Народного комиссариата просвещения «О ликвидации хедеров и ешив», однако тогда эту задачу решить не смогла.

23 марта 1922 г. Гомельский райком партии издал циркуляр «О хедерах». В документе предпринималась попытка объяснить, почему хедеры, с точки зрения большевиков, должны быть закрыты. Хедер представляли как инструмент буржуазного влияния на молодое поколение, религиозного давления и отрицания идей большевизма. В связи с этим предписывалось: 1) разоблачать реакционную сущность хедера (идеологическая работа), 2) закрывать хедеры при первой возможности (административная мера).

При этом подчеркивалось, что нужно проявлять осторожность, учитывать местные особенности и закрывать хедеры только после создания альтернативы в виде советских еврейских школ на идише. Эта оговорка была сделана, так как в начале 1920-х гг. в целом ряде местечек и деревень Гомельской губернии хедеры оставались единственными учреждениями образования для еврейских детей. Хедеры традиционно играли роль не только начальной школы, но и детского сада, куда часто принимали с трехлетнего возраста. Для того чтобы предотвратить ненужное самоуправство горячих голов на местах, оговаривалось, что закрывать хедеры имели право только представители советской власти и работники Народного комиссариата просвещения по национальности евреи, чтобы избежать обвинений в государственном антисемитизме[35].

26 мая 1922 г. Совет народных комиссаров РСФСР издал декрет «О запрещении преподавания детям еврейской национальности религии в хедерах, талмуд-торах и ешиботах»[36]. Газеты писали, что еврейский рабочий должен освободиться от пут рабства и невежества, в которых его держат цепкие руки раввинов и богачей. Утверждалось, что хедер — это позор еврейской жизни и бич рабочих масс, «трупный яд синагоги», ежечасно отравляющей умы тысяч детей еврейских рабочих.

6 июня 1922 г. Гомельский районный исполнительный комитет постановил закрыть еврейские религиозные учебные заведения. В его резолюции говорится об упразднении всех ешив и хедеров в Гомельской губернии, в которых обучаются дети до 18 лет. Хедеры в Гомеле и Новобелице должны быть закрыты немедленно, а в других районах губернии — по истечении назначенного крайнего срока[37].

Это решение привело к протесту раввинов и верующих Гомеля. Сначала они пытались бороться с закрытием хедеров легально. 12 декабря

---

[35] ГАООГО, ф. 9, оп. 1, д. 168, л. 13.

[36] *Собрание узаконений БССР*, ст. 87, № 5. Минск, 1922.

[37] В. Пичуков и др. (сост.). *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы.* Минск, 2013, с. 162–163 [документ 110].

1922 г. в адрес ЦК РКП(б) было отправлено письмо из синагоги Лифшица, которое подписали представители Большой обновленной хасидской синагоги, синагог «Теилим», «Кнессет Исраэль» и «Поалей Цедек». Авторы петиции настаивали, что закрытие традиционных национальных школ, приведет к прерыванию передачи культурных ценностей, приватизации обучения и принесет значительные расходы родителям. Авторы письма заявляли, что учеба в хедерах не совпадает по времени с посещением советской общеобразовательной школы, может вестись параллельно и не противоречит ей. Делался общий вывод о том, что закрытие хедеров и ешив идет вразрез с лозунгом «*освобождения порабощенных народов*» и ведет к «*подавлению их культуры*»[38].

Исай Пульнер отмечал, что после закрытия хедеров меламеды продолжали давать частные уроки древнееврейского языка с минимальной заработной платой 3–4 рубля в месяц за одного учащегося[39]. Занятия проходили в небольших группах по 2–3 чел. или индивидуально. Большинство учеников в хедере были детьми ремесленников, рабочих, людей малоимущих и безработных. Для них обучение организовали частично на средства из-за границы. В основном занятия проводили летом, во время каникул в советских школах[40].

Не все еврейские родители торопились выполнять решение партийных органов. С точки зрения верующих, отказаться от хедеров невозможно по ряду причин: прежде всего, потому что изучение священных текстов на иврите дает детям представление о порядке вещей в мире, помогает соединить в их сознании прошлое и будущее. Кроме того, ребенок, посещавший хедер, со временем сможет читать кадиш (поминальную молитву) по усопшим родителям. Поэтому многие еврейские семьи посылали своих детей одновременно в советские общеобразовательные школы и хедер.

Суд над раввином Барышанским

2 июня 1922 г. активисты коммунистической партии в Гомеле организовали агитационный митинг против хедера. На нем говорили, что советская власть не запрещает религиозным людям изучать свои «*мертвые книги*», но она не собирается разрешать забивать «*религиозной чушью*» головы детей, которые еще не в состоянии принимать самостоятельные решения. Государственная комиссия по просвещению постановила запретить учебные заведения с преподаванием так называемого «закона божия»

[38] ГАГО, ф. 3531, оп. 2, д. 18, лл. 15–16.

[39] В. Пичуков и др. (сост.), *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 151–153.

[40] К. Карпекин, Указ. соч., с. 115–116.

лицам, не достигшим 18 лет[41]. Митинг проходил в театре им. Калинина (кинотеатр) во время праздника Шавуот. Барышанский призвал евреев, несогласных с закрытием хедера, прийти на митинг и высказать свою позицию. Возле театра, в парке, произошло столкновение с членами евсекции, последовали аресты[42]. После этого власти решили провести публичный судебный процесс.

Рафаил-Мордехай Барышанский (1866–1950) исполнял обязанности раввина в Гомеле с 1893 г. Он был харизматичной фигурой и обладал неформальным авторитетом не только среди верующих, но и еврейского населения Гомеля в целом, считался защитником бедных и отстаивал интересы рабочих перед работодателями.

Раввина Барышанского арестовали 4 июня 1922 г. в его доме. По его делу допросам подвергли много людей и в итоге приняли решение о привлечении к ответственности 11 чел. за антиреволюционную деятельность. Показательный судебный процесс начался 15 июля 1922 г. в театре Калинина и продолжался пять дней. В зал заседания суда можно было попасть только по билетам, которые предварительно распространяли среди сторонников режима. Процесс широко освещался в местной прессе (на идише и русском). Весьма необычно, что в муниципальной и районной партийной газете даже развернулась полемика вокруг того, является ли раввин Барышанский «контрреволюционером»[43].

Барышанский доказывал, что хедеры — это неотъемлемая часть национальной культуры еврейского народа, которая необходима для просвещения, образования и воспитания. Закрытие хедеров является насилием над религиозными убеждениями и противоречит объявленной советской властью свободе религиозного вероисповедания. Это акт, направленный против всего еврейского народа. За тысячу лет евреи не испытывали такого гнета, как последние четыре года советской власти! По понятной причине раввин Барышанский на инсценированном суде оказался в абсолютном меньшинстве: 265 голосами «за» при трех «против» собрание проголосовало за закрытие в Гомеле еврейских хедеров и перевод учеников в советские школы. Покидая зал суда, раввин Барышанский бросил в сердцах участникам: «*Вы пользуетесь успехом только в этих четырех стенах, но есть еще другие стены, где пользуемся успехом мы!*»[44]

---

[41] В. Ш. «Вечер докладов о хедере» // *Полесская правда*, 21 июня 1922 г., с. 3.

[42] M. Altshuler, “The Rabbi of Homel’s trial in 1922” // *Michael: on the history of the Jews in the Diaspora* 6. Tel-Aviv, 1980, p. 14–15.

[43] Г. Лелевич, «Контрреволюционер ли раввин Барышанский?» // *Полесская правда*, № 613, 8 июня 1922 г., с. 2; Он же. «Да, контрреволюционер» // *Полесская правда*, № 619, 15 июня 1922 г., с. 2.

[44] Б. Шейнбаум, «К делу Барышанского» // *Полесская правда*, 15 июня 1922 г., с. 2.

Обвиняемых признали виновными. Барышанский был приговорен к двум годам тюремного заключения. Немедленно после приговора начались многочисленные протесты, петиции, обращения, собрания и демонстрации верующих, которые выплеснулись за пределы Советского Союза. Это привело к тому, что через семь месяцев Барышанский получил помилование и навсегда покинул СССР, поселившись в США, где оставался до конца своей жизни, избирался раввином Вашингтона (1926–1929 гг.), а потом раввином Нью-Йорка[45].

Однако власти своего добились — традиционной системе еврейского образования в Гомеле был положен конец. Последствия это шага вскоре ощутили на себе еврейские общины Беларуси в целом. Подобные «суды» над хедерами прошли в Витебске, Минске и Могилеве. Альтернативой хедеру стала советская школа на идише, которая исключала изучение еврейской истории и традиции, место которых занял интернационализм. Новая школа основывалась на принципах атеизма и социалистического строительства и теперь служила средством ассимиляции евреев.

Советская школа на идише

После октябрьских событий 1917 г. решением СНК в Москве был образован Еврейский комиссариат, отдел культуры и просвещения которого курировал работу школ. Из всех еврейских учебных заведений поддержку новой власти получили только школы на идише. Причиной этого стало отрицательное отношение большевиков к иудейской религии и сионизму, а иврит для них олицетворял «религиозный дурман» и служил средством пропаганды сионизма.

Новая система образования поставила конечной целью внедрение коммунистической политической и идеологической доктрины в сознание учащихся в ходе формирования личности, воспитание лояльных режиму граждан, в том числе евреев по национальности, учившихся на идише, избавленных от религиозного гнета и преемственности традиционного образа жизни.

Деятели еврейской секции РКП(б) утверждали, что иврит — язык классового врага, поскольку им пользуются только сионисты, клерикалы и крупная буржуазия. По свидетельству Иегошуа А. Гильбоа, редактор «Дер эмес» Моше Литваков сравнивал иврит с языком готтентотов[46].

---

[45] M. Altshuler, “The Rabbi of Homel’s trial in 1922” // *Michael: on the history of the Jews in the Diaspora* 6. Tel-Aviv, 1980, p. 17; полное освещение этого события см. M. Altshuler, “The Rabbi of Homel’s trial in 1922” // Ibid, p. 9–61.

[46] Л. Смиловицкий, «Школа на идиш в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921–1941 гг.» // *Новая еврейская школа* 11 (2002), с. 172.

Идиш, напротив, они считали языком трудящихся масс. Перевод детей из религиозных школ в светские учебные заведения атеистического направления, отвергавшие опыт традиционного воспитания и обучения, стал большим испытанием для учащихся и их родителей.

В феврале 1919 г. программа Еврейской коммунистической партии Беларуси предусматривала, что все учебные предметы в школе должны изучаться на идише, поскольку это родной язык учащихся[47]. Согласно переписи 1920 г., на идише говорили 71% евреев Советского Союза, в том числе в РСФСР — 48%, в Украине — 76%, а в БССР — 91%. В местечках же и в деревнях Беларуси идишем пользовались 97% евреев[48].

Вместе с тем будущее самого идиша как средства обучения и воспитания в еврейской школе оставалось проблематичным. В эпоху военного коммунизма большевики утверждали, что в интересах революции евреи должны пренебречь своим языком. Руководитель Еврейского комиссариата Семен Диманштейн заявлял в 1918 г., что коммунисты, в отличие от еврейских националистов, не являются фанатиками еврейского языка и идиш для них не священный язык: «*Возможно, что в близком будущем более богатые языки вытеснят повсюду еврейский язык. Мы, коммунисты, не прольем ни слезинки по этому поводу*»[49]. Только с началом НЭПа эта точка зрения на национальное школьное образование изменилась, но, как оказалось, ненадолго.

На смену разрушенной революцией старой буржуазно-дворянской системе просвещения пришла советская единая трудовая политехническая школа, основанная на классовом принципе, с бесплатным и обязательным обучением детей обоего пола. Эта школа исключала религиозные влияния и была увязана с общественно-полезным трудом, она должна была в перспективе обеспечить широкое развитие профессионального образования и открыть рабочим и крестьянам доступ к высшей школе. В феврале 1921 г. вторая сессия Советов ЦК БССР поручила Народному комиссариату просвещения обеспечить всем национальностям, проживающим в республике, возможность получать образование на родном языке. В официальной белорусской историографии эта дата считается точкой отсчета национальной школьной политики[50].

---

[47] Э. Савицкий (сост.), *«Бунд в Белоруссии, 1897–1921. Документы и материалы».* Минск, 1997, с. 495.

[48] Л. Зингер, *Еврейское население СССР в таблицах и диаграммах*. Табл. 24. Москва, 1930; *Евреи в БССР*: Бюллетень Белорусской Академии наук, еврейский сектор. Минск, 1929, с. 11 (на идише).

[49] М. Юдель, «Еврейская школа в Советском Союзе»; Я. Фрумкин и др. (ред.), *Книга о русском еврействе 1917–1967 гг.* Нью-Йорк, 1968, с. 234.

[50] *Народная адукацыя і педагагічная навука у Беларусі, 1917–1945 гг*. Мінск, 1993, с. 74–75.

Основы идейного развития советской еврейской школы были сформулированы в начале 1920-х гг. В 1923 г. руководитель Еврейского бюро Наркомпроса Михаил Левитан утверждал, что советская единая трудовая школа на идише есть важнейший элемент коммунистического воспитания молодежи, основной фактор борьбы с религией, националистическими и сионистскими предрассудками, средство утверждения атеистического и интернационального мировоззрения[51].

Советская система образования оказалась в центре антирелигиозной пропаганды. Это касалось прежде всего педагогических работников, которые имели религиозное образование или соблюдали традицию. Некоторые учителя еще высказывались против обучения по субботам[52]. Кроме того, среди еврейских учителей, особенно в сельской местности, в первой половине 1920-х гг. сохранялась популярность сионистских идей[53]. Это объяснялось нехваткой коммунистически ориентированных педагогических работников.

В 1922 г. в Гомеле действовало несколько советских учебных заведений на идише, включая четыре детских сада (около 200 детей). В 1925 г. было шесть садов — три только на идише и три другие еврейские группы в общих садах[54]. На первых порах не хватало учебных помещений, отсутствовали учебники и дидактические материалы на идише[55]. Основная трудность заключалась в разработке соответствующих учебных программ, которые отражали идеологию режима, а также в подготовке квалифицированных преподавателей.

Подготовка учителей

В декабре 1921 г. в Гомеле открылся Еврейский педагогический техникум (евпедтехникум). В нем обучалось до 107 студентов (большинство из них до 18 лет) в четырех учебных группах, из которых две — подготовительные, педагогический коллектив состоял из 12 преподавателей. Учебная программа включала еврейскую историю, музыку и пение, а также неформальную просветительскую работу. Обучение велось на идише, исключение составляло изучение русского языка. В преподавании применялись новаторские методы обучения, поэтому в 1922–1926 гг. курсы про-

---

[51] А. Платун, *Итоги культурного строительства в БССР за десять лет*. Минск, 1931, с. 22.

[52] ГАГО, ф. 60, оп. 1, д. 577, л. 34.

[53] НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 13, л. 62.

[54] В. Гершанок, В. Райский, «Евреи Гомеля в период НЭПа» // *Беларусь у XX стагодзі* 3 (2004), см. http://jewishfreedom.org/page666.html

[55] К. Карпекин, Указ. соч., с. 111.

водились по разным моделям (например, летние курсы, многомесячные курсы), в них приняли участие несколько десятков студентов (в 1923 г. — 40 чел., в 1924 г. — 108 чел., в том числе вольнослушатели, в 1926 г. — 25 чел.). Учебный план включал практику преподавания. Финансирование этого учебного заведения шло из государственного бюджета, выплат «Еврейского общественного комитета» и JDC. Позже, в течение 1920-х гг., число студентов увеличилось. Еврейский педагогический техникум закрыли в 1929 г. в числе первых национальных еврейских учреждений, прекративших свою работу в советской Беларуси[56].

Отношение к молодежи

Для советских властей было чрезвычайно важно привлечь на свою сторону еврейскую молодежь. В феврале 1925 г. в Гомеле была проведена 9-я окружная комсомольская конференция, в которой участвовали 200 чел., из них 88 — евреи, то есть чуть меньше половины. Среди комсомольцев в Гомеле выделялись еврейские активисты: Глуховский, Рабинович, Купман, Хантман, Лурье, Гольдштейн, Брискер, Марголин, Хенкин и др. Кто были эти люди? Как они понимали свое еврейство? Каким видели будущее евреев в советской стране? Приведем следующие данные, которые помогут нам найти ответы на эти вопросы.

В середине 1925 г. в Гомеле действовали пять идишских комсомольских групп. Газеты «Набат молодежи» и «Искра Ильича» выходили на идише[57]. Регулярный уголок для детей и молодежи на идише также появился в городской и областной газете «Полесская правда» (и ее последующих воплощениях). Главным образом это делалось для того, чтобы донести до еврейского читателя содержание призывов советской власти, а с другой — продемонстрировать демократический подход: все языки равны (русский, белорусский и идиш).

Ликвидация неграмотности

Борьба с неграмотностью была одним из приоритетов культурной политики большевиков. Она предполагала массовое обучение неграмотных взрослых чтению и письму. Начало государственной программе положил одноименный декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 26 декабря 1919 г. В соответствии с ним все население от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, обязано учиться грамоте на родном или на русском языке (по желанию). Народный комиссариат просвещения имел

[56] ГАООГО, ф. 1 оп. 1, д. 1577, л. 6; ГАГО, ф. 60, оп. 1, д. 1537, лл. 13–13об.
[57] Там же, ф. 5, оп. 1, д. 760, л. 2.

право привлекать всех грамотных к обучению неграмотных на основе трудовой повинности. Декрет предусматривал создание школ для переростков, школ при детских домах, колониях и прочих учреждениях, входивших в систему Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос Наркомпроса РСФСР)[58].

В Гомеле и Гомельском округе общая доля участия евреев в кампании по ликвидации неграмотности была мизерной, поскольку большинство еврейских детей уже овладели грамотой в хедерах. Они писали, читали, считали и в этом отношении выгодно отличались от своих сверстников. То же самое имело отношение к большинству взрослого еврейского населения, как мужчин, так и женщин. Эти действия евсекции были восприняты многими людьми как откровенная пропагандистская акция советской власти. В ходе кампании выяснилось, что не хватает идеологически выдержанных преподавателей. Часто это приводило к тому, что приходилось нанимать и таких учителей, чьи воззрения не соответствовали линии большевистской партии, включая религиозных и сионистов[59]. Единственное, что удалось властям, — продвинуть среди евреев изучение русского языка, что имело практическое значение, так как помогало им лучше устроиться, получить более выгодное профессиональное предложение, пойти учиться, сделать карьеру в административном аппарате. Таким образом, кампании ликбеза в еврейской и нееврейской среде Гомеля принципиально отличались по своему содержанию.

Евреи-коммунисты

Гомельские евреи, которые разделяли идеалы большевиков и связали с ними свою жизнь, сначала были очень немногочисленны и не пользовались широкой симпатией и авторитетом у большинства еврейского населения города. Они отодвигали на задний план свое национальное самосознание, отдавая предпочтение идее интернационализма и классовой борьбы. Большевистская революция побудила другую часть евреев присоединиться к партии власти из практических соображений. До этого они были беспартийными или членами других партий, в основном еврейских социалистических, которые официально присоединились к большевикам, — «Бунд» и ЕКП «Поалей Цион».

В середине 1920-х гг. в рядах гомельских коммунистов-евреев произошла смена руководства. Люди «старого поколения», которых Эндрю

[58] О ликбезе см. C. E. Clark, *Uprooting Otherness: The Literacy Campaign in NEP-Era Russia*. New Jersey, 2000.

[59] אמת"י (ГАРФ, Ф-2311_6_16) НМЗ/290.9

Слойн называет «большевистская Хаскала», выступали за создание уникальной модели еврейско-советской идентичности, уступили место молодому поколению, которое было расположено к ассимиляции, а язык идиш считало лишь инструментом на пути к решению этой задачи[60].

«Бунд»

Идеи социал-демократии и защиты интересов трудящихся евреев, которые сплачивали ряды «Бунда» в период борьбы с царизмом, изжили себя и потеряли значение в условиях советской власти. Интернационализм и классовая борьба, которой руководствовались большевики, их непримиримость, максимализм и жертвенность, стремление во всем идти до конца оказались более действенными. Жестокость гражданской войны и погромы, разруха и голод, международная изоляция на внешней арене не оставляли места для половинчатых решений «Бунда». Плюрализм и демократические ценности в общественном сознании начала 1920-х гг. понимались как слабость, поэтому у «Бунда» в СССР не оставалось другого выхода, как капитулировать перед большевиками, узурпировавшими политическую власть в стране.

5–12 марта 1921 г. в Минске прошла специальная конференция «Бунда» о самороспуске и вхождении в большевистскую партию на индивидуальной основе[61]. В то же время в течение первой половины 1920-х гг. активисты «Бунда», которые по-прежнему поддерживали его идеи, считали, что партия должна отстаивать свои самобытные позиции и стремление к еврейской культурной автономии, сохранять для этого собственную структуру и продолжать независимую политическую деятельность.

В апреле-мае 1924 г. Дина Прыткина приехала в Гомель из Москвы, чтобы начать реконструкцию «Бунда». Другими активистами, которые в этом участвовали, были Каганов и Баскин. Они покинули Гомель, когда поняли, что за ними следят агенты ГПУ. 1 июня 1924 г. в Гомеле состоялась конференция бывших членов прекратившей существование партии меньшевиков и бывших членов «Бунда». В конференции приняли участие 67 делегатов, которые ранее состояли в меньшевистской партии, 47 бывших членов «Бунда», шесть бывших сионистов-социалистов и два сочувствующих, которые не являлись членами какой-либо партии в прошлом[62].

---

[60] A. Sloin, Op. cit., p. 134–135, 137–138.

[61] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 66.

[62] І. Пушкін «Нацыянальныя меньшасці БССР у грамадска-палітычным жыцці 1920-я гг.» // *Беларусь у XX стагодзі* 2 (2003) см. http://jewishfreedom.org/page652.html

24 января 1925 г. в Гомеле были арестованы члены «Бунда»: З. Филановский, З. Каплан, Г. Рабинович, Х. Эвентова, Л. Прыткина, Б. Гобова, К. Лебедев, А. Шостов, С. Хвайницкая, Б. Гельфанд[63]. Это положило конец недавней попытке возобновить деятельность этой партии в советских условиях. Большинство бывших активистов «Бунда», в 1920-х гг. присоединившихся к большевикам, служили им верой и правдой, там куда их посылали партийные руководители-коммунисты. Однако, в отличие от учеников-ассимиляторов, некоторые из них стремились подчеркнуть особенности еврейской общины и фактически разработать своеобразную модель советской еврейской жизни. Временами им также удавалось создавать ситуации, подчеркивающие культурное еврейское присутствие в партийных кругах и общественной жизни Гомеля.

Между новоиспеченными коммунистами из бывших членов «Бунда» и сторонниками сионистов в Гомеле шло постоянное соперничество. Каждая сторона пыталась доказать, что она больше сделала для евреев и ее путь правильнее. Нужно ли связывать судьбу еврейских трудящихся с судьбой трудящихся-«гоев» или строить социализм с национальным лицом обязательно в Палестине? Одним из показательных эпизодов этого спора стала неудачная попытка бывших членов «Бунда» в 1925 г. переименовать центральную площадь Гомеля в Площадь самообороны в память о событиях Гомельского погрома 1903 г. Сионисты считали организацию самообороны своей заслугой, а «Бунд» — своей. Отказ областного комитета РКП (б) в Гомеле переименовать центральную городскую площадь был воспринят сторонниками «Бунда» болезненно[64]. Другой неудачей бывших бундовцев стала их неспособность увеличить тираж коммунистических изданий на идише в противовес таковым на русском языке[65].

К началу 1930-х гг. три главных принципа политики «Бунда» а предшествующих лет оказались недееспособными, а именно: 1) социализм с опорой на светское самоуправление в лице общины-кагала, 2) идишскае с опорой на язык идиш как основу еврейской идентичности и 3) доикайт, как приверженность к месту жительства («где родился, там и наша страна»). В этих условиях «Бунд» оказался беззащитен перед катком РКП(б), который все больше давил инакомыслие в своем окружении. До физического устранения членов «Бунда» под предлогом рассадника еврейского национализма в БССР оставались считанные годы.

[63] Архив УКГБ, д. 573770, лл. 147–148.
[64] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2046, л. 6.
[65] Там же, д. 1228, л. 4.

Сионисты

Внимание евреев к идеям сионизма в Советском Союзе были неизбежным в условиях глубокого социально-экономического кризиса и безработицы. Обнищание в городе и деревне лишало людей надежды на лучшее будущее. Пик интереса к идеям сионистских социалистических движений пришелся на период между 1923 г. и концом 1925 г.[66] Профессор по российской и советской истории в Университете Рутгерс в Нью-Джерси Зива Галили предложила даже термин «советский сионизм», который, как она считает, представляет уникальное явление по составу активистов, организации и формам деятельности, концептуальным основам, связанным с сионистскими движениями и организациями в Советском Союзе и Всемирной сионистской организацией[67]. С этим можно согласиться, когда речь идет о сионистских движениях и организациях, которые воспринимали себя как преемников и продолжателей советской риторики и практики.

Кем были активисты сионистских движений? В отчете Еврейского бюро 1925 г. утверждается, что сионистские активисты — это были «*дети богатых нэпманов, и они их головы*...» Это описание, может быть, не совсем достоверное и касается создания имиджа, который служил стремлениям Еврейского бюро и членов партии против НЭПа или, наоборот, целям делегитимации сионистских активистов[68].

Власти были обеспокоены активностью сионистов. Об этом говорит отчет о деятельности «Ха-шомер ха-цаир»[69] и «Гехалуц»[70] в Гомельском округе и план действий по борьбе с этими организациями от 31 декабря 1923 г. Во введении к документу утверждается, что сионистские движения, которые стремятся «*создать центр в Палестине для беспрецедентной эксплуатации еврейских рабочих*», опасны и борьба с ними должна вестись до полной их ликвидации.

Отчет проливал свет на историю сионистских движений в Гомеле и округе. В отношении «Ха-шомер ха-цаир» говорилось, что истоки этой партии нужно искать в «Маккаби». Об этом свидетельствуют характерные

---

[66] מ. בייזר (עורך), יהודי רוסיה 3: ממהפכות 1917 ועד נפילת ברית-המועצות, ירושלים תשע"ה, עמ' 136

[67] מ. בייזר (עורך), יהודי רוסיה 3: ממהפכות 1917 ועד נפילת ברית-המועצות, ירושלים תשע"ה, עמ' 111

[68] ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 252, л. 19.

[69] Молодежное и детское воспитательное сионистско-социалистическое движение. В СССР подчеркивалось стремление к созданию еврейского социалистического государства в Эрец-Исраэль и к персональной реализации сионизма путем репатриации в Палестину.

[70] Движение, направленное на реализацию сионизма путем репатриации и сельскохозяйственной поселенческой деятельности в Эрец-Исраэль.

направления деятельности — увлечение движением скаутов, внимание к физическому развитию, формирование любви к исторической родине (Эрец-Исраэль), «*исторический язык*» (иврит) и «*создание шовинистской националистической мысли*», призванное скрыть «*классовое признание*», и структура организации: начальная ячейка — патруль, количество патрулей составляют отдел и количество отделов — дружину.

В Гомеле действовала дружина «Ха-шомер ха-цаир» из пяти патрулей, объединявшая 50 чел. в возрасте 14–18 лет. Патрули имели скаутские уголки, в которых хранили инвентарь для походной жизни и библиотечку национальной литературы. Дружины поддерживали связь с Гомельским окружным штабом, иногородними отделениями и пользовались влиянием на учащуюся молодежь[71]. В Быхове таким отрядом руководил Плоткин, в Новобелице — Шандалов, в Рогачеве — Гинзбург, в Бобруйске — Баршай, в Речице — Марголина и Сосновская. В Мозыре дружину «шомеров» из 25–30 чел. возглавлял Фридман. Представители окружного штаба часто выезжали на места для инструктажа активистов. По оценке евсекции, социальный состав сионистских молодежных групп представлял собой в основном детей мелких буржуа, среди которых были также и «народные элементы».

Движение «Ха-шомер ха-цаир» имело снаряжение для походной жизни и библиотеку, в которой были книги, посвященные национальным, спортивным и скаутским вопросам. Деятельность проходила не только в Гомеле, но и его окрестностях: в местечке Новозыбков насчитывалось около 50 активистов, в местечке Быхов — около 40. Всего в этом районе действовало шесть дружин, в которых состояло от 350 до 400 членов. Сионисты-социалисты путали планы коммунистов и должны были быть устранены от политической деятельности.

В отношении «Маккаби» в отчете указывалось, что в Гомеле действовала группа из 25 чел., которые прекратили свою деятельность, но в округе оставались группы «Маккаби», которые продолжали работать. В организации «Гехалуц» насчитывалось от 25 до 30 активных членов[72], которые были разбиты на возрастные группы. Всего это работой в БССР было охвачено не менее 9 000 юношей и девушек.

5–6 февраля 1925 г. ОГПУ арестовал 30 активистов различных сионистских движений, в том числе «Гехалуц» и «Ха-шомер ха-цаир». Из них 12 чел. привлекли к ответственности по ст. 61 и 72 Уголовного кодекса

[71] Штаб дружины «Гехалуц»в Гомеле включал Г. Голодца, А. Цирлину, М. Голдовского, Ю. Мозырянина, Л. Серебрянного и С. Белкину.

[72] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1713, лл. 59–62об.

советской России от 1922 г.[73] Среди задержанных были Исак Фишман, Исаак Чунц, Вениамин Верлинский, Самуил Туровский, Роза Голод, Залман Мадорский, Мардух Медведев, Борис Котон, Маша Юдович, Фейга Соколовская, Израиль Фрадкин, Моисей Цылов[74].

Задержанным было от 21 до 38 лет, они имели различные профессии: рабочие, преподаватели, служащие и поставщики услуг (представители свободных профессий и коммерческие, промышленные и административные должностные лица), ученики школ и студенты. Некоторые из них участвовали в политической и общественной деятельности во время революций и даже в гражданской войне как солдаты и командиры Красной армии.

«Ха-шомер ха-цаир»

В Гомеле, в центральном штабе «Ха-шомер ха-цаир» Северо-Западного края, была сосредоточена левая фракция, якобы стоявшая на позиции классовой борьбы, в отличие от так называемой правой — «национально-трудовой» фракции. В начале 1920-х гг. актив движения разделялся на пять групп. В нем состояло около 50 участников от 14 до 18 лет. Движение имело собрание книг по скаутизму и спорту. В округе Гомеля, включая города, находилось шесть центров движения и от 350 до 400 членов[75].

Структура деятельности движения «Ха-шомер ха-цаир» основывалась на двух осях. Одна ось — размер группы, вторая ось — возраст участников движения. По размеру: группа — рота — батальон. По возрасту: львята, дети пустыни, Массада — 11–14 лет, цофим — 15–16 лет, богрим — 17 лет и старше[76].

В октябре 1925 г. органы госбезопасности провели неожиданные аресты наиболее активных членов «Ха-шомер ха-цаир» в Гомеле и среди них: М. Голдовского, Й. Глейбермана, П. Хургиной, которых через месяц приговорили к ссылке в Кыргызстан на три года. Прокуратура обосновывала необходимость изгнания их влиянием на еврейскую молодежь[77].

---

[73] Ст. 61 — участие в организации или содействие организации, действующей с целью помощи международной буржуазии; ст. 72 — изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера. См.
http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523&subID=100096269,100096272,100096337,100096346,100096363

[74] Архив Управления КГБ по Гомельской области (УКГБ), д. 999, т. 1, л. 91.

[75] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, л. 59.

[76] А. Котовенко, *Сионистские молодежные организации социалистического толка в Гомеле в 1920-е годы*: Дипломная работа, с. 43.

[77] Архив УКГБ, д. 19336, лл. 79, 85, 87.

Можно предположить, что прокурор преувеличил масштабы влияния гомельских сионистов, чтобы добиться у суда более сурового приговора. Так или иначе, но советская власть считала сионистскую деятельность в Гомеле угрозой для себя и стремилась ее изолировать.

14 декабря 1925 г. в Гомеле прокатилась новая волна арестов среди активистов «Ха-шомер ха-цаир». На этот раз взяли под стражу 10 чел., а именно: Л. Хефтер (или Гафтер), И. Мадорский Р. Зеличёнок, Б. Фейгин, Х. Ярновский, С. Дубнова, Ю. Пискин, М. Найтштадт, С. Триггер, С. Горовая. Все они были осуждены на ссылку в Кыргызскую область на три года. Вскоре после суда и начала отбывания срока Зеличёнку, Горовой и Мадорскому ссылку заменили на депортацию из Советского Союза, что позволило им репатриироваться в Палестину[78].

Почти год спустя, 31 октября 1926 г., арестовали активистов «Ха-шомер ха-цаир» Златина и Рымареву. Как правило, обвиняемых приговаривали к ссылке в Казахстан на три года, однако в соответствии с указаниями большевистского Центрального исполнительного комитета от 2 ноября 1926 г. некоторых из них депортировали в Палестину[79]. Депортация считалась предпочтительнее для сионистских активистов, так как де-факто исполняла их мечту о репатриации в Эрец-Исраэль. В январе 1927 г. Златина и Рымареву приговорили к высылке в Казахстан на три года, но срок наказания сократили до одного года, поскольку осужденные еще не достигли совершеннолетия. В марте-апреле 1927 г. они были освобождены, когда согласились на публичные признания в периодической печати о том, что прекращают сионистскую деятельность[80].

В 1920-е гг. в СССР такая мера пресечения политической активности противников советской власти устраивала государство, которое стремилось избавиться от «горючего материала». Аресты, ссылки и депортации из Советского Союза за границу участники сионистского движения воспринимали с глубоким разочарованием. Их целью было подготовить репатриацию в Палестину, а не обеспечить себе «выгодную переправу» в ишув вне квоты британских властей.

В начале сентября 1926 г. в Гомель прибыл Л. (Миля) Искин, глава шестого регионального штаба, внесший свой вклад в возрождение деятельности легиона «Ха-шомер ха-цаир», находившегося в тяжелом положении после арестов и ссылок 1925 г. Ему удалось организовать регулярные мероприятия, которые включали собрания, выпуск стенгазеты, издание журнала и тому подобное. Примерно через месяц (7 октября 1926 г.) Искина арестовали, и он даже пытался сбежать из тюрьмы, но

[78] Архив УКГБ, д. 18881, лл. 220–221, 288, 305.
[79] Там же, д. 18491, лл. 89, 103, 105–107.
[80] Там же.

потерпел неудачу. Для оказания помощи членам «Ха-шомер ха-цаир» из Гомеля, а также находящимся под стражей, судом или в ссылке в подмандатной Палестине создали группу для связи со ссыльными. Она состояла из четырех человек, двое из которых были выходцами из Гомеля — Калман Белкин и Борис (Боря) Котон[81].

Настроения того времени позволяют понять воспоминания Израиля Мадорского, одного из гомельских активистов «Ха-шомер ха-цаир». Это был страх перед действиями властей и в то же время идеализм и тотальная преданность идее и движению. Мадорского и его товарищей осудили на разные сроки ссылки и отправили в Кзыл-Орду. Мадорскому удалось репатриироваться в Палестину в 1926 г.[82]

«Гехалуц»

«Гехалуц» существовал в Гомеле с января 1919 г., пока не был официально запрещен как антисоветская организация в 1928 г.[83] За это время власти пытались ограничить его активность, действуя порой провокационными методами. Было несколько случаев, когда они давали разрешение на проведение съезда «Гехалуца», но, когда участники собрались, производили их аресты[84]. Задержанных вскоре освобождали, но рассчитывали, что это их запугает.

Когда члены «Гехалуца» не встречали понимания среди руководства Гомеля, они апеллировали к всесоюзному руководству и добивались своего. В ноябре 1923 г. члены «Гехалуца» в Гомеле подали заявку на юридическую регистрацию местного отделения организации на основании полученного разрешения действовать в любой точке советской России (решение правительства от 22 августа 1923 г.)[85]. Пять участников организации подписали эту заявку от имени «Гехалуца» в Гомеле: Меир Эвентов (Эвен-Тов), Александр Гляйберзон, Дебора Будник, Пинхас Пискин, Хаим Раппопорт[86]. Власти Гомеля сначала отказали им в регистрации, но все же

---

[81] НАРБ, ф. 4, оп. 10, д. 11, л. 22об.

[82] «“Мы приехали в Палестину, чтобы своими руками создать нормальные условия для жизни и мирного развития нашего государства” — из воспоминаний Израиля Мадорского, с 13 лет разделившего идеалы и трагическую судьбу своего поколения». М. Горевой, *Берега*, № 9, 1999 г., с. 10–11.

[83] Первая конференция движения «Гехалуц» проходила в Москве 6–9 января 1919 г. Она открылась выступлением Иосифа Трумпельдора, и на ней была принята программа Трумпельдора. Но организация движения началась еще в 1917 г., после публикации декларации Бальфура.

[84] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки.* Минск, 2008, с. 89.

[85] ГАГО, ф. 9, оп. 1, д. 34, л. 23.

[86] Там же, ф. 9, оп. 1, д. 34, л. 29.

вынуждены были это сделать после вмешательства центральных властей[87].

В Гомеле действовало левое (так называемое «классовое», или «легальное») крыло организации «Гехалуц» (второе крыло называлось правое, или «национально-трудовое», или «нелегальное»).

В 1923 г. в Гомеле находился областной комитет организации под руководством А. Цирлина и К. Будника. В организацию входило от 25 до 30 чел. Они изучали иврит и активно готовились к переезду в Палестину, с этой целью старались привить своим членам необходимые знания и навыки, которые позволили бы жить и работать в Эрец-Исраэль. Известно, что к 1923 г. 12 членам организации в Гомеле удалось репатриироваться в Палестину[88].

В октябре 1924 г. ОГПУ Гомеля арестовало нескольких активистов организации «Гехалуц», которых приговорили к различным срокам тюремного заключения. Из этих активистов известны имена: Г. Мущанская, П. Курсицкая, А. Вигдерзон, Б. Староста, Л. Зинегров, И. Менухин, И. Будник, Макранц, А. Цейтлин, К. Белкин. Как сложилась судьба этих молодых людей, неизвестно, но можно предположить, что если им не удалось выехать из Советского Союза до 1929 г., то потом это сделать было затруднительно. В середине 1930-х гг. принадлежность к сионистскому движению считалась достаточным основанием для государственного преследования по обвинению в антисоветской деятельности и контрреволюции со всеми вытекающими последствиями. И это несмотря на то, члены «Гехалуц» не участвовали в контрреволюционном подполье, не ставили перед собой цель свержения советской власти, а всего лишь добивались выезда еврейской молодежи в Палестину. В этом и заключалась их главная вина в глазах советской власти, поскольку они оспаривали ее монополию на умы и души трудящихся в «самой справедливой стране в мире».

ЦСЮФ и «Югенд Поалей Цион»

Кроме «Ха-шомер ха-цаир» и «Гехалуц» в Гомеле также действовали и другие сионистско-социалистические молодежные движения и организации. Деятельность ЦСЮФ[89] в Гомеле продолжалась до 1925 г., но о ее

---

[87] Там же, л. 18.

[88] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, л. 161.

[89] ЦСЮФ — молодежное крыло Сионистско-социалистической партии, созданной на основе социалистического крыла движения «Цеирей Цион» в 1920 г., стоял на позициях взаимного сотрудничества сионизма и социализма, стремилася к легализации своей деятельности в Советском Союзе. См.
י. ארז (עורך), ספר צ"ס: לקורות המפלגה הציונית סוציאליסטית וברית נוער צ"ס בברית המועצות, תל-אביב תשכ"ג; י. ריטוב, פרקים בתולדות צעירי ציון – צ"ס, תל-אביב תשכ"ד

работе сохранилось мало сведений. Руководители этой организации были немного старше известных активистов «Ха-шомер ха-цаир» — в основном 18–19-летних: Шульману в середине 1925 г. исполнилось 22 года, а Зарецкому — 23 года[90]. В ноябре 1924 г. их начало преследовать ОГПУ. В мае 1925 г. И. Шульман и М. Зарецкий, которые установили связь с представителями движения в Минске, предприняли попытку возобновить деятельность ЦСЮФ — в основном проводить собрания в городе и за его пределами, а также использовать тайнопись для внутренней переписки. 20 мая 1925 г. активисты Сионистской социалистической молодежной организации И. Шульман, М. Зарецкий, Г. Кроль, И. Чёрный были арестованы, 7 августа того же года Шульмана и Зарецкого приговорили к трем годам ссылки на Урал[91].

Лидеры ЦСЮФ, напрямую связанные с социал-демократическим отделением «Поалей Цион» (которое не слилось с коммунистической партией), вели активную деятельность в течение 1921 г. и до середины 1922 г. ЦСЮФ налаживал а связь с другими лидерами в Гомеле и различных городах России и Беларуси, участвовал в полемике и митингах, в том числе в издании журнала, который регулярно распространяли среди членов большевистских муниципалитетов, активистов и комсомольцев. Эту деятельность прекратили аресты активистов движения осенью 1922 г. Им предъявили обвинение в издании нелегальной газеты и привлекли к ответственности, однако помиловали еще до суда в связи с 5-летней годовщиной большевистской революции. Тем не менее эти аресты положили конец деятельности молодежного крыла «Поалей Цион» и всего движения в Гомеле в конце 1922 г. и в начале 1923 г.[92]

Таким образом, к концу 1920-х гг. коммунистическая партия полностью изменила свой подход к сионистам, которых она из своих попутчиков превратила в противников. С одной стороны, это свидетельствовало об укреплении позиции РКП(б) в экономической области (благодаря НЭПу), а с другой — о том, что она больше не нуждалась во временном союзе с сионистами, которые настаивали на том, что будущее еврейских трудящихся возможно только в Палестине. Социалистические иллюзии, которые испытали сионисты-социалисты, оказали им дурную услугу. Излишняя доверчивость, которую они испытывали к коммунистам, сделала их беззащитными перед преследованиями, которые обрушили на них органы государственной безопасности. Аресты, ссылки и принудительные депортации сионистов обескровили сионистов в Гомеле и по всей БССР, заста-

[90] Архив УКГБ, д. 18957, лл. 22, 50–51, 62.

[91] Там же, лл. 62, 69–70.

[92] Из мемуаров Моисея Герчикова, см. http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer8/Gerchikov1.htm

вили уйти в глубокое подполье наиболее непримиримых, а тех, кто решил порвать с сионистской мечтой, — публично каяться.

Профессиональный состав еврейского населения

Большинство ремесленников в Гомеле получали профессию, которая поколениями передавалась от отца к сыну. Дети начинали учиться ремеслу, достигнув 8–12 лет. Треть всех кустарей Гомеля продавали свою продукцию на рынке, а некоторые сдавали ее в магазин. Парикмахеры, фотографы, закройщики также относили себя к этой профессиональной группе[93]. Лишь менее 10% ремесленников участвовали в какой-то из форм политической жизни до 1917 г. Большинство из них отдавали свои симпатии «Бунду», который обещал защищать их права. На еврейской улице большевики, призывавшие к всеобщему революционному преобразованию мира на основе классовой доктрины, не пользовались популярностью. Часть евреев в Гомеле колебалась между меньшевиками, сионистами-социалистами и партией «Поалей Цион».

Положительное влияние на оздоровление экономической ситуации в городе оказал НЭП. Шаг за шагом возрождались фабрики и заводы, становилось больше заказов для сельских жителей и ремесленников местечек. Часть стратегии НЭПа включала в себя приватизацию под предлогом аренды и выкупа заводов и таким образом фактически передачу их в частную собственность. В Гомеле это были лесозаготовительные и перерабатывающие, кирпичные заводы, которые ранее принадлежали Заку, Черник, Фейтлину и Эйдлину, Брилевскому, фабрика «Коммуна» по производству мыла, завод по производству смазочных материалов для колес, завод по производству пива «Леккерт», кондитерская фабрика «Просвет», маслозавод «Яшпон», завод по производству колбасных изделий Грининга и Безоке, завод по перекачке минеральной воды, завод по производству оберточной бумаги, завод тяжелых металлов, завод «Двигатель», мастерская по пошиву служебной формы, типография и многое другое. На перечисленных промышленных предприятиях Гомеля большинство трудящихся составляли евреи. Как правило, это были ремесленники или вчерашние выходцы из местечек, а на текстильной фабрике «Коминтерн» евреи насчитывали 80%[94].

В годы НЭПа существовало три основных вида торговли: государственная, частная и кооперативная. Частнику трудно стало выжить в условиях, когда государство создало кооперативы. Заявленная цель кооперации — улучшить экономическую ситуацию и принять участие в восстановлении сельского хозяйства и промышленности, разрушенных граждан-

[93] ГАГО, ф. 1442, оп. 1, д. 1, лл. 1, 115.

[94] В. Гершанок, В. Райский, Указ. соч., с. 121.

ской войной[95]. С одной стороны, сообща выжить было легче: объединение усилий отдельных ремесленников-кустарей позволяло экономнее расходовать ресурсы, обеспечивать сбыт, планировать производственный процесс. Однако, с другой стороны, участие в кооперативах серьезно ограничивало личную инициативу, брало под контроль хозяйственную активность и, что особенно было важно для Советов, предотвращало имущественное расслоение. Кооперативы начала 1920-х гг. представляли собой, в сущности, равенство нищих. При этом они оставались социально близкими коммунистам, тогда как «частник» был их естественным врагом.

В Гомеле действовал ряд коммерческих кооперацией, принадлежавших евреям. Это была компания по производству кожгалантереи и кожаной мебели, которую основали Лейба Бенцман, Соломон Цырлин, Моисей-Давид Марголин, Исраэль Азрах и Моисей Иткин, или торговая потребительская компания «Гомельобразторг», владевшая сетью магазинов, ее учредители: Мордох Голдин, Моисей Эстерин, Борис Асин, Хацкель Цирюльников, Гирш Каган, Самуил Зальченко, Лейб Ривельтовер, Фишер Ривельтовер, Залман Фрайдкин, Исаак Лифшиц, Гольдштейн[96].

Возможность существования частной торговли стала исчезать в 1924–1925 гг., когда начался процесс вытеснения частного предпринимателя и активное поощрение государством кооперативов. Частникам пришлось столкнуться с конкуренцией со стороны государства и кооперации[97], которую они не выдерживали.

Новая экономическая политика одновременно вызывала негативные социальные процессы: безработицу, имущественное расслоение, рост недовольства части населения из-за утраты завоеваний революции и гражданской войны. Можно было часто услышать популярный в те годы упрек «за что боролись?» Однако это был естественный процесс ломки старых производственных отношений, высвобождения лишних рабочих рук, перераспределения финансовых и производственных ресурсов, поиска экономических партнеров и новых ресурсов. Международная изоляция страны заставляла искать все эти источники для производства на внутреннем рынке. Предприниматели должны были с разрешения правительства создать новые рабочие места, а государство позаботиться о социальной защите трудящихся.

---

[95] М. Мурашко, С. Туркенич, «Развитие производственной кооперации на Гомельщине в 1920-х годах» // *Гомельщина в событиях 1917–1945 гг.* Гомель, 2007, с. 218–228.

[96] В. Гершанок, В. Райский, Указ. соч., с. 121.

[97] А. Замойский, «Еврейская торговля Восточной Беларуси в 20-е годы XX века: конец частной инициативы» // *Тезисы 10-й ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике*. Москва, 2003, с. 84–88.

Гражданская война и политика военного коммунизма нарушили традиционную социально-экономическую структуру еврейского населения[98]. В результате, в начале 1920-х гг. драматически выросла безработица, которая парализовала хозяйственное возрождение городской жизни. Среди основных причин роста безработицы можно выделить следующие[99]:

1) массовая демобилизация из Красной армии, которая вывела на рынок труда десятки тысяч военнослужащих, оказывающихся не у дел в гражданской жизни,

2) отсутствие развивающейся промышленности, способной поглотить безработицу, остановка работы предприятий оборонного назначения,

3) болезненные перемены в экономической и социальной жизни, вызванные НЭПом,

4) последствия массового голода в Поволжье, который заставлял тысячи людей мигрировать в разные районы страны, включая Белоруссию.

Безработица противоречила идеологической доктрине советского режима и его пропаганде, вызывала нарекания и увеличивала ряды ее оппозиции. Авторитет советской власти падал, обещания близкого благоденствия при свободном труде без эксплуатации и религиозного «дурмана» не претворялись в жизнь, поэтому власти отчаянно искали выход. Дискуссии в обществе и периодической печати о преимуществах свободного рынка и государственной экономики не утихали.

В конце 1921 г. территориальные органы Народного комиссариата труда отмечали рост числа незанятого в народном хозяйстве населения РСФСР. На состоявшемся в декабре 1921 г. совместном заседании комиссий по борьбе с безработицей отмечалось, что число безработных составляет около 100 000 чел. и оно продолжает расти[100]. По сведениям Народного комиссариата труда, уже к концу лета 1921 г. в Гомельской губернии было зарегистрировано 7 784 безработных[101].

Одним из способов преодоления кризиса стало кооперативное движение, которое было призвано объединить индивидуальных производителей. К середине мая 1922 г. в Гомеле было создано «Общество кустарей», которое насчитывало около 1 000 членов. Более 200 кустарей решили не вступать в профсоюз (большинство из них сапожники — около 60% и портные — около 25%)[102].

---

[98] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки.* Минск, 2008, с. 147.

[99] В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века)*. Вып. 1. Гомель, 1999, с. 89–90.

[100] ГАРФ, ф. Р-5451, оп. 5, д. 519, л. 1.

[101] Там же, ф. 382, оп. 4, д. 728, л. 79.

[102] Там же, ф. 1442, оп. 1, д. 3, л. 1.

Летом 1922 г. под эгидой национального отдела в Гомеле была организована конференция еврейских кустарей. Она проходила в театре им. Свердлова, и в ней приняли участие около 1 000 чел. На конференции развернулась жаркая дискуссия, посвященная статусу еврейского кустаря. Поднимались вопросы о том, следует ли кустарям обращаться к торговцам или непосредственно к потребителю. Итогом конференции стала декларация о поддержке советского строя и просьба об оказании помощи в организации фонда кустарей в Гомеле[103].

В 1923 г. евсекция в Гомеле постановила, что в «Общество кустарей» могут входить политически лояльные ремесленники, т. е. те, кто не прибегал к использованию наемного труда[104]. По крайней мере, такова официальная версия. На самом деле все было куда сложнее. Прежде всего, по состоянию на 1 сентября 1924 г. 307 из 560 членов «Общества кустарей» Гомеля имели родственников за пределами СССР[105]. Это настораживало власти, которые сомневались в их лояльности.

Евреи в первой половине 1920-х гг. были широко представлены в советском профсоюзном движении, которое направлялось коммунистической партией и оставалось от нее зависимым. На 1 июля 1923 г. в Союзе кожевников Гомеля доля евреев составляла 59,9%, в Ассоциации текстильщиков и портных — 96,9%, в Союзе рабочих деревообрабатывающих предприятий — 32,8% и в Союзе работников пищевой промышленности — 40,1%[106].

Советская власть стремилась справиться с частными предпринимателями с помощью налоговой политики. Понятно, что большинство людей, занятых мелочной торговлей, не выдерживало налогового пресса. Бакалейщик, зарабатывавший в год в среднем 577 руб., должен был отдать государству налог в 200 руб. Это вело к разорению и закрытию большинства торговых точек, пролетаризации их владельцев. Группа еврейских рабочих писала в 1925 г. в «Дер эмес», что в Гомеле возникло позорное явление бедности, созданное конкуренцией государства с людьми, пытающимися существовать на основе частной торговли и ремесел[107].

Число евреев, занимающихся частной торговлей в Гомеле, с 43% в 1897 г. упало до 10,5% в 1926 г. Евреи начали менять профессии, искать другие возможности заработать на жизнь: одни уходили на промышленные предприятия, другие на строительство, третьи в землеустройство, чет-

---

[103] Там же, д. 1, лл. 5, 8.

[104] А. Зельцер, Указ. соч., с. 102.

[105] В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века)*. Вып. 1. Гомель, 1999, с. 90.

[106] Там же, с. 89.

[107] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки.* Минск, 2008, с. 144–145.

вертые переселялись в Крым или Биробиджан. Молодые люди оставляли религию, уезжали в города учиться или работать в советских учреждениях, покидали страну.

Эмиграция

Еврейская эмиграция приняла массовый характер. В период с 1917 по 1924 г. из советской России (и СССР — после его создания) от 200 000 до 300 000 евреев законно и незаконно уехали (используя фактически «прозрачные» границы с Румынией, Польшей, Литвой и Латвией). Мотивы эмигрантов были разнообразными и включали в себя как экономические, религиозные, политические, так и идеологические соображения. Эмиграция в значительной степени сократилась в 1924 г. из-за введения квот на въезд в США, а также из-за трудности достигнуть подмандатной Палестины[108].

В 1922–1923 гг. Гомель находился на пересечении миграционных потоков, что связано с его местоположением и ролью транспортной развязки (автомобильные дороги, железнодорожный узел и водный транспорт). Основной поток эмигрантов направлялся в страны Балтии (в основном Литва и Латвия) и Польшу, которая до 1939 г. включала в себя Западную Беларусь. В августе-сентябре 1922 г. из БССР на постоянное место жительства за границу выехали 1 044 чел., из которых 577 составляли евреи, или более половины всех эмигрантов. С 1 октября 1922 г. по 20 марта 1923 г. выехали 1 022 чел., в том числе 969 евреев — подавляющее большинство[109]. Евреи массово эмигрировали из СССР по нескольким причинам: во-первых, у большинства из них были родственники за границей; во-вторых, из-за серьезных мотивов, которые их подталкивали к эмиграции, в основном политического или религиозного характера; в-третьих, у большинства евреев, которые эмигрировали, имелись для этого финансовые возможности. С 12 мая 1923 г. по 1 января 1924 г. эмигрировали 1 382 чел. — все евреи. Таким образом, пик эмиграции из Гомельской губернии пришелся на 1923 г. Всего с 1 июля 1922 г. по 1 января 1924 г. из Гомельской губернии выехали 3 446 чел., из них 2 796 евреи (то есть 81,1%), большинство въехали в Соединенные Штаты, Польшу, страны Балтии и Германию. Данные о миграции евреев из Гомеля приведены в следующей таблице[110]:

---

[108] מ. בייזר (עורך), יהודי רוסיה 3: ממהפכות 1917 ועד נפילת ברית-המועצות, ירושלים תשע"ה, עמ' 92

[109] В. Гершанок, В. Райский, Указ. соч., с. 135.

[110] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, л. 55.

Таблица 1

Еврейская эмиграция из Гомеля (август 1922 г. — январь 1924 г.)

Период эмиграции	Евреи		Всего эмигрантов
	чел.	*%*	
1 августа – 1 сентября 1922 г.	577	55,27	1 044
1 октября 1922 г. — 20 марта 1923 г.	969	94,80	1 022
12 мая 1923 г. — 1 октября 1924 г.	1 389	100,0	1 389

Что представляли собой эмигранты из Гомеля после гражданской войны? Прежде всего, это были состоятельные евреи, которым порядки в СССР не только не позволяли проявить свои способности, но даже угрожали их безопасности. Некоторые из этих людей являлись политическими деятелями или религиозными авторитетами. Примером могут служить раввин Шломо Эльяшив и его зять Авраам Эльяшив (1878–1942), которые репатриировались в Эрец-Исраэль в 1924 г., после того как главный ашкеназский раввин Эрец-Исраэль Кук[111] лично организовал их выезд из Советского Союза[112].

Случаи эмиграции с целью воссоединения семьи иллюстрирует ответ из консульства США в Риге (Латвия) Френкелю из Гомеля. В этом документе сообщается о решении предоставить эксклюзивную визу Френкелю, сначала для ее получения его просят или лично приехать в консульство и предъявить свидетельство о рождении (или другое свидетельство о род-

[111] Авраам Ицхак ха-Коэн Кук (7.9.1865, Даугавпилс — 1.9.1935, Иерусалим) — религиозный и общественный деятель, занимал должность раввина Яффо (1904–1914 гг.), Иерусалима (1920–1921 гг.) и стал первым главным ашкеназским раввином Эрец-Исраэль (1921–1935 гг.).

[112] А. Лебедев, В. Пичуков, «Политика Советской власти в отношении иудейской религии на Гомельщине в 1920–1930-х гг.» // *Цайтшрифт* № 7 (2), 2012 г., с. 28–35.

ственных связях) его сына, который живет в США. В письме подчеркивается, что консульство не может ничего сделать для облегчения выезда из СССР[113]. Другим предлогом покинуть пределы СССР было воссоединение семьи. Однако это не всегда приводило к желаемой цели. Консульство США в Риге (Латвия) отказало Френкелю из Гомеля, который собирался к сыну, проживавшему в Америке[114].

Были и особые гуманитарные случаи. Например, письмо окружному представителю Евобщесткома Киевского областного комитета от 27 июня 1923 г. о судьбе сироты Мины Шик содержало просьбу к властям выдать паспорт Мине Шик для эмиграции к родственникам, проживающим за границей, на том основании, что они готовы взять на себя все заботы по ее воспитанию[115].

Особую группу эмигрантов составляли идеалисты, разделявшие веру в построение единственно возможного справедливого общества для евреев в Палестине на основах социализма. Путь сионистской молодежи в Палестину был гораздо более сложным как из-за материальных затрат, так и из-за иммиграционных квот. И это особенно касается тех сионистски настроенных юношей и девушек, которые, не получив британских виз или разрешения на выезд из СССР, пытались репатриироваться в Палестину нелегально. Они ехали на Кавказ (такие города, как Батуми в Грузии и Баку в Азербайджане), откуда старались добраться до Турции, чтобы продолжить свой путь в Палестину. В результате в городах Кавказа собрались тысячи потенциальных эмигрантов в ожидании транзитных виз от турецкой стороны, которые та не торопилась выдать.

Сохранилось письмо в органы советской периодической печати от руководства Московского еврейского общественного комитета с требованием предотвратить эмиграцию и репатриацию такого типа, объясняя стремление эмигрировать «*влиянием пропаганды определенных элементов*»[116]. Не исключено, что это обращение было инспирировано властями, которые прикрывались именем названного комитета, чтобы создать видимость общественного недовольства сионистскими происками на еврейской улице.

Некоторые эмигранты выбирали морской путь из Одессы через Черное море до Турции и оттуда в Палестину. Однако в большинстве случаев они оказывались в ситуации, похожей на положение тех, кто хотел добраться до Турции через советский Кавказ и сухопутную границу[117].

---

[113] ГАГО, ф. 1393, оп. 1, д. 18, л. 63.
[114] Там же.
[115] Там же, ф. 1725, оп. 1, д. 28, л. 44.
[116] Там же, лл. 49–49об.
[117] Там же, д. 26, л. 102.

В эмиграционном бюро «Еврейского общественного комитета» (Евобщесткома) составили инструкцию с перечнем документов для оформления выезда из СССР и расходов на эмиграционные документы. Российский паспорт дополнительно стоил 1 650 руб. и еще от 250 до 300 руб. для выезжающих из Беларуси или Украины; американская виза — 10 дол. США, аргентинская виза — 3 дол., литовская виза — 812 руб., латвийская виза — 510 руб.; дорожные расходы составляли: проживание в Москве, через которую все эмигранты обязаны были пройти в рамках эмиграционного процесса, — 50 руб. в день (в основном покупка продуктов для ежедневного потребления), стоимость ночлега — от 50 до 100 руб. за ночь; проживание в Риге (столице Латвии) — около 30 дол. в месяц, проживание в Литве — 100 литов в месяц, проживание в Аргентине — 90–95 дол. в месяц. В циркуляре подчеркивается, что на момент его написания в Аргентине был жилищный кризис. Чтобы прибыть в Палестину, требовалось достичь контрольно-пропускного пункта в Триесте (портовом городе на северо-востоке Италии на границе со Словенией), где проверяли паспорта и достоверность британских виз. Проезд из Триеста в Яффо или Хайфу в то время составлял 3,12 фунта стерлингов[118].

В связи с этим материальные затруднения становились одним из главных препятствий для эмиграции после гражданской войны. Однако помощь могла поступить от еврейских международных организаций. Мы узнаем об этом из письма, посланного в декабре 1922 г. из эмиграционного бюро Евобщесткома, которое занималось получением средств из Берлина, в окружной совет Евобщесткома Гомеля. В этом случае оплата виз составляла 68 дол. и 104,5 дол. Представитель эмиграционного бюро просил уведомить о такой возможности желающих эмигрировать и убедиться, что они получили свои паспорта. В письме подчеркивается неотложность данного дела и точность, необходимая для этого[119].

Однако существовали и другие препятствия для эмиграции. Сохранилось обращение туристической компании (от 3 сентября 1923 г.) к Гомельскому районному исполнительному комитету с просьбой не преувеличивать трудности эмигрантов и выдавать им паспорта[120]. Кроме того, есть циркуляр руководства Евобщесткома в окружное отделение этой организации в Гомеле (от 28 апреля 1923 г.), в котором указывается, кто имеет право на получение помощи от эмиграционного комитета: женщины, которые едут к мужьям, пожилые родители, которые едут к детям, дети, которые едут к родителям, или дети-сироты, которые едут к родственникам. Далее в документе подчеркивается, что Евобщестком не оказывает

[118] ГАГО, ф. 1725, оп. 1, д. 28, лл. 1–2.
[119] Там же, л. 58.
[120] Там же, лл. 15–16.

материальную или финансовую помощь отъезжающим. Стоимость поездки в Палестину составляла от 40 до 50 дол. на человека. В документе содержалось предостережение о сложной экономической ситуации в Палестине, высокой безработице, не исключалась возможность, что людям с образованием и профессией придется выполнять неквалифицированную работу в крайне трудных условиях (10–12 часов в день), например на асфальтировании дорог, с низкой заработной платой[121].

Однако все эти препятствия не останавливали желающих выехать из СССР. Еврейская эмиграция из Гомеля и Гомельского округа продолжалась как в Палестину, так и другие страны мира. Как показало время, это окно возможностей оказалось ограниченным. После 1924 г. правила для отъезжающих на постоянное место жительства за границу ужесточились. На смену эпохе либерального отношения к эмигрантам пришел строгий контроль государства за потоками людей, пересекавших границу, как правило, в одну сторону. Формально такая возможность еще сохранялась до 1937 г., но количество людей, которые этим воспользовались, под разными предлогами стремительно сократилось.

Финансовая поддержка

Изыскание источников поддерживать еврейскую жизнь в Советском Союзе представляло главную заботу Евобщесткома. Скудный бюджет организации поддерживался за счет пожертвований от имущей части евреев, добровольных взносов и помощи «Джойнта». Часть этих средств пополнялась за счет торговли продуктами, полученными из-за рубежа. В январе-феврале 1923 г. гомельский отдел Евобщесткома получил 38 000 руб. от центрального комитета организации, еще до этого, в ноябре-декабре 1922 г., на складе хранилось продуктов на 5 000 дол., а в феврале 1923 г. было передано еще 3 800 дол. Эти суммы пошли на поддержание 11 детских домов в Гомельской губернии, а также на 150 стипендий для субсидирования обучения в профессионально-технических училищах Гомеля[122].

Роль «Джойнта»

Поддержка международных еврейских благотворительных организаций после гражданской войны в Гомеле распределялась по следующим основным направлениям: 1) обеспечение продовольствием особо нуждающихся — неимущих, больных, стариков и детей, 2) медицинское обслу-

[121] ГАГО, ф. 1725, оп. 1, д. 28, л. 50.
[122] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1577, л. 10.

живание, 3) профессиональное образование, 4) содержание школ и детских приютов.

Главная заслуга в этом принадлежала американским евреям, которые прилагали большие усилия через Объединенный распределительный комитет (*American Jewish Joint Distribution Committee, JDC* — «Джойнт») в рамках оказания гражданской помощи Советскому Союзу.

В период от 15 февраля по 15 марта 1923 г. «Джойнт» передал для дтей в Гомеле и округе продукты питания на сумму 6 700 дол., а также 2 700 дол. на ремонт трех детских домов в Гомеле, включая три детских дома в Могилеве, закупил на 500 дол. школьные принадлежности для профессионально-технических школ, включая одноразовые денежные выплаты и дотации. В общей сложности за один только месяц «Джойнт» оказал помощь еврейскому населению в Гомеле и округе (а также в Могилеве) на сумму 45 235 дол. В апреле 1923 г. финансовая поддержка была оказана 41 еврейскому учреждению и трем приютам для инвалидов[123].

По правилам, навязанным советскими органами власти, половина всей помощи «Джойнта» направлялась представителям титульной нации. Вот почему Евобщестком предпочитал получать от «Джойнта» адресную помощь через товары, полезные продукты и инструменты, а также деньги на определенные нужды и цели[124]. Такой вывод напрашивается из письма представителя «Джойнта» в Гомельской губернии Александрова в гомельский Евобщестком с подробным описанием потребностей: 1) для еврейских детских клубов — пшеничная мука, какао, сахар, жиры, молоко, крупы, 2) для еврейских детских садов — то же самое, но в бóльших количествах[125]. Взглянем на список учреждений, субсидируемых «Джойнтом» в Гомеле и округе, по состоянию на 4 марта 1924 г. В него входят 26 учебных заведений, из которых девять являются городскими — детские дома № 2, 6, 13, 17 (директора В. Либстер, С. Гальперина, Д. Качорина, Х. Шапиро), профессиональная школа по обработке кожи (директор Н. Аскин), профессиональная полиграфическая школа (директор А. Маллер), профессиональная школа по деревообработке (директор С. Гобин), профессиональная школа по обработке металла (директор А. Осипович), детский сад им. Гельфмана (директор Фискина). Другие ведомства были расположены в Могилеве (семь), Речице (два), а также в местечках: Шклов (одно), Быхов (одно), Новозыбков (два), Стародуб (одно), Рогачев (одно), Чериков (одно). Всего: Гомель — девять учреждений, Могилев — восемь, местечки — 10 (Шклов, Быхов, Новозыбков-2, Речица-2, Клинцы, Стародуб, Рогачев, Чериков). Кроме того, помимо вышеприведенного списка, в

[123] Э. Иоффе, *Страницы истории евреев Белоруссии*. Минск, 1997, с. 85.
[124] М. Ботвинник, Указ. соч.
[125] ГАГО, ф. 1725, оп. 1, д. 21, л. 1.

Гомеле также указана профессиональная школа по столярному делу. Всего было перечислено 30 учреждений[126].

Значение международной благотворительной помощи со стороны «Джойнта» евреям Гомеля и Гомельской губернии трудно переоценить, особенно в области просвещения, народного образования и социального обеспечения. В дополнение к этому выделялись средства в поддержку еврейских сельскохозяйственных поселений и коммун, религиозных общин и сионистских групп. Солидарность, проявленная международным еврейством, помогала советским евреям не только физически выжить, но и сохранить духовную связь с мировым еврейством, обрести надежду на лучшее будущее, возрождение религиозных общин, сохранение традиции, поддержку еврейского образования.

Объединения выходцев из Гомеля в Палестине

В Эрец-Исраэль действовала Ассоциация репатриантов из Гомеля и округи, основанная в 1923 г. доктором Зеэвом (Вульфом) Захариным[127], Элиэзером Ицхаком Шейнбоймом[128] и Иехудой Лейбой Гершоном Кагановичем[129]. Она оказывала помощь в абсорбции, в частности с жильем, работой по профессии, поддержанием здоровья, образованием и воспитанием, с финансами, культурным развитием и по многим другим вопросам[130]. В основном это касалось репатриантов в городской черте и в сельских колониях и в меньшей степени тех, кто выбирал для этого кибуц[131].

Ассоциация также оказывала помощь в организации репатриации из Гомеля и округи тем, у кого было такое намерение, или материальную,

---

[126] ГАГО, ф. 1725, оп. 1, д. 78, лл. 6–9.

[127] 'ד"ר זאבזכרין', ד. תדהר (עורך), האנציקלופדיה לחלוצי היישוב ובוניו, כרך ג', ישראל תשט"ו, עמ' 1253; http://www.tidhar.tourolib.org/tidhar/view/3/1253

[128] 'אליעזר יצחק אילנאה (שיינבאום)', ד. תדהר (עורך), האנציקלופדיה לחלוצי היישוב ובוניו, כרך ה', ישראל תשט"ו, עמ' 2344-2345; http://www.tidhar.tourolib.org/tidhar/view/5/2344

[129] 'יהודה ליב גרשון (יל"ג) כהנוביץ', ד. תדהר (עורך), האנציקלופדיה לחלוצי היישוב ובוניו, כרך א', ישראל תשט"ו, עמ' 233-234; http://www.tidhar.tourolib.org/tidhar/view/1/233

אצ"מ: A390/6, חוזר ה"התאחדות" מ-11.6.1946

[130] אצ"מ: A390/6

[131] Вместе с тем были случаи, когда в Ассоциацию обращались репатрианты из кибуцев. 4 апреля 1925 г. Иосиф Белинков из [кибуца] возле Кинерета попросил Ассоциацию помочь с репатриацией своей семьи (родителей, братьев и сестер), выделив для этого финансовую помощь в размере 400 фунтов стерлингов. Стоимость репатриации в Палестину в то время составляла 500 фунтов стерлингов, тогда как имущество этой семьи всего 100 фунтов стерлингов.

אצ"מ: A390/4

духовную или продовольственную поддержку, снабжение предметами культа[132]. С этой целью была установлена связь с американской Ассоциацией братства гомельских евреев (Homler Brothers Society)[133].

Объединение вело обширную переписку с выходцами из Гомеля по всему миру (сохранилось более 300 писем). Большинство обращений в Ассоциацию представляли собой просьбы в содействии получить въездные визы в Палестину, но это общественная организация не всегда могла сделать[134] и сосредоточилась главным образом на финансовой помощи. Чаще всего она предоставляла единоразовую помощь в размере 75 фунтов стерлингов на одного репатрианта, когда он прибывал в Стамбул, Пируа или Салоники.

Ассоциация занималась «*социально-духовными вопросами*», включая юридическую помощь, проведение культурных мероприятий, вечерних занятий, организацию миньянов репатриантов, помощь в найме жилья для репатриантов, особенно в Тель-Авиве. Для этого и она сама нуждалась в донорах, которые находились главным образом в США[135]. Дополнительно члены этой организации обратились к репатриантам из Гомеля и округи с просьбой через Ассоциацию, действовавшую быстро и эффективно, помочь оставшимся евреям в Гомеле и округе[136]. Ассоциация также получала финансовую частную помощь от известных и влиятельных фигур из бывших гомельчан, которые проживали в США. Она поддерживала тесные

---

[132] אצ"מ: A390/6

[133] אצ"מ: A390/4.

Похоже, что совместная работа Ассоциации и параллельной американской организации не шла гладко и встречала трудности, по крайней мере, вначале. Так, 11 августа 1924 г. члены Ассоциации обратились к сионистскому руководству с просьбой выдать рекомендательное письмо о платежеспособности Ассоциации для получения 5 000 дол. от Американской организации помощи выходцам из Гомеля и округи в турецких и греческих прибрежных городах на пути в Палестину. В этом обращении упоминаются имена членов Ассоциации, о чьей кредитоспособности попросили дать рекомендации: Зеэв Захарин, Дов Гиссин, Натан Пойзнер, Элиэзер Ицхак Шейнбойм, Яаков Йосеф Хоз, Залман Дворкин, Авраам Хаим Коэн, Каганович. Еще одно свидетельство этой тенденции — письмо Ш. Гранштейна из Нью-Йорка Зеэву Захарину в Тель-Авив, где автор письма выражает скептицизм по поводу американского эквивалента того, что он называет «Landsmanshaft». См.

אצ"מ: A390/5

[134] Хотя пыталась. Сохранилась копия письма от сионистского руководства на имя Ассоциации, в котором говорится, что невозможно выдавать сертификаты в соответствии с тем или иным городом исхода.

[135] אצ"מ: A390/4

[136] אצ"מ: A390/4 (10.7.1924)

связи с раввином Рафаилом-Мордехаем Барышанским[137], который эмигрировал в США в 1923 г. (см. гл. 4).

При этом предпочтение давалось репатриантам с сионистскими убеждениями. К началу ноября 1924 г. в Гомеле насчитывалось семь семей членов сионистской организации, которые хотели репатриироваться в Палестину, а всего 45 чел.[138] Каждое такое обращение рассматривалось в индивидуальном порядке. Например, случай с Цви Хаимом Индманом, владельцем фирмы по производству колбасных изделий. Он способствовал продвижению сионистских предприятий в Гомеле, включая строительство и эксплуатацию сионистского клуба «Бейт ха-ам», сионистского кооператива «Кадима» и учебной фермы «Ахуза». Затем попытался репатриироваться в Палестину через Кавказ без визы, но его арестовали, и он вынужденно вернулся. В 1925 г. Каганович помог ему получить визу, а затем Индману удалось репатриироваться[139].

Другим примером является письмо от 19 января 1927 г. о судьбе Авраама Лейба Рахлина, учителя иврита в Гомеле, который руководил «исправленным» (обновленным) хедером и одновременно давал уроки иврита и Танаха в школе «Мизрахи», основанной в Гомеле раввином Рафаилом-Мордехаем Барышанским. Рахлин жил в местечке Рогачев, неподалеку от Гомеля, был арестован за сионистскую деятельность. Его приговорили к ссылке на три года, но наказание заменили на депортацию в Палестину[140].

Одновременно Ассоциация служила надежным адресом для религиозных сионистов, которые вывозили в Палестину свитки Торы, предметы

---

[137] В письме на имя раввина Барышанского и Бенджамина Файна выражалась благодарность за перевод чека на 2 000 дол. Интересно отметить, что в этом письме, дата которого неясна, упоминается, что в Палестине насчитывается около 200 семей выходцев из Гомеля и округи.

[138] אצ"מ: A390/9

Список семей членов сионистской организации, желающих эмигрировать по состоянию на 7 ноября 1924 г.: Меир Маневич — семь человек, Хаим Цви Индман — четыре человека, Хаим Цельманов — восемь человек, Ниссан Тараканов — три человека, Шимон Балтер — шесть человек, Мордехай Беллман — шесть человек, Йосеф Брук — 11 чел.

[139] После репатриации Индман жил в Тель-Авиве, занимался общественной деятельностью, пережил личную трагедию (его сын внезапно скончался) и умер в 1947 г.

הצופה, 2.11.1947, עמ' 3

[140] אצ"מ: A390/4

культа и иудейской традиции[141]. Но и этим дело не ограничивалось. Родственники евреев, репатриировавшихся в Палестину из Гомеля и потерявшие с ними связь, стремились восстановить ее с помощью Ассоциации, куда они направляли свои многочисленные запросы. Сохранение переписки репатриантов с местом исхода способствовало поддержанию их душевного равновесия. В память об этом в архивах сохранились соответствующие письма.

* * *

Таким образом, к концу гражданской войны среди еврейского населения Гомеля и Гомельского округа произошли значительные сдвиги, которые изменили общую картину их национальной жизни. Прежде всего, выросла численность еврейской общины города за счет прибывавших в Гомель из бывших местечек и деревень в поисках работы, пропитания и медицинской помощи. Она была бы еще больше, если бы не смертность от болезней, голода и погромов, а также отток части еврейских семей за пределы советской России, главным образом в Польшу, Латвию и Литву, Соединенные Штаты Америки, Канаду и Эрец-Исраэль.

Материальное положение гомельских евреев оставалось тяжелым. Люди едва сводили концы с концами. Социалистическая революция, в которую их вовлекли большевики, не дала экономического результата. Партийные пропагандисты умело списывали эти последствия на гражданскую войну и иностранную интервенцию, а не на экономическую неэффективность советских реформ. Жизнь омрачала сильная безработица. Массовая демобилизация из Красной армии, увольнение в запас миллионов военнослужащих, оказавшихся не у дел, выплескивали в города массы молодых людей. Отсутствие растущей промышленности, способной удовлетворить спрос на работу, остановка предприятий оборонного назначения накаляли общественную атмосферу.

Новая экономическая политика советской власти, призванная оздоровить народное хозяйство республики, в начале 1920-х гг. неизбежно вызвала такие негативные социальные явления, как безработица, имущественное расслоение, рост недовольства широких кругов жителей Гомеля и Гомельского округа утратой завоеваний революции и гражданской вой-

---

[141] אצ"מ: A390/4

Это записка от руки без даты, в которой говорится, что прихожане синагоги «Талмуд-Тора» в Гомеле передали с репатриантами два свитка Торы членам Ассоциации. См. письмо Ассоциации от имени сионистского руководства от 13 ноября 1924 г.

אצ"מ: A390/5

ны. Это был естественный процесс ломки старых производственных отношений, высвобождения рабочих рук, перераспределения финансовых и производственных ресурсов, поиск экономических партнеров и капиталовложений. Международная изоляция страны заставляла власти искать резервы на внутреннем рынке.

НЭП изменил общую картину профессиональной занятости населения Гомеля. Евреи участвовали во всех трех видах торговли: государственной, частной и кооперативной. Государство пыталось улучшить экономическую ситуацию, поднять сельское хозяйство и восстановить промышленность. Частные предприниматели должны были создать новые рабочие места, а государство позаботиться о социальной защите трудящихся. Затем индивидуальным частным предпринимателям противопоставили кооперативы, но это ограничивало личную инициативу, брало под контроль хозяйственную активность.

Многие евреи были заняты в сфере обслуживания, работали канцелярскими служащими, рабочими на фабриках и заводах, занимались кустарным производством. Евреи по-прежнему мало трудились в сельском хозяйстве. Однако не потому, что боялись физического труда, а из-за отсутствия необходимых знаний и навыков земледельцев, которые передавались бы из поколения в поколение. Работа на земле не давала быстрого оборота — экономический эффект от приложенных усилий был замедленным. Следовало преодолеть старые стереотипы, получить помощь от государства в виде машин, удобрений, налоговых льгот и финансовой помощи.

Советская власть видела выход из экономического тупика в увеличении налогового бремени, возложенного на частного производителя, и большинство евреев, занятых мелочной торговлей, разорились. Евреи меняли свои традиционные профессии и род занятий. Одни из них уходили на промышленные предприятия, другие на строительство, третьи в землеустройство, четвертые согласились переселиться в Крым и Биробиджан. Еврейская молодежь, порвавшая с традицией, отправлялась учиться в город, поступала на советскую службу или эмигрировала за границу.

Противостояние с религией оставалось в числе главных приоритетов государства для контроля за общественными настроениями. Участие в антирелигиозной кампании помогало сделать профессиональную карьеру, получить направление на учебу, найти хорошее рабочее место. Критика синагоги и религии в целом использовалась как борьба против старого мира. Психологический разрыв происходил не только на общественном, служебном, но и на семейном уровне. Представители старшего поколения, умудренные жизненным опытом, не одобряли поведение своих детей и внуков, но не могли ничего изменить в безальтернативных общественных условиях.

Борьба с религией предполагала лишить старшее поколение верующих возможности передавать знания традиции и молитвы детям и внукам. Добиться этого можно было, запретив хедер как систему воспитания и образования еврейских детей, устоявшуюся веками. Борьба с хедером была частью атеистической кампании в республике. Во время религиозных праздников проводились антирелигиозные демонстрации, читались лекции по атеизму, устраивались импровизированные «суды» над подростками или молодыми рабочими, побывавшими в синагоге или участвовавшими в отправлении религиозных обрядов. Надуманные и клеветнические обвинения были выдвинуты против меламедов, что послужило основанием для закрытия хедеров и перевода учащихся в советские еврейские школы.

Следующим шагом стала кампания по закрытию синагог. Подрыв общественного статуса раввинов должен был облегчить борьбу с верующими. Одной из форм давления стали показательные аресты и публичные общественные суды над резниками, раввинами. Однако даже это не дало желаемого результата.

Советский режим изменил подход к деятельности сионистских движений и организаций, в большинстве социалистического толка, от сравнительной терпимости к их деятельности до прямого и косвенного нажима и репрессий. Часть сионистских активистов была вынуждена отказаться от своих взглядов и покаяться, другая репатриироваться в Эрец-Исраэль, а наиболее неуступчивые подверглись арестам и ссылке.

Идеологическое и административное давление советской власти на еврейское население в Гомеле постепенно давало результаты. Традиционные еврейские духовные ценности утрачивали привлекательность, особенно среди молодежи. Атеистическая политика советского государства соблазняла еврея выгодами ассимиляции. Учить Тору и не вмешиваться в события, которыми бурлил внешний мир, означало отстать от жизни. Евреи были широко представлены в советском профсоюзном движении, которое давно потеряло политическую независимость и направлялось коммунистической партией.

Ситуация в Юго-Восточной Беларуси была бы еще более удручающей, если бы не международная помощь еврейских филантропических организаций, значение которой трудно переоценить. Особенно это сказалось в области просвещения, народного образования и социального обеспечения. В дополнение к этому выделялись средства в поддержку еврейских сельскохозяйственных поселений и коммун, религиозных общин и сионистских групп. Солидарность международного еврейства помогала советским евреям не только выжить физически, но и сохранить духовную связь с мировым еврейством, обрести надежду на лучшее будущее, возрождение религиозных общин, соблюдение традиции, поддержание еврей-

ского образования. В Эрец-Исраэль в это время действовала «Ассоциация репатриантов из Гомеля и его окрестностей в Эрец-Исраэль», которая координировала свою деятельность с родственной организацией в Нью-Йорке (США) “Homler Brothers Society”.

Как показали последующие события, период НЭПа явился сравнительно либеральным в экономической, политической, культурной, национальной и религиозной жизни евреев Гомеля и округи, как и всего советского общества. К началу 1930-х гг. они стояли у порога очень серьезных перемен, которые изменят коренным образом их жизнь как в Советской Белоруссии, так и всей стране в целом.

Глава пятая
Отказ от политики либерализации, 1927–1932 гг.

Созидание советского общества после окончания гражданской войны и достижения в народном хозяйстве полученные с помощью свободы торговли и НЭПа привели к позитивным переменам. Успехи культурного строительства при относительной либерализации общественной жизни позволили на некоторое время поднять уровень жизни населения. Однако несоответствие между развитием экономики и отсутствием политической свободы в СССР привело к противостоянию сторонников рынка и государственного сектора. Внутри самой коммунистической партии начались споры между левыми («троцкисты», «новая оппозиция») и правыми («бухаринцы») в РКП(б) о путях развития СССР после гражданской войны. Основные разногласия касались темпов индустриализации, отношения к НЭПу, методам коллективизации и возможности построения социализма в одной стране.

Происходил постепенный разрыв союза компартии со своими бывшими сторонниками и попутчиками, среди которых оказались сионисты-социалисты. Нападки на бывших выходцев из «Бунда» привели к роспуску евсекции при ЦК КП(б)Б, которую обвинили в национальной ограниченности и пренебрежении идеей интернационализма. Началось свертывание политики идишизации как еврейского аналога белорусизации, неприкрытое наступление на религию, что сопровождалось ограничением прав верующих и массовой атеистической кампанией.

Демографический состав населения Гомельского округа во второй половине 1920-х гг. отразил все основные социально-экономические и политические перемены, произошедшие в Юго-Восточной Беларуси, как и БССР в целом.

Духовная и культурная жизнь в Гомеле, как и во всей БССР, строилась по лекалам советской власти. Она была подчинена приоритету соци-

ального равенства и классовой борьбы, отказу от эксплуатации человека человеком. Противоречия национальной жизни объяснялись пережитками капитализма и наследием царского самодержавия до 1917 г. (антисемитизм, юдофобия, национализм, великодержавный шовинизм). В 1926 г. основными национальными группами, которые доминировали в Гомеле, были евреи и белорусы, что наглядно показано в табл. 1:

Таблица 1

Национальный состав населения Гомеля в 1926 г.[1]

Национальность	**Численность**	
	чел.	*%*
Евреи	34 649	46,9
Белорусы	16 730	22,6
Другие	22 534	30,5
Всего	73 913	100,0

Евреи и белорусы задавали тон в экономической и культурной жизни Гомеля и Гомельского округа. Они были представлены в городской администрации, учебных заведениях, учреждениях просвещения, на промышленных предприятиях, в профсоюзном движении, советских организациях, партийных комитетах. Советская власть, которая впервые гарантировала всем национальностям равные права и запрещала любые виды дискриминации, рассчитывала на сочувствие и сотрудничество. Белорусы считались титульной нацией, которая опекала национальные меньшинства. Уничижительный термин «инородцы» был изъят из языка официального общения и делопроизводства.

Национальная политика, провозглашенная РКП(б), предусматривала равенство своих граждан разных национальностей. которые отличались по своему интеллектуальному потенциалу, уровню образования и имущественному положению и по-разному оценивали окружавшую их действительность. Формально евреи, не являясь титульной нацией, составляли в Гомельском регионе большинство населения. Согласно переписи 1926 г., они насчитывали здесь 34 649 чел., или 46,9%, по сравнению с 16 730

[1] НМЗ 1645.33 :אמת"י

белорусов, или 22,6%. В этом отношении общую демографическую ситуацию Гомеля уравновешивали русские, украинцы и поляки. В 1926 г. русские составляли 24 942 чел., поляки — 1 679 чел., численность белорусов выросла до 18 827 чел., а евреев — до 37 740 чел. Таким образом, евреи насчитывали 45,36%, а неевреи — 54,64%.

Особенности демографических и национальных процессов в Гомеле и Гомельском округе становятся понятными только в сравнении с общей ситуацией по Белорусской ССР. По данным переписи от 17 декабря 1926 г., в советской Беларуси проживало 4 983 240 чел. в следующем национально-этническом составе, что отражено в табл. 2[2]:

Таблица 2

Национальный состав населения БССР в 1926 г.

Национальность	**Число,** *чел.*	**Число,** *%*
Белорусы	4 017 301	80,53
Евреи	407 059	8,16
Русские	388 806	7,79
Поляки	97 497	1,95
Другие	77 577	1,55
Всего	4 988 240	100,0

Очевидно, что доля евреев в Гомеле в 1926 г. была выше национального показателя, но ниже, чем в 1920 г., когда составляла 50,2%. Однако в то время как в 1920 г. в Беларуси были города с относительно большим еврейским присутствием (Могилев — 55,4%, Полоцк — 62,3%, Бобруйск — 61,2%), в 1926 г. в Гомеле наблюдалось самое высокое относительное присутствие евреев по сравнению с другими городами Беларуси (так, в Минске в том году было 40,8% евреев, в Витебске — 37,5%, в Могилеве — 34,1%, в Бобруйске — 42,0%)[3]. При этом большинство евреев в советской Беларуси жили в городской местности — 340 162 чел. (по сравнению с 332 860 белорусов). В то же время в сельской местности проживало только 66 897 евреев (по сравнению с 3 684 441 белорусом)[4].

[2] *Белорусская ССР в цифрах*. Минск, 1929, с. 56, табл. 4.

[3] א. זלצר (עורך), יהודי רוסיה במאה העשרים, כרך א', רעננה תשע"ד, עמ' 188

[4] *Белорусская ССР в цифрах*. Минск, 1929, с. 62, табл. 7.

Более того, в 1926 г. 93,7% евреев Гомельской области жили в городах — самый высокий показатель по всей Беларуси[5]. Не удивительно, что горожане-евреи были более образованными, и, следовательно, их представительство в городской администрации и местных органах власти, а также в партийных учреждениях заметно доминировало. Непопулярные меры советской власти, которые претворяли в жизнь евреи, будучи советскими служащими и партийными чиновниками, способствовали формированию отрицательного коллективного национального портрета евреев. В сознании белорусов как титульной нации, оказавшейся в меньшинстве в государственных учреждениях, партийных комитетах и местных органах власти (Советы), еврей становился прототипом бюрократа-чиновника, приспособленца, проходимца и мошенника. Этот стереотип широко использовался антисемитами, которые спешили обвинить во всех бедах и недостатках своей жизни в условиях советской власти евреев.

Включение Гомеля в состав советской Беларуси

Это произошло в 1926 г. в рамках второго укрупнения БССР по ряду причин политического, социально-экономического и этнодемографического характера. Это событие вызвало неоднозначное отношение не только у широких слоев населения, но и у советских и партийных руководителей города и области. Часть из них открыто выразили свое несогласие, заявляя, что у населения «*потеряна связь с белорусской нацией, за исключением некоторых обычаев в повседневной жизни*»[6]. С другой стороны, многие представители гомельской интеллигенции опасались административного принуждения к использованию белорусского языка в деловой и общественной жизни[7].

Критику присоединения можно было услышать 6 декабря 1926 г. на партийных собраниях Речицкого и Гомельского уездов Гомельской губернии, и она делилась на две основные части: 1) культурная политика на основе ускоренной белорусизации, 2) экономические и социальные вопросы, включая проблему роста безработицы. Из 313 записок, поступивших в ходе собраний, посвященных изменениям границ Гомельского округа, только в двух из них шла речь о национально-этнических меньшинствах: сохранятся ли еврейские (с преподаванием на идише) и русские (с преподаванием на русском языке) школы и как будут финансироваться образовательные учреждения нацменьшинств?[8]

---

[5] *Евреи в СССР.* Москва, 1929, с. 48.

[6] В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века)*. Вып. 1. Гомель, 1999, с. 67–71.

[7] А. Зеленкова, М. Старовойтов (ред.), Указ. соч., с. 100.

[8] В. Пичуков, М. Старовойтов, Указ. соч. с. 78.

Значительная часть еврейского населения Гомеля и Гомельской области считала, что она не нуждается в белорусском языке как условии экономического и общественного роста, полагая, что русский язык дает намного больше возможностей за пределами республики. Это давало основание сторонникам белорусизации рассматривать евреев как проводников русификации в БССР.

После упразднения Гомельской губернии и присоединения уездов Гомеля и Речицы к советской Беларуси произошли изменения в административно-территориальном делении. Статус региона был изменен на округ, а внутри него происходило административное деление по форме: округ — район — волость[9]. Первоначально в состав округа входили три города (Гомель, Добруш, Ветка), три местечка (Лоев, Поддобрянка, Чечерск), 244 сельсовета, которые составляли девять районов (Гомельский, Ветковский, Добрушский, Дятловский, Носовицкий, Святловицкий, Чечерский, Уваровичский, Тереховский). Площадь округа достигала около 16 000 кв. км[10]. Этнический состав населения округа представлен в таб. 3[11]:

Таблица 3

Национальный состав населения Гомельского округа по переписи 1926 г.

Национальность	**Число,** *чел.*	**Число,** *%*
Белорусы	194 712	47,7
Русские	150 472	36,9
Украинцы	8 689	2,13
Поляки	6 535	1,60
Евреи	45 598	11,2
Другие	1 878	0,46
Всего	407 884	100,0

[9] А. Зеленкова, М. Старовойтов (ред.), Указ. соч., с. 96.

[10] «Гомельская акруга» / Г. Пашкоу (гл. рэд.) і інш. // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*, т. 3. Мінск, 1996, с. 67–68.

[11] *Всесоюзная перепись населения 1926 года.* Москва, 1928–1929, т. 10–16, табл. VI.

Абсолютное большинство еврейского населения округа (93,67% — 42 716 чел.) проживали в городах, и только 6,32% (2 882 чел.) — в сельской местности. Отметим, что горожане составляли около 16% населения в этом районе (то есть около 800 000 чел.)[12].

Административные изменения оказали влияние на разные стороны жизни в Гомеле и округе (в основном экономические, административные и обшественные), но в этом исследовании мы уделим основное внимание культурным, социальным и этнографическим аспектам перехода Гомеля и округи к БССР.

Белорусизация

Основы политики белорусизации[13] были заложены в решениях X Всероссийской конференции большевиков в марте 1921 г. В них говорилось о развитии образования, культуры, управления, экономики, права и государственных механизмов на национально-этнических языках нерусских народов[14]. Однако законодательно это решение было оформлено только 15 июля 1924 г. на втором заседании 6-й сессии Центрального исполнительного комитета БССР[15]. Оно предполагало создание белорусских школ и высших учебных заведений, учреждений культуры, работающих на белорусском языке и отражающих белорусскую этническую культуру, издание книг, газет и журналов на белорусском языке, а также продвижение этнических белорусов на руководящие позиции в республике, партийной и общественной системе. Ставилась общая задача перевести все устные и письменные текущие обсуждения (отчеты, дискуссии, руководства по исполнению, отчеты и т. д.) на белорусский язык[16].

Новая политика предусматривала заботу о разных национальностях, которые признавались равноправными. Разрешалось создавать школы, театр, прессу на русском, польском, идише, украинском, литовском, немецком и других языках, обращаться в государственные инстанции на родном языке, но белорусский получал преимущество[17]. Инициаторы этой политики полагали, что идиш, которому приходилось бороться за свое

[12] А. Замойский, *Трансформация местечек Советской Белоруссии 1918–1939*. Минск, 2013, с. 44.

[13] Для подробной информации о политике белорусизации см. А. Зельцер, Указ. соч., с. 134–143.

[14] А. Зеленкова, М. Старовойтов (ред.), Указ. соч., с. 20, зам. 28.

[15] Там же, с. 26.

[16] Там же, с. 3.

[17] *Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК.* Минск, 1973, т. 1, с. 96.

признание, в отличие от русского и польского языков, не составит конкуренции белорусскому языку и евреи не послужат фактором русификации[18].

Отправным моментом национального строительства была объявлена коренизация, или осуществление пропорционального представительства в органах государственной власти всех национальностей, населявших БССР, которая обеспечила бы значительный рост белорусов во всех звеньях управленческих структур республики. Это касалось не только кадровой политики (путем назначений), но и общественных организаций (выборы), где кандидатов подбирали по национальному признаку. Отношение местных работников к белорусизации рассматривалось как лояльность к политике партии. Форсированный переход на белорусский язык, наоборот, мог расцениваться как национально-демократический уклон, а отставание — как саботаж национальной политики.

Сторонники белорусизации с симпатией относились к политике идишизации, которая в это время параллельно проводилась в БССР. Белорусские и национальные деятели надеялись, что укрепление позиций идиша в государственной, общественной, научной, культурной, хозяйственной жизни республики отвлечет евреев от поддержки русского языка и послужит препятствием для русификации Белоруссии со стороны всесоюзного центра[19].

Белорусизация в Гомельском округе имела свои особенности. Прежде всего, она началась с опозданием — в 1927 г.[20], только после присоединения к БССР[21], тогда как в других частях Беларуси она проводилась ускоренными темпами уже около двух с половиной лет. Успех политики белорусизации в Гомельщине оказался неполным, хотя и дал определенные результаты в сельской местности, тогда как достижения в городской среде были незначительными и проявлялись главным образом в делопроизводстве в государственных и партийных учреждениях[22].

Как процесс белорусизации повлиял на еврейское население Гомеля? С самого начала она вызвала возражения, если не принимать во внимание противодействие со стороны части еврейской молодежи, среди которых были коммунисты и комсомольцы. Рассмотрим это на примере еврейского

---

[18] A. Greenbaum, *Jewish Scholarship and Scholary Institutions in Soviet Russia, 1918–1953*. Jerusalem, 1994, p. 30.

[19] E. Bemporad, *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk*. Bloomington and Indianapolis, 2013, p. 82.

[20] «Постановление национальной комиссии ЦИК БССР о проведении национальной политики в учреждениях народного просвещения Гомельского округа» // *Полесская правда*, № 154 (2139), 9 июля 1927 г., с. 4.

[21] А. Зеленкова, М. Старовойтов (ред.), Указ. соч., с. 64.

[22] Там же, с. 123.

педагогического техникума в Гомеле, который готовил учителей для школ на идише в основном в Гомеле и в местечках округи.

Сохранился документ, в котором рассматривается деятельность еврейского педтехникума за три года его существования[23]. Для поступления от абитуриента требовалось знание идиша, включая устный и письменный, а также знакомство с литературными произведениями Менделе Мойхер-Сфорима («Путешествия Биньямина Третьего»), Шолом-Алейхема («Детские сказки», «Мальчик Мотл», «Тевье-молочник», «Менахем-Мендл»), Переца, Ицика Фефера и Изи Харика[24]. Преимущества при зачислении отдавались рабочей молодежи даже при недостатке теоретических и практических знаний и развитых навыков обучения. Особое внимание помимо лекционных и практических занятий уделялось участию в общественной жизни. Студенты приобретали сельскохозяйственный опыт, а также занимались основами исследовательской деятельности, изучали текущую социально-экономическую ситуацию и культурное наследие местечек в Гомельском районе.

Начиная с 1928/29 уч. г. учащихся евпедтехникума Гомеля обязали посещать полный курс белорусского языка в течение первого и второго года обучения, примерно 50% — на третьем курсе и проходить специализированный курс по этому языку в течение четвертого года обучения[25]. Такой резкий поворот в сторону изучения белорусского языка в учебном заведении на идише фактически лишал техникум смысла его существования как института еврейского образовательного учреждения.

Этот шаг Наркомпроса БССР можно расценить как административный нажим в интересах искусственного ускорения белорусизации без оценки неизбежных последствий в еврейской среде и отказе принять во внимание нужды самих евреев. Предлогом для этого стало объяснение руководителей Наркомпроса БССР усилить связь между еврейской и белорусской интеллигенцией для решения задач советского строительства. Но на деле это оборачивалось искусственным навязыванием еврейским студентам и их педагогам языка общения и преподавания в учебном заведении. Такой подход был характерен для всей системы взаимоотношений партии и правительства со своими гражданами в целом по стране, которым предлагалось подчиниться воле директивных органов. Несогласных ждали воспитательные и административные взыскания.

---

[23] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2656, л. 36–39.

[24] «Правила приема в Гомельский еврейский педагогический техникум» // *Полесская правда*, № 156 (2442), 5 июля 1928 г., с. 4 [идиш]; Там же, № 158 (2143), 14 июля 1927 г. , с. 4 [русский].

[25] А. Зеленкова, М. Старовойтов (ред.), Указ. соч., с. 113.

Возникает вопрос, можно ли утверждать, что в преддверии 1930-х гг. политика белорусизации исчерпала свой потенциал? Белорусская интеллектуальная элита считала белорусизацию половинчатой, а крестьянство — частью советской культурной политики, проводившейся одновременно с наступлением на религию. Принудительные методы вызвали недовольство среди национальных меньшинств. Работники советского и партийного аппарата опасались выражать свои взгляды, чтобы не заслужить обвинения в национализме. Негативные последствия форсирования политики внедрения белорусского языка во все без исключения стороны жизни республики становились все более очевидными. Все громче раздавались требования подчинения интересов БССР Всесоюзному центру в Москве. В феврале 1929 г. XIII съезд Компартии Белоруссии указал на необходимость решительной борьбы с любыми проявлениями национального демократизма в республике[26]. К середине 1930-х гг. политика белорусизации была негласно свернута и уступила место фактической русификации, которой отводилась роль гаранта лояльности к союзному правительству.

Перемены в еврейской жизни

Во второй половине 1920-х гг. выросла активность верующих. Это особенно было заметно в городах со значительным преобладанием еврейского населения. Синагога фактически стала центром еврейской жизни, местом не только молитвы и соблюдения традиции, где оказывались ритуальные услуги, но и решения социальных, образовательных и культурных задач, оказания помощи нуждающимся[27].

В январе 1926 г. в Гомельской губернии было зарегистрировано 125 религиозных общин всех конфессий, включая 30 иудейских[28]. Данные за 1927 г. показывают 18 иудейских общин в Гомеле и еще 39 общин в Гомельском округе[29]. Другой источник говорит о деятельности 16 еврейских молитвенных домов в последнюю треть марта 1927 г.[30] Эта разница объясняется частыми изменениями административных границ в Гомельском округе.

---

[26] М. Касцюк, *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*. Мінск, 2000, с. 139.

[27] І. Пушкін, *Нацыянальгыя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцце 20-я гады XX стагодзя*. Магілёу, 2004, с. 112.

[28] В. Пичуков и др. (сост.), *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 52–53.

[29] ГАГО, ф. 161, оп. 1, д. 177, лл. 25–35.

[30] Там же.

С одной стороны, власти были заинтересованы в сохранении гражданского мира, рассчитывая на лояльность верующих. До смены экономического курса это вписывалось в общую концепцию НЭПа, позволявшего демократическое отношение к своим гражданам. Верующие, в свою очередь, воздерживались от открытых протестов после обещания не препятствовать им в отправлении религиозных обрядов. С другой стороны, религия была отделена от государства, а школа от религии и прямой угрозы режиму не существовало — коммунистическая партия господствовала безраздельно, задавая свои правила поведения. Атеистическая позиция была официально закреплена в конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. и конституции БССР 1919 и 1927 гг.

В партийных и советских документах 1927 г. религия была представлена как пережиток «буржуазного мира». В отношении еврейской религии утверждалось, что она поддерживает «буржуазные элементы», управляемыми ею из-за рубежа. Доказательством служила благотворительная помощь нуждающимся путем беспроцентных кредитов, стипендий учащимся в хедерах и талмуд-торах, оплаты профессионального обучения, обеспечения верующих предметами культа и ритуальными принадлежностями, передачи одежды и обуви неимущим, организации выпечки мацы на Песах, оказания медицинской помощи, поддержки «Хевра кадиша» и др. «Рыночные комитеты» помогали мелким торговцам, не выдержавшим конкуренции и разорившимся в условиях НЭПа.

Слабостями в проведении «контрмероприятий» советских органов власти в отношении религии считались недостаток средств на атеистическую работу, отсутствие понимания важности борьбы с религиозными пережитками, невнимание к нуждам верующих, неспособность развернуть масштабную антирелигиозную пропаганду и т. д.

Средства усиления борьбы с религией власти видели в использовании прессы, кинематографа, театра, радио, в организации выставок и посещении музеев, лекций для широкой публики и т. д. Особое внимание предлагалось уделять работе в учебных заведениях. Антирелигиозная пропаганда проводилась под руководством евсекции и граничила с кощунством. В Гомеле, Витебске, Минске, Могилеве, Орше и других городах на Йом Кипур проводились «йомкипурники» — общественные мероприятия, развлекательные шествия, завершавшиеся, как правило, трапезой в синагогах при возмущении постящихся. Одновременно велась кампания против традиционного отдыха в субботу. В этот день в Гомеле проводили занятия в еврейских школах; выходной день в учреждениях, где подавляющее большинство работников были евреи, закрепляли за воскресеньем или понедельником. Осуждались ритуальный убой скота, соблюдение кашрута, выпечка мацы. Но при этом партийные инструкции рекомендова-

ли избегать публичных диспутов, которые могли бы настроить верующих против властей[31].

Усиление антирелигиозной работы в республике, по оценке Аркадия Зельцера, объяснялось тем, что в 1927 г. евсекция при ЦК КП(б)Б пришла к выводу, что сионисты перестали быть главной «контрреволюционной» силой и можно сместить акцент на борьбу с еврейской религией[32]. Это было неравное противостояние. В общинах недоставало финансирования, доступа к средствам массовой информации, возможности обеспечить всем необходимым религиозные учебные заведения (хедеры, талмуд-торы, ешивы). Формальное равенство верующих и атеистов перед законом всякий раз оборачивалось поражением первых. Отношение к религии в советской Беларуси, как и в СССР в целом, наглядно демонстрировало вероломство большевиков, которые открыто руководствовались словами В.И. Ленина о том, что «*...нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата*»[33].

Конституция 1927 г. лишила избирательного права (и социальных прав) служителей культов и членов их семей всех вероисповеданий, что сделало их лишенцами[34]. К ним относились лица, занимавшиеся частной торговлей, посредничеством, использовавшие наемный труд и жившие на так называемые нетрудовые доходы (проценты с капитала, прибыли с предприятий, комиссионные выплаты за аренду имущества и т. п.)[35].

Согласно циркуляру ЦК КП(б) от 26 сентября 1924 г., представители всех религий утратили право голоса, но с 18 декабря 1926 г. бывший священнослужитель, который в течение пяти лет занимался «продуктивной работой» и «полезной общественной деятельностью», имел право восстановить для себя избирательное право и социальные преимущества, с ним связанные[36]. Это решение означало, что у любого, кто принимал участие в религиозной жизни, оставался выбор: оказаться человеком второго сорта или стать равноправным гражданином, но порвать с религией.

В конце 1928 г. произошло дальнейшее обострение во взаимоотношениях служителей культа и государства — в советской Беларуси остановили производство муки для изготовления мацы и продажу готовой мацы, кото-

---

[31] ГАООГО, ф. 3, оп. 1, д. 366, лл. 147–150.

[32] А. Зельцер, Указ. соч., с. 134.

[33] В. Ленин, Задачи союзов молодежи // *Полн. собр. соч.*, т. 41. Москва, 1981, с. 309.

[34] В. Пичуков и др. (сост.). *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 6.

[35] Еще о лишенцах см. Т. Смирнова, *Бывшие люди Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции: 1917–1936 годы*. Москва, 2003.

[36] К. Карпекин, Указ. соч., с. 93.

рую импортировали из стран Балтии, Европы и США[37]. В результате число верующих, соблюдавших традицию и посещавших синагогу, заметно сократилось.

Одновременно усилился надзор за раввинами и активистами синагоги. Они больше не могли беспрепятственно читать лекции и выступать с проповедями в местах отправления культа или на собраниях верующих в любом общественном месте. Тему такого выступления следовало в обязательном порядке заранее согласовать с представителями власти (местного Совета или партийного комитета). При этом разрешение должно было носить письменный, а не устный характер и ограничивалось по времени и дате проведения. Раввин Х. Зубцов 5 и 7 апреля 1928 г. получил разрешение от административного отдела Гомельского облисполкома выступить с лекцией о значении Песаха накануне праздника в Могилевской синагоге[38]. Кантор Ш. Глазман отправил запрос в административный отдел Гомельского райисполкома для согласования своего участия в службе в синагоге Бабушкина в субботу 5 мая 1928 г. и в воскресенье и понедельник, 6–7 мая 1928 г., которые были днями накануне Лаг ба-омера. В своем запросе Глазман писал, что молитвы будут «*утвержденной литургией*»[39]. Точно так же кантор Ш. Бурштейн в заявлении от 29 июня 1928 г. просил разрешения провести молитвы в синагогах в субботу и воскресенье[40].

15 мая 1928 г. магид (духовный проповедник) Рабинович просил разрешения прочитать лекции по религиозным вопросам в синагогах. Он обещал, что содержание его лекций будет «чисто религиозным»[41] и не имеющим никакого отношения к политике. С одной стороны, такие оговорки об аполитичности служили заверением религиозных активистов в своей лояльности к партии и государству, а с другой — должны были притупить бдительность контролирующих органов. Так или иначе, но подобные шаги стали необходимыми для верующих, чтобы сохранить возможность публичного соблюдения традиции.

Другая практика состояла в призыве отмечать только революционные красные даты календаря. Особое внимание при этом уделялось поведению еврейских женщин как наиболее последовательных и упорных сторонников соблюдения еврейской традиции. «Полесская правда» накануне Песаха 1929 г. поместила покаяние жены ремесленника Меира Соркина за свою «позорную» религиозность и призыв прекратить отмечать религиозные праздники (и особенно Песах) и преобразовать их в революционные

[37] Зэт, «Маца зарубежных еврейских благодетелей» // *Заря Запада*, 16 апреля 1929 г., с. 3.

[38] ГАГО, ф. 161, оп. 1, д. 29, л. 13.

[39] Там же, л. 20.

[40] Там же, л. 36.

[41] Там же, л. 22.

праздники, адресуя эти слова своему мужу[42]. Периодическая печать Гомеля пестрила сообщениями «раскаявшихся» верующих из рабочих с призывом не отмечать религиозные праздники. Примером может служить прокламация 28 работников артели «Красная звезда» («Ройтер штерн»)[43], которые заверяли, что будут продолжать работать в еврейские осенние праздники. Кроме того, публиковались письма с призывами не соблюдать религиозные обряды[44], авторами которых иногда выступали маленькие дети[45]. Не были исключениями случаи раскаяния раввинов и отказ их от своей должности и роли, например, письмо Моисея Юдицкого, объявившего себя духовным раввином синагоги № 2 из г. Ветка, от января 1930 г., а также письмо Нахмана Хиршгорна из г. Добруш, который утверждал, что служил там «духовным резником», но в настоящее время работает как извозчик[46]. Особое давление оказывалось на евреев-коммунистов, которые осмеливались соблюдать еврейские обычаи, вплоть до исключения из партии[47].

1929 г. стал поворотным в отношениях между верующими и государством. Члены партии и советские служащие, замеченные в отправлении религиозных обрядов или даже сочувствии к ним, немедленно несли наказание. В лучшем случае это могло быть осуждение в трудовом коллективе или вынесение партийного взыскания, в худшем — увольнение с запретом на профессию или даже арест, суд и тюрьма[48]. В 1930 г. закрыли белорусское отделение Советского раввинского комитета — организации, через которую «Джойнт» финансировал иудейские общины в республике[49].

Как правило, традиция дольше сохранялась в консервативной еврейской среде. Люди преклонного возраста, не связанные с государственной службой, не зависящие от прихоти местных органов власти и произвола

---

[42] «Против религиозного дурмана» // *Полесская правда*, № 84 (2674), 13 апреля 1929 г., с. 5.

[43] 'קעגן דעם קאנטר-רעוואלוציאנערן קלעריקאליזם', פולסקיה פראבדה 85 (2675, 14.4.1929), עמ' 5 [יידיש]

[44] «Долой религиозные праздники» // *Полесская правда*, № 87 (2677), 17 апреля 1929 г., с. 5; Там же, № 89 (2679), 19 апреля 1929 г., с. 5.

[45] Письмо Брейне Кахан, 8-летней ученицы 2-го класса школы им. Переца. Идиш // *Полесская правда*, № 93 (2683), 24 апреля 1929 г., с. 4.

[46] «Редеют ряды “святых отцов”» // *Полесская правда*, № 1 (2895), 1 января 1930 г., с. 6.

[47] Шолом., «На борьбу с пережитками старого» // *Полесская правда*, № 73 (2359), 27 марта 1928 г., с. 4; Он же. «Не выдержал…» // Там же, № 76 (2362), 30 марта 1928 г., с. 2.

[48] В 1932 г. в Гомеле было отмечено три случая обрезания, которые стали известны властям. В двух случаях родители обрезанных числились кандидатами в члены компартии, в качестве наказания им перекрыли путь в партию. См. НАРБ, ф. 261, оп. 1, д. 14, лл. 16, 33.

[49] К. Карпекин, Указ. соч., с. 117.

органов правопорядка или общественных организаций, старались придерживаться привычных устоев. Они соблюдали кашрут, молились в миньянах, пекли мацу на Песах, а некоторые даже переписывались с родными за границей[50].

Антирелигиозная пропаганда

Государственная атеистическая политика была направлена против всех без исключения конфессий. Но к концу 1920-х гг. еврейское население, включая рабочие слои и кустарей, представителей сферы обслуживания и даже учителей советских учебных заведений и медицинских работников, пассивно воспринимало призывы порвать с религией, отказаться соблюдать традицию и не отмечать национальные праздники. Уговоры и попытки переубедить не помогали, пришло время для решительных действий[51].

Если раньше атеистические кампании проводили периодически от случая к случаю, в основном перед еврейскими праздниками (Ханука, Пурим, Песах, Суккот, Шавуот, Рош ха-шана, Йом Кипур, Симхат Тора), то теперь их вели на постоянной основе и без перерыва. Помимо ячеек и кружков СВБ задействовали идеологические отделы партийных комитетов и отделы культуры исполкомов местных Советов, а также клубы, школы, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения. Выпады против верующих включали широко освещаемые в прессе пропагандистские выступления, беседы, лекции и культурные вечера для широкой общественности, публикации, коллективное чтение газет и установку рекламных щитов и агитационных плакатов, демонстрации и митинги перед учреждениями культа[52].

Союз воинствующих безбожников стал массовой общественной организацией с коллективным членством, куда рабочие и служащие, педагоги и учащиеся вынуждены были вступать в принудительном порядке. В 1926 г. он насчитывал в своих рядах 87 000 членов, к 1929 г. — 200 000 чел., а в 1932 г. — 5,5 млн чел. (по числу разосланных бланков). Развертывание массовой кампании против религии совпало с отказом государства от НЭПа, сворачиванием демократических норм, запретом на свободную торговлю, увеличением налогообложения частников, вмешательством режима во все стороны жизни общества.

---

[50] А. Зельцер, Указ. соч., с. 275.

[51] «Делает ли что-нибудь союз безбожников?» // *Полесская правда*, № 244 (2530), 19 октября 1928 г., с. 3.

[52] В. Пичуков и др. (сост.), *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 11–12.

В 1929 г. количество членов СВБ в Гомеле и Гомельском округе выросло до 9 700 чел. Мужчины составляли подавляющее большинство[53]. Наиболее активные члены СВБ были в возрасте от 20 до 40 лет. Значительную его часть составляли учащиеся школ, средних специальных и высших учебных заведений (37,6%), рабочие (35,04%) и занятые в сфере обслуживания (23,93%)[54].

Главным объектом антирелигиозной пропаганды оставались представители беспартийной еврейской интеллигенции. Власти старались привлечь ее на свою сторону и использовать для продвижения антирелигиозных идей и доведения их до широких еврейских масс[55].

Однако больших достижений СВБ в Гомеле не добился и реального влияния на еврейское население не имел. Союз действовал формально, по указаниям, спущенным сверху. Массовость членства свидетельствовала о принудительном участии в нем. Не дали результата и попытки воздействия на верующих через изучение еврейской традиции и Торы в свете социализма. В 1927 г. комсомольцы в Гомеле должны были в рамках антирелигиозной кампании изучать такие темы, как «Тора и социализм», а также «Моше и Маркс»[56]. Цель мероприятия состояла в том, чтобы приблизить антирелигиозную пропаганду к верующим, но на деле это обернулось просто курьезом.

Окончательного разгрома религии к началу 1930-х гг. не произошло. Иудаизм по-прежнему сохранял глубокие корни в еврейском самосознании. Опыт гонений и преследований, дискриминации по национальному и религиозному признакам, накопленный веками жизни в галуте, снова пригодился. Традиция и быт в жизни рядовой еврейской семьи настолько тесно переплетались между собой, что часто отделить их друг от друга было невозможно. Авторитет еврейской учености, освященный опытом поколений, оставался непоколебимым в глазах значительной части еврейского населения Гомеля и Гомельского округа как бывшей черты оседлости. Старшее поколение упорно держалось за традицию, избегая конфликтов с властями. Оно оказывало пассивное сопротивление атеистическим мероприятиям, скептически относилось к громким лозунгам отрицания Бога и загробного мира. Авторитет еврейской семьи служил большим препятствием в распространении атеизма. В Гомеле в 1929 г. получили огласку случаи, когда некоторые еврейские члены СВБ отмечали дома

[53] ГАГО, ф. 623, оп. 1, д. 22, лл. 29–29об.

[54] І. Пушкін, *Нацыянальгыя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцце 20-я гады XX стагодзя*. Магілёу, 2004, с. 133–134.

[55] Там же, с. 124.

[56] ГАООГО, ф. 69, оп. 2, д. 131, л. 119.

еврейские праздники[57], проводили обряд обрезания новорожденным мальчикам[58].

Ставка делалась на молодежь, которая из-за отсутствия жизненного опыта и зависимости от местных органов власти оказывалась более податливой. Ее легче было увлечь утопическими мечтаниями о скором построении общества равных возможностей. Одним из условий осуществления этого становились отказ от религии, демонстрация верности идеям социализма и классовая солидарность трудящихся.

Наступление на синагогу

Закрытие религиозных заведений практиковалось еще в 1920-х гг. Обычно это делалось под предлогом использования помещений, в которых они находились, для нужд культурно-просветительных учреждений, библиотек, клубов и школ, работавших на идише. Как правило, этому предшествовали «просьбы трудящихся», инспирированные властями. Однако закрытие синагог наталкивалось на ожесточенное сопротивление верующих. Они обращались с протестами в вышестоящие инстанции, жаловались на самоуправство и административный нажим местных органов власти. Иногда это приводило к успеху, и временно синагоги оставляли в руках верующих.

Первая волна конфискаций в Гомеле в 1921–1923 гг. была остановлена, и в течение нескольких лет еврейские религиозные общины могли использовать здания синагог без каких-либо реальных помех. Потом в 1924 г. все еврейские общины республики в обязательном порядке должны были пройти перерегистрацию. Так были собраны подробные сведения обо всех, кто посещал синагогу, включая фамилию, имя и отчество, пол, возраст, профессию, специальность, социальное и имущественное положение, состав семьи и адрес проживания. В особую группу выделялись активисты синагоги, раввины и габаи (старосты), резники, шамесы (ответственные за поддержание порядка в синагоге), магиды (проповедники), сойферы (переписчики Торы). Одновременно были учтены технические данные культовых помещений, включая санитарное и противопожарное состояние.

В 1928 г. власти Гомеля возобновили кампанию по закрытию синагог в русле общей атеистической политики. Власти пугало, что места молитвы служат не только религиозным, но и социальным институтом в жизни общины. Центральная комиссия по отделению церкви от государства ЦИК

[57] ГАГО, ф. 835, оп. 1, д. 3, л. 19.

[58] М. Г., «Больное место» // *Полесская правда*, № 174 (2159), 2 августа 1927 г., с. 3.

БССР начала сбор подписей нерелигиозной части населения с требованием закрыть молитвенные здания. Общие собрания неверующих, используя численное превосходство, просили местные Советы передать им культовые здания для «более полезных нужд». Если необходимого количества подписей не набиралось, просьба отклонялась до следующего раза. В других местах помещения синагог и молитвенных домов сносили, использовали не по назначению или не ремонтировали, в результате чего они ветшали и разрушались.

Большую огласку получило закрытие Приказчицкой синагоги в Гомеле, помещение которой городские власти передали заводу «Пролетарий». Несмотря на это, верующие продолжали отстаивать свои права, гарантированные в советской конституции. В начале 1928 г. они требовали вернуть синагогу Рош-Пина. Но это обращение было отклонено на том основании, что здание конфисковали еще в 1923 г., и теперь (в 1928 г.) там находятся мастерские для детских домов, в которых занимаются около 400 детей, согласно другой версии — пионерские мастерские[59].

8 апреля 1929 г. было принято постановление СНК БССР «О религиозных объединениях», определившее принципы взаимоотношений между государством и общинами верующих. Как правило, для конфискации религиозных зданий использовали общую формулировку — «по требованию общественности». Под давлением массовых протестов эту практику временно отменили, но позже к ней вернулись[60]. Перед Рош ха-шана 1929 г. в Гомеле началась всесоюзная антирелигиозная кампания, которая получила название «Осенний антирелигиозный поход». В ходе ее проведения за очень короткое время десятки синагог были закрыты и превращены в еврейские рабочие клубы. Всего с 1928 по 1930 г. в одном Гомеле было закрыто восемь синагог (1928 г. — одна, 1929 г. — четыре, 1930 г. — три синагоги). К началу 1930-х гг. в районе Гомеля насчитывалось 41 еврейское религиозное учреждение из 216 религиозных зданий, принадлежащих всем религиям и действующих в этом районе[61]. По данным белорусского исследователя Константина Карпекина, за 1931 г. в республике было закрыто около 68% синагог, и это был самый высокий показатель среди религиозных зданий в советской Беларуси наряду с конфискацией 53,4% православных и 17,1% католических зданий[62].

---

[59] ГАГО, ф. 161, оп. 1, д. 29, лл. 14, 33. Синагога Рош-Пина была возвращена еврейской общине только после распада СССР в 1993 г. и после яростной борьбы, продолжавшейся около двух лет.

[60] В. Пичуков и др. (сост.), *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 10.

[61] НАРБ, ф. 261, оп. 1, д. 13, л. 5.

[62] К. Карпекин, Указ. соч., с. 39.

Вторая советская пятилетка, начавшаяся в 1932 г., была объявлена антирелигиозной и поставила целью «изгнать само понятие Бога». Она предполагала к 1 мая 1937 г. закрытие в республике всех церквей, синагог, мечетей и культовых зданий других религий.

Еврейский «клерикализм» назвали «*центром, вокруг которого группируются разнородные антисоветские элементы, сионисты, бундовцы, нэпманы*», а синагоги — «*клубами барышников, нэпманов и нуворишей*». На заседании горсовета Гомеля 3 октября 1931 г. прозвучали голоса, определившие религиозные структуры как «*антиреволюционные центры*», как «*врагов революции*», с очевидным выводом, что «*антиреволюционные гнезда должны быть уничтожены… церкви и синагоги… закрыты и превращены в учреждения культуры*»[63]. Делалось все, чтобы не только лишить верующих места для молитвы и изучения Торы, но и «религиозного инвентаря», запретить печатать религиозную литературу, изготавливать талесы, составлять и распространять календари, необходимые для определения даты проведения еврейских праздников.

Однако планы второй пятилетки вскоре показали свою несостоятельность. Начавшись с обещаний «восстановления» и «умеренности» после катастрофических последствий первой пятилетки (1928–1932 гг.), они не смогли полностью исправить дисбаланс, накопившийся в результате форсированной индустриализации и насильственной коллективизации. Неравномерное развитие хозяйства, кризис в деревне, дефицит товаров народного потребления, отставание в строительстве дорог и рост репрессий тормозили и наступление на религию. В середине 1930-х гг. власти республики разрешали оставлять одну синагогу в городах, где проживало большое число евреев.

Расправа с уцелевшими сионистами

Для сионистов в СССР настало самое трудное время. Последние очаги сионизма еще теплились в глубоком подполье и обещали вспыхнуть при благоприятном стечении обстоятельств. Сионистские агитаторы искали сторонников. Они распространяли известия о событиях в Палестине, возобновившейся эмиграции на Ближний Восток, обещаниях Англии создать национальный очаг евреев на их исторической родине. Неопределенность положения в Советской России, произвол новых властей и память о трагических последствиях погромов гражданской войны делали сионистские призывы популярными.

[63] К. Карпекин, Указ. соч., с. 70.

Однако в этом противостоянии силы оказались неравными. Давление на сионистов, не стремившихся к свержению советской власти, а предлагавших только отпустить своих приверженцев строить собственное будущее в Палестине, оказалось беспрецедентным. Сопротивление горстки храбрецов, объявленных режимом контрреволюционерами и врагами еврейских трудящихся, было обречено. В марте 1924 г. ОГПУ арестовало членов Центрального сионистского бюро в Москве[64], державшего нити нелегальной деятельности, а в сентябре массовые аресты прокатились по всей стране[65].

Аресты нанесли тяжелый урон подпольному сионистскому движению, но еще не сломили его окончательно. Начиная с 1925 г. инициатива перешла к представителям трудового сионизма — социалистам-сионистам, «Цеирей Цион» и связанным с ними молодежным организациям. ГПУ пыталось расколоть их изнутри, принудить к раскаянию, обещая амнистию[66]. Власти отказались от показательных процессов, чтобы не вызвать симпатий к «контрреволюционерам с еврейской улицы». Судебное следствие проводили за закрытыми дверями. В большинстве случаев сионистов приговаривали к принудительным работам или ссылке от трех до шести лет в центральную часть России, а потом — в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию, Казахстан и на Соловецкие острова, отличавшиеся суровым климатом и тяжелыми условиями жизни[67]. От арестованных сионистов требовали подписывать публичные заявления, в которых они бы каялись и обещали идейно разоружиться перед лицом рабоче-крестьянского государства. В августе 1927 г. Г. Новик, Д. Бухман, А. Рудой и Фикия Куйкевски объявили о прекращении своего членства в организации «Гехалуц», а Люба Силлинг и Ерухам Рабкин сообщили о своем уходе из движения «Ха-шомер хацаир»[68]. В сентябре того же года были опубликованы подобные заявления Х. Фургиной из организации «Еврейская сионистская молодежь» и Ф. Неймана из движения правого «Гехалуца»[69].

---

[64] Председатель ЦБ — Элиэзер Чериковер, члены: профессор Цви Белковский, Саадия Гольдберг, д-р Арье Быховский, Моше де Шалит и др., секретари бюро: Залман Сегалович, Арье Ценципер (Рафаэли) и Менахем Ривлин.

[65] С 13 марта по 1 мая 1924 г. в 150 населенных пунктах страны было арестовано около 3,5 тыс. сионистов; в Белоруссии к 2 февраля 1925 г. — 500 чел. Г. Костырченко, *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм.* Москва, 2001, с. 79.

[66] М. Агапов, СССР и палестинская проблема в 1920–1943 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, Тюмень, 2004.

[67] И. Маор., Сионистское движение в России. Тель-Авив, 1977, с. 433.

[68] «Выход из антисоветских организаций» // *Полесская правда*, № 179 (2164), 9 августа 1927 г., с. 4.

[69] Там же.

Сионисты-социалисты продержались дольше других сионистских партий и организаций. Они пошли на все мыслимые компромиссы, чтобы сохранить главное — возможность выезда в Палестину. Сионисты-социалисты признали правоту диктатуры пролетариата, пообещали возглавить арабо-еврейское рабочее движение на Ближнем Востоке и построить социалистическое общество в Палестине. Но коммунисты были неумолимы, — опираясь на рычаги государственной власти, в течение нескольких лет они подавили сионистов. Эта борьба продолжалась до начала 1930-х гг., когда сионизм как активное движение был окончательно подавлен.

Упразднение «Бунда»

Как известно, «Бунд» стал неугоден РКП(б) из-за идеологических разногласий, которые противоречили принципам большевизма. Бундовцы отстаивали национально-культурную автономию для евреев, поддерживали демократический марксизм и соперничали за влияние в еврейской рабочей среде, что противоречило идее единой интернациональной партии и жесткой диктатуре большевиков. При этом «Бунд», как и большевики, был противником идеи выступал против сионизма и еврейской эмиграции. Но главная вина «Бунда» в глазах коммунистов состояла в том, что он являлся их конкурентом в борьбе за еврейский пролетариат и поэтому оказался обречен в ходе укрепления советской власти.

Годы НЭПа характеризовались сравнительной личной и общественной свободой граждан и общественных объединений, если они не декларировали борьбу с большевиками. Как пример можно привести следующее событие. 14 июня 1924 г. в Гомеле состоялась конференция бывших членов меньшевистской фракции и бывших членов «Бунда». В конференции приняли участие 67 чел., которые ранее принадлежали к меньшевикам, 47 бывших членов «Бунда», шесть — сионисты-социалисты и двое сочувствующих (большинство, а возможно, все собравшиеся были евреи). На конференции приняли декларативное постановление, требующее решения экономических проблем населения местечек[70]. Но это ничего не изменило. В феврале 1926 г. в Гомеле бывших членов «Бунда» обвинили в национальной ограниченности, которая отразилась в неспособности проводить политику коммунистической партии среди неевреев, в неспособности понять роль пролетариата как класса-гегемона и даже во внедрении мелкобуржуазных настроений в большевистскую партию[71].

---

[70] В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века)*. Вып. 1, с. 31.

[71] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки.* Минск, 2008, с. 69.

Советская школа на идише

На рубеже 1920–1930-х гг. советская школа на идише окончательно сформировалась в концептуальном, педагогическом и организационном отношении[72]. Она была построена на классовом правосознании и не имела ничего общего с иудейской традицией и историей еврейского народа. По сути, еврейским в ней оставался только язык обучения. Школа на идише полностью служила интересам социалистического строительства и обслуживала идеологические потребности советского государства. Еврейские учащиеся выходили из такой школы убежденными сталинцами-ленинцами, хорошо управляемыми людьми, готовыми продолжать дело революции.

Согласно данным за 1927 г., в советской Беларуси работало 213 школ на идише, в которых обучались 27 124 ученика у 1 356 преподавателей. В 95% этих школ языком преподавания был только идиш. Можно видеть, что в течение десятилетия в целом по республике между 1922 и 1932 гг. наблюдалась ярко выраженная тенденция роста числа детей, посещающих эти школы[73]. Но в Гомеле было иначе. К концу 1925 г. там действовало пять школ на идише, в которых обучались около 1 500 учеников[74]. Однако по состоянию на март 1931 г. в русскоязычных школах в Гомеле учились 34% детей русских, 24% детей белорусов, но наибольшую долю составляли дети евреев — 38%[75]. Таким образом, можно сделать вывод, что значительная часть гомельских евреев отправляла своих детей в школы с русским языком обучения.

Главным образом это явление объясняется прагматическим подходом той части еврейских родителей, которые опасались, что обучение в школе на идише лишит их детей возможности социального продвижения в СССР. Эта тенденция оказалась устойчивой. Дополнительные меры, для того чтобы удержать еврейских детей в учебных заведениях с преподаванием на идише (размещение школ в хорошо оборудованных зданиях, выплаты учащимся стипендий или даже освобождение от платы за обучение), не дали желаемого результата[76].

---

[72] Л. Смиловицкий, «Школа на идиш в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921–1941 гг.» // *Новая еврейская школа* № 11 (2002), с. 171–212.

[73] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки.* Минск, 2008, с. 188.

[74] И. Арнольди, «К выставке еврейских школ» // *Полесская правда*, 114 (1499), 21 мая 1925 г., с. 3.

[75] А. Зеленкова, М. Старовойтов (ред.), Указ. соч., с. 136–137.

[76] И. Арнольди, «Еврейская школа» // *Полесская правда*, 184 (1274), 17 августа 1924 г., с. 4.

В сентябре 1928 г. «Полесская правда» отвела целую страницу с заголовком «Еврейские рабочие в школе на еврейском языке» под короткие статьи на идише учащихся и их родителей о важности советско-еврейской школы[77]. В целом 1928/29 уч. г. стал вехой в использовании государственной системы образования для пропаганды антирелигиозной программы и атеистического мировоззрения[78].

Так к началу 1930-х гг. в Гомеле и Гомельском округе проявились две противоположные тенденции. С одной стороны, власти настаивали на том, чтобы еврейские дети получали советское образование в государственных школах на идише, а с другой — еврейские родители, понимая, что ассимиляции в советском обществе не избежать, сами стремились отдать детей в русскоязычные школы, чтобы расширить их возможности в получении образования и трудоустройстве.

Периодическая печать на идише

В первые два десятилетия советской власти происходил расцвет периодической печати на идише, который был признан в Советском Союзе национальным языком евреев. Газета «Дер векер», возникшая в Минске в мае 1917 г. как центральный орган «Бунда», в апреле 1921 г. превратилась в орган Центрального бюро коммунистической партии (большевиков) и евсекции Беларуси и просуществовала до 1925 г. На еврейскую прессу были возложены функции пропаганды коммунистической идеологии. Советская периодика на идише включала ежедневные газеты, журналы, детские иллюстрированные издания, научные сборники. Еврейские периодические издания выходили во всех крупных городах страны с еврейским населением. На идише в СССР печатались три ежедневные газеты: «Дер эмес» (Москва), «Дер штерн» (Харьков) и «Октябер» (Минск), содержание которых находилось в большой зависимости от центральной советской прессы и лишь отчасти отражало явления и события еврейской жизни, культуры и литературы в Советском Союзе.

Периодические издания на идише в БССР до войны отражали советскую идеологию, создавали «еврейскую советскую культуру», функционировали в рамках государственного национального строительства, но сталкивались с жесткой цензурой, партийным контролем, а также с борьбой против «бундовских» или «сионистских» тенденций, превращаясь в

---

[77] דער אידישער ארבעטער וועגן דער שול אף דער אידישער שפראך', פולסקיה פראבדה 229 (2514, 30.9.1928), עמ' 3 [יידיש]

[78] В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века)*. Вып. 1. Гомель, 1999, с. 12.

инструмент советизации еврейского населения, несмотря на попытки развития национальной прессы. В Гомеле были хорошо известные научно-исторические сборники «Еврейская мысль» (1922–1926, т. 1–2), «Еврейская летопись» (1923–1926, т. 1–4), «Еврейская старина» (1924–1930, т. 9–13), издававшиеся группой еврейских ученых и писателей в рамках «Общества для распространения просвещения между евреями в России».

Особое внимание в Беларуси уделялось литературному журналу на идише «Штерн» (1925–1941 гг.). Произведения детской литературы на идише печатались в журнале «Юнгер ленинец» (Минск, 1929–1937 гг.). Научные публикации по истории еврейской литературы, языкознанию появлялись в ежегодниках, выпускавшихся еврейскими научно-исследовательскими институтами в Минске и Киеве при АН БССР и АН УССР: «Цайтшрифт» (Минск, 1926–1931, т. 1–5), «Лингвистишер замлбух» (Минск, 1933–1936, т. 1–3). Все эти издания можно было свободно приобрести в Гомеле[79], но в дополнение к этому в каждой районной и областной партийных газетах печаталась постоянная страница на идише (как правило, для нужд официальной пропаганды)[80]. В ней помещали письма читателей, короткие эссе, стихи[81], статьи о еврейской (идиш) литературе[82] и многое другое. Кроме того, газеты на русском языке публиковали статьи с историческим еврейским уклоном. Например, в сентябре 1928 г., к 25-й годовщине Гомельского погрома (1903 г.), вышла

---

[79] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 208–209.

[80] Например,
ה. פארבער, 'יאם-קיפער (טעזיסן פאר אגיטאטארן), פולסקיה פראבדה 218 (1308, 26.9.1924), עמ' 3 [יידיש]; פ. אלמהשטאק, 'געדענקט אין לענינס צוואע', פולסקיה פראבדה 99 (1484, 1.5.1925), עמ' 2 [יידיש]; ה. פארבער, 'צום ערשטן מאי', שם [יידיש]

[81] Например,
ב. לאקשין, 'מאי', פולסקיה פראבדה 103 (2389, 1.5.1928), עמ' 4 [יידיש]; י. מארגאלין, 'גליק', שם [יידיש]; ב. לאקשינע, 'ווייסרוסלאנד', שם 51 (2641, 3.3.1929), עמ' 3 [יידיש]; א. ראסקין, 'אוועקגעפארן', שם; ע. גאלדענבערג, 'נאכט', שם 62 (2652, 17.3.1929), עמ' 3 [יידיש]; ב. פלאטקין, 'טריט', שם; י. מארגאלין, 'ניט פאנען פון לייוונט...', שם, 101 (2995, 1.5.1930) [יידיש]; י. מארגאלין, 'אונדזער ווארט (צום פרעסע טאג)', שם 108 (3002, 11.5.1930), עמ' 4 [יידיש]; י. מארגאלין, 'געזאנגען' שם 28 (3226, 2.2.1931), עמ' 3 [יידיש]; טעוויע סטרעלעץ, 'קאלווירטישער געזאנג', שם 143 (3344, 19.6.1931), עמ' 3 [יידיש]; כאים לעווין "'Scottsboro Negro Boys Shall Not Die"', שם 161 (3362, 10.7.1931), עמ' 1 [יידיש]

[82] Например,
'מענדעלע מויכער-ספארים (ש. אבראמאוויטש, צום 10-טן יובילייום), פולסקיה פראבדה 54 (2341, 4.3.1928), עמ' 4 [יידיש]; מודעה על "ערב ספרותי יהודי גדול" בהשתתפות הסופרים קושנירוב וגופשטיין – פולסקיה פראבדה 76 (2362, 30.3.1928), עמ' 4

специальная тематическая подборка[83]. Публикации в периодической печати БССР на русском языке, отражавшие еврейскую тематику в советской интерпретации, преследовали две цели. Во-первых, они приучали еврейских читателей старшего возраста к русскому языку, демонстрировали внимание режима к еврейской истории и культуре (в советском понимании), во-вторых, делали еврейские сюжеты достоянием русскоязычной аудитории, которая не владела идишем.

В целом, несмотря на подчинение еврейской периодической печати диктату коммунистической идеологии, еврейская пресса внесла свежую струю в еврейскую жизнь и культуру в БССР, выступив носительницей западных тенденций в использовании выразительных средств языка идиш.

Театральное искусство

Татр на идише в 1920-е и 1930-е гг. существовал как на профессиональной сцене, так и на любительских подмостках. Он был одним из немногих способов донести до еврейской общественности уникальное национально-культурное достояние. Спектакли шли в государственном театре Гомеля и на площадках многочисленных самодеятельных драматических коллективов, которые появились во всех без исключения местечках и городах Гомельского округа и БССР в целом. Самодеятельные театры оказались очень популярными. Евреи приняли самое активное участие в работе драматических студий, которые возникали как грибы при промышленных предприятиях и учебных заведениях республики. Театральное искусство позволяло их участникам проявить природные таланты и давало простор воображению.

В августе 1924 г. Гомельский еврейский театр представил музыкальную сатиру “Reizel die Revens”[84], в сентябре того же года — музыкальную пьесу Шолом-Алейхема о жизни еврейского купца в черте оседлости в царской России[85], в августе 1926 г. — сатирическую пьесу под названием «Десятая заповедь», в которой основное внимание уделялось критике традиционной еврейской жизни, хотя отсутствуют данные о количестве зрителей, постановка, похоже, пробудила интерес и вызвала дискуссию

[83] Ш. Левин, «25-летие еврейского погрома в Гомеле: кровавое дело» // *Полесская правда*, № 213 (2449), 13 сентября 1928 г., с. 3; Р., «Страничка из жуткого прошлого (к 25-летию еврейского погрома в Гомеле)» // Там же.

[84] «Возобновление гастролей еврейской труппы» // *Полесская правда*, № 184 (1274), 17 августа 1924 г., с. 5.

[85] Щетинщик., «Кровавая шутка в еврейском театре» // *Полесская правда*, № 209 (1299), 16 сентября 1924 г., с. 5.

среди евреев, посмотревших ее, причем несколько раз[86]. Очень близкий с точки зрения содержания (критика традиционной еврейской жизни и предоставление альтернативы — советской еврейской жизни) спектакль «Койменкерер» был показан летом 1927 г.[87] Стоит отметить, что репертуар еврейского театра не понравился антирелигиозным активистам, и, по их мнению, следовало внимательнее следить за репертуаром[88].

Появились передвижные театры для сельской местности. Артисты выступали на заводах и в колхозах, поэтому репертуар основывался на произведениях агитационного характера, приуроченных к общественным или политическим кампаниям, и состоял из скетчей, сценок сатирического и пропагандистского характера, коротких одноактных пьес. Авторами их были Ицик Фефер, Лев Квитко, Перец Маркиш и другие советские еврейские писатели и драматурги. Характерны названия таких программ — «Дер дурхрайс» («Прорыв») и «Дер айзенер шлях» («Стальной путь»).

В годы НЭПа активно развивалась и другая форма театра «малых форм» — варьете и эстрада на идише. Наиболее известными исполнителями в этих жанрах были Сарра Фибих и Михаил Эпельбаум. В Гомеле в ноябре 1926 г. с большим успехом проходили юмористические вечера Сарры Фибих, Фриды Закс и М. Фрайштадта[89]. «Еврейское» содержание этих представлений было сомнительным, то есть несло критическую подачу традиционного опыта, но в нем также распознавались некоторые обычаи, а главное интонация, поскольку «*популярная еврейская поэзия... имеет особый отпечаток грусти... и текст изобилует религиозными мотивами…*»[90].

И все же, насколько еврейским было творчество театра на идише и какой отклик находило у зрительской аудитории? В какой мере репертуар еврейского театра удовлетворял борцов с религией, которые требовали внимательно следить за содержанием постановок на драматической сцене?[91] До конца 1920-х гг. положение еврейских театров в Гомеле и Гомельском округе оставалось относительно благополучным — государственное финансирование придавало им стабильность, выдвинулись та-

---

[86] А. Глуховский, «Десятая заповедь» // *Полесская правда*, № 182 (1865), 12 августа 1926 г., с. 4.

[87] Ш. Л., «Койменкерер» // *Полесская правда*, № 166 (1251), 23 июля 1927 г., с. 4.

[88] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1228, л. 4об.

[89] Сообщение о гастролях Сарры Фибих // *Полесская правда*, № 253 (1937), 3 ноября 1926 г., с. 4, «Гастроли Сарры Фибих» // Там же, № 255 (1939), 5 ноября 1926 г., с. 4, «Концерт Фриды Закс и М. Фрайштадта» // Там же.

[90] Р. М., «Концерт Ф. Закс и Фрайштадта» // *Полесская правда*, 256 (1940), 6 ноября 1926 г., с. 8.

[91] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1228, л. 4об.

лантливые актеры и режиссеры. Однако к концу 1920-х гг. в связи с ужесточением общей культурной политики в стране усилился и контроль над еврейским театром. Изменения коснулись не только репертуара — упростился сценический язык: эксперимент уступил место умеренной реалистической стилистике, граничащей с натурализмом. Поиски новых форм в игре актеров вытеснялись приемами бытового правдоподобия или романтической приподнятости. Партийные комитеты и чиновники от культуры заставляли актеров и режиссеров заключать договоры о «социалистическом соревновании», которые предписывали в короткие сроки создать реалистические спектакли, отражающие успехи «социалистического строительства».

Еврейская литература

Советская литература на идише, созданная по заказу коммунистической партии, была задумана как инструмент уникального национально-культурного самовыражения евреев-трудящихся в противоположность прежней буржуазной литературе на враждебном советской власти иврите. В середине июня 1925 г. в разделе «Литература и жизнь» вышла обзорная статья «Полемика о новой еврейской литературе», в которой рассказывалось о диспуте среди студентов еврейского педагогического техникума на тему современной еврейской литературы. Анализ этой публикации показывает, что целевая читательская аудитория была ограниченной и предвзятой, но интересно замечание Шолома Левина о том, что еврейские учителя Гомеля, которые, по его мнению, должны больше интересоваться вопросами еврейской литературы, отсутствовали на мероприятии[92].

Национальная специфика литературы нивелировалась в пользу интернациональной. От писателей-евреев требовали исполнения социального заказа. Классовый подход предполагал своего рода «процентную норму» для персонажей-евреев среди действующих лиц в литературном произведении — евреев-коммунистов, евреев-рабочих, евреев-буржуа и нэпманов. Официальная советская доктрина утверждала, что в Советском Союзе «еврейского вопроса» больше не существует, потому что он полностью и окончательно решен. Произведения писателей-евреев на русском языке и русских писателей о евреях могли существовать только в рамках теории социалистического реализма. Авторы должны были подчеркивать приход исторической формации, призванной воплотить общечеловеческие чаяния и в первую очередь покончить с социальным и национальным неравен-

[92] Ш. Левин, «Диспут о новой еврейской литературе» // *Полесская правда*, № 133 (1518), 14 июня 1925 г., с. 4.

ством. Еврейская тема постепенно смещалась на задворки советской культуры. Разрешалось писать о еврейском местечке до революции, о евреях-коммунистах, о евреях в период НЭПа, об антисемитизме и погромах в предреволюционную эпоху и гражданскую войну, о ломке старого быта, о торжестве новой жизни и морали и подобном. В целом можно утверждать, что свобода творчества на еврейскую тему в советской литературе в 1920-е гг. и в начале 1930-х гг. была достаточно условной и страдала от политической конъюнктуры.

Участие в советском строительстве

До войны евреи составляли не менее 40% управленцев городских служб Гомеля. Это обстоятельство объяснялось тем, что когда советская власть в период своего становления столкнулась с острой нехваткой управленцев на руководящие и административные должности, то она вынуждена была обратить внимание на евреев, которые имели необходимый культурный уровень, общий кругозор и образование. Выходцы из сельской местности (белорусы) при всем желании часто не подходили на эту роль из-за недостаточной грамотности. В целом по БССР, согласно всесоюзной переписи 1926 г., евреи занимали 30% муниципальных и районных руководящих должностей. Однако в некоторых отраслях народного хозяйства доля участия евреев оказалась еще выше. В торговле и пищевой промышленности республики их было около 50%, на промышленных, строительных и транспортных предприятиях — 39% и в сельскохозяйственных учреждениях — 17%[93]. Такая уникальная ситуация была характерна именно для Беларуси как бывшей черты еврейской оседлости, поскольку в целом по стране доля евреев на административных должностях составляла всего 4% от всех советских чиновников и 0,4% от всех работающих евреев.

С 1924 г. главное внимание евсекции в Гомеле уделялось трудоустройству так называемых деклассированных элементов. Это предполагало найти занятие для евреев, которые оказались без средств к существованию из-за разорения и погромов, гражданской войны и экономической конкуренции периода НЭПа. Бывших жителей местечек направляли на стройки, промышленные предприятия и кооперативы, помогали с землеустройством, переселяли в Крым и Биробиджан. Пользуясь случаем, члены евсекции призывали закрывать синагоги, шельмовали раввинов, резников как служителей культа, которых они объявляли враждебными советскому строю. В 1920-х гг. были закрыты или поставлены под надзор евсекции

[93] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 151.

остатки некоммунистических еврейских политических обществ и культурных организаций («Гехалуц», левые «Поалей Цион», ОРТ). Под контролем евсекции оказались школы на идише, еврейские культурные учреждения, объединения писателей и т. д. При этом действия евсекции сопровождались демонстрацией неуважения к традиции и национальной истории. Своеобразным оправданием служила идея «идишизации» еврейской жизни. Евсекция помогала создавать суды и местные национальные Советы, в которых официальным языком был идиш. К 1931 г. в Беларуси работали десять судов и около 25 местных Советов на идише. Все это на деле превратило евсекцию из «технического аппарата» приобщения еврейского населения к социализму в определенном смысле в центр еврейской жизни в Советском Союзе и насторожило тех, кто добивался ускорения ассимиляции евреев. Московским руководителям стало ясно, что идея советизации через идишизацию не обязательно ведет к ассимиляции[94].

Осенью-зимой 1929 г. началась кампания «разоблачений» и обвинений евсекции в националистическом уклоне, в том числе и личной критики ее лидеров в советской Беларуси (Бейлин, Агурский, Оршанский) и представителей в Центральном бюро евсекций в Москве (Марзин, Литваков, Фрумкина). Им было предъявлено обвинение в поддержке «*антипартийной, правой оппортунистической*» линии, в «*продвижении националистической линии в культуре*» и в оппозиции к проектам еврейских поселений за пределами советской Беларуси[95]. Хотя евсекция привела к политике отказа от традиционного еврейского образа жизни и самоидентификации, предоставляя евреям альтернативу в виде советской еврейской модели жизни, эта позиция евсекции также была негативно воспринята сторонниками абсолютной ассимиляции.

В январе 1930 г. Еврейское бюро было закрыто в порядке общего решения о ликвидации национальных секций в ВКБ(б). Бывшие активисты евсекции, продолжавшие работать в еврейской печати, культурных и научных учреждениях, пытались удержать за собой роль руководителей еврейской культуры, но их влияние заметно убывало, а во время массовых репрессий 1937–1938 гг. почти все они были арестованы и погибли.

Деятельность евсекции была последней попыткой наладить какие-либо формы еврейской жизни в рамках советского строя. Опыт евсекции показал полную несовместимость любой еврейской инициативы, даже носящей коммунистический характер, с партийным и государственным режимом, установленным в Советском Союзе.

---

[94] Ш. Левин, «Диспут о новой еврейской литературе» // *Полесская правда*, № 133 (1518), 14 июня 1925 г., с. 4.

[95] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 171.

Евреи в экономической жизни Гомеля

В конце 1920-х гг. евреи были широко представлены в рядах рабочего класса Гомеля и Беларуси в целом. Это были не только горожане, но и в значительной степени уроженцы местечек, которые потянулись в города, где легко можно было получить работу, а значит, комнату в рабочем бараке и паек. Если раньше евреи старались держаться обособленно от вчерашних деревенских жителей, тоже переехавших в город, то теперь такое отчуждение ослабло. Этому способствовала политика социального равенства, провозглашенная советской властью, отсутствие национальной дискриминации и борьба с антисемитизмом. В связи с этим и интеграция евреев в сферу производства к концу 1920-х гг. претерпела заметные изменения. Цель властей состояла в том, чтобы более пропорционально включить евреев в различные отрасли экономики и производства. В городе были построены станочный завод «Пролетарий», Гомельский стеклозавод, «Гомсельмаш», «Коминтерн», чугунолитейные цеха и многие другие предприятия. Гомель являлся важным центром переработки леса, что было связано с его географическим положением. Потребовались квалифицированные рабочие новых компетенций и инженерно-технические кадры, что способствовало открытию большого количества специальных учебных заведений, повлекло изменение профессиональной и социальной структуры населения. Гомель становился крупным промышленным центром, на территории которого работало около 200 предприятий и тысячи человек. Промышленность требовала рабочих рук, трудовые коллективы носили интернациональный характер, хотя евреи еще продолжали доминировать на ряде предприятий города

В начале 1930-х гг. в Белорусской ССР наиболее компактно евреи были заняты в обрабатывающей промышленности, главным образом там, где шла выделка кожи, изготавливали текстиль и обувь. Существенным оставалось присутствие еврейских рабочих в металлообработке, деревообработке и производстве стекла[96]. Наряду с этим много евреев трудилось на предприятиях торговли, общественного питания и финансов. По данным на 10 октября 1934 г., на предприятиях по торговле хлебом (Белхлебгандль) работали 259 чел., из них 191 еврей (то есть 73,3%), в тресте по торговле потребительскими товарами (Белпромгандль) — 55 чел., из них 71 еврей (78,8%), в Госбанке (Дзержбанк) — 86 чел., из них 36 евреев (41,9%) и т. д.[97]

Количество евреев, занятых производительным трудом в Гомельском округе, увеличивалось за счет разорившихся ремесленников, служителей

---

[96] В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века)*. Вып. 1. Гомель, 1999, с. 92.

[97] А. Зеленкова, М. Старовойтов (ред.), Указ. соч., с. 140–141.

Таблица 4

Национальный состав рабочих и служащих в Гомельском округе (1927–1929 гг.)

Группа	Годы	Белорусы	Русские	Поляки	Другие	Евреи	
						%	*чел.*
Служащие аппарата ОИК, окружных учреждений, РВК	1927–1928 1928–1929	1 967 4 870	2 256 966	168 204	1 967 4 870	40,00 36,74	3 066 3 656
Избранный состав ОИК, горсовета, РВК	1927–1928 1928–1929	4 652 5 521	322 415	95 161	4 652 5 521	2,70 2,55	143 166
Рабочие местных промышленных и др. предприятий, подчиненных ОИК	1927–1928 1928–1929	2 005 8 538	5 065 2 510	182 282	2 005 8 538	42,3 35,38	5 536 6 380
Всего	1927–1928 1928–1929	8624 18 929	7 643 3 891	445 647	8624 18 929	32,35 39,33	8 745 10 202

Примечание. Составлено по НАРБ, ф. 701, оп. 1, д. 96, л. 59.

культа, оставшихся без куска хлеба после массового закрытия синагог, представителей свободных профессий и лишенцев. Эти люди находились в очень затруднительном положении, после того как оказались вне рамок советского общества. Тех, кто отказывался принять советские нововведения и перемены. В табл. 4 показано распределение евреев по отдельным отрас-

лям производства в Гомельском округе в 1927–1929 гг.: не вступал в кооперативы, не шел на стройку или фабрику, преследовали с помощью налоговой политики, их дети не могли учиться в средней школе, не говоря уже о высшем учебном заведении, все они не имели доступа к социальному обеспечению и т. д. По существовавшим правилам работа на производстве в течение двух лет снимала эти барьеры и делала полноценными членами общества таких «люмпенов» и «бывших эксплуататоров». Вместо призыва в армию сыновей лишенцев зачисляли в так называемое «тыловое ополчение»[98]. Если принять во внимание, что советское общество становилось все более закрытым, а выезд за границу существенно ограничивался, то у людей не оставалось выбора.

В Гомеле среди 37 работников фабрики «Пламя революции» лишенцами были семь евреев. Основанием для отказа в праве голосовать послужили следующие предлоги: Алка Шлейфштейн — торговка алкоголем, Ханна Бошель — торговка, Пинхас и Рива Кецлах — торговцы, Ризия Пасина — торговка хлебом, Юдашкин — независимый кустарь (отказался вступить в союз кустарей)[99]. Все они вынуждены были пойти на фабрику, поскольку не видели для себя другой возможности обеспечить себе и своей семье кусок хлеба.

Перемены в местечке

Традиционный образ жизни местечка (экономической, социальной, духовной) был серьезно нарушен. Из сельской местности в города прибывало огромное количество ищущих работу. Труд стоил очень дешево, и возникла безработица. Советская власть принципиально отказалась от прежней экономической и социальной модели, основанной на рынке товаров и услуг, когда люди могли свободно трудиться и пользоваться своим заработком. Индивидуальная трудовая деятельность намеренно облагалась искусственно завышенными налогами.

Сельское население переживало не меньшие трудности, чем горожане, и стало неплатежеспособным. Деревенские жители остро нуждались в услугах еврейских ремесленников и торговых посредников, но не могли оплатить их труд, а натуральный обмен мешал наладить денежное обращение — так возникал замкнутый круг. Жизнь в городе внешне мало отличалась от жизни в сельской местности: города оставались

[98] Н. Федорова, «Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных» // *Журнал исследований социальной политики*, № 5, 4 (2007), с. 483–496.

[99] ГАГО, ф. 296, оп. 1, д. 70, лл. 156–156об.

скоплением домов частного сектора с неразвитой системой коммунальных услуг и удобств, многие горожане имели огороды и держали домашних животных, в домах отсутствовали водопровод, канализация и электричество.

Евреи, покинувшие местечко, приспосабливались к городской жизни скорее. Советская власть с большим успехом использовала в своих интересах их знания, способности, жизненную энергию, потребность к внутреннему обновлению и совершенствованию. Деревенским жителям это было в новинку. Кроме того, евреи не считали для себя мерилом жизненного успеха наличие земли и возможность ее обрабатывать, точно так же как они не стремились обязательно иметь недвижимость. Вместо этого евреи отдавали предпочтение получению образования и хорошей специальности, которая могла прокормить. Это увеличивало их мобильность и способность перестраиваться при изменении жизненных обстоятельств.

Одновременно происходила ломка традиционного местечкового уклада жизни по роду занятий, быту, культуре, религии, национальному вопросу, участию в общественной жизни и административном управлении. Решение общих повседневных проблем не требовало учета национальности, поэтому в руководстве местечек и городов на всех уровнях евреи выдвинулись и быстро заняли ключевые посты. Это неизбежно повлекло за собой раздражение титульной нации — «кругом одни евреи». Недовольные выражались с опаской, поскольку любая критика режима могла быть расценена как контрреволюционная агитация. Но и сами власти опасались, что их политические противники этим воспользуются.

Поскольку экономических аргументов в споре с оппонентами не хватало, оставались репрессии. Председатель СНК БССР Н.М. Голодед на встрече в Речице в феврале 1927 г. отмечал: «*Если мы* [большевистская партия и советская власть] *не будем работать среди кустарей в местечках, тогда кто-то другой будет работать вместо нас, сионисты и другая дрянь*»[100]. Это заявление было вызвано тем, что во второй половине 1920-х гг. советский режим почувствовал растущую опасность со стороны защитников национальной еврейской идеи, опиравшихся на традицию и религию.

В городах прожить было легче — найти работу, приобрести необходимые товары, получить образование и медицинское обслуживание, культурно отдохнуть, увидеть другую жизнь, попробовать себя в разных сферах. Жизнь в местечках казалась сонной и бесперспективной. Но готовыми

[100] ГАГО, ф. 296, оп. 1, д. 70, л. 95.

к переменам оказались далеко не все. Уход из местечка в город не гарантировал жизненного успеха. Из районного города можно было перебраться в областной центр или столицу. Люди, способные учиться и развиваться, оказывались более успешными. Евреи как наиболее мобильная часть населения, получившая одинаковые с белорусами гражданские права, быстро преуспевали. Сдерживала только сила инерции старого мира, которая постепенно ими преодолевалась.

Андрей Замойский пишет о переменах в облике еврейского местечка в советское время, которое, по его оценке, не стало типичным социалистическим населенным пунктом, как это преподносила официальная пропаганда, а продолжало приспосабливаться к советской реальности, но при этом уже не было старым добрым штетлом... Советизация коренным образом изменила повседневную жизнь в экономической, социальной и культурной сферах[101].

В результате в местечках сложился растущий слой бедных — главным образом кустарей и бывших торговых посредников, которые обнищали в результате экономических кризисов, а также священнослужителей, которые не могли зарабатывать на жизнь из-за новых условий, созданных революцией и гражданской войной. К ним следует добавить значительное число вдов и сирот — жертв погромов и гражданской войны. Обездоленные люди предпринимали отчаянные попытки поддержать себя мелкой торговлей. Они зависели от благотворительной помощи из-за границы (если она была) и нищенствовали. Им противостояли те, кого советская власть определяла как «нетрудовые элементы» и «эксплуататоры»[102].

С середины 1920-х до начала 1930-х гг. еврейское население в местечках неуклонно сокращалось. Люди перебирались в растущие города Беларуси и особенно России, где было легче найти работу. Если в 1926 г. в Гомельском округе евреи составляли в местечках большинство (53,5%), то в 1933 г. еврейского большинства здесь больше не существовало (49,5%)[103]. Этот процесс продолжался и позднее — между 1928 и 1931 гг. местечки в Гомельском округе оставили 1 862 чел., из которых 1 309 (70,4%) были евреи. Глубокие перемены в экономической, социальной и культурной жизни, вызванные НЭПом, неизбежно меняли лицо

[101] А. Замойский. «Советизация местечек советской Белоруссии в межвоенный период: историография проблемы» // *Историография и источники по истории городов и процессов урбанизации в Беларуси:* Сборник научных статей. Гродно, 2009, с. 417–423.

[102] Там же, с. 95, зам. 11.

[103] В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века)*. Вып. 1. Гомель, 1999, с. 100.

республики. Советские мероприятия по переустройству местечка в условиях ущемления свободы торговли и деловых возможностей не давали нужных результатов. Жизнь была скудной и неинтересной. Люди, остававшиеся в местечке, не видели перед собой перспективы. Все это усугублялось политической несвободой, ростом бюрократизма, диктатом однопартийной системы и недоверием к национальной жизни как евреев, так и белорусов.

Действенным способом выхода из создавшегося кризиса считалась борьба с перенаселенностью местечка. Одним из направлений этой работы стало землеустройство евреев, которым предлагали самим позаботиться о своем благополучии. Сторонники этой идеи считали, что, во-первых, евреи — это труженики, которые не побоятся сельскохозяйственного труда (что имело особое значение, поскольку земля была главным достоянием в крестьянской стране), во-вторых, что следует трудоустроить евреев из разорившихся местечек, оказав им помощь в смене профессии (ремесленникам, посредникам, торговцам и т. д.).

В 1925 г. была предпринята попытка поселить евреев на земле недалеко от Гомеля. 7 октября 1925 г. этот вопрос обсуждался районным комитетом партии. В ходе дискуссии возникла необходимость объяснить, в основном белорусскому сельскому населению, важность еврейского поселения. Это делалось для предотвращения конфликтов на национальной и религиозной почве, поскольку подобные случаи уже имели место. В селе Грабовка была разграблена еврейская кооперативная ферма. Бюро районного комитета партии Гомеля осудило это событие и потребовало, чтобы данная ферма продолжила действовать «любой ценой» по политическим причинам, поскольку прекращение ее работы могло привести к аналогичным эксцессам в других местах или к ощущению у сельского населения законности насилия в отношении евреев[104].

По данным, опубликованным агрономом Л. Гинзбургом, в районе Гомеля в 1923 г. работало шесть еврейских ферм с 48 семьями, а в 1928 г. число ферм возросло до 18, количество семей, проживающих там, составило 166[105].

Проект землеустройства евреев активно поддерживал М.И. Калинин как председатель ВЦИК. Он видел в этом способ привлечь евреев к сельскому труду, создать советский еврейский центр и укрепить советское влияние, особенно на фоне подъема сионизма, предлагая альтернативу переселению в Палестину, добиваясь помощи от американских еврейских

[104] ГАООГО, ф. 2, оп. 1, д. 551, л. 230.

[105] Л. Гинзбург, «Еврейские колхозы в Гомельском округе (к конференции ОЗЕТ» // *Полесская правда*, № 72 (2358), 26 марта 1928 г., с. 5.

организаций. В отличие от Ленина и Сталина, которые видели решение еврейского вопроса только в ассимиляции, Калинин считал, что советские евреи способны сохранить себя как народ, только имея собственную государственность, а для этого необходимо их землеустройство.

17 ноября 1926 г. Михаил Калинин произнес речь на конференции «Общества землеустройства еврейских трудящихся» (ОЗЕТ) в Москве. Он выступал за сохранение еврейского народа как особой национально-этнической единицы, обусловив его укоренением посредством продуктивной обработки земли[106]. Следовательно, аграрное поселение, по словам Калинина, приобрело идеологический оттенок с национальным аспектом. Однако как способ закрепления на земле оно существовало раньше и первоначально предназначалось для решения более острой проблемы — безработицы, возникшей в результате кризиса, вызванного революцией и гражданской войной, а также политикой НЭПа[107].

По материалам, представленным на Белорусской конференции еврейских крестьян в 1928 г., 7 915 еврейских семей (не менее 40 000 чел.) были заняты в сельском хозяйстве и работали в 170 сельскохозяйственных кооперативах, составлявших около 40% всех кооперативных сельских хозяйств БССР[108].

Перспектива «посадить евреев на землю» имела для большевиков еще одну важную цель: опробовать идею создания кооперативных форм сельского хозяйства. Успехи в создании еврейских колхозов проложили бы путь к коллективным формам хозяйствования, что было до этого крайне затруднено среди нееврейского крестьянства, приверженного индивидуальным формам деятельности. В целом идея привлечения еврейского населения местечек к производительному труду в области сельского хозяйства в БССР оказалась нереализованной. Принудительное обобществление земли привело к утрате опыта землепользования, заставило жителей местечка отказаться от подсобных промыслов, подтолкнуло к переселению в Крым, в большие города, к уходу на стройки промышленных гигантов и на учебу. На передний план был выдвинут Биробиджанский проект, который находится за пределами нашего исследования.

---

[106] מ. בייזר (עורך), יהודי רוסיה 3: ממהפכות 1917 ועד נפילת ברית-המועצות, ירושלים תשע"ה, עמ' 296-303

[107] Более подробно о концептуальных аспектах аграризации еврейского населения в БССР, см. Л. Смиловицкий, *Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья*. Иерусалим, 2008, с. 417–433, 444; L. Smilovitsky, Op. cit., p. 59–71.

[108] Э. Иоффе, В. Мазец, «Евреи Советской Белоруссии в межвоенный период» // *Беларусь у XX стагодзі* 3 (2004); см. http://jewishfreedom.org/page674.html

Национальные Советы

Идея создания национальных еврейских Советов в бывшей черте оседлости возникла в 1918 г. Центральный еврейский комиссариат под влиянием сторонников автономизма[109] (главным образом из «Поалей Цион») призывал создавать местные еврейские Советы или еврейские секции при местных Советах для укрепления советской власти, борьбы с так называемой национальной буржуазией и установления форм организации еврейской жизни в советской России. К этой идее вернулись в 1920-е гг. с началом идишизации.

В Белоруссии национальные Советы, образованные по решению второй сессии ЦИК БССР 6-го созыва 17 июля 1924 г., были призваны обеспечить полноценное развитие национальных меньшинств наряду с титульной нацией республики и сразу повели борьбу против трактовки местечка как «гнезда спекулянтов»[110].

Национальные Советы являлись территориально-административными образованиями, построенными на основе этнического большинства в определенной местности[111]. В 1931 г. в советской Беларуси состоялась республиканская конференция по подготовке председателей национальных Советов, в которой приняли участие 55 чел.[112] В 1935 г. в советской Беларуси существовало 90 национальных Советов: 37 польских, 25 еврейских, 15 русских, шесть украинских, четыре латвийских, два немецких и один литовский. Количество русских Советов резко возросло после присоединения Гомеля к советской Беларуси в конце 1926 г. В среднем население типичного еврейского национального Совета насчитывало 2 132 чел. Однако национальные Советы фактически обслуживали лишь небольшую часть национально-этнических меньшинств, которые проживали в сельской местности, — от 6,2 до 20%. Значительный еврейский национальный Совет в районе Гомеля находился в местечке Поддобрянка[113], о чем свидетельствует табл. № 5.

---

[109] С. Рабинович, *Права нации: автономизм в еврейском национальном движении в позднеимперской и революционной России*. Москва, 2021.

[110] А. Сташевский, «Деятельность Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» // *Советское строительство*, 1927, № 5, с. 132.

[111] И. Пушкин, «Формирование и развитие государственной политики БССР в отношении национальных общностей (1920–1930-е гг.)» // Вестник Брянского государственного университета, 2018 (3), с. 115–124.

[112] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 154.

[113] Розинский, «Работа Еврейского сельсовета (м. Поддобрянка)» // *Полесская правда*, 62 (2348), 14 марта 1928 г.

Таблица 5

Еврейские национальные Советы в Гомельском округе (1929 г.)[114]

Национальный Совет	Евреи		Белорусы		Другие		Всего, *чел.*
	чел.	*%*	*%*	*%*	*чел.*	*%*	
Хойницкий	2 731	99,6	5	0,2	5	0,2	2 741
Поддобрянский	1 124	91,5	41	5,5	—	—	1 165

Считалось, что национальные Советы будут иметь не только практическое, но и политическое значение. С одной стороны, они были призваны показать «народный характер» советской власти, ее демократизм, то, что она является плотью от плоти трудового народа, а с другой — облегчить понимание требований госаппарата к гражданам, плохо понимавшим русский язык. Однако при этом суть советского управленческого аппарата не менялась. Национальные Советы служили удобным прикрытием идеи единоличной власти коммунистической партии, стоявшей на принципах диктатуры пролетариата и не нуждавшейся в коллегиальности.

Экономический и политический кризис, поразивший общество в 1930-е гг., пагубно отразился на национальной политике. В июне 1930 г. XIII съезд компартии Белоруссии выдвинул задачу борьбы с национализмом и великодержавным шовинизмом. Резкая перемена курса отрицательно сказалась на деловой активности, внесла замешательство в культурную и общественную жизнь. Лозунги национального равноправия не подкреплялись практическими шагами, Советы стремительно теряли самостоятельность. В марте 1931 г. Президиум ЦИК БССР сократил ставки ответственных секретарей для национальных комиссий, оставив их только для 30 районных и трех городских национальных Советов[115].

С 1934 г. национальные советы (еврейские, польские, латышские, немецкие и др.) в БССР начали объединять с белорусскими. Большинство актов по реорганизации Советов не были мотивированы, а в отдельных случаях ложно утверждалось, что их составляли из вредительских намерений. В первую очередь это коснулось польских Советов, ликвидация кото-

[114] А. Зеленкова, М. Старовойтов (ред.), Указ. соч., с. 207.

[115] В. Пичуков, М. Старовойтова, *Гомельщина многонациональная* (20–30-е гг. XX века). Вып. 1. Гомель, 1999, с. 58; НАРБ, ф. 701, оп. 1, д. 107, лл. 20–23.

рых преподносилась как торжество советской национальной политики, покончившей с насильственной полонизацией[116].

Существование национальных Советов в Белоруссии к концу 1930-х гг. превратилось в формальность. Большинство комиссий местечковых Советов работали на белорусском, русском языках и редко на идише. Союзная конституция 1936 г. и конституция БССР 1937 г. не оговаривали существование национальных Советов и районов, поэтому для их упразднения не требовалось особых законодательных шагов. Ликвидация территориально-управленческих образований национальных меньшинств была поручена Г.М. Маленкову. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1937 г. послужило общим сигналом к ликвидации национальных Советов, что, как правило, мотивировалось изменениями демографической ситуации в местечке и экономической нецелесообразностью[117].

В годы сталинских чисток 1937–1938 гг. многие руководители Советов были обвинены в шпионаже, национализме и контрреволюционной деятельности и репрессированы. Последний указ Президиума Верховного совета БССР о ликвидации национального Совета был подписан 20 апреля 1939 г.[118] Одновременно произошло упразднение всех учреждений системы национального образования — от детского сада до высшей школы. Государство отняло у национальных меньшинств даже ограниченные возможности культурной автономии, оставив их только за титульной нацией — белорусами[119].

Противодействие антисемитизму

С установлением советской власти прежняя теория о том, что ненависть к евреям является результатом политики эксплуататорских классов, оказалась несостоятельной. Евреи, принявшие идеалы революции, возглавили многие партийные комитеты, Советы, включая службу безопасности (ЧК и ОГПУ), хозяйственные структуры и административные городские службы. Многие евреи в силу своих служебных обязанностей получили

---

[116] Р. Лазько, «Пытанне аб польскай меньшасці ў Беларусі ў кантэксце савецка-польскіх адносін 1920-1930 гг.» // *Нацыянальные меньшасці Беларус*і. Кн. 2. Брэст-Мінск-Віцебск, 1996, с. 61; M. Iwanow, «Pierwszy narod ukarany» // *Polacy w Zwiazku Radzieckim, 1921–1939*. Warszawa —Wroclaw, 1991, s. 368.

[117] Г. Костырченко, *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*, Москва, 2001, с. 132.

[118] Законы Белорусской ССР и Указы Президиума Верховного совета БССР за 1938–1955 гг. Минск,1956, с. 81.

[119] А. Лейзеров, «Национальная политика в Беларуси в первые годы советской власти (1920–1939 гг.)» // *Беларусь у XX стагоддзі*. Мінск, 2002. Вып. 1, с. 104–109.

доступ к распределению продовольствия и товаров первой необходимости, что в условиях советской дефицитной экономики давало огромное преимущество. Такое положение с неизбежностью вызвало недовольство среди белорусов как титульной нации в республике, которых поддержали русские, украинцы, литовцы и латыши.

В основе антисемитизма по-прежнему лежал принцип конкуренции. Сторона, которая проигрывала в экономическом, идеологическом, политическом или культурном споре, прибегала к национальной неприязни. Советская власть, исходя из собственных политических интересов, объявила антисемитизм проявлением контрреволюции. Ситуация в Гомеле имела свою специфику, поскольку евреи здесь составляли большинство городского населения и были активно представлены во всех структурах власти. Условием для этого был отказ от национальной жизни, осуждение религии. Евреи, пошедшие на советскую службу, как правило, не соблюдали традицию, говорили в семье на русском языке, а не идише и допускали межнациональные браки. Поэтому, когда секретарь райкома партии, председатель исполкома Совета, начальник финансового отдела, прокурор, следователь были евреи, они воспринимали проявления антисемитизма не только как выпад против себя лично, но и против советской власти. Понятно, что, располагая необходимыми инструментами влияния, они принимали бескомпромиссные решения против антисемитов.

Выходцы из деревни с большим неудовольствием открывали для себя, что многие административные посты и должности уже заняты евреями, а для них места не осталось. Свою долю в разжигание ненависти внесла православная церковь, основные постулаты которой были построены на осуждении иудаизма и огульном обвинении евреев в распятии и смерти Христа. В местечке Ветка в апреле 1926 г. на доске объявлений появилась надпись: «*...везде власть принадлежит евреям, евреи становятся хозяевами, а русские рабами. Место евреев в Палестине, а не в России*». Милиция установила местонахождение автора объявления, и он был приговорен к году одиночного заключения[120]. В этом случае власти справились с инцидентом относительно быстро и наказали правонарушителя[121].

В 1929 г. стал известен случай преследования двух еврейских девушек, работавших на гомельской фабрике по переработке бумаги «Герой труда»[122]. В начале 1929 г. на фабрике спичек «Везувий» работница Сергеенко заявила на собрании трудового коллектива, что она «плюет» на

---

[120] Ландо, «Осколки контрреволюции (Губсуд)» // *Полесская правда*, № 181 (1864), 10 августа 1926 г., с. 4.

[121] Например: М.Р., «О НЭПе и антисемитизме» // *Полесская правда*, № 177 (2162), 5 августа 1927 г., с. 2.

[122] A. Sloin, Op. cit., p. 219.

заводской комитет и Советы, поскольку там сидят только евреи. В этом ее поддерживал муж-коммунист, который ненавидел евреев и считал, что их следует выслать из России[123]. В Жлобине Гомельского района рабочий Зарубо издевался в течение полутора лет над местным евреем Стоуфнером. Действия Зарубо были описаны в протоколе собрания как воплощение антисемитизма классового врага[124].

Городские власти БССР старались вести разъяснительную кампанию против антисемитизма. Однако необходимого результата это не приносило. Искоренить антисемитизм одними громкими призывами, политическими заявлениями и угрозами расправы над антисемитами как пособниками контрреволюции не удавалось. Все это усугублялось просчетами советской государственной политики, активными участниками которой часто выступали евреи. Образ еврея-чужака как инородного тела, виновного в бедах белорусов и русских, не исчезал.

В июне 1928 г. в «Полесской правде» приводились примеры постоянных оскорблений еврейских рабочих при снисходительном отношении к этому со стороны руководства. Так, нееврейский рабочий, побитый евреем в драке, назвал его «*вонючим евреем*» и в ходе разбирательства заявил, что он «*...не нашел более сильных слов, чтобы оскорбить*», и получил только выговор; в другом случае нееврейский рабочий, оскорбляя еврея, назвал его «*национальным злодеем*», а семью Островских обзывали «*жидами*» и угрожали их жизни (смерть в результате несчастного случая на работе). Руководство во всех случаях проигнорировало жалобы на эти происшествия[125].

Иногда имело место обратное явление, когда неприятие евреями (на производстве, в учреждении или учебном заведении) белорусов и русских среди своих коллег по работе или учебе получало форму национальной нетерпимости. В январе 1930 г. в Гомеле нееврейские учителя в школе им. Леккерта пострадали от группы учеников-евреев, среди которых выделялась ученица по фамилии Лопатина, называвших русскую учительницу Лопушанскую «гойя», а учителя белорусского языка Мосайлова — уничижительным словом «фонька». По сообщению печати, директор еврейской школы Дискин и ряд педагогов-евреев вместо решительного осуждения поведения ученицы проявили неоправданное снисхождение[126].

Противостояние антисемитизму в Гомеле можно считать успешным, поскольку евреи проживали компактно и составляли большинство населе-

[123] НАРБ, ф. 265, оп. 1, д. 2485, л. 33.

[124] Там же, ф. 4, оп. 7, д. 281, л. 1.

[125] А. Склезнев, «О еврейских анекдотах и антисемитах» // *Полесская правда*, № 150, 28 июня 1928 г., с. 3.

[126] Ш., «Факты шовинизма в школе им. Леккерта» // *Полесская правда*, № 1 (2895), 1 января 1930 г., с. 5.

ния города. Они были широко представлены в структурах власти и являлись интеллектуальным потенциалом города и округа. Жизнь в галуте приучила евреев избегать национальных конфликтов, сохранять лояльность к государственной власти, быть добросовестными работниками и профессионалами в своем деле.

Советская власть, в свою очередь, использовала борьбу с антисемитизмом не столько для защиты евреев от посягательств на национальной почве, сколько как предлог для расправы со своими недругами. Внешне это прикрывалось защитой интересов интернационализма (для советской власти все народы равны) и демократии в СССР. Кроме того, борьба с антисемитами помогала в атеистической работе, чтобы показать, что именно советская власть, а не синагога защищает национальное достоинство евреев как народа. Это своеобразное равновесие продолжалось до начала советско-германской войны. С оккупацией города нацистами антисемитизм, тлевший в недрах советского общества, вырвался наружу и был использован оккупантами для «окончательного решения еврейского вопроса» в Гомеле и Гомельской области.

Антитроцкизм

Начиная с осени 1924 г. в партии большевиков развернулась дискуссия между Львом Троцким (Бронштейном) и его оппонентами. У этой дискуссии была идеологическая составляющая — теория перманентной (непрерывной) революции. Троцкий рассматривал большевистский переворот как лишь первый этап на пути к глобальной социалистической революции. Он считал, что победа социализма возможна только в том случае, если социалистическая революция перекинется на важнейшие страны Европы, и тогда будут построены социализм и коммунизм в мировом масштабе. Оппоненты Троцкого, и прежде всего Иосиф Сталин, выступили против этой идеи. Сталин выдвинул лозунг построения социализма в одной отдельно взятой стране[127]. Однако, как показали последующие события, такая позиция Сталина оказалась лишь прикрытием его личной борьбы за власть в партии и стране.

Антитроцкистская кампания, не без основания, воспринималась частью гомельских коммунистов и общественных деятелей как антиеврейская. Это было связано с тем, что многие евреи были идейными сторонниками Троцкого, который выступал за интернационализм, боролся с анти-

[127] J. Molyneux, *Leon Trotsky's Theory of Revolution*. Brighton, 1981; J. Rubenstein, *Leon Trotsky: A Revolutionary's Life*. New Haven and London, 2013; А. Резник, *Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы*. Санкт-Петербург, 2017.

семитизмом (особенно сталинским) и предлагал «мировую революцию» как решение еврейского вопроса в мировом масштабе. Такая позиция очень привлекала евреев, искавших справедливости и освобождения от дискриминации в послереволюционной России, где их часто обвиняли в капитализме и большевизме одновременно. Троцкий, будучи евреем, в глазах многих являлся символом сопротивления угнетению и верил в равенство всех национальностей, в отличие от сталинской бюрократии, которая уже тогда проявляла антисемитские настроения.

Несмотря на то что партия стремилась подчеркнуть различия между антитроцкизмом и антисемитизмом, в сознании определенных кругов населения — как широкой общественности, так и членов партии — происходила сознательная идентификация троцкизма и еврейства.

В дополнение к этому «чистки» троцкистов преследовали цель нанесения вреда тем, кто в прошлом состоял в небольшевистских партиях, таких как «Бунд», и впоследствии стал членом большевистской партии. Эндрю Слойн, например, видит определенную связь между бундовским прошлым и оппозиционностью. Он называет Гомель одним из мест, где такая связь существовала (наряду с Минском и Бобруйском)[128]. В Гомеле фабрики «Везувий» и «Герой труда» стали центром троцкистской оппозиции в конце 1927 г.[129] С ноября 1927 г. по январь 1928 г. в городе и области проводились конференции и собрания, чтобы привлечь «оппозиционеров» (сторонников Троцкого в партии) к открытой дискуссии, в ходе которой разоблачить их несостоятельность и оттеснить от руководства в республике и стране в целом. В Минске, Витебске, Бобруйске и Гомеле 326 членов партии проголосовали против или воздержались от голосования за то, чтобы лидеров оппозиции исключили из партийных рядов, 264 (81%) из них — евреи[130].

Такая статистика свидетельствовала о больших симпатиях среди еврейской части партии к Л.Д. Троцкому. Не только потому, что он был «своим» (евреем по рождению), но и обладал большими политическими, военными, хозяйственными заслугами, государственным мышлением и был признанным интеллектуалом. Это вызывало среди евреев законную гордость, несмотря на то что Троцкий часто повторял, что он не еврей, а коммунист. Внешне антитроцкистские «чистки» не были направлены против евреев, но, поскольку значительная часть исключенных из партии оказывались именно евреями — сторонниками Троцкого, это создало «еврейский» образ и было достаточно для антисемитов, чтобы обвинить всех евреев в троцкизме.

---

[128] A. Sloin, Op. cit., p. 202–203, 210.

[129] НАРБ, ф. 15-П, оп. 4, д. 253, лл. 63–67; Там же, д. 254, лл. 76–77.

[130] Там же, ф. 4-П, оп. 5, д. 656, лл. 30, 167.

* * *

В течение второй половины 1920-х — начала 1930-х гг., когда закончилась эпоха НЭПа, началась политика форсированной индустриализации, всеобщей коллективизации и культурной революции в сталинском ее понимании. Параллельно с этим после упразднения Гомельской губернии в конце 1926 г. и присоединения большей части ее территории к БССР в административных пределах Гомельского округа здесь шел процесс белорусизации.

Эти глобальные перемены в жизни страны и Беларуси в значительной степени отразились на судьбе еврейской части населения республики, составлявшей существенную долю в ее национальном, профессиональном и интеллектуальном ресурсе. Евреи Гомеля приняли сторону советской власти и активно откликнулись на ее призыв к строительству лучшей и более справедливой жизни для всех трудящихся. Они смогли реализовать свои гражданские права и значительно продвинулись во всех направлениях развития (политическом, экономическом, культурном, научном), стали, как им казалось, неотъемлемой частью советского общества.

Одновременно утратили силу процессы сохранения традиционной культурной, религиозной и национальной жизни. Полным ходом шло наступление на религию, закрытие хедеров и ешив, лишение экономической основы существования религиозных общин, синагоги и ее благотворительных обществ, ограничение связей с международным еврейством и возможности выезда за рубеж, борьба с инакомыслием, отсутствие верховенства закона и демократических норм при рассмотрении спорных вопросов. Евреи вынуждены были приспосабливаться к новым советским стандартам поведения. При этом они потеряли свободу выбора при принятии решения, а все несогласные или заподозренные в нелояльности к режиму немедленно устранялись.

Появились новые модели еврейского самосознания, основанные на трех началах: 1) сознание этнической принадлежности к еврейскому народу, 2) отношение к идишу, не только как хранителю национальной культуры, но и как препятствию к интеграции в советское общество, 3) противостояние антисемитизму, который продолжал существовать, несмотря на его официальное осуждение со стороны властей.

Процесс ассимиляции затронул широкие массы евреев Гомеля, как и республики в целом, однако еще не принял угрожающие масштабы. Превращение гомельских евреев в обезличенных «советских граждан», разделявших сталинские идеалы построения социалистического бесклассового общества еще не завершилось. Доля межнациональных браков в БССР по-прежнему была невелика и не превышала 5–6% и оставалась самой низкой в СССР по сравнению с другими советскими республиками

со значительным еврейским населением, такими как УССР и РСФСР. Гомельские евреи переживали в своей истории противоречивый и болезненный период, который сопровождался ломкой старых стереотипов и значительными жертвами как среди противников, так и сторонников советского строительства.

Глава шестая
Сталинские преобразования, 1933–1941 гг.

Сталинские реформы

1933–1941 гг. вошли в советскую историю как период форсированной индустриализации, насильственной коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, жесткой централизации власти и построения тоталитарного государства, направленных на создание мощного промышленного и военного потенциала СССР, приведших к быстрому росту тяжелой промышленности ценой огромных человеческих жертв и социальных потрясений, включая репрессии и культ личности.

Как это отразилось на евреях? Прежде всего, посмотрим на эти процессы через призму демографии и социальной интеграции.

Динамика численности еврейского населения Белорусской ССР за период с 1926 по 1939 г. выглядит следующим образом: в 1927 г. здесь проживало 407 100 евреев, в 1931 г. — 440 200, в 1937 г. — 363 200, в 1939 г. — 375 100. Следовательно, в 1930-е гг. произошло значительное сокращение численности евреев в БССР, что объясняется как их выездом за пределы республики, так и репрессиями, а также ассимиляционными процессами. Несмотря на уменьшение еврейского населения, БССР продолжала занимать третье место среди республик СССР по этому показателю, хотя доля белорусских евреев уменьшилась с 15,2 (1926 г.) до 12,4% (1939 г.)[1]. Географическое размещение еврейского населения БССР выглядело следующим образом[2]:

[1] M. Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile*. Jerusalem, 1998, p. 14.

[2] П. Эберхардт, *Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі 1897–1989*. Мінск, 1997, с. 93.

Таблица 1

Евреи в БССР (по данным переписи 1939 г.)

Область БССР	**Численность еврейского населения,** *тыс. чел.*	**Доля еврейского населения, (по обл.)** *%*	**Удельный вес еврейского населения, (по респуб.)** *%*
Витебская	77 200	20,6	6,0
Минская	117 600	31,3	9,0
Могилевская	79 700	21,2	5,6
Полесская	33 000	8,8	4,9
Гомельская	67 600	18,0	7,4
Всего	375 100	100,0	6,7

В 1930-е гг. получила дальнейшее развитие тенденция урбанизации еврейского населения БССР. В 1939 г. 87,8% евреев в БССР являлись городскими жителями (329 395 чел.). Продолжился процесс концентрации еврейского населения в крупных городах. Так, 30,7% всех евреев БССР и 45,2% евреев-горожан сосредоточились в городах с числом жителей более 100 000 чел., 30% евреев (34,5% евреев-горожан) — в городах с численностью более 20 000 чел. Около 20% городских евреев БССР оставались в малых городах с численностью населения менее 20 000 чел.[3]

Существует определенная сложность в точном демографическом подсчете, так как административные границы территории претерпели в межвоенный период неоднократные изменения. Гомельский уезд был упразднен 8 декабря 1926 г. и вошел в Гомельский округ в составе БССР. Тогда же был образован Гомельский район. До июля 1930 г. он входил в Гомельский округ, но в феврале 1931 г. его упразднили, а в июле 1937 г. он был восстановлен. После того как 15 января 1938 г. в БССР отменили округа как административные единицы и ввели областное деление, Гомельский район стал частью Гомельской области. В Гомельскую область

[3] M. Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile*. Jerusalem, 1998, p. 30, 34, 36–37.

вошли 14 районов: Гомельский, Буда-Кошелевский, Ветковский, Добрушский, Жлобинский Журавичский, Кормянский, Лоевский, Речицкий, Рогачевский, Светиловичский, Уваровичский, Тереховский, Чечерский[4].

По данным переписи 1926 и 1939 гг., население Гомельской области увеличилось с 781 000 до 908 000 чел. (прирост составил в 116,3%), особенно заметным стал прирост городского населения, и прежде всего евреев. Городское население Гомельской области увеличилось с 156 523 до 253 365 чел. (прирост составил 161,9%)[5].

В табл. 2 представлен национальный состав городского населения Гомельской области по данным переписи 1939 г.:

Таблица 2

Национальный состав городского населения Гомельской области (1939 г.)

Город	Белорусы	Русские	Украинцы	Евреи чел. %	Другие	Всего
Гомель	61 030	25 081	9 457	40 880 (29,37)	2 672	139 120
Речица	17 581	3 334	1 198	7 237 (24,28)	446	29 796
Ветка	3 538	1 348	73	944 (15,73)	96	5 999
Добруш	10 557	1 987	630	441 (3,19)	200	13 815

[4] С. Елизаров, *Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.)*. Гомель, 2009 г., с. 101–127.

[5] М. Старовойтов, «Население городских поселений Гомельской и Полесской областей в 1920–1930-е годы: этносоциокультурный аспект» // *Беларусь у XIX–XXI стагоддзях: этнакультурныя традыцыі і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы*: Зборнік навуковых артыкулаў. Гомель, 2017, с. 231–239.

Жлобин	11 634	2 308	1 198	3 709 (19,21)	452	19 301
Рогачев	8 410	1 356	531	4 601 (30,33)	270	15 168
Костюковка	3 144	1 861	732	196 (3,21)	164	6 097
Буда-Кошелево	2 562	129	88	496 (14,71)	96	3 371
Корма	1 302	66	32	981 (40,27)	55	2 436
Лоев	3 626	139	139	535 (11,81)	89	4 528
Стрешин	995	24	19	531 (33,02)	39	1 608
Тереховка	2 780	92	93	101 (3,25)	55	3 121
Уваровичи	3 008	144	150	517 (13,30)	68	3 887
Чечерск	3 730	233	96	977 (19,01)	96	5 132
Итого	133 897	38 102	14 436	62 146 (24,53)	4 798	253 379

Примечание. Проценты подсчитаны автором по РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 376, лл. 43–44.

К концу 1939 г. количество евреев Гомеля, по сравнению с данными переписи 1926 г., увеличилось с 34 649 до 40 880 чел., но в процентном отношении их удельный вес, наоборот, уменьшился с 46,9 до 29,37% за счет притока белорусов из сельской местности, что было естественным явлением в ходе индустриализации республики.

По другим данным, в 1940 г. в Гомельском округе насчитывалось 62 100 евреев, что составляло около 46% его населения. Согласно этим данным, это количественный и пропорциональный рост, который произо-

шел за 15 лет (по сравнению с 1926 г., когда было 37 475 евреев, что составляло около 44% населения)[6].

На увеличении численности еврейского населения в Гомеле сказались события, связанные с началом Второй мировой войны, когда на территорию БССР хлынул поток еврейских беженцев из Польши.

Еврейское население Гомельской области отличалось высоким уровнем грамотности и образования. Евреи старше 50 лет читали и писали не только на идише, но и на русском, белорусском языках, а те, кто в детстве посещал хедер, умели читать еще и на иврите. В этом отношении они превосходили другие национальные группы населения Гомеля, включая белорусов, что наглядно представлено в табл. 3[7].

Таблица 3

Уровень грамотности и образования городского населения по национальности и возрасту в Гомельской области (1939 г.)

Национальность	**Возраст,** *%*			**Образование,** *на 1000 чел.*	
	9–19 лет	**20–49 лет**	**50 лет и более**	**среднее**	**высшее**
Белорусы	90,5	92,8	57,1	179,4	7,7
Русские	98,1	95,9	65,2	205,5	18,9
Украинцы	93,4	95,4	67,1	193,3	14,8
Евреи	93,6	96,9	76,8	184,0	15,0

По подсчетам М. Старовойтова, которые включают также сельское население Гомельской области, картина вырисовывается немного другая, как показано в следующей таблице[8]:

[6] ГАГО, ф. 3531, оп. 2, д. 19, л. 18.

[7] РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 376, лл. 8–10.

[8] М. Старовойтов, «Изменения в численности и составе населения белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е гг. (Этнокультурный аспект)» // *Працы гістарычнага факультэта БДУ*: Навукавы зборнік 4 (2009), с. 70.

Таблица 4

Уровень грамотности и образования населения, включая сельское, по национальному составу в Гомельской области (1939 г.), %

Национальность	Грамотность (9 лет и старше)	Образование		
		ниже среднего	среднее	высшее
Белорусы	78,1	94,17	5,63	0,20
Русские	90,7	79,84	18,74	1,42
Украинцы	91,2	81,75	17,12	1,13
Евреи	93,2	80,16	18,3	1,54

Приведенные данные свидетельствуют, что самым высоким уровнем грамотности и образования стабильно отличалось еврейское население, которое в абсолютном большинстве проживало в городах.

К концу 1930-х гг. в Гомеле была налажена система народного образования. В 1939/40 уч. г. она включала в себя 30 средних школ, семь неполных начальных и средних школ, в которых обучалось 24 504 ученика, количество учителей составляло 974 чел. С 1932 г. в Гомеле действовали средние специальные медицинское и музыкальное училища[9].

Высокий уровень образования среди еврейского населения Гомельской области, учитывая его численность в городском пространстве, объясняет значительное присутствие евреев в интеллектуальных профессиях и сферах занятости. 2,37% мужчин-евреев работали в сфере здравоохранения. Подобный коэффициент соответствовал 2,27% среди мужчин-немцев и 3,31 % среди мужчин-латышей, но так как в абсолютных числах еврейское население преобладало, то это бросалось в глаза, что способствовало укреплению стереотипа евреев-интеллектуалов. Подобное можно сказать и о месте евреев, как мужчин, так и женщин, в просвещении, науке, культуре и искусстве (4,81% — мужчины, 11,92% — женщины). Похожий коэффициент отмечался среди других национальных меньшинств, но роль евреев была намного заметнее. Довольно много евреев Гомельщины были

[9] Д. Матвеенко, Указ. соч., с. 83–89.

заняты в торговле (18,28% — мужчины, 18,9% — женщины), в то время как белорусы и русские значительно меньше, как показано в следующей таблице, показывающей занятость городского населения Гомельщины по национальностям:

Таблица 5

Занятость мужского населения городов Гомельской

Национальность	Лесное хозяйство	Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство
Белорусы	1,40	9,00	40,62	8,02
Русские	0,51	1,95	20,99	7,70
Украинцы	0,79	3,54	29,17	7,91
Евреи	0,88	1,73	52,04	4,50
Все население	1,05	5,50	37,7	7,30

Из табл. 5 следует, что среди еврейского населения очень мало так называемых нераспределенных, то есть безработных и занятых в неопределенных отраслях; более половины мужчин-евреев (52%) занято в промышленности, что противоречит представлению о том, что евреи в основном занимали чиновничьи должности.

Евреи в Гомеле, являясь значительной частью городского населения, интегрировались в экономику, государственные и партийные механизмы и в общественную жизнь города в целом. Об этом свидетельствуют итоги выборов в Верховный совет БССР 1938 г. После принятия конституции СССР в 1936 г. (и конституции БССР в 1937 г.)[10] был упразднен статус ли-

[10] Конституция СССР 1936 г. см. http://doc.histrf.ru/20/konstitutsiya-sssr-1936-goda и конституция БССР 1937 г., см.

шенцев. Отныне все граждане СССР без исключения получили право голосовать и быть избранными, поскольку альтернатива режиму отсутствовала. В отчете о проведении выборов секретарь Гомельского городского комитета КП(б)Б П. Жиженков назвал участие в голосовании ошеломляющим успехом, в котором приняли участие 88 526 избирателей, что составило 99,8%.

области по национальностям (1939), *%*

Транспорт и связь	Торговля	Жилкомхоз	Госучреждения	Здравоохранение	Культура	Не распределено
17,43	6,41	2,15	6,97	1,49	4,06	2,45
9,14	2,64	1,18	4,27	0,87	2,55	48,2
18,12	4,64	1,37	4,73	1,34	2,42	26,98
5,25	18,28	3,30	5,64	2,37	4,81	1,22
13,05	7,90	2,10	5,90	1,50	3,70	14,20

Примечание. Подсчитано автором по РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 913, лл. 45–66.

Выборы обеспечивали 3 280 агитаторов, которые по-разному относились к своим обязанностям. Одни это делали с энтузиазмом, а другие (более старшего возраста) довольно формально. Официальные отчеты отмечали высокую активность в голосовании женщин и пожилых граждан. Среди примеров, связанных с людьми преклонного возраста, приводился 73-летний пенсионер Рывкин, который сказал, что голосование является большим событием в его жизни: «*Я праздную и очень радуюсь, что отдаю свой голос за Л. Кагановича*». Из отчета можно получить представление о

http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda

характере пропаганды, которая длилась около трех месяцев (апрель-июнь 1938 г.).

За это время большинство пропагандистов провели от 14 до 16 собраний, на которых организовывали дискуссии и лекции по таким вопросам, как конституция БССР, выборы, международная ситуация, борьба с религией и агитация за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Среди положительных примеров отмечались пропагандист Вайсман на заводе сельскохозяйственной техники «Гомсельмаш», который провел беседы с использованием примеров из художественной литературы, пропагандист Магидин с рассказом «*об ужасах эксплуатации, которые он испытал в царскую эпоху, и о счастливой жизни сейчас*», пропагандист Гольдштейн, работавший на фабрике по производству и переработке жиров, который помог женщине с двумя детьми, брошенной мужем, организовав для одного из ее детей санаторий.

В отчете упоминается, что пропагандист Наватов перешел в своей пропагандистской деятельности на идиш (вместо русского) из-за того, что на заводе им. Кирова работали в основном евреи, которым было легче воспринимать пропаганду на родном языке. Критике подвергались Вассерман, Рубенчик, Любань, а также управляющий завода по производству конфет «Спартак» Шапиро, которые не проявили достаточно энтузиазма в пропагандистской работе, а также отмечалось, что в городских районах все еще существуют «враждебные элементы» (в том числе в различных учреждениях)[11]. Из этого можно сделать вывод, что еще не все граждане полностью разделяли идеалы советской власти и являлись ее безоговорочными сторонниками.

К концу 1930-х гг. уровень образования и профессиональной подготовки всех национальных групп населения Гомеля и Гомельской области заметно выровнялся. Политика коренизации давала свои результаты — белорусы занимали все больше ответственных должностей и постов в управлении городским хозяйством, сферах производства, культуры, здравоохранения, финансовых учреждений. Они все больше заменяли евреев, которые доминировали в 1920-е гг. Несмотря на это, количество евреев в руководстве города и области оставалось все еще высоким. Об этом можно судить, познакомившись со списками сотрудников исполкома Гомельского городского совета конца 1930-х гг. 15 января 1940 г. из 22 членов городского Совета евреев было 15 (68,18%), белорусов — пять, русских и поляков — по одному[12].

---

[11] НАРБ, ф. 4-П, оп. 1, д. 12743, лл. 221–230.

[12] Еврейские имена в списке: Абрам Шехтман, Маркус Абов, Григорий Басс, Элизабетта Кацнельская, Аарон Фельдман, Яков Мехнович, Плата Пасин, Борис Хутимский, Рахиль Динкина, Фаня Юдович, Лейба Карабельников, Тамара Раби-

15 апреля 1940 г. из 21 члена горсовета 17 были евреи (80,95%)[13]. То же самое можно проследить в списках от 5 мая и 18 июля 1940 г. Из 19 сотрудников управления 16 были евреи[14]. Аналогичный вывод можно сделать из списка от 20 августа 1940 г.: 15 евреев из 19 административных работников (78,95%)[15]. Эти данные ясно показывают, что евреи перед советско-германской войной были наиболее широко представлены в администрации Гомеля.

Евреи принимали активное участие в организации промышленного производства города. Руководящие должности на фабрике «Коминтерн» в Гомеле занимали Александр Фрумкин, Шемер Соркин, Элька Школьников и один белорус. Среди награжденных за высокие производственные показатели на этой фабрике были отмечены директор Шнеер Лейкин и редактор заводской малотиражной газеты Муся Новоселова. В другом документе отмечено, кто из членов завода «Изоплит» был кандидатом на руководящие должности в совхозе: в список вошли семь человек, в том числе три еврея и четыре белоруса[16]. На заводе «Гомсельмаш» директором назначили Генкина, а секретарем заводского партийного комитета — Кацмана[17].

В середине 1930-х гг. еврейские имена также выделялись среди имен партийных лекторов, выступавших на промышленных предприятиях, в мастерских и муниципальных учреждениях города и области. В списке лекторов в 50 учреждениях по случаю 21-го Международного дня молодежи перечислены 15 еврейских имен: Кречмер читал лекции на городской электростанции, Каплан — на предприятии «Полеспечать», Гуревич — на фабрике им. Клары Цеткин, Марголин — на фабрике «Красный химик», Шейман — в пекарне, Хайкин — на спиртзаводе, Ямпольский — в милиции, Либерман — в школе им. К. Либкнехта и др.[18] В списке лекторов по случаю 1 Мая 1941 г. встречаем среди пропагандистов Гутмана из обкома партии, который читал лекции на заводе «Мотор революции», Генкина — на электрическом заводе, а также Шапиро, Ааронова, Чайкина, Голдмана, Баума, Равинера, Рабкина и др.[19]. Отдел пропаганды партии возглавлял С. Каган[20].

нович, Црая Каплан, Аарон Монастырский, Рувим Шохатович.

[13] В список выше добавлены Гедалия Теклин и Марк Хавкин.

[14] Те же имена, за исключением Марии Каплан, которая не указана в списке и включена из списка в предыдущем источнике.

[15] ГАГО, ф. 296, оп. 2, д. 27, лл. 4–13.

[16] Там же, д. 31, лл. 7–10.

[17] *Палеская праўда*, № 1 (4387), 1 января 1935 г., с. 1.

[18] Там же, № 192 (4578), 29 августа 1935 г., с. 4.

[19] *Гомельская праўда*, № 91 (6244), 18 апреля 1941 г., с. 4.

[20] С. Каган, «Дзейнасць агітацыі» // *Гомельская праўда*, № 99 (6252), 27 апреля 1941 г., с. 2.

Все это говорит о том, что евреи как советские служащие уверенно сохраняли свои ведущие позиции в административном управлении Гомеля. Можно предположить, что дело было не столько в национальности, сколько в уровне образования, кругозоре, необходимых профессиональных навыках и качествах, ответственном отношении к порученному делу, умении справляться с трудностями.

Другим стал внешний и культурный облик Гомеля. К концу 1930-х гг. город расстроился и похорошел. На его улицах чаще слышалась русская речь. Идиш потерял прежнюю роль. В глазах гомельских евреев он ассоциировался со старыми временами, нищей местечковой жизнью и забитостью, тогда как русский язык нес образование, престиж, перспективы, а русская культура воспринималась как превосходящая идишистскую. Многие евреи, сохраняя идиш дома, выступали на собраниях по-русски, читали русские газеты. Ассимиляция евреев Гомеля и Гомельской области вела к отказу от невостребованной культуры на идише. Угасание было характерно и для остальных национальных культур, став отражением нового государственного подхода. После провозглашения в 1936 г. построения в СССР социализма поощрение национальных культур уступило место политике интернационализма с явными русификаторскими тенденциями.

Голод на Гомельщине

Интенсивное непродуманное строительство социализма на рубеже 1920–1930-х гг. привело к нарушению законов общественного развития, огромным диспропорциям в народном хозяйстве, падению уровня жизни и голоду. Официальная пропаганда объясняла экономическую катастрофу в стране обострением классовой борьбы, неизбежной при переходе от капитализма к коммунизму. Одним из прямых последствий этого стал беспрецедентный по своим масштабам голод 1932–1933 гг., который охватил огромную территорию и привел к многочисленным жертвам. Самым жестоким голод оказался в основных зерновых районах СССР, ставших зонами сплошной коллективизации, особенно в УССР и в определенной степени в БССР, особенно в ее южных районах, на Белорусском Полесье[21].

Массовый голод 1932–1934 гг. стал венцом насильственной коллективизации и экономической политики первого периода «революции сверху». Голод сделали неизбежным неурожай, непродуманная налоговая политика, погоня за высокими показателями и политические репрессии. Больше всего пострадали Мозырский, Петриковский, Житковичский и другие южные

[21] M. Ellman, “Stalin and the Soviet Famine of 1932–1933 Revisited” // *Europe-Asia Studies* 59, 4 (2007), p. 663–693; Kuromiya, H. “The Soviet Famine of 1932–1933 Reconsidered” // *Europe — Asia Studies* 60, 4 (2008), p. 663–675.

районы БССР, которые были полностью охвачены коллективизацией. С марта 1932 г. в некоторых колхозах торговлю запретили, опустошили магазины, оставив их без товаров, досрочно погасили кредиты и займы, опечатали склады с зерном для потребления, распределили семенной фонд между другими колхозами, закрыли мельницы и повели жесткую борьбу с помолом на ручных жерновах. Одновременно прошла новая волна арестов, высылки в Сибирь и исключения из колхозов так называемых кулаков, и как результат, начался голод.

В некоторых местах республики протест против голода принимал открытый характер. Сохранились сведения о Борисовском голодном бунте в апреле 1932 г., во время которого рабочие и их жены выступили против уменьшения и без того мизерных норм выдачи хлеба. 7 августа 1932 г. был подписан так называемый закон о трех колосках, который предусматривал возможность смертной казни за кражу колхозного и кооперативного имущества, в том числе и еды[22]. Всего по этому закону в 1932–1939 гг. было осуждено около 183 000 чел., включая детей до 13 лет[23].

Приграничные районы Беларуси оказались полны беженцев из УССР, где голод был самым тяжелым — тысячи украинских крестьян погибли и, чтобы спастись, все больше людей бежали на север[24]. Они рассказывали, что собрали хороший урожай, но власти все конфисковали. Белорусы делились с беженцами хлебом и картофелем. Статистику о положении голодающих государство скрывало, все периодические издания и другие средства массовой информации хранили полное молчание, что делало их соучастниками этого преступления.

В БССР в 1933 г. в очень тяжелом положении находились 33 района. Голодные люди ели кору деревьев, клевер, крапиву. По мере увеличения масштабов голода наблюдался значительный рост преступности. Голодающие крали колоски с полей, скот из сараев, грабили магазины. Были отмечены случаи самосуда. Одним из районов, пострадавших от голода в 1933 г., был Ельский район в Гомельской области. Он отличался тем, что здесь жили бывшие колонисты, в том числе немцы. Колонисты занимались животноводством, но в период коллективизации им пришлось отдать свой скот колхозам, и они потеряли средства к существованию. Некоторые смогли получить продовольственную помощь от немецких консульств и благотворительных организаций. В 1934 г. начались репрессии против

[22] Постановление ЦИК и СНК СССР от 7.08.1932 об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации // *Собрание законов СССР*, № 62, 1932, с. 360.

[23] И. Пыхалов, «Закон о пяти колосках» // *Terra Humana*: Научно-теоретический журнал № 4 (2011), с. 100–104.

[24] T. Martin, “The Origins of Soviet Ethnic Cleansing” // *The Journal of Modern History* 70 (1998), p. 813–861.

советских граждан, которые участвовали в организации помощи голодным. 84 чел. были арестованы и четверо расстреляны как «немецкие шпионы». В 1937 г. тысячи бывших колонистов репрессировали в рамках «антинемецкой кампании». Арестованных как националистов часто обвиняли в организации голода. Спецслужбы опирались на цифры, например, что в результате голода в Наровлянском районе в 1932–1933 гг. погибло до 1 000 чел.[25]

Поступали сведения об очень сложной ситуации с продовольствием в Гомельской области. Из 93 колхозов в Гомельском округе примерно в 45 не хватало продуктов питания. Было несколько случаев, когда крестьяне умирали от голода[26]. Известен факт, что жители местечка Городец ходили более чем за 50 км до Гомеля, где стояли в длинных очередях, чтобы купить хлеб[27]. Вместе с тем голодомор затронул только периферийную часть БССР, в частности Гомельскую и Полесскую области. Пострадало в основном сельское население, а так как еврейское население Гомельщины было в основном городским, оно избежало страшного голода.

Репрессии

Против людей, недовольных политикой партии, власти выдвинули обвинения в контрреволюционной, антисоветской или националистической деятельности. По словам И. Сталина, «*репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления*»[28]. Газеты помещали материалы об усилении классовой борьбы, выявлении и устранении «врагов народа», занятых вредительством. В июле 1934 г. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), отвечавшее за политический сыск, реорганизовали в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), значительно расширив его полномочия.

В декабре 1934 г. после убийства секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Сергея Кирова, которое стало формальным поводом для развязывания репрессий, ЦИК СССР изменил характер ведения следствия по пре-

---

[25] І. Раманава, «Голад 1932–1934 гг. і Беларусь» // *Спадчына*, № 1–2 (2003), с. 80–90.

[26] А. Врублевский, Т. Протько, *Из истории репрессий против белорусского крестьянства: 1929–1934*. Минск, 1992; Г. Лыч, *Трагедыя беларускага сялянства*. Мінск, 2003; І. Раманава, «Голад 1932–1934 гг. і Беларусь» // *Спадчына*, № 1–2 (2003), с. 80–90.

[27] А. Замойский, *Трансформация местечек Советской Белоруссии 1918–1939*. Минск, 2013, с. 332.

[28] И. Сталин, «Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б)» // *Сочинения*: В 16 т., т. 12. Москва, 1949, с. 309.

ступлениям против деятелей советской власти. Слушание теперь проходило без участия адвоката и прокурора, решение суда не подлежало кассационному обжалованию и помилованию[29]. Это упростило возможности режима проводить масштабные репрессии.

Политический процесс требовал публичного одобрения официального курса партии и государства. Массовые собрания трудовых коллективов, партийных, профсоюзных, молодежных и даже детских организаций принимали нужные резолюции, отправляли письма и телеграммы верности идеалам партии и т. п. Они осуждали и проклинали внутренних и внешних врагов советской страны, требуя не давать им пощады.

С конца 1920-х до середины 1930-х гг. власти БССР подвергли преследованиям 46 000 чел., из которых, по сведениям Игоря Кузнецова, более 13 000 казнили. В 1935–1940 гг. в БССР (в современных границах) от репрессий пострадали не менее 480 000 чел., из которых более 50 000 казнили[30]. Элисса Бемпорад утверждает, что во время сталинского террора 1937–1938 гг. в СССР погибли от 600 000 до 2 000 000 граждан. Большинство из них принадлежали к руководящему составу в центре и на местах: политико-партийному, промышленному, административному, военному, академическому, культурному и др.[31] В это же время советской Белоруссии было арестовано более 40 секретарей областных комитетов КП(б)Б[32].

Владимир Адамушко[33] подсчитал, что, по неполным сведениям, жертвами политических репрессий в 1920–1950-е гг. оказались 600 000 жителей Беларуси, из которых 240 000 были осуждены судебными и несудебными органами, а более 350 000 репрессированы в административном порядке. По его данным, за 1935–1940 гг. в БССР было репрессировано не менее 85 000 чел., из которых не менее 28 000 расстреляно[34]. С июля-августа 1937 г. начался период политического террора, длившийся до ноября

---

[29] Постановление Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. См. http://doc.histrf.ru/20/postanovlenie-prezidiuma-tsik-sssr-ot-1-dekabrya-1934-goda/

[30] І. Кузняцоў, «Палітычныя рэпрэссіі на Беларусі у 1930–1940 гадах» // *Беларусь у XX стагодзі* №1 (2002), с. 81–95.

[31] E. Bemporad, *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk*. Bloomington and Indianapolis, 2013, p. 176.

[32] Л. Смиловицкий, *Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья*. Иерусалим, 2008, с. 569.

[33] Владимир Иванович Адамушко (1952–2020) — заместитель председателя Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь (1995–2001 гг.), председатель Комитета по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (2002–2006 гг.), директор Департамента по архивам и делопроизводству МВД Республики Беларусь (2006–2016 гг.).

[34] У. Адамушка, *Палітычныя рэпрэсіі 20–50-х гадоў на Беларусі*. Мінск, 1994, с. 9.

1938 г. В целом по стране людей, осужденных в 1937–1938 гг., оказалось в 2,5 раза больше, чем в предшествующие два года, а количество тех, кого приговорили к лагерю, колонии, ссылке и т. д., превышало получивших такую меру наказания за предыдущий период на 23%. Людей, приговоренных к высшей мере, в 1937–1938 гг. стало больше в 296 раз, чем в 1935–1936 гг. Количество арестованных в 1937–1938 гг. намного превышало количество арестованных ранее. Необоснованные репрессии прекратились только в 1939 г.[35]

Сталинские «чистки» второй половины 1930-х гг. нанесли непоправимый урон всем без исключения сторонам жизни в республике и стране в целом (экономическим, политическим, идеологическим, культурным, военным). Коммунистическое правление обесценило человеческую жизнь еще во времена гражданской войны, а отсутствие подлинных правовых норм и отказ от презумпции невиновности развязали руки советским руководителям.

Трагедия репрессий в БССР прошла почти через каждую семью. Размаху репрессий способствовало то, что органы службы безопасности (ОГПУ-НКВД) были выведены из-под контроля ЦК ВКП(б) и подчинялись лично И.В. Сталину. Надуманный характер, беспрецедентная жестокость и масштабы репрессий свидетельствовали, с одной стороны, об антинародности и бесчеловечности советского режима, а с другой — что у него не оставалось другого выхода, чтобы уцелеть.

Одним из моментов, затрудняющих анализ репрессивных действий советского режима в Гомеле и округе, является отсутствие статистических данных, так как архивы КГБ в настоящее время в Беларуси закрыты для исследователей. Некоторые сведения доступны лишь родственникам жертв произвола государства при условии их реабилитации. На основе только таких данных в течение 1990-х гг. была собрана информация о жертвах политического террора в Беларуси. При этом списки репрессированных не включают данные о национальности, а заключение о ней основывается лишь на имени, фамилии и отчестве. Таким образом, по моему подсчету, в Гомельской области в ее современных границах репрессировано не менее 13 374 чел., из них 1 724 чел. — в Гомеле[36]. Однако на основе даже неполных данных можно получить общую объективную картину репрессивной политики коммунистической партии на Гомельщине.

В целом общественную атмосферу в республике во второй половине 1930-х гг. характеризовало неприкрытое массированное идеологическое

---

[35] Л. Рыбаковский, *Политический террор 1937–1938 гг.: К 75-летию сталинских репрессий в СССР*. Москва, 2013, с. 97–98.

[36] Ю. Груздев, А. Разумов (сост.), *Книги памяти жертв политических репрессий в СССР*: Аннотированный указатель. СП.Б, 2004, с. 236–246.

воздействие на все категории граждан, которые были поставлены в самые жесткие рамки существования. Власти использовали в своих целях все доступные им средства — от устной пропаганды (лекции, доклады, «диспуты», публичные читки пропагандистских материалов) до периодической печати (районные, областные, республиканские и всесоюзные газеты, журналы, бюллетени местных органов власти) и радио[37]. Закрытость советского общества, методы запугивания и устрашения несогласных с политикой партии и государства не оставляли людям другого выхода как беспрекословное подчинение режиму.

Репрессии усилились на основании указа народного комиссара внутренних СССР дел Н.И. Ежова от 30 июля 1937 г. о борьбе с зажиточными крестьянами («кулаками»), изданного по прямому указанию И.В. Сталина. Эти группы включали три категории: 1) зажиточные крестьяне, 2) противники режима, 3) уголовные преступники. Два вида наказания были определены априори: первый вид предназначен для «*особенно враждебных*» — высшая степень наказания (расстрел); второй для «*менее враждебных*» — от восьми до 10 лет лишения свободы в трудовых лагерях или тюрьмах.

Летом 1933 г. по республике прокатилась волна партийных «чисток», чтобы устранить нелояльных членов партии, среди которых оказались не только выходцы из некоммунистических партий, но и старые большевики-ветераны. В Гомеле особенно пристальное внимание уделялось бывшим членам «Бунда», которых следовало показывать в отрицательном свете, чтобы исключить из партийных рядов, а также представить «Бунд» как националистическую и буржуазную организацию[38].

Списки людей, исключенных из партии, публиковали в периодической печати. Предлогами исключения из партии могли послужить нарушение трудовой дисциплины, алкоголизм, распространение антисоветских слухов, «троцкизм»[39], сокрытие социального происхождения или утаивание другой информации от партии[40]. Позже просто перестали публиковать причину исключения из партии.

---

[37] НАРБ, ф. 4-П, оп. 1, д. 12520, лл. 118–120.

[38] «Каго партыя выганяе з сваіх радоу» // *Палеская праўда*, № 141 (3944), 25 июня 1933 г.), с. 3; Ш. Л., «Ачысціць рады партыі ад чужых буржуазна-нацыяналістычных элемэнтау» // Там же, № 178 (3981), 9 августа 1933 г., с. 3.

[39] Салавей., «Знішчаць з карэннем трацкісцкую погань» // *Палеская праўда*, № 197 (4874), 5 сентября 1936 г., с. 2; Цімашкоу., «Трацкісцкім паследышам не месца у радах комсамола» // Там же.

[40] «Спіс выключаных з партыі у час праверкі партдакументау» // *Палеская праўда*, № 233 (4619), 19 октября 1933 г., с. 4; Там же, № 236 (4622), 23 октября 1933 г.; Там же, № 245 (4631), 3 ноября 1933 г.; Там же, № 250 (4636), 12 ноября 1933 г.; Там же, № 272 (4658), 8 декабря 1933 г.; Там же, № 278 (4664), 15 декабря 1933 г., с. 4.

Обвинения часто носили абсурдный характер. Более того, в БССР было объявлено социалистическое соревнование по выявлению «врагов народа», а репрессированные органы получали от партийных инстанций заранее установленные квоты на количество разоблаченных изменников родины. Руководитель 3-го отделения НКВД по Гомельской области Равинский признавал, что по решению ЦК ВКП(б) в Гомеле лимит сначала был 500 чел., а впоследствии вырос в четыре раза — до 2 000 чел.[41] В результате в целом по республике около трети всех арестованных получили длительные сроки тюремного заключения, а около двух третей были казнены. Пик террора пришелся на август 1937 г. — ноябрь 1938 г.

Цепная реакция этого беззакония не замедлила последовать. «Врагов» находили не только в числе противников советской власти, но и среди ее горячих сторонников. При этом национальный фактор не играл определяющей роли. Никто не чувствовал себя в безопасности, прежние заслуги не спасали. Не участвовать в происходящем означало заслужить обвинение в пассивности, что считалось неменьшим злом. Выйти из замкнутого круга было невозможно. Когда очередная кампания разоблачения мнимых врагов народа заканчивалась, то козлом отпущения делали ее исполнителей[42].

В целом 1930-е гг. в СССР оказались периодом сильнейших социальных потрясений. По стране прокатилось несколько волн классового насилия, которые заканчивались устранением целых социальных слоев. Формы репрессий были разнообразными: от лишения гражданских прав, потери рабочего места, снятия с должности до ссылки, тюрьмы, лагеря и смертной казни. От репрессий страдали не только сами арестованные, но и члены их семей. Жен судили за недоносительство на мужей и ссылали в специальные женские концлагеря, детей отдавали в детские дома НКВД, где самым маленьким часто меняли и фамилии. Взрослых детей заставляли доносить на родителей или отказываться от репрессированных отцов и матерей, как от «врагов народа».

Советская юридическая наука отказалась от презумпции невиновности. Прокурор СССР А.Я. Вышинский (1935–1939 гг.) выдвинул ложный тезис о том, что суду не требуются доказательства, а только обвинение, что явилось теоретическим обоснованием массовых репрессий. Вынесение смертных приговоров скрывалось, вместо этого семьям сообщалось о 10 годах без права переписки, что фактически означало расстрел. Осужденные не имели права подачи апелляции, а вынесенный смертный приговор немедленно приводился в исполнение. В период с 1939 г. до середины 1941 г. возросшая внешняя угроза ослабила внутреннюю напряженность.

[41] Архив УКГБ Гомельской области, д. 9980, л. 163.

[42] Подробнее: A. Zeltser, “Jews in Upper Ranks of the NKVD, 1934–1941” // *Jews in Russia and Eastern Europe*, vol. 1 (52), 2004, p. 64–66.

XVIII съезд ВКП(б) осудил репрессии и признал, что сталинские «чистки» сопровождались «многочисленными ошибками». Вину за массовые аресты официальное руководство возложило на местных партийных и государственных руководителей[43].

Еврейский аспект репрессий

Евреи пострадали от массовых репрессий не менее, а в некоторых случаях и более других народов страны. С 1933–1934 гг. в стране началось их удаление из партийно-государственного аппарата и замена на «национально-русские» кадры. Одновременно по инициативе Сталина принцип «пролетарского интернационализма» начал уступать место великорусскому патриотизму. Вслед за этим последовало сокращение идишских учебных и научных учреждений. Росту антисемитизма способствовали громкие судебные процессы 1936–1938 гг. над видными деятелями ленинской гвардии большевиков, когда на скамье подсудимых от половины до двух третей из них оказались выходцами из еврейской среды. Это было замечено в нацистской Германии. В январе 1937 г. Йозеф Геббельс записал в своем дневнике: «В Москве опять показательный процесс. На сей раз почти исключительно против евреев... Возможно, Сталин все же желает избавиться от евреев»[44]. Последующая волна массовых репрессий вырвала из партийного, государственного, хозяйственного аппарата, из армии и карательных органов, из среды культуры многие тысячи евреев. Их заменяли послушные воле вождя «выдвиженцы», среди которых уже почти не было евреев.

Элисса Бемпорад утверждает, что уникальность явления, известного как «чистки», в советской Беларуси по сравнению с остальной частью Советского Союза состоит в том, что это было уничтожение культурного слоя еврейской интеллигенции[45]. Профессор Мичиганского университета Михаил Крутиков, в свою очередь, отмечает, что *«волна террора 1930-х годов практически полностью уничтожила первую линию еврейской культуры*» в Беларуси[46], с чем нельзя не согласиться.

---

[43] Л. Смиловицкий, *Беларусь 1937 год: правдивая история*. Иерусалим, 2025 г., с. 22–29.

[44] А. Цфасман, «Сталин и евреи: был ли он антисемитом?» // *Еврейская панорама* (Берлин), 3 марта 2023 г.
https://evrejskaja-panorama.de/article.2023-03.stalin-i-evrei-byl-li-on-antisemitom.html

[45] E. Bemporad, *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk.* Bloomington and Indianapolis, 2013, p. 192.

[46] מ. בייזר (עורך), יהודי רוסיה 3: ממהפכות 1917 ועד נפילת ברית-המועצות, ירושלים תשע"ה, עמ' 168

В Гомеле от репрессий пострадали прежде всего евреи, хорошо интегрированные в структуры экономики и производства, а также в муниципальные и партийные органы власти. Вторая группа евреев, подвергшаяся арестам, были активисты общин и синагог, раввины, шойхеты, моэли, магиды, пользовавшиеся большим авторитетом и влиянием в общинах. Расправа с ними должна была послужить устрашению и запугиванию как верующих, так и неверующих евреев[47].

Основным обвинением евреев, арестованных в период Большого террора, стали «буржуазный национализм» и принадлежность к «Бунду» в прошлом. Фактически «бундизм» превратился из конкретного термина с политико-партийным и идеологическим значением в пустой и абсолютно бессмысленный ярлык[48], касающийся утраты доверия евреям, которых режим объявлял своими противниками[49]. «Палеская праўда» в начале сентября 1935 г. в публикации «Обнаружить всех врагов и разложившихся» сообщала причину, почему следует строго подходить к проверке партийных документов, отмечала ряд «врагов», которых было много, включая бундовцев и сионистов наряду с «антиреволюционными троцкистами», «нэпманско-буржуазными», «шпионскими и диверсионными» элементами[50]. В том же номере газета разоблачала очередных «врагов», включая «спекулянта» Лейбу Звагельского, а также «*бундовца, который не разоружился*» Исаака Шарашевского и еще несколько «враждебных классовых элементов» на мясокомбинате (среди них Моисей Абрамович, Моисей Амромин, Рахмиль Аронов и его брат Моня, Самуил Малкин и др.)[51].

Еще в мае 1937 г. Гомельский отдел НКВД арестовал 15 чел. по обвинению в принадлежности к «Бунду» и антисоветским организациям. Следствие продолжалось до ноября 1938 г., половина из этой группы умерли во время следствия, а других освободили из-под стражи в ноябре 1938 г. и дело закрыли[52].

«Спецопераций», направленных на еврейское население по национальному или религиозному признакам не было. С другой стороны, они проводились как «национальные операции» против поляков и ассирийцев

---

[47] В. Пичуков и др. (сост.), *Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы*. Минск, 2013, с. 13.

[48] E. Bemporad, *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk.* Bloomington and Indianapolis, 2013, p. 177, 192.

[49] Э. Слойн считает, что использование термина «бундизм» изначально предназначалось для утраты доверия к противникам политики белорусизации. См: A. Sloin, Op. cit., p. 172, 203.

[50] «Выкрыць усіх ворагоу і разлажыушыхся» // *Палеская праўда*, № 200 (4586), 8 сентября 1935 г., с. 1.

[51] Там же, с. 3.

[52] НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1269, л. 41.

(уроженцев Персии/Ирана). В начале 1938 г. А. Гефштейн, начальник 3-го отдела НКВД, издал приказ о широком задержании членов ассирийской этнической группы в Гомеле, в ходе которого было арестовано 32 чел.[53] Примерно через год (7 марта 1939 г.) Гефштейна самого арестовали, и во время допроса он свидетельствовал среди прочего, что в течение 1937–1938 гг. русских или белорусов арестовывали, если имелись сведения об их предполагаемой антисоветской деятельности, когда же речь шла о поляках, немцах и латышах, не требовалось никаких убедительных доказательств, достаточно было косвенных аргументов. Время от времени, утверждал Гефштейн, человек мог быть арестован только потому, что его фамилия звучала как польская[54].

Евреи были как среди жертв, так и среди тех, кто арестовывал, мучителей, судей и палачей[55]. В этом контексте стоит отметить, что в течение нескольких месяцев, между апрелем 1938 г. и январем 1939 г., службу безопасности Гомельского округа возглавлял лейтенант службы внутренней государственной безопасности Самуил Шлифенсон, вскоре он был арестован и казнен, в 1939 г.[56] В спецслужбах Гомеля в это время служили следователи-евреи Бенцион Симановский, помощник начальника 11-го отделения УНКВД Гомельской области, и Григорий Равинский, начальник 3-го отделения УНКВД Гомельской области, которого расстреляли в 1940 г.[57] Таких рьяных исполнителей Л.П. Берия уничтожал в соответствии с указанием И.В. Сталина под предлогом нарушения норм социалистической законности, тогда как на самом деле, — чтобы замести массовых преступлений.

Сталинские «чистки» затронули евреев не как этническую группу, а как «социально чуждый элемент» в виде «перебежчиков» из Польши и Западной Беларуси, «клерикалов», «националистов» или приверженцев тех или иных партийных и государственных деятелей, которые вскоре стали жертвами Большого террора.

Еврейское население Гомельщины, даже по неполным данным, которые удалось собрать, немало пострадало от террора режима во второй половине 1930-х гг. Мне удалось установить имена 92 евреев, приговоренных к смертной казни по политическим обвинениям, и еще 65 евреев, при-

[53] НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1703, л. 20.

[54] Там же, л. 11.

[55] А. Маракау, *Толькі адна ноч: 29 кастрычніка 1937 года*. Мінск, 2006.

[56] Н. Петров, К. Скоркин, *Кто руководил НКВД*: Справочник. Москва, 1999, с. 542.

[57] См. https://www.gulevich.net/pirsonaly.files/delo_296_part_2.pdf

говоренных к различным срокам лишения свободы на основании обвинений аналогичного характера[58].

Трудно выделить общий критерий, согласно которому режим «выбирал» свои жертв. Одни из них были коренными жителями Гомельского округа, другие — жителями приграничных районов, которые до 17 сентября 1939 г. входили в состав Польского государства. Среди них были молодые и пожилые люди, члены коммунистической партии и беспартийные, те, кто в прошлом были членами других различных партий (включая еврейские социалистические или сионистские партии), высокопоставленные советские работники и рядовые рабочие:

Абрам Яроцкер, инженер на Центральной муниципальной электростанции (расстрелян),

Берка Бобров, учитель в еврейской школе (расстрелян), и его сын Барух-Янкель, бухгалтер «Общества слепых» в Гомеле (расстрелян),

Соломон Бейлин, поставщик продуктов питания в Гомеле (расстрелян),

Абрам Белоцерковский, начальник отдела на конфетной фабрике «Спартак» (расстрелян),

Моисей Вигдорчик, бухгалтер и экономист в кооперативной мастерской (расстрелян),

Александр Дик, начальник управления железных дорог в Белорусской железнодорожной компании (расстрелян),

Яков Драбинский, второй секретарь парторганизации в Гомеле (приговорен к 15 годам тюремного заключения и фактически отсидел 17 лет в тюрьмах и лагерях, но сумел выжить и даже вернуться в Гомель, где умер в 1981 г.),

Яаков Зальцман, заместитель директора ресторана в парке им. Луначарского[59] (расстрелян),

Фаня Колесникова, планировщица в ремонтной мастерской речного круизного судна (расстреляна),

---

[58] Данные для анализа почерпнуты: Г. Кісялёў (рэд.), *Памяць: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Гомель:* Частка 1. Мінск, 1999, с. 378–485. Кроме того, имена проверены по мере возможности через сайт «Открытый список», который является максимально доступной базой данных о жертвах террора советского режима, см. https://ru.openlist.wiki/

[59] Сейчас парк Паскевича.

Шепсель Кацман, начальник отдела пошива и изготовления обуви на заводе сельского хозяйства «Гомсельмаш» (расстрелян),

Надежда Леневская (она же Раиса Бобрик и Ханна Шапиро), директор детского дома в ЦК МОПР[60] (расстреляна),

Пиня (Пинхас) Левин, директор муниципальной типографии Полеспечати (расстрелян),

Бенцион Либерман, начальник отдела снабжения Гомельского электрического завода (восемь лет в тюрьме и лагерях),

Савик (Сандер) Лихтенштейн, директор отделения Государственного банка в городе Добруш (расстрелян),

Исак Марко́вич, начальник военного госпиталя (расстрелян),

Аба Финкельштейн, управляющий в доме отдыха Чонки (расстрелян),

Эстер Фридман, партийный пропагандист на фабрике «Коминтерн» (расстреляна),

Белла Циммерман, директор детского дома (расстреляна),

Йосеф Шов, управляющий гостиницей № 1 (восемь лет лагерей),

Моисей Шульман, заместитель директора политуправления Белорусской железной дороги (расстрелян).

И это неполный список из частичной базы данных. Среди евреев, ставших жертвами режима и не упомянутых выше, были рабочие мастерских, фабрик и заводов, инженеры, учителя, работники здравоохранения и другие.

На первый взгляд, обнаружить логику в арестах, обвинениях и судебных преследованиях невинных людей трудно, если вообще возможно. Отличительной особенностью сталинских репрессий был их превентивный характер. Логика Сталина состояла в том, чтобы любым путем сохранить свою личную власть. Для этого потребовалось устранить весь верхний слой руководителей и организаторов советской жизни, невзирая на революционные заслуги и деловые качества, а потом заменить их новыми выдвиженцами. Старые кадры хуже подчиняются, а с молодыми можно делать все что угодно, легче сделать бездумными исполнителями. Правосудие при Сталине потеряло свой смысл и служило только оправданию репрессий, для которых внешний повод был неважен. Вот почему добиться

[60] МОПР — Международная организация помощи борцам за революцию, советский и международный коммунистический эквивалент Красного Креста, также известный как «Международная Красная помощь».

справедливости в защите невиновных людей в СССР исключалось по определению.

Репрессии 1930-х гг. наложили неизгладимый отпечаток на весь стиль государственного и индивидуального мышления. Решение любых задач казалось достижимым лишь путем политического нажима. Личной инициативе и самостоятельной мысли практически не осталось места, которые заменило приспособленчество. Больше всего ценилась исполнительная дисциплина и личная преданность руководству. Люди боялись выделяться из общей массы и старались насколько возможно подстроиться под политические и социальные требования и нормы, предписанные сверху. Все это оставило неизгладимый след в сознании граждан, которые, казалось, навсегда утратили чувство защищенности и самоуважения, невзирая на национальность. Евреи, как и белорусы, русские, литовцы, латыши, поляки, татары и другие национальности довоенной Беларуси, оказались полностью равны перед советским режимом. Образно говоря, национальное самосознание фактически стало аморфной массой в руках коммунистического скульптора, лепившего модель агрессивного интернационального общества социалистического образца.

Ликвидация национальных Советов

Во второй половине 1930-х гг. советская национальная политика претерпела большие изменения. Отныне русский народ объявлялся «*первым среди равных*» и получил роль старшего брата по отношению к другим народам в СССР[61]. Преподавание русского языка стало обязательным в школах нацменьшинств (где до этого основным языком обучения и преподавания являлся не русский, а белорусский, украинский, польский, идиш и т. д.). Главная задача состояла в унификации советского общества на основе русской культуры, русского исторического и культурного наследия.

Новая политика вела к устранению элементов, отражающих национальную идентичность, таких как национальные Советы и школы, работающие на языках меньшинств, не принадлежащих к титульной нации.

В 1935 г. в БССР существовало 90 национальных Советов, из которых 25 были еврейскими. Среднее число жителей в еврейском национальном Совете составляло 2 132 чел. (для сравнения — среднее число жителей польского национального Совета составляло 1 166 чел.)[62].

---

[61] А. Зельцер, Указ. соч., с. 195.

[62] Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 155. Помимо упомянутых выше еврейских Советов в 1935 г. было 37 польских национальных Советов, 15 русских национальных Советов, шесть украинских национальных Советов, четыре латвийских национальных Совета, два немецких национальных Совета и один литовский национальный Совет.

Постановление № 434 ЦИК БССР о реорганизации сельских и местечковых национальных Советов в Гомельском округе от 14 сентября 1938 г. фактически привело к прекращению их существования в качестве административных единиц. Речь идет о трех местечковых Советах: 1) Комаринский совет с 66% еврейского населения, 2) Поддобрянский совет с 85% еврейского населения, 3) Стрешинский совет с 42% еврейского населения[63]. Первый и последний Советы предлагалось преобразовать в местечковый Совет без еврейского представительства под предлогом того, что все текущие и культурно-просветительные мероприятия в них проходили на белорусском языке. Что касается второго Совета, то решение о нем ожидало своей очереди[64]. Это означает, что существовала определенная степень гибкости в практической реализации национальной политики, но тенденция была очевидной.

В итоге существование национальных Советов в Белоруссии к концу 1930-х гг. превратилось в формальность. Большинство комиссий местечковых Советов работали на белорусском, русском языках и редко на идише. Союзная конституция 1936 г. и конституция БССР 1937 г. не оговаривали существование национальных Советов и районов, поэтому для их упразднения не требовалось особых законодательных шагов. Ликвидация территориально-управленческих образований национальных меньшинств была поручена Г.М. Маленкову. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1937 г. послужило общим сигналом к ликвидации национальных Советов, что, как правило, мотивировалось изменениями демографической ситуации в местечке и экономической нецелесообразностью[65].

В годы сталинских «чисток» 1937–1938 гг. многие руководители Советов были обвинены в шпионаже, национализме и контрреволюционной деятельности и репрессированы. Последний указ Президиума Верховного совета БССР о ликвидации национального Совета был подписан 20 апреля 1939 г.[66] Государство отняло у национальных меньшинств даже ограни-

[63] В 1927 г. в Гомельском округе было два национальных Совета, но это может объясняться изменениями административных границ и определений. См. *Практическое разрешение национального вопроса в БССР,* Ч. 2: *Работа среди национальных меньшинств в БССР*. Минск, 1928, с. 96–98.

[64] ГАГО, ф. 1230, оп. 1, д. 4, лл. 262–263.

[65] Г. Костырченко, Тайная *политика Сталина. Власть и антисемитизм*, Москва, 2001, с. 132.

[66] Законы Белорусской ССР и Указы Президиума Верховного совета БССР за 1938–1955 гг. Минск,1956, с. 81.

ченные возможности культурной автономии, оставив их только за титульной нацией, — белорусами[67].

В целом национальная политика советского государства после принятия конституции СССР 1936 г. окончательно перешла на интернациональные рельсы. Судьбы национальных меньшинств в рамках каждой союзной республики оказались полностью подчинены интересам титульной нации. В Беларуси — белорусам, в Украине — украинцам, в Казахстане — казахам и т. д. Национальные одежды, в которые рядились коммунисты для проведения своей политики, стали не нужны и были открыто сброшены. Это объяснялось тем, что только интернационализм способен объединить все трудящиеся народы ради единой цели — построения справедливого бесклассового гармоничного общества социального равенства без насилия и эксплуатации человека человеком. Роль объединяющей силы в этом великом и небывалом в истории процессе предназначалась русскому народу.

Закрытие советской школы на идише

В июле 1938 г. ЦК КП(б)Б принял решение о преобразовании школ, детских садов и высших учебных заведений и профессионально-технических училищ на идише в заведения, действующие на белорусском языке. К этому времени идиш уже не являлся одним из официальных языков в советской Беларуси, а надпись «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» на идише, которая присутствовала на государственном гербе советской Беларуси на протяжении десятилетия (1927–1937 гг.), была удалена[68]. Предлогом прекращения существования идишских школ стало якобы желание еврейских родителей, которые не видели необходимости в перспективе изучать идиш. Заведующий отделом школ и науки ЦК КП(б)Б Киселев писал в редакцию газеты «Дер эмес», что реорганизация еврейских школ в русские и белорусские произошла «*…на основе многочисленных ходатайств еврейского населения… были проведены широкие родительские собрания…* [трудящиеся] *единодушно и единогласно принимали решения о реорганизации…*»[69]. И это несмотря на то, что, согласно переписи 1939 г., в Гомеле 48,8% евреев объявили идиш своим родным

[67] А. Лейзеров, «Национальная политика в Беларуси в первые годы советской власти (1920–1939 гг.)» // *Беларусь у XX стагоддзі*. Мінск, 2002 г. Вып. 1, с. 104–109.

[68] По этому случаю тот же лозунг на польском языке был также удален. Об изменении символа Беларуси с 1918 г. по настоящее время см. на сайте интернет-газеты «Комсомольская правда» https://www.kp.by/daily/26381.4/3259537/

[69] НАРБ, ф. 4-П, оп. 21, д. 1378, л. 28.

языком[70]. На самом деле это решение было принято в Москве как результат новой концепции в национальной политике.

Достоверные данные о работе еврейской школы после 1935 г. до сих пор отсутствуют, и о наличии национальных школ можно судить только по отрывочным и противоречивым сообщениям в прессе[71]. В Гомеле до закрытия работали три школы на идише. В одной из них, девятилетней школе им. В.И. Ленина, обучались около 900 детей, и она считалась одной из лучших городе[72]. Сохранились сведения о том, что в Гомеле и ряде других мест БССР еврейские школы все же приступили к работе в 1938/1939 уч. г. и продолжали работать до окончания 1939 г. Но к январю 1940 г. в восточной части БССР не осталось ни одного еврейского учебного заведения[73].

Реакция еврейского населения на закрытие школ на идише в БССР была неоднозначной. Несмотря на то что власти представляли единодушным и единогласным одобрение закрытия школ на идише, в реальности ситуация была иной, о чем свидетельствовали письма в редакции газет «Дер эмес» и «Октябрь». В конце августа или начале сентября 1938 г. в редакцию газеты «Дер эмес» пришло письмо из Новозыбкова с пометкой «не для печати». В письме рассказывалось, как восприняли учителя и еврейское население местечка сообщение о реорганизации школ на идише в русскоязычные: «*...для учителей это было ударом грома, а среди еврейского населения это вызвало сильное возмущение. Немало антисоветских разговорчиков можно услышать теперь... Факт закрытия всех еврейских школ определенно не по линии ленинско-сталинской нацполитики…*»[74].

Советская школа на идише за почти 20 лет своего существования пережила сложную эволюцию. Сначала она была любимым детищем коммунистов-евреев, которые стремились создать в Беларуси еврейскую культуру для трудящихся на идише. Школа была задумана как советское учебное заведение, где не будет национальной дискриминации и антисемитизма, преподавание пойдет на родном языке, а учащиеся почувствуют себя полноценными гражданами, для которых открыты все дороги. Для этого нужно только поступиться национальным самосознанием, отказаться от еврейской традиции и истории, осудить синагогу и иврит — другими словами, превратиться в советских людей, говорящих на идише. На этих условиях в Минске вслед за школой на идише были созданы Институт

[70] А. Зельцер, Указ. соч., с. 277.

[71] Л. Смиловицкий, «Школа на идиш впервые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921–1941 гг.» // *Новая еврейская школа* 11 (2002), с. 171–212.

[72] НАРБ, ф. 4-П, оп. 21, д. 1378, л. 24.

[73] И. Герасимова, «Еврейское образование в Беларуси в 20-е и 30-е гг. XX в.» // *Евреи Беларуси: история и культура*, т. 2. Минск, 1998, с. 70–71.

[74] НАРБ, ф. 4-П, оп. 21, д. 1378, лл. 23–24.

еврейской пролетарской культуры, еврейский сектор в Институте белорусской культуры и еврейский отдел в библиотеке им. В.И. Ленина, еврейские отделения рабфаков, педагогические техникумы в Витебске и Минске, кафедра еврейского языка в Горецкой сельхозакадемии, еврейская секция на этнолого-лингвистическом факультете БГУ, еврейский зоотехникум и др.

Однако, когда во второй половине 1930-х гг. сталинское руководство провозгласило курс на форсированное решение национального вопроса в СССР, школа на идише стала препятствием, которое только отвлекало еврейских трудящихся от общего движения по заданному маршруту. Закрытие школы на идише представляло собой закономерный финал свертывания прежней национальной политики, предполагавшей равные права для всех национальных меньшинств без исключения наряду с титульной нацией.

Упразднение советской еврейской школы обнажает цинизм и лицемерие советских руководителей, которые обещали одно, говорили другое, а делали третье. В условиях сталинской диктатуры ни с кем не нужно было советоваться. Из ЦК ВКП(б) нужную команду передали в ЦК КП(б)Б, который дал соответствующее поручение Наркомпросу БССР. В июле 1938 г. все учебные заведения на идише (начальные, средние школы и педагогические техникумы в Минске и Витебске) получили директивное указание о срочной реорганизации в белорусские и русские учебные заведения. Это указание никто не осмелился оспорить, кроме небольшой группы идеалистов из еврейской секции Союза советских писателей БССР (Зелик Аксельрод, Григорий Березкин, Гирш Каменецкий). Вслед за ним последовал роспуск большинства культурно-просветительных учреждений на идише, за исключением ГОСЕТ в Минске. Начались систематические «чистки» в кругах еврейской интеллигенции Беларуси. Еврейская секция при ЦК КП(б)Б, которая была распущена еще в 1930 г., потеряла всех своих руководителей и активистов, которые были арестованы и уничтожены по обвинению в еврейском национализме к началу 1940-х гг.

Наступление на религию

В начале 1930-х гг. религия еще занимала умы жителей Гомеля, несмотря на то что советское строительство поколебало их духовное равновесие. Устои общинной жизни вступили в противоречие с кардинальными переменами в стране, они потеряли былую привлекательность и нуждались в коренном обновлении. Верующие понимали несовместимость атеизма и религии, но вынуждены были мириться с существующим положением. Однако это равновесие оставалось очень хрупким. Все имущество религиозных обществ в соответствии с декретом ВЦИК от 20 января

1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществ»[75] считалось отныне народным достоянием. Культовые здания находились в бессрочном и бесплатном пользовании у верующих, но являлись отныне государственной собственностью. В отношении синагог и еврейских молитвенных домов это было особенно кощунственно, потому что, в отличие от церквей, их построили исключительно на пожертвования верующих, без какого-либо участия государства. Отправление культа разрешалось религиозным общинам, которые насчитывали не менее 20 чел., имевшим полномочия общественных организаций. Государство лишило религиозные общины права юридического лица и установило контроль над жизнью верующих, грозя суровыми карами в случае неповиновения.

На передний план вышла борьба государства с общественным влиянием религиозных конфессий, чтобы обеспечить идеологические изменения в самосознании советских граждан. Для этого необходимо было всецело подчинить массы идее социалистического переустройства и освободить их от «вредного» влияния религии. Еврейские верующие упрямились, однако режим усиливал свое давление.

Во второй половине 1930-х гг. власти значительно затруднили возможность отправления религиозного культа. В конце 1935 г. в Гомеле оставалась последняя миква, разрешенная городской администрацией. Как известно, миква занимает особое положение в еврейской традиции. Без соблюдения ритуальной чистоты верующим запрещалось ставить хупу, поддерживать интимную близость жены и мужа, родить детей. Многие ортодоксальные евреи считали для себя обязательным посещение миквы перед наступлением субботы и в преддверии еврейских религиозных праздников. Миква была необходима верующим, чтобы соблюдать кашрут, в нее окунали посуду, принадлежавшую неевреям, и обязательно новую приобретенную посуду, произведенную на государственном предприятии, перед ее использованием. 10 октября 1935 г. секретарь Постоянного комитета по делам культов при ЦИК БССР Агеев направил письмо в Гомельский городской совет с просьбой предоставить данные о количестве ритуальных микв. В письме говорится, что членам Комитета по ритуалу известно, что на октябрь 1935 г. в Гомеле работает как минимум одна миква — на Гуменной улице — под ответственностью Гирша Кагана. Агеев стремился закрыть это помещение и другие, используемые в качестве микв. В ответном письме Гомельского городского совета и Постоянного комитета по делам культов исполкома СССР от 31 декабря 1935 г. о конфискации помещений микв в Гомеле было сказано, что единственная

[75] См. http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9843-20-yanvarya-2-fevralya-dekret-o-svobode-sovesti-tserkovnyh-i-religioznyh-obschestvah

остававшаяся в Гомеле миква закрыта под предлогом несоблюдения санитарных условий[76].

Несмотря на упадок религиозной жизни в Гомеле, партийное руководство требовало ужесточения атеистической работы. К этому времени позиции синагоги и верующих евреев в республике сильно пошатнулись. Из 704 синагог (и 271 раввина), действовавших в Беларуси до 1917 г., на 20 декабря 1936 г. были закрыты и конфискованы 633 синагоги, и только в 1936 г. 22 синагоги. Действующими по республике оставалась 71 синагога[77], и в дополнение к ним была подана 61 заявка на регистрацию общин и открытие 26 новых синагог по всей Беларуси.

Наиболее резкой партийной критике подвергся Союз воинствующих безбожников (СВБ) Гомельской области, который не справлялся со своими обязанностями. На него переложили основную вину за то, что дух верующих не был сломлен, синагоги продолжали принимать верующих, работали подпольные хедеры, тайно соблюдались иудейские традиции. Многие молодые из семей верующих, даже превратившись в советских служащих, ставили хупу, делали обрезания мальчикам, пекли мацу и старались не работать в субботу. Схема отношений, выстроенная в советской бюрократической системе 1930-х гг., требовала безусловного исполнения директивных указаний, которые не оспаривались, а критика в адрес нижестоящих носила обвинительный характер. Руководящие органы имели право осуждать, критиковать и требовать наказания для провинившихся, но не настаивать на их оправдании. При этом презумпция невиновности отсутствовала. Коды поведения партийных и советских чиновников заставляли оставаться безжалостными к своим подчиненным, чтобы вышестоящие руководители не сделали их очередной жертвой. Бескомпромиссный и резкий тон заявлений с разоблачениями «вредительства» должен был показать преданность партии и верность любым ее указаниям. В Гомеле «провал» атеистической работы в области свалили на председателя СВБ Левикова, которого накануне арестовали как «врага народа» по другому обвинению[78].

7 октября 1937 г. бюро ЦК компартии приняло постановление «Об антирелигиозной работе в Беларуси», а год спустя, 28 октября 1938 г., — решение об усилении пропаганды и антирелигиозных убеждений в БССР. Это привело к еще одной антирелигиозной кампании, которая

---

[76] ГАГО, ф. 296, оп. 1, д. 361, лл. 30, 35. В письме содержится информация о самой микве — она существовала 18 лет, была построена на средства общины верующих евреев и располагалась в старом деревянном доме размером 30 кв. м., ее помещение включало ванную комнату, микву и гардеробную.

[77] E. Bemporad, *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk.* Bloomington and Indianapolis, 2013, p. 71.

[78] НАРБ, ф. 4-П, оп. 1, д. 11035, лл. 89–94, 96, 98.

закрыла и конфисковала остававшиеся действующие еврейские религиозные здания в советской Беларуси[79]. Это был общий подход ко всем религиозным конфессиям — иудеям, православным, католикам, баптистам, мусульманам и др. Однако еврейские верующие не собирались сдаваться. Используя известное положение иудейской традиции о том, что еврейская община может существовать без раввина и синагоги, они переместили центр тяжести своей духовной жизни в миньяны, которые не требовали разрешения властей и предварительного согласования с городской и районной администрацией.

Вместе с тем антирелигиозные кампании, которые последовательно сменяли друг друга, репрессии, конфискация у верующих молитвенных зданий, религиозной литературы, календарей и инвентаря, а главное лишение перспективы получить образование и строить карьеру, охватили значительные круги еврейской молодежи. Перепись 1937 г. показала значительное старение состава еврейской общины в БССР[80]. Молодые люди старались держаться подальше от синагоги, опасаясь избежать раздражения властей со всеми вытекающими из этого последствиями.

Масштабы антирелигиозной работы, ее интенсивность и массовый характер в предвоенные годы видны из отчета отдела пропаганды районного комитета партии Гомеля от 9 октября 1940 г. К этому времени в Гомельском округе насчитывалось 472 ячейки СВБ, которые объединяли 17 853 члена. Для них организовывали семинары, читали лекции, проводили инструктажи, их снабжали антирелигиозной литературой, обучали ведению диспутов. С января по сентябрь 1940 г. в Гомеле было прочитано 195 лекций на антирелигиозную тематику, в которых приняли участие более 1 340 чел., а в сельской местности округа — 322 лекции, которые посетили 22 351 чел. Периодическая печать в Гомельской области опубликовала за этот период 14 статей на антирелигиозные темы.

Известны случаи, когда антирелигиозные лекции становились платными. Насколько это свидетельствует об их популярности, мы не знаем, поскольку нет сведений о том, кто их оплачивал. Можно предположить, что городские власти выделяли дополнительный бюджет на оплату популярных лекторов, чтобы заинтересовать аудиторию слушателей и потом отчитаться перед партийными органами за массовость проведенного мероприятия[81].

Наступление на религию продолжалось вплоть до нацистского вторжения в Советский Союз. Более того, атеистическую работу с населением начали подавать как часть военно-патриотической пропаганды, направлен-

[79] К. Карпекин, Указ. соч., с. 141.
[80] Там же, с. 52.
[81] НАРБ, ф. 4-П, оп. 1, д. 13974, лл. 20–23.

ной на повышение единства советского общества, необходимого для укрепления обороноспособности страны. И все же окончательно победить верующих не удавалось, их ряды становили реже, но упорство, с которым они старались соблюдать заповеди и сохранять традицию, возрастали пропорционально оказанному на них давлению властей. Об этом можно судить даже по отрывочным сведениям, которые дошли до нас. В феврале 1941 г. Гельберг, ответственный секретарь окружного совета СВБ в Гомеле, критиковал на страницах партийной и районной газеты секретаря партии текстильной фабрики «8-е Марта» Робермана за то, что антирелигиозная пропаганда не являлась одним из его приоритетов[82], что она велась только для отчета. В марте 1941 г. тот же автор сетовал, что антирелигиозный музей Гомеля не пользуется популярностью даже среди учащихся, для которых он был открыт, досталось и директорам учебных заведений, и учителям, которые не стремились водить в музей своих учеников[83].

В апреле 1941 г. «Гомельская правда» поместила статьи Ю. Альтшулера «Песах и его реакционная роль» и Ф. Слешука «Защита Советского Союза и религия». Приводился пример, что в пригороде Гомеля Новобелице некто Либерман не разрешает своему 14-летнему сыну посещать школу по субботам и что остаются еще дети из других семей, которые отказываются приходить на занятия в дни еврейских религиозных праздников. В документах партийных комитетов с разочарованием сообщалось, что усилия, приложенные для распада общин, далеки от полного успеха. Верующие использовали доступные им «лазейки», формальное отношение чиновников, бюрократические неувязки, чтобы обходить запреты. Самым действенным аргументом тех, кто продолжал соблюдать традицию, была апелляция к конституции 1936 г., провозгласившей свободу вероисповедания в СССР.

В июне 1941 г., перед самым вторжением нацистов в СССР, Гельберг опубликовал статью, восхваляющую «активистов антирелигиозного фронта»[84]. Несколько дней спустя фронт уже был не антирелигиозным, а реальным, врагом советского режима оказались не еврейские религиозные праздники, а немецкие солдаты. Над советским обществом нависла угроза поражения, а евреи, верующие и неверующие оказались перед лицом тотального уничтожения от рук нацистов.

---

[82] Е. Гельберг, «У баку ад антырэлігійнай работы» // *Гомельская праўда*, № 39 (6192),16 февраля 1941 г., с. 2.

[83] Г. Рыукін, «Антырэлігійны музей і школа» // Там же, № 75 (6228), 30 марта 1941 г., с. 2.

[84] І. Альтшулер, «Пасха і яе рэакцыйная роля» // *Гомельская праўда*, № 79 (6232), 4 апреля 1941 г., с. 3; «Абарона СССР і рэлігія» // Там же, с. 2; «Актывісты антырэлігійнага фронта» // Там же, № 135 (6288), 11 июня 1941 г., с. 2.

Перемены в национально-культурной жизни

Накануне войны национальная жизнь гомельских евреев была во многом парадоксальной. Это был сложный сплав советской модернизации, культурного возрождения на идише и растущего государственного давления и антисемитизма, предвещавшего трагедию Холокоста. С одной стороны, советская политика декларировала равноправие, идиш оставался одним легитимным языком общения еврейских граждан, но уже были закрыты еврейские школы и многие культурные учреждения, работавшие на идише. Государство все более откровенно предлагало евреям ассимиляцию под предлогом необходимости борьбы с «буржуазным национализмом». На практике это проявлялось в репрессиях против не только традиционной культуры (синагог, религиозных деятелей), но и еврейских писателей, поэтов, музыкантов, театральных деятелей, воспитанных советской властью и признававшихся ей в любви.

В Гомеле в 1939 г. прошли мероприятия, посвященные 80-летию со дня рождения классика еврейской литературы Шолом-Алейхема. С этой целью был образован юбилейный комитет в составе Каца (районный отдел искусств), Марголина (педагогический институт), Хасина (гл. редактор газеты «Гомельская праўда»), Цукермана (клуб железнодорожников). 21 апреля 1939 г. состоялся общегородской вечер, прочитана лекция о жизни и творчестве Шолом-Алейхема. Зрители с интересом восприняли театрализованное представление, поставленное самодеятельными артистами в рабочих клубах «Коминтерн», «Труд». Городское радио вело тематические передачи, а периодические издания печатали статьи, посвященные героям произведений Шолом-Алейхема[85]. В мае 1941 г. в «Гомельской праўде» была опубликована статья Переца Маркиша о судьбе Шолом-Алейхема, а за неделю до нацистского вторжения в СССР — появился перевод этой статьи на белорусский язык[86].

В сложном состоянии находилась советская еврейская музыкальная культура накануне войны. Она еще оставалась живым, многогранным явлением, балансирующим между старой и новой советской реальностью. В ней сочетались как традиция, народное творчество (клезмеры, песни на идише), так и советская идеология и попытки интеграции евреев в советское общество. Сталинские репрессии 1930-х гг. ослабили государственную поддержку, хотя фольклорные записи еще велись. Именно в этот период были сделаны многие находки, которые спасли огромное количе-

---

[85] НАРБ, ф. 4-П, оп. 1, д. 13702, лл. 182–183.

[86] М. Перэц, «Шолам-Алэйхем» // *Гомельская праўда*, № 112 (6265), 15 мая 1941 г., с. 3; Шолам-Алейхем, «Навін ніякіх…» // *Гомельская праўда*, № 139 (6252), 15 июня 1941 г., с. 2.

ство фольклора и песен от забвения. На концертах и по радио звучали песни, отражавшие еврейский быт, традиции и приближающуюся угрозу войны.

Еврейские музыкальные коллективы и ансамбли, как профессиональные, так и самодеятельные, продолжали свою деятельность, несмотря на огромные трудности. Нужно было быть предельно осторожным, выбирая репертуар, следить, чтобы найти нужного автора, который еще не «провинился» перед властями, чтобы сыгранная пьеса не показалась двусмысленной контролирующим органам. Еврейские музыкальные коллективы переживали упадок из-за репрессий и страха перед ними, закрепившегося в общественной жизни, хотя фольклор продолжал жить. Традиционную еврейскую инструментальную музыку, известную своими мелодиями, часто играли на свадьбах, праздниках, передавая дух еврейской жизни. Еврейские молитвенные напевы (штайгеры) сохранялись в синагогах параллельно со светской музыкой еврейских авторов, которая развивалась, привнося элементы европейских и местных мелодий.

Обязательным условием существования оставалась незыблемая советская идеология. Еврейская музыка в БССР должна была соответствовать советским нормам, всегда прославляя труд, революцию или интернационализм, но при этом сохраняя еврейскую тематику в рамках дозволенного.

Гомель посещали различные музыкальные группы, репертуар которых основывался на еврейской музыке и фольклоре. Полные залы собирали выступления певицы Сарры Фибих[87]. С успехом выступала еврейская вокальная группа «Евоканс», в репертуар которой входили наряду с украинскими, белорусскими, польскими, грузинскими и другими песни на идише, классифицированные как «классические», «народные» и «революционные»[88]. Примерно за месяц до вторжения нацистов в СССР в городском гомельском театре им. В.И. Ленина прошли концерты тенора Зиновия Шульмана под аккомпанемент фортепиано Соломона Бермана. Первый концерт посвящался мировой поэзии, но второй был представлен как «вечер еврейской песни» и включал в себя произведения на идише: «Дер шнайдер» (Н. Шульман), «Свадьба в казарме» (Фриденберг), «Нехамке» (Шейнин), «Аль-Хет» (Берман), «Золотая свадьба» (Гардинский) и многое другое[89].

Сохранить свою активность старался еврейский театр. В Гомеле ставили на идише пьесы классиков (по произведениям Менделе Мойхер Сфо-

[87] «Да канцэрту Сары Фібіх» // *Палеская праўда*, № 140 (3943), 24 июня 1933 г., с. 4.

[88] «К прадстаячым канцэртам яурэйскага вакальнага ансамбля» // *Палеская праўда*, № 32 (4418), 8 февраля 1935 г., с. 4.

[89] *Гомельская праўда*, № 109 (6262), 11 мая 1941 г., с. 4.

рима и Шолом-Алейхема), а также советских драматургов, отражавшие жизнь советских евреев и общечеловеческие ценности, но с национальным колоритом. Театр, как и вся советская культура, находился под неусыпным идеологическим контролем. При этом артисты пытались сохранить определенную творческую свободу и работать над крупными постановками с выраженной социально-идеологической тематикой: «Дер тойбер» («Глухой», по рассказу Д. Бергельсона, постановка М. Рафальского, художник А. Тышлер, композитор А. Крейн), «Джим Керкоп» по пьесе Ш. Годинера, постановка Л. Литвинова, художник А. Тышлер, композитор В. Шебалин, «А шос» («Выстрел», по поэме Александра Безыменского, постановка Б. Норда, художник А. Лабас, композитор А. Шеншин) и др.

В августе 1933 г. в Гомеле сыграл цикл спектаклей Государственный еврейский театр Украины[90]. Минский государственный еврейский театр (ГОСЕТ) появился на сцене в Гомеле с пьесами Шолом-Алейхема «Менахем-Мендл» и «Золотоискатели» («Ди голдгребер»)[91]. Спектакли еврейского театра в Гомеле продолжались даже в июне 1941 г. За несколько недель до вторжения нацистов в Советский Союз были анонсированы выступления Минского ГОСЕТа со спектаклями «Уриэль Акоста» Гоцкова, «Коль нидрей» Переца Маркиша, «Зачарованный портной» Шолом-Алейхема, «Лейбке-воин» Ю. Левина и др. Гастроли, которые планировались с 24 по 26 июня 1941 г., собирались открыть спектаклем «Ведьма» А. Гольдфадена…[92]

Еврейская литература, особенно на идише, главное внимание уделяла социальной тематике, критике сионизма. По понятным причинам она отражала надежды еврейского народа на построение собственного дома в стране рабочих и крестьян без антисемитизма и эксплуатации человека человеком. В литературе на идише появляется множество новых имен. В Гомеле хорошо знали и любили произведения таких авторов, как Шике Дриз, Натан Забара, Нотэ Лурье, Мойше Кульбак, Илья Гордон, Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Дер Нистер, Шмуэль Галкин и многих других.

Внешне произведения советских еврейских писателей и поэтов еще отличались жизнеутверждающим духом и искренней верой в светлое будущее, несмотря на то что волна сталинских репрессий не миновала и литературу на идише. В эти годы «исчезли» многие известные еврейские писатели и поэты, в том числе и самые преданные делу коммунизма, среди

---

[90] «Да прадстаячых спэктакляу Дзяржаунага яурэйскага тэатру Украіны» // *Палеская праўда*, № 183 (3986), 15 августа 1933, с. 4.

[91] *Палеская праўда*, № 208 (4885), 19 сентября 1936 г., с. 4; Там же, № 210 (4887), 22 сентября 1936 г., с. 4.

[92] І. Тварцоу, «К гастролям Дзяржаунага яурэйскага тэатра БССР» // *Гомельская праўда*, № 130 (6283), 5 июня 1941 г., с. 4; Там же, № 135 (6288), 11 июня 1941 г., с. 4; Там же, № 142 (6295), 19 июня 1941 г., с. 4.

них — Изи Харик, Мойше Кульбак, Хаим Дунец, Арон Юдельсон, Меир Брукаш, Яков Бронштейн, Мойше Рафальский и др.[93]

В целом накануне войны еврейская культура в Гомеле и Гомельской области находилась в противоречивом положении. Ее витрина не отвечала содержанию. С одной стороны, государство сумело ослабить влияние религии, а с другой — продолжало стимулировать развитие светской культуры (литературы, театров) на идише. При этом оставался скрытый антисемитизм, который официальная пропаганда отрицала. Культура превратилась в инструмент идеологии. Пропаганда коммунистического воспитания и формирование «нового человека» стали ключевыми задачами, что приводило к разрыву с частью дореволюционного наследия и утрате творческой свободы 1920-х гг. Значительно был усилен контроль государства за духовной жизнью общества, а социалистический реализм объявлен основным творческим методом. Он требовал партийности, народности и изображения действительности в революционном развитии. Одновременно в республике значительно росла общая грамотность населения, была создана обширная сеть школ, клубов в городах и изб-читален в сельской местности, пропагандировалась культура труда и созидания, наблюдались успехи в науке и искусстве, которые использовались режимом в своих политических целях.

* * *

Таким образом, 1930-е годы вошли в историю советской Беларуси как трагическое и героическое время. Это был период великой ломки социальных устоев, огромных достижений в народном хозяйстве, культуре и науке за счет непропорционально больших потерь и невероятного напряжения сил общества. Государство добивалось поставленных задач, не считаясь с материальными затратами и понесенными потерями. Старый уклад уступил место новым приоритетам. Многие жители местечка, самостоятельно добывавшие средства на жизнь, оказались лишенцами. В поисках выхода из тупика одни из них подались в город, другие согласились участвовать в программах еврейского землеустройства в республике, а третьи искали счастья в Крыму и Биробиджане.

Советская власть, нетерпимая к инакомыслию, окончательно расправилась со своими оппонентами, включая сионистов-социалистов, «Бунд» и евсекцию. Она преуспела в борьбе с религией, критика которой подавалась как противостояние нового мира старому. Евреи, согласившиеся на асси-

[93] І. Тварцоу, «К гастролям Дзяржаунага яурэйскага тэатра БССР» // *Гомельская праўда*, № 130 (6283), 5 июня 1941 г., с. 4; Там же, № 135 (6288), 11 июня 1941 г., с. 4; Там же, № 142 (6295), 19 июня 1941 г., с. 4.

миляцию ценой национального самосознания, заняли важные руководящие позиции в административной, хозяйственной и общественной жизни Гомеля и Гомельской области. Отход еврейского населения от традиционных устоев стал результатом не только давления режима, но и процессов обновления местечка и города. К школьному обучению на русском языке многие евреи стремились не столько из уважения к русской культуре, сколько как к средству достижения жизненного успеха. Во многих семьях сложился двойной стандарт, когда поведение еврея дома и за его порогом разительно отличалось.

Однако если смотреть на достигнутые экономические успехи с точки зрения цены человеческой жизни, то сталинские нововведения обернулись эпохой преступлений. Коммунистическая партия, используя социальную демагогию, выдавала желаемое за действительное. Служба государственной безопасности установила самый строгий контроль не только за экономической и социальной, но и личной жизнью своих граждан, избежать которого было невозможно. С этой целью под надуманными предлогами была проведена тотальная «чистка» бывших руководителей партии и государства, учреждений народного образования, культуры и науки «невзирая на лица» на всех уровнях. Формы репрессий были разнообразными: от лишения гражданских прав, потери рабочего места, снятия с должности до ссылки, тюрьмы, лагеря и смертной казни. Сталинские «чистки» обесценили творческую инициативу. Репрессии наложили неизгладимый отпечаток на весь стиль государственного мышления. Искусственно были отстранены от управления старые кадры революционеров, которые привели Сталина к власти, на смену которым пришли новые выдвиженцы, послушные и управляемые. Люди боялись выделяться из общей массы. Господствовали внеэкономические методы принуждения, решение любых задач казалось достижимым лишь путем идеологического нажима. Во главу угла были поставлены вопросы единоначалия, отсутствия коллегиальности и творческой инициативы. Все советские граждане условно разделились на две части. Одни были запуганы и задавлены сталинскими опричниками и бюрократами, другие ослеплены сталинской пропагандой построения общества социальной справедливости, гармоничного развития личности, беспримерного в истории человечества.

Как измерить достижения гомельских евреев в предвоенные годы? Количеством построенных промышленных предприятий, обобществленных крестьянских хозяйств, собранного урожая с полей, построенного жилья, проложенных дорог, выпущенных станков и машин? Или достигнутым уровнем народного благосостояния, доступностью образования, здравоохранения, коммунальных услуг, величиной потребительской корзины? А может быть, количеством выпущенных книг, поставленных спектаклей, снятых кинофильмов, данных концертов? Или свободой творчества и

волеизъявления, желания творить, чувствовать личную безопасность, иметь демократические ценности, гражданские свободы, правовую защиту? Довоенные поколения при Сталине существовали в мире искусства возможного, когда, перед тем как что-то сказать или сделать, необходимо было это тщательно взвесить, чтобы не попасть в разряд «врагов народа».

Можно ли утверждать, что люди 1930-х гг. были счастливы, верили, что живут в лучшей стране мира, что планы коммунистической партии — это не розовый туман? Молодое поколение «сталинских соколов», родившееся и воспитанное в условиях советской власти, безусловно, верило в своем большинстве в это. Люди же старшего поколения, которые могли настоящее сравнить с жизнью до 1917 г., не были настолько категоричными. Но они вынуждены были молчать, чтобы уберечь себя и своих детей от несправедливого преследования режима, дабы не оказаться за бортом советской жизни. В это время границы Советского Союза оказались уже наглухо закрытыми от внешнего мира, а цензура обеспечила всеохватывающий контроль средств массовой информации и помогала выявлять недовольных. Жестокий характер сталинской диктатуры в советском обществе 1930-х гг. можно объяснить только тем, что речь шла о выживании режима личной власти.

Когда подавление противников сталинских реформ завершилось, внимание советских руководителей было перенесено на внешнюю политику. В 1939–1940 гг. СССР насильственно присоединил к себе Западную Белоруссию и Западную Украину, Молдавию и страны Прибалтики с многочисленным еврейским населением. Это временно затормозило общий процесс ассимиляции евреев в республике. Начавшаяся вскоре война Германии с Советским Союзом отодвинула на время ужас сталинских репрессий и советизацию Западной Беларуси, которые нацистская пропаганда использовала для обличения советской тоталитарной системы. Вторая мировая война оказалась самым трагическим событием в истории евреев Гомеля, разделивших участь еврейства Беларуси в целом. Никто не имел представления о планах нацистского руководства по тотальному уничтожению евреев. Однако в связи с тем, что Гомельская область была оккупирована последней в БССР в конце августа 1941 г., некоторая часть ее еврейского населения сумела эвакуироваться на восток страны и уцелеть.

Послесловие

Подводя итог сказанному, зададимся вопросом: а могло ли быть по-другому? Могли ли евреи Гомеля оказаться в стороне и что бы тогда с ними произошло? Исторические обстоятельства складывались таким образом, что евреи вынуждены были принять сторону большевиков, чтобы выжить, противостоять погромам, экономической разрухе, сохранить себя и детей. Вместе с белорусами и русскими они боролись за собственное выживание, но в этой борьбе оказались изгоями, которых советская власть использовала в своих интересах, не скупясь на обещания. Евреям было обещано и национальное равноправие, и национальная школа, и терпимость к религии, и политический плюрализм, и гражданские права, и все, что необходимо для гармоничного развития личности. Одних власть обманывала, а других заинтересовывала. В этом не было злого умысла, логика борьбы внутри самой коммунистической партии требовала поиска союзников. Среди евреев, которые выступили на стороне советской власти, было много искренне заблуждавшихся людей, поверивших в идеалы социализма.

Однако стоило советскому государству стать на ноги, как все обещанное было у евреев отобрано под предлогом борьбы с буржуазным национализмом. В результате евреи Гомеля, которые встретили русскую революцию 1917 г. как полнокровная, многочисленная и жизнеспособная община, через 20 лет советских преобразований оказались лишенными самостоятельной политической роли, строго ограниченными в экономической, культурной и духовной жизни.

Неподготовленность СССР к войне с Германией самым пагубным образом отразилась на судьбе советских евреев, которые были обречены на ужас Холокоста. И к 1944 г., когда территория БССР была освобождена, гомельские евреи, бойцы и командиры Красной армии, вернувшиеся с фронта, и их семьи, прибывшие из эвакуации, составили всего 5% от своей довоенной численности. Но даже они не получили права возобновить свою национальную и духовную жизнь, поскольку в рамках сталинской

модели советского общества места для них не осталось. Убитых и расстрелянных евреев Гомеля заменили деревенские жители и переселенцы из разных областей страны, не связанные генетической памятью с местом, где им предстояло жить и работать.

Гомельские евреи все послевоенные годы, образно говоря, оставались «тише воды и ниже травы». Другими словами, они вынуждены были вести себя очень сдержанно, кротко и тихо, не привлекая внимания. Так они пережили кампанию по борьбе с «безродными космополитами», «дело врачей», разоблачение культа личности И.В. Сталина, экономические эксперименты Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, М.С. Горбачева. Но даже те евреи, которые были готовы к ассимиляции, продолжали испытывать антисемитизм со стороны государства и общества.

Евреи встретили распад советского государства в 1991 г. без знания своей истории, родного языка, культуры, иудейской традиции. Но, несмотря на это, они сумели сохранить себя как народ благодаря двум основным компонентам национального характера — менталитету и генотипу. И чудо национального возрождения свершилось. В наши дни небольшая горстка евреев, которая осталась в Гомеле и не уехала в Израиль, США, Германию и другие страны, наконец, получили возможность поддерживать свою национальную жизнь, молиться в синагоге, учить иврит и идиш, соблюдать традицию, но только при условии отстранения от политической и общественной жизни Беларуси. Круг замкнулся, что дальше? Есть ли будущее у евреев Гомеля? Или все потеряно? Я смотрю на эту ситуацию иначе. Я считаю, что сегодня мы обязаны обратить основное внимание на наследие, которое оставили поколения евреев, жившие на этой земле. Нужно помнить вклад евреев в белорусскую историю, науку, медицину, финансы, строительство, инженерную мысль, педагогику, культуру и искусство, музыку, спорт… Мы должны знать, сколько сделали евреи для Гомеля и какую память о себе оставили. Во-первых, это справедливо, а во-вторых, это объективный процесс самопознания, без которого нельзя двигаться вперед.

Afterword

To summarize, let us ask ourselves: could things have been different? Could the Jews of Gomel have survived and what would have happened to them then?

Historical circumstances conspired to force Jews to side with the Bolsheviks in order to survive, resist pogroms and economic devastation, and protect themselves and their children. Along with Belarusians and Russians, they fought for their own survival, but in this struggle, Jews found themselves outcasts, exploited by the Soviet regime. At the same time, the Soviet power was generous with promises. It deceived some and wooed others. There was no malicious intent; the logic of the internal struggle within the Communist Party itself demanded that allies be sought. In this regard, Jews were promised national equality, national schools, religious tolerance, political pluralism, civil rights, and everything necessary for the harmonious development of the individual. Among the Jews who sided with the Soviet government, there were many sincerely misguided people who believed in the ideals of socialism.

However, as soon as the Soviet state regained its footing, all of this was taken away from the Jews under the pretext of fighting bourgeois nationalism. As a result, the Jews of Gomel, who had greeted the Russian Revolution of 1917 as a vibrant, numerous, and viable community, were deprived of an independent political role after 20 years of Soviet reforms, finding themselves severely restricted in their economic, cultural, and spiritual life.

The USSR's unpreparedness for war with Germany had a devastating impact on the fate of Soviet Jews, who were condemned to the horrors of the Holocaust. By 1944, when the territory of the Byelorussian SSR was liberated, Gomel Jews, Red Army soldiers and commanders returning from the front, and their families arriving from evacuation, constituted only 5% of their prewar numbers. But even they were denied the right to resume their national and spiritual lives, as there was no room for them within the Stalinist model of Soviet society. The murdered and executed Jews of Gomel were replaced by

villagers and settlers from various regions of the country, who had no genetic connection to the place where they were destined to live and work.

Throughout the post-war years, Gomel's Jews, figuratively speaking, remained "quiet as a mouse and below the grass." In other words, they were forced to behave very modestly, inconspicuously, meekly, quietly, and without attracting attention. They survived the campaign against "rootless cosmopolitans", the "Doctors' Plot," the exposure of I.V. Stalin's personality cult, and the economic experiments of N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev, Yu.V. Andropov, and M.S. Gorbachev. But even those Jews who were prepared for assimilation continued to experience anti-Semitism from the state and society.

Jews faced the collapse of the Soviet state in 1991 without a knowledge of their history, native language, culture, or Jewish tradition. Yet, despite this, they managed to preserve their identity as a people, thanks to two fundamental components of their national character: mentality and genotype. And the miracle of national revival occurred. The small handful of Jews who remained and did not leave Gomel for Israel, the United States, Germany, and other countries finally received the opportunity to maintain their national life, pray in synagogue, learn Hebrew and Yiddish, and observe tradition, but only on the condition of distancing themselves from the political and social life of Belarus. The circle has closed. What next? Is there a future for the Jews of Gomel? Or is it all lost? I see this situation differently. I believe that today we must focus on the legacy left by generations of Jews who lived on this land. We must remember the contribution of Jews to Belarusian history, science, finance, construction, engineering, pedagogy, culture and art, music, sport… We must know how much Jews accomplished and what memories they left behind. Firstly, this is fair, and secondly, it is an objective process of self-discovery, without which we cannot move forward.

Библиография и источники

Архивы

• Центральный архив истории еврейского народа (ЦАИЕН)

• Центральный сионистский архив (ЦСА)

• Государственный архив Гомельской области (ГАГО)

• Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО)

• Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)

• Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

• Архив Управления КГБ по Гомельской области

• Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

• Личный архив доктора Леонида Смиловицкого

Книги

Адамушка У. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-х гадоў на Беларусі. Мінск, 1994.

Алейникова М. и др. (сост.). Гомельская губерния 1919–1926 гг.: документы и материалы. Минск, 2009.

Андреев В. (ред.). Репрессивная политика советской власти в Беларуси. Т. 1–3. Минск, 2007.

Аронсон Г., Гольденвейзер А., Фрумкин Я. (редакторы). Книга о русском еврействе 1917–1967. Нью-Йорк, 1968.

Артизов А., Наумов О. (ред.). Власть и художественная интеллигенция 1917–1953. Москва, 1999.

Басин Я. Большевизм и евреи: Белоруссия 1920-е. Исторические очерки. Минск, 2008.

Басин Я. Музы и тьма. Исторические очерки. Иерусалим, 2014.

Бейзер М. (ред.). История еврейского народа в России. От революции 1917 г. до распада Советского Союза. Т. 3. Москва, 2017.

Белова О. и др. (ред.). Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга: Сборник статей. Москва, 2003.

Будницкий О. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). Москва, 2005.

Горяева Т. (ред.). История советской политической цензуры. Москва, 1997.

Гринбаум А. Евреи в России: историографические очерки: 2-я половина XIX века — XX век. Москва, 1994.

Груздев Ю., Разумов А. (сост.). Книги памяти жертв политических репрессий в СССР: аннотированный указатель. Санкт-Петербург, 2004.

Гужалоўскі А. Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР: У 2 кн. Кн. 1: 1919–1941 гг. Мінск, 2012.

Гурко А. и др. Кто живет в Беларуси. Минск, 2012.

Далгатов А. Правительственная политика по отношению к этноконфессиональным меньшинствам: еврейский вопрос в жизни советского общества (окт. 1917-го — начало 1930-х годов). Санкт-Петербург, 2002.

Елизаров С. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.). Гомель, 2009.

Жилинский Н. М. (сост.). Правда истории. Память и боль. Минск, 1991.

Замойский А. Трансформация местечек Советской Белоруссии 1918–1939. Минск, 2013.

Зеленкова А., Старовойтов М. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века). Вып. II. Гомель, 2000.

Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки. 1917–1941. Москва, 2006.

Иоффе Э. По достоверным источникам: евреи в истории городов Беларуси. Минск, 2001.

Иоффе Э. Страницы истории евреев Беларуси: Краткий научно-популярный очерк. Минск, 1996.

Иоффе Э., Мельцер Б. Джойнт в Беларуси. Минск, 1999.

Каганович А. Речица: история еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии. Иерусалим, 2007.

Карпекин К. Иудейские общины в Белорусской ССР (январь 1919 — сентябрь 1939 г.). Витебск, 2016.

Кісялёў Г. (рэд.). Памяць: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Гомель: гісторыка-дакументальная хроніка 1. Мінск, 1999.

Киштымов Л., Михедько В.А., Райский В.Я. (ред.). Евреи в Гомеле; история и культура (конец XIX — начало XX веков): Сборник материалов научно-теоретической конференции. Гомель, 2004.

Константинов В. Еврейское население бывшего СССР в XX веке (социально-демографический анализ). Иерусалим, 2007.

Костырченко Г. (ред.). Государственный антисемитизм в СССР — от начала до кульминации 1938–1953. Москва, 2005.

Костюк М.П. Большевистская система власти в Беларуси. Москва, 2002.

Кузнецов И., Басин Я. (сост.). Репрессивная политика советской власти в Беларуси. Сборник научных работ. Вып. 1–3. Минск, 2007.

Лебедева В., Чуянова М. (сост.). «Из истории не вычеркнуть…» — к 90-летию Стрекопытовского мятежа в Гомеле (март 1919 г.). Гомель, 2010.

Лебина Н. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии 1920–1930. Санкт-Петербург, 1999.

Лерман С., Патыко А. (сост.). Трудящиеся Гомельщины в борьбе за власть Советов (1917–1920 гг.): Хроника событий. Гомель, 1958.

Лыч Г. Трагедыя беларускага сялянства. Мінск, 2003.

Маракаў А. Толькі адна ноч: 29 кастрычніка 1937 года. Мінск, 2006.

Печенин И. Еврейская периодическая печать в Российской империи в XIX — начале XX вв.: Справочно-аналитическое издание. Ганновер, 2020.

Пичуков В., Старовойтов М. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века). Вып. I. Гомель, 1999.

Пичуков В. и др. (сост.). Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы: документы и материалы. Минск, 2013.

Платонаў Р.П. Беларусь у міжваенны перыяд: Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц. Мінск, 2001.

Платонаў Р.П. Лёсы: Гісторыка-дакументальныя нарысы аб людзях і малавядомых падзеях духоўнага жыцця Беларусі 20–30-х гадоў. Мінск, 1998.

Платонаў Р.П. На крутым павароце: Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг. Мінск, 1999.

Платонаў Р.П. Палітыкі. Ідэі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20–30-х гадоў. Мінск, 1996.

Платонов Р.П. Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): Отражение времени в архивных документах. Минск, 2001.

Платун А. Итоги культурного строительства в БССР за десять лет. Минск, 1931.

Практическое разрешение национального вопроса в БССР. Часть 1. Белорусизация. По материалам Центральной национальной комиссии ЦИК БССР. Минск, 1927.

Протько Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.). Минск, 2002.

Пушкін І. Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцце 20-я гады XX стагодзя. Магілёу, 2004.

Пушкін І. Удзел нацыянальных меньшасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919–1990 гг.). Мінск, 2010.

Пушкін І. Узброены супраціў ва усходняй Беларуси (20–30-я гады XX ст.): дакументы і матэрыялы. Магілёу, 2003.

Рабянок П. (укл.). Памяць: Гістарычна-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі: Гомель, кніга 1. Мінск, 1998.

Раманава І. (Складальнік і аўтар прадмовы). Улада і грамадства: БССР у 1929–1939 гг. У дакументах Сакрэтнага аддзела Асобага сектара ЦК КП(б)Б. Вільня, 2019.

Релес Г. Еврейские советские писатели Белоруссии. Воспоминания. Минск, 2006.

Рыбаковский Л. Политический террор 1937–1938 гг. (К 75-летию сталинских репрессий в СССР). Москва, 2013.

Савицкий Э. (сост.). Бунд в Беларуси, 1897–1921: документы и материалы. Минск, 1997.

Скир А. Еврейская духовная культура в Беларуси. Минск, 1995.

Смиловицкий Л. Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг. Минск, 1999.

Смиловицкий Л. Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья. Иерусалим, 2008.

Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. Тель-Авив, 2000.

Смиловицкий Л. Евреи Беларуси в годы Холокоста. Иерусалим, 2020.

Смиловицкий Л. Евреи Беларуси до и после Холокоста. Тель-Авив, 2021.

Смиловицкий Л. Беларусь 1937 год: правдивая история. Иерусалим, 2025.

Смирнов Ю.П., Сташкевич Н.С. (сост.). Страницы истории Компартии Белоруссии. Суждения, аргументы, факты. Минск, 1990.

Смирнова Т. Бывшие люди Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции: 1917–1936 годы. Москва, 2003.

Стужынская Н. Беларусь мяцежная — з гісторыі антысавецкага узброенага супраціву 20-я гады XX стагоддзя. Вільня, 2000.

Такова И. Гомельская губерния: как все начиналось — неизвестные страницы. Гомель, 2014.

Цыпин В. Евреи в Мстиславле: материалы к истории города. Израиль, 2006.

Эбэрхардт П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989. Мінск, 1997.

Altshuler, M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998.

Becker, A. Y., Ro'i, Y. (eds.). Jewish Culture and Identity in the Soviet Union. New York, 1992.

Beizer, M. Relief in Time of Need: Russian Jewry and the Joint 1914–1924. Bloomington, 2015.

Bemporad, E. Becoming Soviet Jews — The Bolshevik Experiment in Minsk. Bloomington, 2013.

Bemporad, E. Jews in the Soviet Union — A History: Revolution, Civil War. And New Ways of Life, 1917–1930, Vol. 1, New-York, 2025.

Clark, C. E. Uprooting Otherness: The Literacy Campaign in NEP-Era Russia. New Jersey, 2000.

Davies, S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.

Dekel-Chen, J. Farming the Red Land: Jewish Agricultural Colonization and Local Soviet Power, 1924–1941. New Haven, 2005.

Galili, Z., Morozov, B. Exiled to Palestine: The Emigration of Soviet Zionist Convicts 1924–1934. London, 2006.

Geifman, A. Russia Under the Last Tsar: Opposition and Subversion, 1894–1917. Malden, 1999.

Gitelman, Z. A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. New York, 1988.

Gitelman, Z. Jewish Nationality and Soviet Politics: The Jewish Sections of the CPSU, 1917–1930. Princeton, 1972.

Greenbaum, A. Jewish scholarship and scholarly institutions in Soviet Russia, 1918–1953. Jerusalem, 1978.

Greenbaum, A. Soviet Jewry during the Lenin-Stalin period. Oxford, 1965.

Halevy, Z. Jewish schools under czarism and communism: a struggle for cultural identity. New York, 1976.

Horowitz, B. Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th-Century Russia. Bloomington, 2009.

Kaganovich, A. The Long Life and Swift Death of Jewish Rechitsa: a Community in Belarus, 1625–2000. Wisconsin, 2013.

Kopchenova I. and Krutikov M. (Eds.). Belarus shtetl. History and memory. Indiana University Press, 2023.

Levin, N. The Jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of Survival. New York, 1988.

Martin, T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. New York, 2001.

McGeever, B. Antisemitism and the Russian Revolution. Cambridge, 2019.

Moss, K. B. Jewish renaissance in the Russian revolution. Cambridge, 2009.

Peris, D. Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Ithaca and London, 1998.

Pinkus, B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Soviet and East European studies. Cambridge, 1988.

Rudling, P. A. The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931. Pittsburgh, 2014.

Schulman, E. A History of Jewish Education in the Soviet Union. New York, 1971.

Shneer, D. Yiddish and the Creation of Soviet Jewish Culture 1918–1930. Cambridge, 2004.

Shternshis, A. Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington and Indianapolis, 2006.

Sloin, A. The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race and Bolshevik Power. Bloomington and Indianapolis. Bloomington, 2017.

א. איתי, **קורות השומר הצעיר בס.ס.ס.ר. - נוער צופי חלוצי-נצ"ח**, ירושלים 1981

מ. אלטשולר, **הייבסקציה בברית המועצות 1918-1930: בין לאומיות לקומוניזם**, ירושלים תש"ם

ג. אלרואי, **המהפכה השקטה: ההגירה היהודית מהאימפריה הרוסית 1875-1924**, ירושלים תשס"ח

מ. בייזר, **יהודי לנינגרד 1917-1939**, ירושלים תשס"ה

מ. בייזר (עורך), **תולדות יהודי רוסיה III: ממהפכות 1917 עד נפילת ברית-המועצות**, ירושלים תשע"ה

ש. ברישנסקי (מו"ל), **אוסף מכתבים מחטבים**, ניו-יורק תשי"ב

י. גולדשטיין, **בין ציונות מדינית לציונות מעשית - התנועה הציונית ברוסיה בראשיתה**, ירושלים 1991.

ב. גור-גורביץ', **חיפוש זהות בין התבוללות להגירה: היחסים בין השלטון הצארי, הסובייטי והרוסי לבין היהודים**, ירושלים תשס"ג

א. גל (עורך), **הציונות לאזוריה**, כרך א', ירושלים- שדה בוקר, תש"ע-2010.

א"א גרשוני, **יהדות ברוסיה הסובייטית – לקורות רדיפת הדת**, ירושלים תשכ"א

מ.ב. הכהן, **עולמי**, כרך ד', ירושלים תרפ"ט

ח. א. זוטא, **בראשית דרכי**, ירושלים תרצ"ב

מ. זלקין, **בעלות השחר: ההשכלה היהודית באימפריה הרוסית במאה התשע עשרה**, ירושלים תש"ס

יל"ג כהנוביץ, **מהומל עד תל-אביב: זיכרונות ודמויות**, תל-אביב תשי"ב

ש. לוין (עורך), **זיכרון לבני ישראל: זיכרונותיו של ר' ישראל דזייקאבסאן במשך השנים תרס"ז-תרצ"ט**, ברוקלין תשנ"ו

ש. לוין (עורך), **תולדות חב"ד ברוסיא הסובייטית בשנים תרע"ח – תש"י: על פי מכתבים, מסמכים וזכרונות שבדפוס בכתב ובעל פה**, ברוקלין תשמ"ט

א. לוריא (עורך), **תולדות יהודי רוסיה, מחלוקות פולין עד נפילת הקיסרות הרוסית, 1772-1917**, ירושלים תשע"ב

ד. ליפץ (מרכז מערכת), **יהדות ליטא ,כרך ג', ספר א: אישים**, תל אביב תשכ"ז

י. מאור, **התנועה הציונית ברוסיה**, ירושלים תשמ"ו

מ. מינץ, **המצוקות, התקוות והייאוש של יהודי רוסיה הסובייטית**, תל-אביב תשע"ה

ב. פינקוס, **יהודי רוסיה וברית המועצות: תולדות מיעוט לאומי**, שדה-בוקר תשמ"ו

י. סלוצקי, **העיתונות היהודית רוסית במאה התשעה עשרה**, ירושלים תשל"א

י. סליוזקין, **המאה היהודית**, תל-אביב תשס"ט

י.ל. רוזנטל, **תולדות חברת מרבי ההשכלה בישראל: בארץ רוסיא משנת תרכ"ד (1863) ועד שנת תרמ"ו (1885)**, סנקט פטרבורג תרמ"ו-תר"ן

א. רפאלי (צנציפר), **פעמי הגאולה - ספר הציונות הרוסית מראשית "חיבת ציון" עד מהפכת 1917**, תל-אביב תשי"ב

א. רפאלי (צנציפר), **במאבק לגאולה- ספר הציונות הרוסית ממהפכת 1917 עד ימינו**, תל-אביב תשט"ז

ח. שמרוק, **הקיבוץ היהודי וההתיישבות החקלאית היהודית בביילורוסיה הסובייטית (1918-1932)**, ירושלים תשכ"א

Статьи и научные труды

Адамович Т. «Использование документов в государственных архивах Гомельской области, содержащих сведения о жизни и деятельности еврейского населения, проживавшего на территории области в XX веке» // *Евреи в Гомеле; история и культура (конец XIX – начало XX веков).* Ред.: А.Л. Киштымов, В.А. Михедько, В.Я. Райский. Гомель, 2004, с. 5–9.

Алексейченко Г. «Городское самоуправление и еврейская общественность г. Гомеля во второй половине XIX — начале XX вв.» // *Евреи в Гомеле; история и культура (конец XIX — начало XX веков).* Ред.: А.Л. Киштымов, В.А. Михедько, В.Я. Райский. Гомель, 2004, с. 54–60.

Басин Я. «"Второй Кишинев" и общественная мысль России начала XX в. (К 100-летию Гомельского погрома)» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков):* Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 97–105.

Басин Я. «Подавление религиозной жизни евреев Белоруссии в 1917–1991 гг.: Исторический обзор» // *Заметки по еврейской истории* 8 (177) (август 2014).

Бугай Н. «1920–1950-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР» // *Отечественная история* 4 (1993), с. 175–185.

Валкавіцкі І. «Дзейнасць гомельскай гарадской думы 1917 года» // *Гомельшчына: старонкі мінулага*. Гомель, 1996, с. 88–93.

Воробьев А. «К вопросу о выборах в Учредительное собрание на территории Гомельского уезда Могилевской губернии» // *Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина* 1 (16), 2007, с. 53–57.

Герасимова И. «Еврейское образование в Беларуси в 20-е и 30-е гг. XX в.» // *Евреи Беларуси: История и культура* 2. Минск, 1998, с. 70–71.

Гимбут В. «Политика царского самодержавия в области еврейского образования в XIX — начале XX вв.» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX веков):* Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 37–45.

Глушаков Ю. «Деятельность еврейских социалистических организаций в Гомеле в первой четверти XX в.» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков):* Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 69–81.

Гужалоўскі А.А. “Вялікі тэрор” 1937–1938 гадоў у лістах жыхароў БССР Сталіну // *Беларускі гістарычны часопіс*, 2018 г., № 9, с. 3–14.

Гужалоўскі, А.А. «Новыя дакументы пра палітычныя чысткі студэнтаў БДУ у 1929/30 навучальным годзе» // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны*: навуковы зборнік. Вып. 11. С.М. Ходзін (адк. рэд.). Мінск, 2016 г., с. 5–19.

Гусев В. «Сионистское движение в Советской Украине в первой половине 20-х гг. XX в.: архивы ОГПУ свидетельствуют» // *Российский сионизм: история и культура:* Материалы научной конференции. Москва, 2002, с. 265–277.

Дрозд Д. «Документы по истории репрессий в ведомственных и государственных архивах Республики Беларусь» // *Масавыя рэпрэсіі ў СССР у гістарычных даследаваннях і калектыўнай памяці*: навуковы сборнік / Пад рэд. А. Смаленчука. Мінск, 2018, с. 150–168.

Дюков А.Р. «Большой террор 1937–1938 годов в Белорусской ССР: статистические данные» // *История СССР и России: Архивная революция*: научный сборник памяти В.А. Козлова / Ред.-сост. О.В. Эдельман. Москва, 2025, с. 223–232.

Егорова Н. «Роль еврейского населения в экономике Гомельщины (вторая половина XIX — начало XX вв.» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков):* Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 32–37.

Замойский А. «*Евреи-служащие БССР в 1920-е годы»*: Тезисы 10-й ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике. Москва, 2003, с. 9–10.

Замойский А. «*Еврейская торговля Восточной Беларуси в 20-е годы XX века: конец частной инициативы*»: Материалы 9-й ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике: Тезисы. Москва, 2002, с. 84–88.

Замойский А. «*К вопросу о социальном положении национальных меньшинств Гомельщины в 20-е гг.*» // *Творчество молодых 98:* Сборник научных работ студентов и аспирантов Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, часть II. Гомель, 1998, с. 30–31.

Замойский А. «*Местечко на Гомельщине в 20-е годы*» // *Творчество молодых 99:* Сборник научных работ студентов и аспирантов Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Гомель, 1999, с. 143–144.

Замойский А. «*Проблема безработицы на Гомельщине в 20-е гг.*»: Материалы XXI студенческой научной конференции по естественным, техническим и гуманитарным наукам. Гомель, 1997, с. 79–80.

Замойский А. «Социальные последствия антисемитских акций в Восточном Полесье» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков):* Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 138–141.

Засинец Г. «Еврейское советское образование на Гомельщине в 20-х годах XX века» // *Евреи Беларуси: история и культура 6.* Минск, 2001, с. 165–171.

Затонский В.П. Доклад комиссии ЦКК ВКП(б) о проведении национальной работы в Белоруссии. Часть II. Наблюдения и замечания из области национальной идеологии // *Неман*, 1992, № 9, с. 122–149.

Зельцер А. «Белорусизация 1920-х гг.: достижения и неудачи» // *Евреи Беларуси. История и культура*, 4–3, с. 60–92.

Зельцер А. Белорусское советское местечко между традицией и модернизацией, 1920–1930-е гг. // *Judaic-Slavic Journal*, 2(6), 2021, с. 36–66.

Зельцер А. «Межэтнические отношения и советская политика 20–30-х годов: пример Восточной Белоруссии» // *Яд ва-Шем – Исследования I*. Иерусалим, 2009, с. 11–42.

Киштымов А. «Место и роль предпринимателей-евреев в экономике Гомельщины на рубеже XIX–XX вв.» // *Евреи в Гомеле; история и культура (конец XIX — начало XX веков).* Ред.: А.Л. Киштымов, В.А. Михедько, В.Я. Райский. Гомель, 2004, с. 13–31.

Лебедев А., Пичуков В. «Политика советской власти в отношении иудейской религии на Гомельщине в 1920–1930-х гг.» // *Цайтшрифт* № 7 (2), 2012, с. 28–35.

Лебедева В. *Studia internationalia* (Материалы международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях XVII–XX вв.» 22–24 июня 2011 г. – К 70-летию начала Великой Отечественной войны). Брянск, 2010.

Литвинова Т. «Еврейские дома на улицах Гомеля в конце XIX — начале XX веков». Ред.: А.Л. Киштымов, В.А. Михедько, В.Я. Райский // *Евреи в Гомеле; история и культура (конец XIX — начало XX* веков): Сборник статей. Гомель, 2004, с. 65–68.

Матвеенко Д. «Гомель в 20–30-е годы XX века» // *Гомельщина в XX–XXI веках. Вехи истории: материалы научно-исторического семинара*. Гомель, 2017, с. 83–89.

Минова Н. «Проблема антисемитизма в межнациональных отношениях на Гомельщине в 20–30-е годы XX века» // *Евреи Беларуси: история и культура.* Вып. 6, 2001, с. 152–164.

Михедько В. «Гомельский погром 1903 года: этнический конфликт или гражданская война?» // *Евреи Беларуси.* Вып. 3–4, 1998, с. 35–48.

Мозохин О. «Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны» // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований* 1 (12, 2018), с. 20–37.

Мурашко М., Туркенич С. «Развитие производственной кооперации на Гомельщине в 1920-х годах» // *Гомельщина в событиях 1917–1945 гг.* Гомель, 2007, с. 218–228.

Немкевич И. «Первый опыт демократии: органы народовластия в Гомеле 1917 года» // *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*, 2 (101). Гомель, 2017, с. 104–109.

Нямкевіч І. «Да пытання аб часе ўсталявання савецкай ўлады ў Гомелі» // *Гомельшчына: старонкі мінулага. Нарысы*. Гомель, 1996, с. 97–102.

Пульнер И. «Из жизни города Гомеля», ред. В. Тан-Богораз // *Еврейские местечки в революции*. Москва — Ленинград, 1926, с. 157–196.

Пульнер И. «Из религиозного мира (города Гомеля)», ред. В. Тан-Богораз // *Еврейские местечки в революции*. Москва — Ленинград, 1926, с. 197–219.

Пушкин И. «Формирование и развитие государственной политики БССР в отношении национальных общностей (1920–1930)» // *Вестник Брянского государственного университета* 3, 2018, с. 115–124.

Пыхалов И. «Закон о пяти колосках» // *Terra Humana:* Научно-теоретический журнал 4, 2011, с. 100–104.

Райский В. «Как это было (Гомель, 29 августа и 1–2 сентября 1903 г.)» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 91–97.

Раманава І. «Голад 1932–1934 гг. і Беларусь» // *Спадчына* 1–2, 2003, с. 80–90.

Романовский Д. «Сколько евреев погибло в промышленных городах Восточной Белоруссии в начале немецкой оккупации (июль-декабрь 1941 г.)» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 4 (22), 2000.

Сенкевич А. «За ленинскую линию в национальной политике» // *Полымя*, 1930, №11/12, с. 172–173.

Симонова А. «Сионистское движение в Советской России в 20-е годы» // *Российский сионизм: история и культура*: Материалы научной конференции. Москва, 2002, с. 278–287.

Скрябина Л. «Эвакуация населения из г. Гомеля в тыловые районы СССР летом 1941 года» // *Страницы военной истории Гомельщины*. Гомель, 2008, с. 199–204.

Смиловицкий Л. «Издание религиозной еврейской литературы в Советском Союзе на примере Белоруссии, 1921–1964 гг.» // Беларусь у XX стагоддзі. Вып. 2. Минск, 2003, с. 301–309.

Смиловицкий Л. «Книга в годы сталинских репрессий» // *Кніга. Бібліятэчная справа і бібліяграфія Беларусі.* Зборнік навуковых артыкулаў. Фундаментальная навуковая бібліятэка ім. Якуба Коласа АН БССР. Мінск, 1993, с. 128–133.

Смиловицкий Л. «Школа на идиш в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921–1941 гг.» // *Новая еврейская школа*, 11, 2002, с. 171–212.

Снопов Ю. «Еврейская община Москвы в 1920–1930-е гг.» // *Диаспоры* 3, 2004, с. 80–100.

Сталюнас Д. «Модернизация и погромы: Литва и Беларусь в начале XX в.» // *История Беларуси*: Журнал Белорусского государственного университета. История 3, 2018, с. 49–54.

Старовойтов М. «Изменения в численности и составе населения белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е гг. (Этнокультурный аспект)» // *Працы гістарычнага факультэта БДУ*: Навукавы зборнік 4, 2009.

Старовойтов М. «Население городских поселений Гомельской и Полесской областей в 1920–1930-е годы: этносоциокультурный аспект» // *Беларусь у XIX–XXI стагоддзях: этнакультурныя традыцыі і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы*: Зборнік навуковых артыкулаў. Гомель, 2017, с. 231–239.

Терешина Г. «Промышленные предприятия Гомеля в первый месяц войны» // *Гомельщина в 1941 году*. Гомель, 2006, с. 230–236.

Толочко Д. «Беженцы еврейской национальности из Польши на Гомельщине» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков*): Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 141–144.

Толочко Д. «Беженцы из Польши в репрессивной политике Советской власти в начальный период Второй мировой войны (на примере Гомельщины)» // *Гомельщина в 1941 году*. Гомель, 2006, с. 241–246.

Федорова Н. «Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных» // *Журнал исследований социальной политики*, 5, 4 (2007), с. 483–496.

Хацкевіч А. «Арышты і дэпартацыі у заходніх абласцях Беларусі (1939–1941 гг.)» // *Беларускі гістарычны часопіс* 2 (1994), с. 73.

Шевелев Д. «Из истории еврейских академических подразделений в БССР в 1920-х — начале 1930-х гг. По документам Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси» // *Советская иудаика, история, проблематика, персоналии* / Под ред. М. Куповецкого. Москва, 2017.

Щербак А. и др. «Влияние внешней политики на национальную политику СССР» // *Полития* № 3 (86, 2017), с. 99–116.

Ященко О. «Повседневная жизнь еврейского населения Гомеля в начале XX века» // *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX — начало XX веков)*: Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г. Гомель, 2004, с. 61–64.

Altshuler, M. “The Rabbi of Homel's trial in 1922”, *Michael: on the History of the Jews in the Diaspora 6* (Tel-Aviv 1980), pp. 9–61.

Beizer M. “The Jews of the Soviet Metropolis in the Interwar Period: The Case of Leningrad”, Gitelman Z. and Y. Ro'i (eds.). *Revolution, Repression and Revival*. Lanham, 2007, pp. 113–130.

Bemporad, E. “Behavior Unbecoming a Communist: Jewish Religious Practice in Soviet Minsk”, *Jewish Social Studies: History, Culture, Society* 14, 2 (2008), pp. 1–31.

Chkolnikova, E. “The Transformation of the Shtetl in the USSR in the 1930s”, *Jews in Eastern Europe* 1 (52), 2004, pp. 91–129.

Dekel-Chen, J. “Jewish Agricultural Settlement in the Interwar Period: A Balance Sheet”, Z. Gitelman and Y. Ro'i (eds.), *Revolution, Repression and Revival*. Lanham, 2007, pp. 69–90.

Fitzpatrick, S. “Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia”, *Journal of Modern History* 65, 4 (1993), pp. 745–770.

Friedrich, K. “Antisemitism in Poland”. In H. Petersen, S. Salzborn (eds.). *Antisemitism in Eastern Europe: history and present in comparison*. New York, 2010, pp. 9–28.

Galili, Z. “Zionism in Early Soviet State Legality and Persecution”, Z. Gitelman and Y. Ro'i (eds.), *Revolution, Repression and Revival*. Lanham, 2007, pp. 37–68.

Gershenson, O., Shneer, D. “Soviet Jewishness and Cultural Studies”, *Journal of Jewish Identities* 4, 1 (2011), pp. 129–146.

Löwe, H. “Reconstructing in the Image of Soviet Man: The Jews in the Soviet Union, 1917–1941”*, Cahiers Slaves*, 11–12 (2010), pp. 259–303.

Selimenev, V., Zeltser, A. “The Liquidation of Yiddish Schools in Belorussia and Jewish Reaction”, *Jews in Eastern Europe* 1, 14 (2000), pp. 11–74.

Selemenev, V., Zeltser, A. “Kolyshki — A Shtetl in the Late 1930s”, *Jews in Eastern Europe* 2 (45), 2001, pp. 48–72.

Shternshis, A. “Passover in the Soviet Union, 1917–41”, *East European Jewish Affairs* 31, 1 (2001), pp. 61–76.

Smilovitsky, L. “The Jewish Farmers in Belarus During the 1920s”, *Jewish Political Studies Review* 9, 1–2 (1997), pp. 59–71.

Smilovitsky, L. “A Belorussian Border Shtetl in the 1920s and 1930s: The Case of Turov”, *Jews in Russia and Eastern Europe*, 1 (50) 2003, pp. 109–137.

Vinogradov, A. “Religion and Nationality: The Transformation of Jewish Identity in the Soviet Union”, *Penn History Review* 18 (1, fall 2010), pp. 51–69.

Zeltser, A. “Inter-War Ethnic Relations and Soviet Policy: The Case of Eastern Belorussia”, *Yad Vashem Studies* 34 (2006), pp. 87–124.

Zeltser, A. “Jews in the Upper Ranks of the NKVD, 1934–1941”, *Jews in Russia and Eastern Europe* 1 (52), 2004, pp. 64–90.

Zeltser, A. “The Belorussian Shtetl in the 1920s and 1930s”, Z. Gitelman and Y. Ro'I (eds.), *Revolution, Repression and Revival*. Lanham, 2007, pp. 91–111.

מ. אלטשולר, ע. מנדלסון, 'יהדות ברית המועצות ופולין בין מלחמות העולם: ניתוח השוואתי', **עיונים ביהדות זמננו** (1984), עמ' 53-64

ל. בוים, 'שיטת הפספורטים בברית המועצות והשפעתה על מצבם של היהודים', **שבות** 3 (תשל"ה), עמ' 7-16

ב. גור-גורביץ, 'השלטון הסובייטי ויהודי ברית המועצות, 1921-1939', א. זלצר (עורך), **יהודי ריסיה במאה העשרים** א', רעננה תשע"ד, עמ' 181-303

ז. גלילי, 'מרחב הפעולה של הציונים ברוסיה הסובייטית בשנות העשרים', **עיונים בתקומת ישראל** כרך 14, (2004), עמ' 479-508

א. זלצר, 'ההיסטוריה החברתית-דמוגרפית של יהודי ברית המועצות, 1921-1939', א. זלצר (עורך), **יהודי רוסיה במאה העשרים** ג', רעננה תשע"ד, עמ' 305-406

א. זלצר, 'שינויים דמוגרפיים וחברתיים-כלכליים בקרב היהודים מתחילת מלחמת העולם הראשונה ועד לסוף שנות השלושים של המאה העשרים', מ. בייזר (עורך), **תולדות יהודי רוסיה ג': ממהפכות 1917 ועד נפילת ברית המועצות**, ירושלים תשע"ה, עמ' 89-110

ב. טרנופולסקי, **הפוגרום בהומל בשנת 1903: מקרה מבחן של היחסים בין יהודים לרוסים בתחום המושב**, עבודת גמר לתואר מוסמך, אוניברסיטת חיפה 2007

י. לבבי, 'ציוני-דרך בהתיישבות החקלאית היהודית בברית-המועצות', **בחינות** 1 (תש"ל), עמ' 27-34

ו. לוין, "הרחוב היהודי' באימפריה הרוסית לקראת 1914', מ. בייזר (עורך), **תולדות יהודי רוסיה III: ממהפכות 1917 עד נפילת ברית-המועצות**, ירושלים תשע"ה, עמ' 13-36

ו. לוין, 'יהודי רוסיה בשלהי תקופת האימפריה ובימי מלחמת האזרחים, 1900-1921', א. זלצר (עורך), **יהודי ריסיה במאה העשרים** א', רעננה תשע"ד, עמ' 17-177

צ. ליפסט, 'בתי-הספר היהודיים בברית המועצות ושקיעתם', **בחינות** 1 (תש"ל), עמ' 59-69

מ. מינץ, 'חיסול הממסד של המפעל הלאומי היהודי בברית המועצות', **ישראל** 25 (2018), עמ' 257-269

ד. סילין-וינוגרד, 'קווים לדמותו של בית-הספר היהודי בברית-המועצות', **בחינות** 5 (תשל"ד), עמ' 97-109

ס. פוקס, 'תכנים לאומיים בבית-הספר היסודי ביידיש בברית-המועצות', **בחינות** 8-9 (תש"ם), עמ' 89-112

מ.צ. פרנק, 'החדר המתוקן ברצ'יצה', **העבר** ט"ז (אייר תשכ"ט), עמ' 85-96

ב. קוטלרמן, 'העולם התרבותי של יהודי ברית המועצות 1919-1949', א. זלצר ומ. שפרבר (עורכים), **יהודי רוסיה במאה העשרים** ב', רעננה תשע"ד, עמ' 7-205

ב. רובינשטיין, 'לתולדות החדר המתוקן בהומל', בתוך- **ספר היובל של ר' יש"י אדלר**, תל-אביב תש"ז, עמ' 65-79

ש. שטמפפר, 'דפוסים של הגירה יהודית פנימית באימפריה הרוסית', י. גולדשטיין (עורך), **יוסף דעת: מחקרים בהיסטוריה יהודית מודרנית – מוגשים לפרופ' יוסף שלמון לחג יובלו**, באר-שבע תש"ע, עמ' 251-253

Справочная литература

Авнер А., Бернарт Х., Прат Н. (ред.). *Краткая еврейская энциклопедия*, том 1–11. Иерусалим, 1976–2005.

Брановер Г., Вагнер З. (ред.). *Российская еврейская энциклопедия*, том 1–7. Москва, 1994–2007.

Брокгауз Ф., Ефрон А. (ред.). *Еврейская энциклопедія*, том 1–16. Санкт-Петербург, 1906–1913.

Фіадосау А., Пашклоу Г. (ред.). *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*, том 1–6. Мінск, 1993–2004.

Фіадосау А., Пашклоу Г., Шамякін І. (ред.). *Беларуская энцыклапедыя*, том 1–18. Мінск, 1996–2004.

Белорусская ССР в цифрах. Минск, 1929.

Газеты дореволюционной России, 1703–1917: каталог. СП.б, 2007.

Демографический ежегодник Республики Беларусь. Минск, 2018.

Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры Белорусской ССР к началу Великой Отечественной войны, 1943.

Roth, C., Wigoder, G. (eds.). *Encyclopaedia Judaica*, vol. 1–22. Jerusalem, 1971–2006.

Spector, S. (ed.). *Encyclopaedia of Jewish Life Before and During the Holocaust,* vol. 1–3. New York — Jerusalem, 2001.

ד. תדהר (עורך), **האנציקלופדיה לחלוצי היישוב ובוניו**, כרכים א'-י"ט, תל-אביב תש"ז – תשל"א (גרסת מרשתת – http://www.tidhar.tourolib.org/)

Источники в интернете

Воспоминания Моисея Герчикова были опубликованы в историческом сборнике на сайте «Еврейский альманах» в 2006–2007 гг. и доступны для полного прочтения по следующим ссылкам:

http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer7/Gerchikov1.htm

http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer8/Gerchikov1.htm

http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer9/Gerchikov1.htm

http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer11/Gerchikov1.htm

http://berkovich-zametki.com/2007/Starina/Nomer1/Gerchikov1.htm

Газеты и журналы

The Hebrew Standard (1918)

The Sentinel (1922)

The American Jewish World (1923)

Полесье (1917)

Известия Гомельского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Земельного комитета (1917–1918)

Путь Советов (1919–1920)

Полесская правда (1920–1929)

Палеская праўда (1930–1938)

Гомельская праўда (1939–1941)

אקטיאבער (1928)

דאר היום (1925)

הארץ (1925, 1929, 1934)

היום (1925)

העברי (1918)

הצפירה (1920)

חדשות הארץ (1919)

Приложения

Гомель начала XX века

Гомель, где я родился и провел молодые годы, был захолустным городком Могилевской губернии, такой же дырой, населенной евреями как Шклов, Старый Быхов или Орша. По историческому прошлому и по ряду этнографических и фольклорных признаков Гомель тяготел и к северу Украины, и к Белоруссии, и даже немного к Польше. Правда, тогда еще не было таких географических терминов на карте России: как самостоятельная Украина или Белоруссия, как и не было независимой Польши. Вместо них существовали Могилевская, Минская, Ковенская, Виленская, Киевская, Харьковская губернии; а что касается Запада империи, то там числится Привислинский край — нынешняя Польша, Россией была и вся территория нынешней Финляндии.

Гомель был по преимуществу деревянным, одноэтажным, тихим и неторопливым. Дворы были просторны, изобиловали огородами, травяными лужайками и мусорными кучами в укромных углах, где деловито копошилась всякая пернатая живность; куры, утки, индюшки. Окраинные улицы были широкие, как в деревне, пыльные и не мощенные с лужами в самых неожиданных местах. После дождя эти болота по месяцу не высыхали и были местом блаженного отдыха для свиней.

Все домовладения были, конечно, частные, хозяйские, во многих дворах были фруктовые сады и даже небольшие бахчи. Цены были грошовые. Южный колорит города подчеркивала привольная пестрота рынков, относительно мягкая зима, долгое лето, украинская певучесть народной речи, каштаны и тополи на многих улицах.

Главная городская магистраль называлась Румянцевской улицей по имени знаменитого екатерининского вельможи. Она начиналась с покосившихся убогих хибарок вдоль булыжного шоссе, уходившего в сторону Могилева («Могилевский шлях»). Вдоль шляха тянулись деревянные домики, длинные заборы, пустыри, по которым флегматично бродили козы. Домишки были живописные, около каждого из них появлялись гостеприимные скамеечки с навесами от дождя. Слева от дороги виднелась

деревянная арка с древнееврейской надписью «Дом вечности для всего живого» — старое еврейское кладбище. Потом возникало большое кирпичное здание пивоваренного завода, построенного в Гомеле немцем Францем Леккертом. За леккертовским заведением раскинулся тюремный замок, подле которого устремлялись ввысь белые колонны солдатских казарм с распростертым над портиком царским двуглавым орлом.

По главной улице имелись и кофейни, содержавшиеся евреями — тут можно было себе позволить иногда по большим торжествам выпить стакан чаю или кофе с булочкой. Район магазинов по Румянцевской улице счи- тался самым оживленным и занимал два небольших квартала. Здесь был магазин Габриэлова, торговавший изделиями из металла и где можно было купить все, начиная с металлической кровати и кончая револьвером «Бульдог» или «Смит-Вессон». Не удивляйтесь — торговля оружием в царское время разрешалась даже еврею Габриэлову. Накануне грозившим гомельским евреям погромов, находилось немало молодежи, которая организовывала отряды самообороны и запасалась оружием. Рядом с магазином Габриэлова помещалась еврейская кошерная колбасная Кузьмицкого. Там продавали ароматную, вкуснейшую колбасу из кошерного мяса. Правда, колбаса была дорогой. Для нас, малышей, было большим праздником, когда мать, расщедрившись, покупала у Кузьмицкого четверть фунта колбасных отрезков. Что это было за объедение!

По Румянцевской улице помещался еще одно место, мимо которого нельзя было пройти без страшного волнения — роскошный магазин игрушек «Детский рай». Можно было часами стоять и смотреть на его низкие витрины, где было все, что сердцу угодно: куклы, саночки, коньки, игрушечные пистолеты, трубы, кони…

На главной городской улице, кроме магазинов, работали всякие мастерские. Таких названий как «ателье» и в помине не было. Все называлось просто и доходчиво. «Шляпы и шапки Ильи Миротина» И тут на вывеске был изображен некий франт с победоносно закрученными усами и бараньим выражением на физиономии, но на голове его красовалась невообразимого вида шапокляк. Главная улица упиралась в Базарную площадь. Она была грязна, замешена ухабистым булыжником, всегда захламлена конским навозом, густо пахла телегами, рыбой, лошадиным потом, сосновым дегтем, сеном и прочими первобытными запахами.

Середину Базарной площади занимали длинные ряды однотипных приземистых каменных лабазов без окон и без витрин. Существовала только массивная железная дверь с громадным запирающим устройством. В народе эти лабазы называли не магазинами и не лавками, а по-польски – «склепами». Торговали в этих склепах по преимуществу дешевыми крестьянскими тканями: ситцами, сарпинкой, молескином («чертова кожа»), суровым полотном. Это находило некоторый сбыт среди нищего, поголов-

но неграмотного и полудикого окрестного крестьянства, одевавшегося преимущественно в домотканые грубые сукна и сермяги. Городские жители называли этот сорт крестьянского текстиля «мануфактурой», говорили, что вот, мол, лавочник Хаим торгует мануфактурой. Мужики, на которых была рассчитана эта торговля, называли все эти ситцы да гарусы «красным товаром». В соседних лабазах, разместившихся в этих же торговых рядах, крестьян старались привлекать смазными сапогами и чёботами. Это было нелегко, кожаная обувь была дорога для крестьянского бюджета, почти поголовно все мужики носили лапти, оплетенные из березовой коры.

В лабазах или «склепах» шла торговля корытами, горшками, чугунами, дегтем, пшеном, растительным маслом, по-простонародному «алеем». В некоторых «склепах» мужикам предлагалась другого рода пище: духовная. Кулацкого вида торгаши продавали иконы, лампады, божественные книги, всякие лубочные изделия, сказки про Бову-королевича, про оборотистого солдата, про чертей и дьяволов, про «жития» святых угодников, всяческие сонники и письмовники.

Во избежание пожаров — самого страшного стихийного бедствия для одноэтажного деревянного городка — в лабазах торговых рядов отсутствовали печи. Отапливать эти торговые точки запрещалось, за соблюдением этого правила зорко следила полиция. Торговля шла от темна и до темна, а в зимних условиях было немыслимо высидеть в нетопленном амбаре по 8-10 часов. Но люди были изворотливы и находили выход: чугунная жаровня с тлеющими углями ставилась на пару кирпичей, снаряд этот помещался под табуреткой, на которой восседал доморощенный «капиталист». Таким примитивные способом он получал возможность обогревать некоторые наиболее чувствительные части тела. Нечего и говорить, что зимой «капиталист» производил свои операции в дубленой шубе и огромных валенках.

Пожалуй, не стоит говорить о том, что в таком еврейском городке, каким некогда был Гомель, все торговцы мануфактурой были евреи, ожесточенно конкурировавшие друг с другом, рвавшие один у другого кусок изо рта. Причем, это были торговцы самого мелкого пошиба. В царские времена купеческое сословие делилось на три гильдии — сидельцы «красного ряда», торговцы ситцами и молескином относились к самой последней, третьей гильдии. Они перебивались с хлеба на квас, целыми днями в жару и стужу просиживали в своих лавчонках, зазывая покупателей и попросту хватая их за фалды, уговаривая зайти в магазин и обещая им златые горы. Мужики от них отмахивались, как от шмелей, и очень часто лавочникам приходилось возвращаться домой «без почина», то есть, не продав товара ни на грош, а дома ждала семья и дети…

Конечно, было в тогдашнем Гомеле и несколько крупных богачей, купцов 1-й гильдии. Это были городские аристократы, сливки общества,

предмет пересудов и всеобщей зависти — к ним относились Добкины, Ловьяновы, Шевелевы, Левянты. В синагогах они имели годовые места в самом почетном месте, у восточной стены, они хорошо одевались и часто разъезжали на собственных дрожках. Ну, а что касается торговой мелюзги, то они постоянно враждовали друг с другом, сбивали цены, переманивали покупателей, иногда не гнушались и доносами… Все эти базарные «акулы капитала» жалко заискивали перед участковым полицейским — усатым городовым, пьяницей, взяточником и насильником, расположение которого можно было купить за двугривенный и рюмку водки.

В районе Базарной площади процветало несколько кабаков, над которыми красовались стандартные вывески с надписью «КАЗЕННАЯ ВИННАЯ ЛАВКА». В народе кабаки назывались «монополькаами». Дело в том, что само царское правительство возложило на себя заботу о спаивании русского народа. Основной приходной статьей бюджета были доходы от продажи водки, поэтому со стихией всеобщего пьянства борьбы не велось — царю было невыгодно, если б народ отказался от алкоголя. Продажа водки стала ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИЕЙ. Никто другой, кроме государства, не имел права торговать алкогольными напитками. Привилегия правительства на спаивание народа называлась «Государственной винной монополией», отсюда и пошло название кабака — «монополька».

Обычно перед входом в монопольку толпились пьяницы, оборванцы, темные личности; там же на улице ударом по булыжному дну вышибалась пробка и бутылка («сотка, «мерзавчик») опорожнялась прямо из горлышка. Стаканы, рюмки, закуски считались интеллигентским предрассудком … Невдалеке от монополькиприямо на земле, иногда в луже блевотины валялись окончательно спившиеся. Воспоминание о кабаках, массовом пьянстве нищего бесправного народа, безобразных сценах, разыгрывающихся перед кабаками, на всю жизнь остались в моей памяти.

Пологим подъемом уходила с Базарной площади тихая, степенная Фельдмаршальская улица. Справа от нее стояли небольшие аккуратные деревянные домики, палисадники, приветливые скамеечки. Слева, почти во всю длину улицы тянулась белокаменная ограда княжеского парка, вдоль нее неширокий дощатый тротуар, осененный аллеей старых каштанов. Правая сторона Фельдмаршальской улицы начиналась знаменитым гомельским «Рвом». Это был гнойник, городская клоака, ад, неотъемлемая принадлежность городского быта. Здесь ютились нищие, бедняки-ремесленники, калеки, воры, торговцы краденным, самая страшная голь. По дну оврага всегда журчали пахучие потоки промывных помоев из городских бань. Откосы «рва» были безжизненны и грязны, не видно было на них ни травинки, ни деревца, мусор и отбросы.

Самым причудливым образом громоздились там полуразваленные хибарки с подслеповатыми перекошенными окнами, немыслимые конуры,

сколоченные из сгнивших трухлявых бревен. Все это было похоже на химеру, плод воспаленного воображения, на вдохновенный бред. В этой юдоли нищеты и горя коротали свой век бродячие «городские» сумасшедшие, безработные меламеды, разорившиеся портные, лишенные куска хлеба и живущие за счет благотворительности. Обитателей «Рва» можно было отличить по живописному рубищу, покрывавшему тела, по исходившему от этих серо-землистых привидений запаху вонючей сырости, по лихорадочному блеску голодных глаз, по нездоровому, подвальному цвету лица.

Фельдмаршальская улица тянулась ровной линией от Базарной площади до самого берега реки. Тут город кончался, и улица переходила в безлюдный тракт, ведший к слободе Ново-Белице, до которой считалось версты четыре-пять. Темп гомельского бытия определялся поразительно спокойными скоростями передвижения. Люди не имели понятия про автомобили и аэропланы. Единственным видом механического транспорта была железная дорога, но вокзал был далеко, поездов мы в глаза не видели, а паровозные гудки не доносились до нашего дома. Основными житейскими идеями горожан были пословицы: «Тише едешь — дальше будешь», «Поспешишь — людей насмешишь», «Спешит, как с козами на торг», «Не суйся поперед батька в пекло».

В годы моего детства в Гомеле его жители передвигались либо пешком, либо на лошадях. В городе было несколько легковых извозчиков, владевших дрожками или, как тогда их называли, фаэтонами, имевшими кожаное сидение для двух персон; сидение в случае дождя закрывалось кожаным верхом. Услугами извозчиков гомельские обыватели пользовались крайне редко.

Кроме извозчиков движение в городе поддерживали водовозы. Город снабжался водой из артезианских колодцев. На перекрестках многих улиц стояли водозаборные колонки, так называемые «фонталы», к ним обыватели приходили с ведрами, куда набирали воду, а так как ходить за водой иногда было далековато, и не всегда у людей были силы и охота таскать домой по три-пять раз воду, то в городе существовали водовозы. На тележке, запряженной тощей лошадкой, была закреплена бочка, в которую водовод набирал воду из колонки и развозил ее по домам. Пара ведер воды стоила полкопейки или копейку. Каждый водовоз имел постоянную клиентуру, всегда знал, где у обывателя стоит бочка для воды и направлялся прямо по адресу. Чтоб не расплескать воду, повозка водовоза шествовала тихим шагом – куда спешить?

Был в Гомеле еще один вид коммунального транспорта, не считая пожарную команду — это ассенизационный обоз. Так как канализации в городе не существовало, то все нечистоты увозили ассенизаторы, ездившие со своими «ароматными» бочками только по ночам. Обычно ассени-

зационное дело брало у города на откуп городская тюрьма и «золотарями» бывали арестанты, которых во время промысла по очистке уборных конвоировали стражники с ружьями. Этот вид транспорта тоже передвигался медленным темпом — при этом вокруг стояло невообразимое зловоние. Я забыл сказать, что к городскому транспорту относились еще похоронные катафалки, но этим видом транспорта евреи не пользовались: еврейских покойников уносили к вечному покою вручную, на особых черных носилках. Такова была традиция.

Обычным фоном городского быта была неторопливость, степенность, тишина. Прогремит телега, протрусят рысцой извозчичьи дрожки, поднимая пыльное облако — и снова улица пустынна. Часть города была замощена булыжником, а что касается окраин — Полесского переезда, Залинейного района, Ветковской или Кладбищенской улиц, то там вообще не было мостовых, так что в дождливую погоду улицы становились непроезжими.

Уличное освещение было керосиновым. Освещались одни только центральные улицы, окраины города пребывали в темноте. Фонари укреплялись на невысоких столбах. С наступлением темноты появлялись фонарщики со своими небольшими стремянками. Обходя один фонарный столбик за другим, они протирали стекла светильников, заправляли их керосином и зажигали. Второй рейс фонарщиков происходил под утро, чтоб погасить освещение.

Гомель, как небольшой уездный городок, располагал по тому времени довольно широкой сетью учебных заведений. Первое место занимала казенная гимназия; затем коммерческое училище, и частная гимназия доктора Ратнера для еврейских мальчиков. Кроме того, было несколько четырехклассных училищ (они назывались «высшими начальными»). Их дополняли церковно-приходские школы, несколько женских гимназий, включая женскую прогимназию Сыркиной, дававшую среднее образование еврейским девушкам. Конечно, все эти учебные заведения были платными и для многих недоступными. Что касается еврейской бедноты, то для них существовала талмуд-тора для обучения мальчиков. Учащимся из бедных семей предоставлялась одежда и питание за счет фонда благотворительности.

Было в Гомеле несколько библиотек. Кинотеатры назывались «иллюзионами»: один находился на углу Румянцевской и Троицкой улиц и назывался «Мулен-Руж». Другой помещался в трехэтажном «небоскребе» богача Шановича по Базарной улице и так и назывался «иллюзион Шановича». Иногда, обычно в дни праздников, наезжали бродячие труппы, устраивавшие свои спектакли в специально для этой цели арендованных больших сараях. Происходили такие гастроли весьма нечасто, и семьи благочестивых евреев почитали за большой грех посещать подобные богопротивные

игрища. Грехом считалось не только посещение театра, который ставил пьесы на русском языке, но и постановки еврейских актеров, драматургические темы для своих спектаклей, черпавших из библии и Пророков.

Гомель раскинулся на правом высоком, обрывистом берегу Сожа, из городского сквера, разбитого над крутым, поросшей густой травяном откосом, был виден внизу ряд пароходных пристаней, склады и ремонтные затоны, лодочные стоянки. На противоположном плоском берегу широкого Сожа расстилались пустынные заливные луга и безлюдные пески, поросшие ракитником. Еще дальше синела зубчатая таинственная кайма леса.

Из Гомеля регулярно отходили пароходы по направлению к Киеву (сутки езды пароходом), а также вверх по течению, по направлению к местечкам Ветка, Чечерск, Корма и Пропойску. По Сожу шла доставка леса плотами на Украину для строительства, а также для крепежа кровли в угольных шахтах. Сож всегда была оживленной, по реке двигались пароходы, солидно хлопая по воде палицами своих огромных колес. Проплывали громадные баржи, так называемые «берлины» с товарами. Капитаны этих грузовых посудин назывались «водоливами» и жили на «берлинах» вместе с семьями. Всегда с этих кораблей неслись залихватские звуки гармоник и на реях и мачтах болтались выстиранные «спидницы» и домотканые штаны. По реке двигались плоты длиной чуть ли не в километр, плотовщики жили на плотах в красивых рубленых избах, по вечерам тихие летние сумерки на них ярко горели костры и доносились песни плотовщиков.

До 1917 г. Гомель был преимущественно еврейским городом. Торговые лавки, лавочки и магазины, ряды на базаре, евреи-ремесленники, еврейские синагоги и молельни — все это обусловило господство еврейского религиозного быта в облике города. По субботам весь город казался вымершим — были закрыты все магазины и ларьки, был закрыт базар, заперты мясные лавки и возле них дремали бродячие собаки. Не было учебы в хедерах, в талмуд-торах. В субботний день был закрыт чугунолитейный завод Моисея Фрумкина. Лишь в послеобеденные часы на улицах показывались вышедшие на прогулку семьи евреев. Христианское население селилось преимущественно по окраинам: в Залинейном районе, возле Полесского переезда. На Фельдмаршальской улице и в ее окрестностях жили старообрядцы. Улицы оглашались заливистым собачьим лаем, квохтаньем кур, хрюканьем свиней, блаженно нежившихся в многочисленных лужах, не просыхавших даже в самое сухое лето. Возле каждого домика было крылечко, где по вечерам сплетничали хозяйки, усыпая всю досягаемую поверхность кучами семенной шелухи.

Между русским и еврейским населением существовал закоренелый национальный антагонизм, поддерживаемый властями и освященный многовековой традицией. Евреи жили автономно от своих христианских

соседей, как будто между ними высилась незримая стена, воздвигнутая давным-давно. «Стена», конечно, была условной, но она четко отделяла два совершенно противоположных мира.

До 1917 г. вопрос о религиозной принадлежности играл очень важную роль. Православие доминировало и пользовалось неприкрытой поддержкой правительства. Человек, исповедующий иудаизм, считался существом низшего сорта, и не мог рассчитывать на государственную службу. Еврей не мог быть писарем в городской Управе, не мог служить простым полицейским, его не принимали на службу в почтовом ведомстве или на железной дороге. Это естественно вызывало ненависть к правительству, учредившему такую дискриминацию, которая питала национальную разобщенность.

Однако это не мешало властям требовать от своих еврейских подданных, гонимых и презираемых, чувства патриотизма, готовность отдать за жизнь за «отечество и царя»! Еврейскому населению приказывали возносить каждую субботу молитвы о благоденствии царя и всего его семейства. Евреи были обязаны служить в армии царя — но только в качестве «нижних чинов» то есть рядовых. Еврей не мог претендовать на получение офицерского чина — исключение составляли военные врачи, которых приравнивали к офицерскому сословию. Находясь на службе в армии, еврей был самым удобным объектом для хулиганских издевательств со стороны офицеров-юдофобов и самого последнего солдата. Величайшим горем для еврейской семьи и всей общины было то, что солдат-еврей вынужден был в казарме питаться «трефной» пищей, есть свинину, не соблюдать праздников, он не имел возможности молиться.

Звание «солдат» было для благочестивого еврея синонимом дремучей тупости, темной безграмотности, жестокости, крайней забитости: солдата не уважали благопристойные люди из среды неевреев. От солдата можно было ожидать всего: хулиганской выходки, воровской проделки, насилия, половой распущенности. Если по улице шла строем воинская часть, она распевала во весь голос песни, вроде «Соловей, соловей пташечка» или «Три деревни два села, восемь девок один я» или «Пойдем Дуня, во лесок на часок». «Пишет, пишет царь турецкий, пишет русскому царю».

Бесправие евреев в рамках царской империи было одной из причин антагонизма между христианами и евреями. Из чувства национального самосохранения евреи замыкались в своем вероучении, традиционном быте и культуре. Еврейская община нарочито подчеркивала свою трезвость, противопоставляя ее ненасытному пьянству христианских соседей. Они демонстративно подчеркивали отвращение евреев к убийству и грабежу, насилию и сквернословию и поразительную склонность христианских соседей к этим порокам.

Соседи-христиане постоянно давали чувствовать евреям свое презрение, ненависть, озлобление. Если так называемый «порядочный человек» хотел избежать оскорбительного словечка «жид», он прибегал к уничижительно-фамильярному «еврейчик». По-настоящему передовой человек был чужд антисемитизму. Он полагал официальное юдофобство позором для страны и считал гражданским долгом активно выступать против этой гнусности. К сожалению, таких людей было немного — да что говорить, если целый ряд «властителей дум» тогдашней России, ее писателей и литераторов замарали свое имя антисемитским мировоззрением. Вспомним имена Бакунина, Аксакова, Достоевского, Лескова, Гоголя, Некрасова или Салтыкова-Щедрина.

В правительственные гимназии еврейских мальчиков принимали только в количестве, не превышающем 1-2% по отношению к зачисленным христианским детям. Еврейский мальчик мог проявить отличные знания, гораздо более высокие, нежели у его русских соперников, но принимали в гимназию «русского», а еврею указывали на дверь. Лишь при помощи взяток и «подарков», которые могли позволять себе только люди состоятельные, удавалось пристроить мальчика-еврея в правительственную гимназию.

Царские власти создали для евреев такие мучительные условия существования, что перед гонимым народом вопрос стоял так: либо еще больше усилить свою национальную, духовную и религиозную изоляцию, либо эмигрировать, либо исчезнуть как народ, ассимилироваться, русифицироваться. В те далекие времена у евреев имелся в запасе еще один выход: слиться с окружающим населением и принять православие, то есть предать свою национальную сущность, изменить вере отцов. Переход в христианство немедленно открывал перед гонимым и уважаемым евреем все двери. Выкрест мог стать чиновником, почтальоном, железнодорожным служащим, офицером — кем угодно. Однако каждый еврей понимал всю глубину моральной низости такого поступка. Евреи ненавидели царский режим. Каждый шаг властей, всякое распоряжение немедленно становилось предметом горячего обсуждения — будет оно им на пользу или во вред? Особенно страстно обсуждалась политика царского режима в синагогах. Евреи безошибочно разбирались в сокрытом намерении властей, понимали подтекст того или иного распоряжения, И, как бы там ни было, все спорщики сходились на одном на страстном пожелании самой скорой гибели, на крушении прогнившего самодержавного строя.

Царское правительство не признавало права Белоруссии на государственное или даже культурное самоопределение; оно не позволяло печатание книг на белорусском языке, запрещало преподавание на нем в школах. Но белорусы не испытывали на себе никаких административных ограничений, как и вообще ни один человек христианского вероисповедания. Им

дозволялось занимать в административной иерархии российской империи любую должность. Кому неизвестно, что немцы лютеранского и католического вероисповедания занимали в царской России самые видные посты? Таким образом, люди христианского вероисповедания инородцами в России не считались. Инородцами были язычники Сибири и северных губерний. Инородцами были все мусульмане — узбеки, черкесы, казахи, калмыки, таджики, туркмены. Инородцами были буддисты. Но инородцами не считались грузины, армяне, литовцы, латыши, поляки.

Но инородцами самого последнего сорта были евреи. При этом никакого административного преследования иудейской религии и еврейской культуры царские власти не предпринимали. В стране свободно действовали тысячи синагог, работали десятки частных типографий, печатавших религиозную и светскую литературу. Несмотря на цензуру, в стране свободно выпускалось множество газет на древнееврейском языке и на идише, учебники на еврейском языке, календари, молитвенники, Библии, комментарии к Талмуду. Особенно много литературы на идише выпускалось в Варшаве, Вильно, Лодзи, которые входили в состав Российской империи. В каждом местечке черты оседлости ключом била еврейская общественная жизнь, молодое поколение беспрепятственно обучалось в хедерах, частных еврейских гимназиях, у частных учителей в духе многовековых национальных традиций и древней религии: в каждом еврейском городке и местечке существовало множество воспитательных, религиозных, экономических, кредитных и благотворительных еврейских организаций.

Правительство царей охотно выпускало евреев из пределов Империи, без всяких задержек им выдавались заграничные паспорта, даже поощрялась их эмиграция. Массовыми тиражами в Белоруссии издавалась религиозная литература. Для этого работали частные издательства и еврейские типографии. Громадными тиражами печатались богословские трактаты, молитвенники всяких видов и форматов, Библии, книги Пророков, религиозные календари; Массовым тиражом выходили книги Шолом-Алейхема, Переца, Менделе Мойхер-сфорима, Фруга, А-нского, Бялика. Накануне еврейских осенних праздников шла торговля пальмовыми ветвями («Лулав»). В белорусском местечке Дубровно на полную мощность работала текстильная фабрика, изготовлявшая молитвенные облачения («Талесы»), а также «арбеканфессы»[1], ермолки, особые пояса и прочие

[1] «Арбеканфес» (от идиш *arba kanfot* — «четыре угла») — это элемент одежды верующего иудея, представляющий собой небольшую накидку с отверстием для головы и четырьмя углами, на которых закреплены специальные кисти — цицит. Он символизирует соблюдение заповедей Торы и носится мужчинами под рубашкой в течение дня.

принадлежности культа. Издавались пластинки с записями литургических песнопений наиболее знаменитых канторов — Гершона Сироты, Завела Квартина и др.

Таковы факты, от которых никуда не скроешься. Они свидетельствовали о том, что никакого подавления религиозной и культурной свободы евреи в царской черте оседлости не испытывали. Почему же время от времени в старорежимной России прокатывались еврейские погромы? Почему же все российское законодательство было проникнуто особой ненавистью к евреям? Потому что евреи были традиционным громоотводом. Потому что в течение десятков столетий русский народ натравливали на евреев, как только начинала грозить опасность для прочности существующего политического режима. В царской России это было особенно удобно, потому что в рядах революционной молодежи преобладала еврейская молодежь. Государственной власти было очень легко сваливать на евреев любые попытки расшатать существующий режим, что с особой силой это проявилось в годы первой российской революции 1905-1907 гг. …

Публикуется впервые:
Лурье Моисей Айзикович (1902–1980). Воспоминания.
Из семейного архива Льва Израилевич Гендельмана (Беэр-Шева).
Передано Леонидом Смиловицким

Документы

Циркуляр Центрального комитета Всероссийского еврейского общественного комитета (ВЕК), направленный в Гомель 22 мая 1923 г.

«…Под влиянием известных элементов усилилась нелегальная эмиграция еврейского населения, стремящегося за границу, главным образом в Палестину», а также, речь идет о тысячах людей, застрявших в Азербайджане, Грузии и на Кавказе из-за отказа турецких консулов в выдаче виз и испытывающих серьезные трудности.

Источник: ГАГО, ф. 1725, оп. 1, д. 28, лл. 49–49об.

Состояние местечка

Из протокола еврейского бюро Гомельского губернского комитета РКП(б)

с марта 1923 по март 1924 г.

Своеобразное положение, в котором находится местечко, где наблюдается увеличение торговых посредников, спекулянтских элементов, уменьшение количество рабочих и групп населения, занятых производительным трудом, создало настроение против ведения партийной политической работы. На самом деле местечко требует к себе больше внимания. Кустари и беднота должны быть охвачены в культурном отношении. Местечко имеет особое влияние в установлении необходимой связи города и деревни. Крестьяне знают о местечке больше, чем о городе. Они покупают здесь все необходимое для своего хозяйства и черпают основную информацию об окружающем мире, которая порой выступает в виде слухов. Из-за отсутствия работы в местечках в значительной степени сохранилась власть раввинов и сионистов. В заброшенных местечках живут совершенно постарому, как до революции 1917 г. После изучения экономического и культурного состояния местечка курсантами евсектора губернской партийной школы и еврейского педагогического техникума Гомеля, партработниками агитпропа и политпроса была намечена программа действий.

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, л. 80.

Из резолюции Центрального бюро евсекции при отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)

4 сентября 1926 г.

Благосостояние. Материальное положение большей части населения не улучшилось. К этой категории принадлежит большая часть кустарей и мелких торговцев. Кустари составляют большинство в местечке. Средний заработок начинающего кустаря-ремесленника составляет 20–25 руб., среднего — до 50 руб. а «богатых» — 100 руб. в месяц. Основные заказчики проживают в деревне и самом местечке. Главный бич — нехватка оборотных средств, отсутствие инструментов и сырья. Наиболее наглядно это видно из следующих цифр бюджета: квартира, топливо, налоги, членские взносы и прочие расходы составляют 15–20 руб. в месяц. Таким образом у среднего кустаря 40–50% заработка [уходит] на покрытие этих расходов. У бедного кустаря — то же самое, и поэтому остается на пропитание не больше 12–15 руб. Льготы по кредитам и налогам облегчили только наиболее состоятельных ремесленников, потому что бедные кустари и раньше не платили уравнительного и подоходного налогов.

В 1925 г. расходы кустарей Бобруйского округа, характерные для большинства местечек республики, составляли: патент — 8 руб., квартира — 3 руб., земельная рента — 2 руб., коммунальные услуги — 2 руб., подоходный налог — 7,5 руб. и всего — 22,5 руб.

Бедный кустарь страдал из-за неразвитости производственной кооперации в местечке, богатый обеспечивал себя сырьем, работал сам и нанимал помощников, с которых «драл шкуру», что влекло за собой расслоение в их среде.

В очень тяжелых условиях существуют деклассированные слои и бывшие торговцы. В Паричах насчитывалось 457 еврейских семей, включая 156 рабочих и служащих, 189 кустарей, 59 торговцев, 9 земледельцев, 53 семьи без определенных занятий и т. д. Как общее явление продолжается эмиграция. Уезжали в Бобруйск, Минск, Москву, Киев, Америку.

Частная торговля теряет свои позиции и держится еще тем, что дает товар в кредит и обладает большой гибкостью в обслуживании. Торговцы связаны знакомствами с деревней, поэтому зачастую крестьяне идут к мелкому торговцу из жалости к обедневшему купцу. Многие «купцы» имеют минимальные запасы. Например, в лавке могут быть 3 стекла для лампы, 2 глиняных горшка, 8 гребешков, 1 жестяная терка, 0,5 фунта краски, 6 жестяных кувшинов, 12 листов папиросной бумаги, 1 тарелка, 6 дюжин пуговиц, 6 фунтов хозяйственного мыла, 1 зеркало, 2 шнурка стеклянных бус, 4 воронки и т. д. Такой торговец платит за полгода налоги: 10 руб. — патент, 12,5 руб. — подоходный налог, 3 руб. — уравнительный налог,

1,5 руб. — штраф за непредоставление оборотного листа фининспектору в срок, 6 руб. — комхозу за будку, где идет торговля, 0,6 руб. — охрана. Всего 32 руб. 10 коп.

В воскресный, самый торговый, день комиссия нашла у торговца в кассе 50 коп. Для покупки перечисленных товаров торговец одолжил 40 руб., из которых он уже половину израсходовал «на жизнь», и, когда его спросили о перспективах, ответил, что жизнь «проиграна».

Еще хуже положение деклассированной бедноты. Вот типы такого рода: N раньше жил в деревне, был мельником, отец большого семейства. Война совершенно разорила, два брата погибли. Его заработок состоит из оплаты за снятие шкуры с теленка. Домик маленький и старый, на обед в субботу хлеба и картофеля не было, жена сидела на печке в рваной верхней юбке, а на полке против печки сушилась рубашка, которую она выстирала с пятницы на субботу. Но она за день не высохла, и смены белья не было. Такие факты не единичные.

Советское строительство. Всего по БССР избирательного права были лишены: в сельских Советах — 0,74% (меньше, чем на Украине), в местечковых Советах — 10,6% (больше, чем на Украине), в 15 не окружных городских Советах — 8,2%. Принимая во внимание, что в Белоруссии основная часть еврейского населения проживает в городах и местечках, то при правильном подсчете лишенцев в республике не меньше, чем на Украине. Социальный состав лишенцев: предприниматели, живущие на нетрудовые доходы, торговцы и посредники, духовенство, агенты полиции и жандармерии, умалишенные и находящиеся под опекой, осужденные и пр. Лишенцев среди еврейского населения БССР гораздо больше по сравнению с неевреями из-за количества предпринимателей, кустарей и «люмпенов» на душу населения. Выборы 1926 г. показали, что среди общего количества еврейского населения СССР лишенцев 15%.

Активность избирателей на выборах в местечковые Советы очень выросла, особенно национальные — до 80%. Наибольшую политическую зрелость проявляли кустари, которые полностью советизированы, чувствовали себя хозяевами и руководителями в местечках. За ними следовали члены профсоюзов, большую активность в отстаивании своих прав проявили мелкие торговцы, они подавали заявления и жалобы. Но на самих выборах самостоятельно не выступали, отдавая голоса кустарям, культработникам и изредка коммунистам. Открытая борьба шла между кулаками и бедняками. Местами обе стороны были прекрасно организованы. Проходили списки бедноты и порой списки религиозной общины. Выборы в национальные Советы произвели особенно сильное впечатление на массы, которые будто бы впервые открыли для себя советскую власть. Отмечался массовый выход из сионистского актива. Сионисты, несмотря на длитель-

ную подготовку и массовое распространение листовок, потерпели полное поражение. Отмечены только единичные случаи прохождения их кандидатур, обострения межнациональных отношений на выборах в целом не отмечено. В выборах еврейских Советов участвовали и неевреи. Трудно проходили женщины и частично комсомольцы. Хорошо проходили коммунисты, избрано большое количество кустарей и ремесленников в городские и местечковые Советы.

Правовая защита еврейского пролетариата против произвола местных властей и извращений управленческого аппарата. Борьба против трактовки еврейского местечка как сплошного спекулянтского гнезда, стремление к дифференцированному подходу к разным социальным слоям в местечке, за осуществление декрета о равноправии языков, за отчетность исполкомов перед избирателями на их родном языке. Создание сотен местечковых Советов поставлено в порядок дня тогда, когда не думали еще о мелкой советской административной единице, а проводилось укрупнение волостей. Отмечалась борьба за местечковые Советы на еврейском языке, за откребление от сел, за образование национальных Советов. Приходилось решать труднейшую задачу установления границ соседних Советов.

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, лл. 77–78.

Еврейские партии и группы

Еврейское бюро Гомельского губернского комитета РКП(б) сообщает, что с марта 1923 по март 1924 г. за истекший год закончился процесс разложения еврейских националистических группировок, распада бывших социалистических партий и рост авторитета РКП(б) среди широких еврейских рабочих масс. Это наблюдалось даже среди печатников и текстильщиков, которые были опорой меньшевизма. Несмотря на это, сионистские группы в Гомельской губернии остались и проявляют значительную активность. В период объявления ноты Керзона сионисты доказывали, что против Англии нельзя воевать, потому что она является другом еврейского народа и добивается освобождения Палестины. Надежду еврейской националистической буржуазии окрылил НЭП. Сионисты добивались легализации организации «Гехалуц». Были предприняты попытки проникнуть в еврейские земледельческие коллективы и общества кустарей.

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, лл. 81–83.

Партийно-просветительная работа среди евреев

Из тезисов к докладу тов. Фрумкиной (Эстер), 1926 г.

За период, прошедший с последнего Всесоюзного совещания евсекции (апрель 1924 г.), имеются значительные достижения. Особое место занимает постановка национального вопроса в применении к специфическим особенностям еврейской среды, хотя полной ясности в этом вопросе нет. С одной стороны, мы сталкиваемся с работниками, которые считают бундизм, сионизм, шовинизм, наши требования о переводе партийных и профсоюзных ячеек на идиш, работу по строительству еврейской школы и т. п. неуместными. Высказанное в свое время тов. Лениным положение о предстоящей в свободной России ассимиляции евреев, такие люди в недопустимом духе трактуют как ассимиляторство. Работа с массами не на их языке будет явным уклоном от ленинизма в области национального вопроса. Это можно определить как национал-нигилизм.

Другая часть работников в области еврейского вопроса сползают с классовой на национальную линию, забывая о той двусторонней постановке вопроса для коммунистов нации господствующей и коммунистов нации угнетенных, которая дана нам Лениным и Сталиным, решениями партийных съездов. Они полагают, что еврейские коммунисты должны поставить перед собой и еврейскими массами задачу сохранения еврейской нации как общенациональную задачу. Смыкаясь в этом с мелкобуржуазными и буржуазными националистами, с настроениями национал-большевизма, они переносят на еврейскую среду, с ее классовой дифференциацией, 40-летней историей классовой борьбы, методы работы среди только теперь пробуждающихся народов Востока. Они трактуют «оставшихся без армии» еврейских националистов как представителей еврейских трудящихся масс и выступают в роли их защитников.

Ленин и Сталин в своих произведениях до революции установили, что евреи не являются нацией. Евреи и теперь не являются нацией в строго научном смысле слова. Им не хватает для этого таких атрибутов, как территория, общность экономической жизни. Ленин в своих же произведениях указывает, что еврейскому народу в свободной России предстоит ассимиляция, но это не оправдывает ассимиляторской политики. С первых же дней существования советской власти работа среди евреев была поставлена на таких же началах, как и среди других национальностей, о чем свидетельствовал и X съезд партии.

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, л. 92.

Преодоление трудностей

Из отчета евбюро окружного комитета КП(б)Б Гомеля 1927/28 г.

Несмотря на директивы окружного комитета партии и ряд практических указаний по вопросу о еврейской работе, пришлось встретиться со следующими препятствиями:

1. Перевод работы ячеек на идиш с преобладанием еврейских рабочих на предприятиях («Полеспечать», з-д «Пролетарий», «Кожзавод» и др.). Аналогичные трудности были встречены по профсоюзной линии в союзах кожевенников и швейников;

2. Отсутствие комсомольской работы на идиш;

3. Еврейских школ системы социального воспитания (соцвос) по Гомелю и области на еврейском языке имеется 13 четырехлеток и 7 семилеток, 1 девятилетка = 21 школа, в которых обучается 3 760 детей. Большое количество детей, говорящих дома на идиш, обучается в русских и белорусских школах. В еврейских школах Гомеля учится только 32% всех еврейских детей, остальные посещают русские и белорусские учебные заведения. При проведении популяризации школы на идиш были допущены некоторые ошибки (принудительное зачисление в еврейские школы). При комплектовании еврейского педагогического техникума в Гомеле улучшен социальный состав: рабочих — 37%, крестьян — 37%, остальные — кустари и дети учителей;

4. Культурно-массовая работа проводится в клубах и красных уголках. При клубах есть кружки на идиш. Летом она велась по «кампанейским» вопросам. Антирелигиозная кампания прошла удовлетворительно (19 собраний в городе и 10 в районе);

5. Землеустроено по Гомельскому округу 1 035 семей (5 516 душ) на площади в 9 941 десятин, что составляет 10% всего еврейского населения округа. Социальный состав землеустроенных следующий: бывших мелких торговцев — 44%, кустарей — 24%, бывших служащих — 29%, земледельцев — 3%. Еврейских колхозов по округу имеется 23, в работе ОЗЕТ наметилось оживление (1 200 чел.). Главная работа нацелена на привлечение новых членов, разъяснение условий переселения в Крым и Биробиджан;

6. Обществ кустарей по округу — 13 (до 4 тыс. чл.), политические настроения среди них в последнее время ухудшились в связи с падением материального уровня жизни. Причины: отсутствие сырья и неправильный подход со стороны отдельных советских руководителей. Кооперация кустарей выросла, если в прошлом году насчитывалось 38 (870 чел.), то в этом году — 108 (2 260, из которых 350 женщин). Оставшиеся некооперированными кустари не хотят объединяться. Это портные и сапожники, для

которых необходим дефицитный товар. Кустарей пытались частично переквалифицировать — но всего несколько человек;

7. Ослабление культурно-массовой работы, не хватает клубов и оборудования. Активизирована работа во время обеденного перерыва, повышен тираж газеты «Октябрь»;

8. Местечковые еврейские Советы существуют в Хойниках и Поддобрянке. Работают две камеры народного суда на идиш (Гомель и Речица);

9. Отмечен целый ряд случаев усиления антисемитизма, что проявилось не только в деревне, но и в городе (Ново-Белица, Речица, Добруш, Гомельский район и др.).

Штарк, секретарь еврейского бюро
Гомельского окружкома КП(б)Б

Источник: ГАООГО, ф. 3, оп. 1, д. 530, л. 13.

Еврейские национально-палестинские организации в Гомельском округе

31 декабря 1923 г., Гомель

Еврейские национальные палестинские организации сплочены вокруг идейного вождя сионистской партии с общей целью построить в Палестине центр для небывалой эксплуатации еврейского пролетариата. Задачи, которые они ставят перед собой, доказывают вредность в пролетарской стране Союзе ССР. Все это предполагает проведение единой организационной борьбы с таковыми, нанесение идейных последовательных ударов и окончательного искоренения. «Ха-шомер ха-цаир» представляют собой организации еврейских скаутов, зародившиеся в «Союзе Маккаби» (юные маккавеи).

Цели и задачи: создание гражданина еврейского государства в Палестине, чтобы решить еврейский вопрос в «трудовой» Палестине. Сочетают свои мероприятия с «Маккаби» по таким направлениям, как финансовая помощь, физическое развитие, легализация своей деятельности перед органами советской власти. Средства получают от иностранной еврейской буржуазии через «Маккаби». Принципы: любовь к родине, к единому историческому языку и отечеству, использование национально-патриотических чувств вместо классового самосознания.

Организационная структура: Центральный штаб находится в Москве, а в отдельных городах и местечках действуют дружины, которые делятся на отряды, а последние — на патрули. Они носят имена национальных и исторических героев-евреев. Вопросы принципиального характера разрешаются съездом во всесоюзном масштабе, а на местах — окружными или губернскими съездами.

Состав: дети мелкой буржуазии и кустарей в возрасте с 9 лет, с 13 лет образованы отряды мальчиков и девочек, с 16 до 30 отряды «шомеров». Методы работы учитывают возраст и общее развитие членов организации.

Количественный состав — 9 тыс. чел.

Гомельский округ: «Ха-шомер ха-цаир» включает Гомельскую губернию и некоторые другие районы Белорусской республики. В Гомельский штаб входят Г. Голодец, А. Цирлина и представитель организации из Москвы. В Гомеле действует дружина из 5 патрулей (40–50 чел. в возрасте 14–18 лет). Это дети мелкой буржуазии, являющиеся учащимися государственных школ. Дружины существуют с 1918 г., в патрулях имеются скаутские уголки, инвентарь для жизни скаутов, библиотека национальной литературы. Работает патруль скаутов из «шомеров» с долголетним стажем. Дружины имеют тесную связь с Гомельским окружным штабом и иногородними отделениями и имеют влияние на учащуюся молодежь. Штаб дружины состоит из Г. Голодец, А. Цирлина, М. Голдовский, Ю. Мозырин, Л. Серебрянный и Белкина. В Новозыбкове есть отряд из 40–50 чел. под руководством А. Меластовского. Отряд в Быхове (40 чел., рук. Плоткин) поддерживает тесную связь с «Маккаби» и «Гехалуц». В Рогачеве — отряд скаутов «Юный маккавей» под рук. М. Гинзбурга. В Бобруйске остается крепкий отряд, хорошо принимающий условия нелегальной работы, дисциплинированный и крепко спаянный (40–50 чел., под рук. Г. Баршая). В Речице дружина насчитывает 50 чел. под рук. Д. Марголиной, которая находится сейчас в Петрограде. Обязанности рук. исполняет в Речице М. Сосновская. Представители окружного штаба часто выезжают на места для инструктажа. В Калинковичах — 50 чел., поддерживающие тесную связь с местным отделением «Маккаби» и «Гехалуц». В Мозыре дружиной из 25–30 чел. руководит Фридман. Скауты Мозыря состоят в организации «Гехалуц ха-цаир» и имеют влияние на городскую еврейскую молодежь. В Ново-Белице отрядом скаутов руководил Шандалов, отряд распался, но будет восстановлен.

Всего в Гомельском округе насчитывается 6 дружин, временно бездействующих, но готовых к восстановлению (350–400 чел.). Идейного перелома незаметно, за исключением Гомельской дружины, откуда откололась небольшая часть несогласных с палестинским вопросом. В последнее время в связи с общим течением в палестинских партиях сблизиться с

советской властью из-за отказа еврейской буржуазии вкладывать капиталы в строительство Палестины наметились перемены. На последнем нелегальном Всероссийском съезде вынесено предложение новой формы торжественного обещания для «шомеров», которые будут преданы общей пролетарской семье и готовы к ее защите. В случае объявления войны Англии Советской России в связи с нотой Керзона объявить мобилизацию 15% «шомеров».

«Маккаби»

Внеклассовая организация, финансируется еврейской международной буржуазией. Цели и задачи: физическое возрождение еврейского народа на собственной территории в Палестине путем спорта и гимнастики. Воспитание физически крепких молодых людей, способных к исполнению патриотического долга среди заблуждающихся масс еврейского населения.

Состав организации: мелкобуржуазная и кустарная молодежь, отмечается прилив еврейской бедноты в возрасте 16 лет и старше. Подотдел «Маккаби» есть в Быхове (20 чел.) под рук. Половцева, Герчика, Узильевского, Гиршгорна. В Рогачеве (30–40 чел.) подотдел распался. В Бобруйске (50 чел.) под рук. Г. Баршая считается лучшим в Гомельском округе. Располагает спортинвентарем, библиотекой и пишущей машинкой, гектографическим наборным станком и шрифтом на древнееврейском языке. Члены подотдела разбиты на группы, в которых изучают иврит. В Минске (25–30 чел.) под рук. С. Каплан остается крайне буржуазно мыслящим; в Ново-Белице до 1923 г. под рук. Шандалова и Левитина существовал подотдел из 15 членов, которые одновременно считались членами «Гехалуц», в большинстве своем рабочих. В Новозыбкове насчитывалось 40–50 чел. (преимущественно учащаяся молодежь) до 1923 г., но после того как его активисты выехали в Москву, приостановил свою деятельность. Предпринимаются попытки его восстановления под рук. Дразнина. В Речице (10–15 чл.) работают слабо из-за отъезда своего руководителя М. Генкина в Киев; в Мозыре (10–15 чел.) под рук. Бобровского; в Калинковичах (30–40 чел.) в основном кустарей и учащихся, которые одновременно входят в «Гехалуц» и располагают влиянием на молодежь.

Всего в Гомельском округе насчитывается 9 отделов (250 чел.), из которых 3 временно бездействуют.

«Гехалуц»

Цели и задачи: политизировать еврейские массы для образования в Палестине еврейского национального центра. Добиваться легализации под видом необходимости пролетаризации еврейских трудящихся.

Организационная структура: ЦК организации находится в Москве, на местах — районные комитеты, принципиальные и организационные вопросы решаются съездом.

Состав: кустари, мелкобуржуазный элемент, с 18 лет.

Районный комитет в Гомеле состоит из М. Грандец, А. Цирлиной, Будник. Его представители выезжают в Крым и другие районы СССР. Организация делится на группы, изучают иврит как обязательную дисциплину. В Быхове (15–20 членов) преимущественно кустари; в Бобруйске — крепкая, считающаяся одной из лучших в районе, организация (40–50 чел.) выполняет большое количество нарядов на отправку в Палестину. Имеются также организации в Речице, Рогачеве, Мозыре, Калинковичах и др. Внутри «Гехалуц» существуют два взгляда на развитие ситуации в Палестине. Первые считают, что это строительство нужно проводить на коллективных основах, а вторые — на индивидуальном подходе.

Таким образом, самоликвидация организаций «Ха-шомер ха-цаир», «Гехалуц» и «Маккаби», как и ослабление эмиграции в Палестину, позволяют очистить возрождающегося еврейского рабочего от вредного влияния. Гомельский регион, где имеется значительное количество еврейской кустарной молодежи, требует внимательного надзора за ходом развития этих организаций. Устранение их влияния — залог повести за собой всю заблуждающуюся рабочую молодежь как часть всемирного пролетариата в борьбе за великое будущее.

С. Голодец, руководитель комиссии
по самоликвидации «Маккаби» Гомельского округа

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, лл. 59–61.

О работе среди еврейской молодежи в 1926 г.

Из отчета евсекции Гомельского губкома

В 1926 г. в республике насчитывалось 12 тыс. 380 еврейских комсомольцев и 2 922 коммунистов-евреев, которые составляли 23,5% всех евреев — членов партии в БССР. Рост РКП(б) с 1922 г. составил 188%, а рост еврейских коммунистов — 141%. Это нужно отметить, потому что прошедшие годы мы имели два «ленинских призыва», осуществленных за счет промышленного пролетариата, чистки и крайне затрудненный прием в партию непролетарских элементов. Этот рост идет параллельно увеличению количества евреев в профсоюзах. Необходимо обратить серьезное внимание на социальный состав евреев-партийцев. В сельской местности большинство первичных парторганизаций без евреев. С другой стороны, в

парторганизациях есть евреи, которые не ведут работу среди еврейского населения.

Полностью оправдал себя институт еврейских уполномоченных в местечках. При всех недостатках они проделали колоссальную работу по организации советской общественности. В рамках БССР это 2 тыс. чел. и 1 тыс. на комсомольской работе. В последние годы кадры еврейских работников пополняются выпускниками советских учебных заведений, курсов и вузов. В то же время уровень развития и степень подготовленности кадров уполномоченных не соответствуют обилию функций и разнообразию форм работы, курсы переподготовки единичные.

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, лл. 65–68.

Влияние комсомола на еврейскую молодежь

Из отчета евсекции Гомельского губкома за 1926 г.

Усилившееся влияние комсомола на широкие массы еврейской трудящейся молодежи города, местечка и деревни привело к значительному ослаблению сионистских детских и юношеских группировок. Продолжающийся рост комсомольских и пионерских организаций среди евреев Союза ССР следующий.

Советские детские и юношеские организации среди евреев СССР, *чел.*

Организация	1 янв. 1924 г.	1 янв. 1925 г.	1 янв. 1926 г.	1 июня 1926 г.
Комсомол	19 815	48 111	68 207	90 197
Пионеры	10 000	72 882	112 480	132 000

Достижения:

Частичное улучшение положения еврейской молодежи в результате активной работы союза и стихийных процессов характеризуется заметным вовлечением еврейской молодежи в отраслях тяжелой индустрии, увеличение доли евреев в ФЗУ и профтехшколах, курсах, вовлечение молодежи в земледелие, кустарную промышленность, проведение массовой работы, юнсекций, приспособление местечковой ячейки к запросам молодых

людей, значительная экономическая работа, усиление работы КСМ в отделениях ОЗЕТ, увеличение количества пионерских отрядов на идиш, проведение курсов по подготовке еврейских пионерских работников, введение штатов для еврейских пионерских инструкторов.

Недостатки:

Отсутствие работы среди еврейской молодежи на крупных предприятиях, слабая работа на частных предприятиях, отсутствие активности среди безработной молодежи, недостаточное руководство работой в старых еврейских колониях, отклонения при организации местечковых ячеек от производственного принципа к разделению ячейки КСМ по национальности, недостаточная работа на идиш в юнсекциях, рабочих клубах, отставание издательской работы от возрастающей потребности на идиш в литературе для детей и юношей; рост националистических настроений на советской и антисоветской платформах, усиление религиозных настроений — выдвигают на передний план задачу борьбы за молодежь.

Работа среди детей:

Вести по принципу «родной язык», усиление работы в еврейских и нееврейских школах, выдвижение, подготовка и переподготовка еврейского пионерского актива, усиление работы среди детей неорганизованного населения, установление контактов между отрядами города и местечка, привлечение к работе пионеров еврейского учительства.

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, л. 127.

Борьба с религией

Из отчета евсекции Гомельского губкома за март-апрель 1923 г.

Весь март прошел в усиленной подготовке к антирелигиозной кампании, которая была развернута в самом широком масштабе. План мероприятий был разослан на места в первых числах марта, выпущен специальный номер «Ком вег» (2 000 экз.) и тезисы для агитаторов. В Гомеле было проведено сначала 80 собраний на идиш, выдвинут лозунг не оставлять работу в дни еврейской Пасхи и о замене религиозных праздников революционными. Почти все собрания приняли соответствующие резолюции, из 5 тыс. рабочих, принявших в них участие, против голосовало около 300 чел. Фактически большинство еврейского пролетариата, занятого на крупных государственных и частных предприятиях, вышли на работу в Песах. Весь заработок за эти дни пошел в фонд поддержки жертв контрреволюции.

24 марта был устроен митинг-концерт для женщин, на котором присутствовало не менее 1 000 женщин-работниц и жен рабочих. На первых вечерах праздника было дано 14 концертов, спектаклей, инсценировок, куда пришли свыше 6 тыс. рабочих с женами. Всего за время кампании было обслужено не менее 20 тыс. рабочих в Гомеле, в Ново-Белице — 17 собраний, митингов и вечеров (1 800 чел.), в местечках Гомельского уезда прошла кампания в Ветке и Носовичах. Кампания состоялась также в самом Могилеве, а в уезде не проводилась, за исключением Быхова. В ней принимала участие исключительно молодежь. Хорошо прошла кампания в Речице, где охватила всех рабочих. На проведение мероприятий в местечках были направлены три агитатора. В Климовичах — 1 митинг и 2 вечера (800 чел.), в Рогачеве и Новозыбкове (Черниговская губерния) проводились открытые диспуты с еврейскими духовными лицами. Некоторые курсанты губсовпартшколы были использованы для проведения кампании во время их отпуска. Хорошо прошла кампания среди еврейских детских домов и школ.

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1578, л. 19.

Суд над раввинами

Из отчета евсекции при Гомельском губкоме РКП(б)
за май-июнь 1923 г.

1–3 мая в Гомеле состоялся суд на еврейском языке над раввинами Шнеерсоном и Перловым, который вызвал большой интерес у населения (800–1000 рабочих). В конце мая прошел процесс над меламедами в Новозыбкове, для чего губернский суд командировал состав судей, владеющих идиш. Аналогичный процесс был проведен над меламедом в Чечерске Рогачевского уезда. По всей губернии ведется борьба с подпольными хедерами. В одном Могилеве было выявлено 8 хедеров, то же самое в Рогачевском и других уездах, весь материал по этому поводу передали в Гомельское ГПУ для придания суду виновных. В борьбе с клерикализмом и сионистскими организациями взаимопонимание между ГПУ и губсудом было полным.

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1578, л. 35.

Против осенних еврейских праздников

Мозырский окружной комитет КП(б)Б, Еврейское бюро

13 сентября 1924 г.

В связи с наступающими еврейскими религиозными праздниками Рош ха-шана, Йом Кипур на очереди дня становится вопрос о проведении антирелигиозной кампании среди еврейских рабочих и кустарей. Ее необходимо провести при активном участии всех евреев — коммунистов и комсомольцев, втянуто еврейское учительство и другие культурные работники. Особенно важно привлечь передовых еврейских рабочих, которые уже принимали участие в подобных мероприятиях. Основные моменты следующие:

1. Рабочий уже нерелигиозен, но не лишен старых привычек. Для того чтобы он [стал] совершенно свободным человеком, необходимо вырвать его из-под влияния остатков старого гнета, разъедающего пролетарский организм. Необходим лозунг: «Рабочий, будь верен своей пролетарской совести и не делай того, во что не веришь!» Кампания должна разъяснить массам, каким образом механическое соблюдение старых нравов и законов «по привычке», как обыкновенно оправдывается большинство, усиливает духовное рабство, укрепляет моральную и материальную базу клерикализма, питает источник существования чуждых рабочему классу паразитов духовного звания — раввинов и др.

2. Максимум внимания уделить женам рабочих как еще наиболее отсталому религиозному элементу, играющему традиционную роль в семейно-бытовой жизни. Рабочий часто говорит, что не совершал бы обряд, но жена настаивает.

3. Проводить кампанию через местные ячейки. По линии КСМ разослан соответствующий циркуляр. Разъяснять происхождение и суть еврейской традиции, разницу между религиозными и пролетарскими праздниками и т. п.

4. О проделанной работе собрать все материалы и срочно выслать в евсекцию при окружном комитете партии в Мозырь.

Сосновский,
секретарь окружкома

Косовер,
секретарь евбюро евсекции

Источник: ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 2, л. 32.

Борьба с еврейской Пасхой
Из протокола заседания бюро евсекции
при Гомельском губкоме партии

22 февраля 1923 г.

Тов. Киппер предложил:

1. Предварительная агитация начнется за две недели до Пасхи.
2. Проводить ее путем устройства собраний рабочих на предприятиях.
3. Выставить конкретные лозунги. В этом году это будет призыв к замене религиозных праздников общегосударственными. Ударными сделать первый и второй дни праздников. В этот день будет хорошо организовать инсценировку седера.
4. Созвать беспартийную рабочую конференцию, посвященную этой проблематике.

Тов. Нускультер:

1. Антирелигиозную кампанию нужно начинать еще с Пурима.
2. Силами РК КСМ организовать лекцию о юношеской поэзии и постановку спектакля.
3. Чтение цикла лекций (до 5), связанных с Пасхой.
4. В день седера отвлечь молодежь от семьи, организовать массовую демонстрацию с плакатами. Во второй вечер устроить собрание рабочей молодежи со спектаклем «Гот фун файер».
5. Провести специальный детский вечер с инсценировкой седера.
6. В последний день праздника организовать политсуд.

Тов. Фарбер:

1. Шумные кампании, которые здесь предлагаются, вызовут только сумбур в массах. Вместо этого нужно провести систему докладов и инсценировки, обратив главное внимание на внутреннее содержание темы, добиться глубины понимания, а не вносить лишний шум.

Тов. Билов:

1. Шум и подъем в массовой кампании имеет огромное значение, т. к. привлекает внимание людей и заставляет прислушиваться к нашим лозунгам. Одними лекциями и докладами молодежь не завлечь.
2. Наша задача извлечь молодых людей из дедовской атмосферы праздника. Очень нужны демонстрации для привлечения молодежи.

Тов. Брахман:

1. Внешняя форма в кампании заставляет прислушиваться. Праздничные формы ее проведения совершенно необходимы, они привлекут массу.

2. Не мешает выпустить соответствующую листовку.

3. Призвать рабочих выйти на работу в дни праздников.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Провести кампанию в широком масштабе, охватив взрослых рабочих и их жен, молодежь и детей.

2. Массовую работу проводить путем созыва собраний на рабочих местах, в рабочих клубах начав эти мероприятия за две недели до начала Пасхи.

3. Призвать к замене религиозных праздников общегосударственными.

4. Ячейкам предварительно провести индивидуальную агитацию среди рабочих и молодежи в дни Пасхи.

5. За три дня до Пасхи организовать широкую детскую конференцию.

6. Поручить созыв конференции губевбюро, наробразу и гор/райком-комсомолу.

7. Среди работниц и жен рабочих провести два митинга о религиозных праздниках.

8. В первый вечер Пасхи (седер) в театре им. Калинина инсценировать политсуд над Пасхой для рабочих и карнавал для молодежи. Политсуд завершить совместным шествием рабочих и молодежи.

9. Разработку плана мероприятий и сценария карнавала поручить комиссии в составе: Белова, Фарбера, Рыглина и Нускультера.

10. Во второй вечер Пасхи — собрание рабочих с докладом и концертом.

11. В середине Пасхи, «холь ха-моэд», созвать широкую рабочую конференцию по антирелигиозной тематике. Повестку конференции разработать отдельно.

12. РК КСМ устроить детский вечер.

13. Выпустить специальный номер «Ком вег», тезисы для докладов поручить составить Фарберову в двухнедельный срок.

14. Просить губком отпустить соответствующие средства. План компании разослать по всем уездным комитетам с требованием изложить свои предложения с учетом местных условий.

Председатель Киппер, секретарь Меерова

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1577, л. 8.

Против клерикалов и сионистов

Из резолюции Центрального бюро евсекции
при Агипропе ЦК ВКП(б)

4 сентября 1926 г.

Американская помощь весьма ощутима для небольшой части населения. Есть случаи, когда помощь из-за границы приходит в наиболее благополучные семьи. В Копаткевичах 20 семей получают от 20 до 600 руб. в месяц, в Паричах еврейские семьи получили из США 50 тыс. руб. Вокруг этих денег «путаются» клерикалы — «клей-койдеш» и сионисты, которые ищут подход к еврейской бедноте, что время от времени им удается.

Это происходит потому, что в местечках плохо организованы кассы взаимопомощи (Лапичи, Паричи). Беднота мало пользуется услугами медицинских учреждений — больницы, амбулатории, которые очень удалены. Это используют религиозная община, раввины, резники и др. Ряд нелегальных религиозных обществ и общественных организаций (гмилус-Хесэд) оказывают незначительную поддержку неимущим. Главным образом она поступает «бывшим людям» — разорившимся хозяевам и таким, кто не имеет в семье коммунистов или комсомольцев. Помощь основана на американских деньгах и местных пожертвованиях. Порой община накладывает собственный налог на еврейские семьи (10–20 коп.), коробочный сбор, за резку птиц и скота. За резку теленка раввин получает 50 коп., за шкуру — 2 руб. получает резник, 1 руб. — в коробку и 1 руб. мяснику. Кроме того, в руках синагоги остается монополия на дрожжи и свечи. Существуют в местечке специальные сборщики «членских» взносов. На эти пожертвования содержатся дом инвалидов, ночлежка, питание больным — все организуется раввином. Особенно большой авторитет раввин имеет от того, что ведет переписку с американским землячеством о присылке денег и по другим вопросам.

Синагогу продолжают посещать многие рабочие и кустари. Порой собрания на предприятии или в кооперации не могут состояться, потому что в это время большинство присутствует на молебне в синагоге. Торговцы помогают клерикалам чем только могут, стараются влиять на бедноту путем выдачи мелких кредитов и скидок на товары. В ряде мест они являются подлинными руководителями жизни местечка и выдвигают ультимативные требования. Главу одной из семей убили григорьевцы, вдова существует на помощь от общины. Ее сын — бывший сионист, вступил в комсомол и позволил себе критику в адрес бывших товарищей. Назавтра об этом стало известно, и к матери пришли из общины. Вдове дали понять, что она должна удерживать сына от подобных заявлений, в противном случае вдове предложили «кушать речи сына, а не хлеб».

Отсюда видно, что небольшая часть клерикалов извлекает для себя экономические выгоды и пытается держать в руках большую часть населения. Раввин ни перед чем не останавливается для отстаивания своей точки зрения. В Паричах нет бани, страдает все местечко, особенно беднота. Деньги для ее строительства можно взять из американских пожертвований и частично собрать на месте, но раввин поставил условие — сначала миква, если нет, то пусть местечко завшивеет, и бани до сих пор нет. В Копаткевичах раввин и два резника настояли на строительстве синагоги. Когда денег из Америки не хватило, общину обложили хлебным налогом. Когда на собрании местечка в присутствии членов комиссии, обследовавшей Копаткевичи, поставили вопрос о школе, все бурно запротестовали и потребовали сначала синагогу. Там же действует 4 хедера, не считая детей, обучающихся на дому. Существует детская группа псалтырщиков, которая собирается у синагоги и читает под руководством стариков псалтырь, поощряемая сладостями. Характерно, что ее противопоставляют еврейскому пионерскому отряду.

Рука об руку с клерикалами шли сионисты. Из-за слабости нашей работы им удается иметь некоторое влияние на взрослых, молодежь и детей. Местами им удается даже возглавить то или иное общество. Сионисты возражают против землеустройства евреев. В местечке в прошлом году образовался земледельческий коллектив, который уже был наделен землей. Но сионисты настаивали, что землю дают, а потом заберут, и нечего тратиться. Несмотря на тяжелое положение жителей местечка, что сионистам на руку, в целом это движение идет на убыль и теряет влияние.

Источник: ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, лл. 78–79.

Таблицы

Таблица 1

Социальная и профессиональной структуры занятости евреев Беларуси (1897–1926 гг.), *%*

Социальная группа	1897 г.	1924 г.	1926 г.
Наемные работники	34,6	29,0	16,7
Ремесленники (кустари)	—	22,0	26,4
Мелкие торговцы	—	10,5	10,0
Крестьяне	3,8	7,3	13,1
Служащие и посредники	6,3	—	17,0
Бедняки	10,0	—	—
Лица неопределенных занятий	15,0	32,0	7,9

Примечание. Составлено по В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (20–30-е гг. XX в.)*. Гомель, 1999. Т. 1, с. 87.

Таблица 2

Социальная и национальная принадлежность трудящихся в Гомеле (1926 г.), *%*

Социальная группа	Белорусы	Евреи	Русские	Поляки	Другие
Рабочие	30,2	17,2	40,3	2,1	10,2
Крестьяне	49,2	2,4	38,8	4	5,6
Производственные рабочие	19,9	36,0	40,0	1,4	2,7
Ремесленники (кустари)	8,6	71,0	17,7	0,7	2,0
Строительные рабочие	7,9	4,8	85,9	0,1	1,3
Железнодорожные рабочие	53,5	2,8	34,8	3,2	5,7
Служащие (врачи, учителя, юристы и т. д.)	29,4	29,4	32,9	0,1	6,0
Производственное население	56,8	5,7	32,4	1,8	3,3
Работающее население в городской черте	24,1	34,4	35,2	2,5	3,8
Работающее население в сельской местности	62,2	0,9	32,0	1,7	3,2

Примечание. Составлено по В. Пичуков, М. Старовойтов (ред.), *Гомельщина многонациональная (20–30-е гг. XX в.)*. Гомель, 1999. Т. 1, с. 88.

Таблица 3

Национальный состав населения БССР (по переписи 1926 г.)

Национально-этническая группа	**Численность населения,** *чел.*	**Численность населения,** *%*
Белорусы	4 017 300	80,6
Евреи	407 000	8,17
Русские	383 800	7,70
Поляки	97 400	1,96
Украинцы	34 600	0,70
Другие (татары, цыгане, немцы, чехи, др.)	42 800	0,86
Всего	4 982 900	100,0

Примечание. Согласно переписи населения, проведенной в 1926 г., в БССР насчитывалось 63 национально-этнические группы (всего в СССР — 188).

Составлено по А. Зеленкова, М. Старовойтова (ред.), *Гомельщина многонациональная (20–30-е гг. XX в.)*. Вып. II, Гомель, 2000, с. 97; І. Пушкін *Нацыянальгыя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцце 20-я гады XX стагодзя*. Магілёу, 2004, с. 7.

Таблица 4

Евреи в партийном аппарате Белорусской ССР (1929 г.)

Учреждение	Число евреев, %
Бюро ЦК или областного комитета	27,3
Президиум ЦК или областного комитета	23,8
Центральный исполнительный комитет	10,4
Областной комитет	17,6
Президиум областного комитета	2,2
Центральный аппарат управления	35,8
Академия наук БССР	8,7
Государственный университет БССР	18,2
Техникумы	19,1

Составлено по: Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки.* Минск, 2008, с. 151–152.

Таблица 5

Делегаты-евреи на съездах Советов Белорусской ССР (1921–1929 гг.)

Съезд	**Год**	**Количество делегатов,** *чел.*	**Количество евреев среди делегатов,** *чел.*	**Количество евреев среди делегатов**, *%*
3-й	1921	216	53	24,5
4-й	1922	250	66	26,4
5-й	1924	326	87	26,6
6-й	1924	405	123	30,3
7-й	1925	176	86	12,0
8-й	1927	676	115	17,0
9-й	1929	584	95	16,2

Составлено по Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки.* Минск, 2008, с. 151–152.

Таблица 6

Занятость еврейского населения в городе и деревне в БССР (по переписи 1926 г.), *%*

Социальная группа	В городе	В деревне	В БССР
Рабочие	19,3	6,8	16,7
Крестьяне	5,8	40,5	13,1
Ремесленники (кустари)	23,9	35,4	26,4
Служащие	19,8	6,1	17,0
Военные	1,4	0,3	1,1
Торговцы	11,1	6,6	10,2
Лица свободных профессий	0,9	0,3	0,7
Безработные	8,3	1,2	7,0
Другие	9,5	2,8	7,8

Составлено по Я. Басин, *Большевизм и евреи — Белоруссия 1920-е. Исторические очерки.* Минск, 2008, с. 153.

Таблица 7

Учащиеся в школах на идише в БССР (1922–1932 гг.)

Год	Число учащихся, *%*
1922	22,0
1926	44,5
1928	54,6
1932	64,0

Составлено по Я. Басин, *Большевизм и евреи – Белоруссия 1920-е. Исторические очерки*. Минск, 2008, с. 188.

Таблица 8

Список зарегистрированные иудейских общин и синагог в Гомеле и Гомельском округе (1927 г.)

Населенный пункт	Общины и синагоги
Гомель	Община Адас Исроэль / Большая Крупецкая синагога Малая Крупецкая / Карасика / Шул во Рву / Ловьянова Слобода / Любавич / Бейс-Исроэль / Трайнин Хадрас Койдеш (Хадрас Нейдеш) Молитвенный дом Егель возле старого кладбища Молитвенный дом возле кладбища на ул. Песковатая, 31 Бабушкина / Могилевская / Ново-Лядыш шул
Ново-Белица	Мерперта / Липы
Горваль	Горвальская / Любавичская / Чернобыльская
Носовичи	Носовичская
Поддобрянка	Старая / Кустарей
Юровичи	Первая / Вторая / Большая / Малая
Лоев	Лоевская / 4 еврейских молитвенных дома
Комарин	Комаринская
Ситничи	Ситническая
Холмеч	Первая / Вторая
Чечерск	Старая сельская / Малая сельская / Нижняя / Верхняя
Ветка	Малая / Деревянная / Каменная / Зарическая
Хойники	Третья Малая / Общественная / Новая № 1 / Рабочая №4
Речица	№1 / №2 / №3 / №4 / №5 / №6 Шнеерсона / №7
Брагин	Старая (Большая) / Рабочая Хайте / Шайкевича Штибель

Составлено по ГАГО, ф. 161, оп. 1, д. 177, лл. 25–35.

Таблица 9

Уровень образования евреев-членов городского исполнительного комитета Гомеля на 5 мая 1940 г.

Имя и фамилия	Место рождения	Социальное положение	Образование
Маркус Абов	Гомель	кустарь	среднее
Абрам Шехтман	Мозырь	рабочий	низшее
Марк Хавкин	Гомель	рабочий	низшее
Гедалья Текелин	Гомель	рабочий	низшее
Григорий Басс	Ново-Белица	рабочий	низшее
Елизавета Кацанельская	Брест	служащий	высшее
Аарон Фельдман	Журавичи	рабочий	низшее
Яков Махнович	Гомель	рабочий	низшее
Плате Песин	Тихоновичи	кустарь	низшее
Борис Хутимский	Новгород	служащий	низшее
Рахель Динкина	Гомель	торговец	низшее
Фаина Юдович	в районе Ветки	служащий	среднее
Лейба Корабельников	Ветка	служащий	высшее
Тамара Рабинович	Брагин	кустарь	среднее
Мария Каплан	Хойники	рабочий	среднее
Аарон Монастырский	Урицк	кустарь	среднее
Рувим Шухатович	Гомель	рабочий	низшее

Составлено по ГАГО, ф. 296, оп. 2, д. 27, лл. 8–9.

Таблица 10

Распространение газеты «Дер эмес» в Гомельском районе в январе — апреле 1928 г., *экз.*

Населенный пункт	Январь	Февраль	Март	Апрель
Брагин	22	23	21	17
Василевичи	—	—	1	2
Ветка	5	2	2	1
Гомель	130	135	131	136
Комарин	1	1	1	1
Красная Гора	—	1	1	2
Красная Звезда	—	1	1	1
Лоев	2	2	1	1
Манихино	—	1	—	—
Ново-Белица	4	4	4	8
Носовичи	—	2	—	—
Поддобрянка	8	10	9	9
Корма	1	1	1	1
Прибытки	1	1	1	1
Талька	1	2	2	1
Хойники	1	2	2	2
Холмеч	1	1	—	—
Чечерск	3	2	2	2
Юревичи	1	1	1	1
Горки	2	2	2	1
Костюковичи	—	—	—	2
Краснополье	6	1	—	—
Всего	189	195	183	189

Составлено по ГАГО, ф. 633, оп. 1, д. 189, лл. 220–220об.

Таблица 11

Синагоги Гомеля и Новобелицы в 1917 г.

№ п/п	Название	№ п/п	Название
Синагоги Гомеля			
1	Большая каменная	21	Новая Крупицкая
2	Малая каменная	22	Старосельская
3	Большая Любавичская	23	Быховская
4	Малая Любавичская	24	Сиротская
5	Старые Ляды	25	При талмуд-торе
6	Новые Ляды	26	Карасика
7	Пасковато	27	Кузнецов
8	Александровская	28	Долинная
9	Бейт Яаков	29	Поалей Цедек
10	Рош-Пина	30	Славина
11	Адрат Кодеш	31	Старая во рву
12	Торговцев	32	Неизвестно
13	Приказчиков	33	Извозчиков
14	Копысская	*Синагоги Новобелицы*	
15	Яакова Ловьянова	1	Новая
16	Цивина	2	Любавичская
17	Маянца	3	Мерперта
18	Трайнин	4	Либермана
19	Бабушкина	5	Новая Любавичская
20	Старая Крупицкая		

Составлено по

יל"ג כהנוביץ', 'הומל', ערים ואמהות בישראל, ירושלים תש"ח, עמ' 256-259.

Гетто в Гомельской области Белоруссии: общее и особенное, 1941–1942 гг.

Накануне Холокоста

Гомельская область была образована в январе 1938 г. на юго-востоке Белоруссии по соседству с Россией и Украиной. На 1 января 1941 г. она включала в себя 15 районов (Буда-Кошелево, Ветка, Гомель, Добруш, Жлобин, Журавичи, Корма, Лоев, Рогачев, Речица, Стрешин, Светиловичи, Уваровичи, Терехов, Чечерск), 235 сельских советов, 6 городов, 8 местечек и 1 рабочий поселок. По своей территории это была самая не большая из десяти довоенных областей БССР и имела всего 15,800 кв. км или 7% от общей территории республики. Столица области город Гомель (301 км от Минска) являлся крупным промышленным центром и важным транспортным узлом. Он связывал все железные и автомобильные дороги на Жлобин, Калинковичи, Бобруйск, Могилев (Белоруссия) и Чернигов, Щорс и Новозыбков (Украина) (см. таблицу № 1).

Население Гомельской области было многонациональным по своему составу и к началу 1941 г. насчитывало 917,100 чел. Здесь проживали в основном белорусы и евреи, а также русские, украинцы, латыши, чехи, поляки и немцы. Национальные меньшинства области до 1938 г. имели национальные округа и районы.[1]

Евреи занимали второе место после белорусов в Гомельской области — 20,969 чел. (январь 1939 г.), и находились, главным образом, в городах и местечках. Наиболее многочисленным еврейское население было в Корме (40,3%), Стрешине (33%), Речице (24,3%), Жлобине и Чечерске (по 20%).[2] Евреи были широко представлены служащими, интеллигенцией, врачами, инженерно-техническими работниками и квалифицированными рабочими, которые принимали активное участие в общественной и

[1] *В.И. Пичуков, М.И. Старовойтов.* Гомельщина многонациональная (20-30-е годы XX века. Гомель, 1999 г. Вып. 1, с. 50-52.

[2] *Mordechai Altshuler*. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A social and demographic profile. Jerusalem, 1998, p. 234.

культурной жизни.[3] С 1939 г. по 1941 г. еврейское население Гомельской области увеличилось за счет естественного прироста и притока в беженцев из оккупированной немцами Польши, всего — 1391 еврейский беженец,[4] и к лету 1941 г. количество евреев в области достигло 22,360 (20,969 + 1,391) человек. Что касается столицы области Гомеля, то его еврейское население в январе 1939 г. составляло 40,880 чел.[5] Можно предположить, что к лету 1941 г. что оно увеличилось за счет естественного прироста и беженцев (700 чел.) и составило не менее 44 тыс. чел. В таком случае, общее еврейское население Гомеля и области к началу советско-германской войны составляло около 70 тыс. чел.

Оборона

С началом войны Белоруссия оказалась на главном московском направлении продвижения армий "Центр", местом жестоких сражений. Люди были дезориентированы и ожидали контрнаступления Красной Армии. В судьбе еврейского населения области ключевое значение имела оборона Гомеля. В первой декаде июля 1941 г. Гомель еще считался относительно безопасным местом, поэтому сюда из Могилева переехали ЦК компартии и правительство БССР. Советские войска (21-я армия) переправились на правый берег Днепра и 13 июля 1941 г. нанесли внезапный удар по противнику. Они освободили Рогачев и Жлобин, хотя овладеть Бобруйском не удалось. Этот успех внушил надежду на то, что положение еще не так плохо. Однако 12 августа немецкие войска снова форсировали Днепр в районе Стрешина и начали наступление на Гомель. 14 августа они взяли Буда-Кошелево в 45 км от Гомеля, 19 августа начали бои в самом городе, и через три дня Красная Армия полностью отступила.

В отдельных районах Гомельской области сопротивление носило особенно упорный характер. На юге в районе Пинских болот (Мозырь, Калинковичи, Туров) военные действия начались 6-10 июля 1941 г. Туров защищали пограничники, регулярные части Красной Армии, моряки Днепровской речной флотилии, истребительный батальон (народное ополчение) и партизаны. Город несколько раз переходил из рук в руки. Первый раз нацисты овладели им 15 июля и оставались до 4 августа 1941 г. Второй раз

---

[3] *Sh. Cholawski*. «Soviet Rule in Western Byelorussia, 1939-1941, and the Repercussions for the Jewish Community during the Holocaust». World Conrgess of Jewish Studies. Jerusalem, 1980 (Hebrew).

[4] «Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939-1940». Documents. Introduced and annotated by E. Ioffe and V. Selemenev, // Jews in Eastern Europe, No 1 (32), 1997, p. 55.

[5] *M. Altshuler.* Distribution of the Jewish Population of the USSR, 1939. Jerusalem, 1993, p. 40.

они взяли Туров 14 августа, но к вечеру опять были отброшены. Ночью 23 августа немецкие бронекатера, приплывшие из Пинска, обстреляли Туров зажигательными снарядами. Соседние деревни Ридча, Слепцы, Черничи были подожжены, и Туров был занят.[6]

Потерпели неудачу попытки местных советских органов организовать оборону собственными силами. В Буда-Кошелевском, Добрушском, Журавичском и Уваровичском районах партизанские отряды из местных жителей отошли вместе с частями Красной Армии. В Мозыре из сотрудников милиции и госбезопасности в июле 1941 г. созданы мобильные группы для организации сопротивления. Однако немцы их быстро обратили в бегство. Участники этих формирований успели укрыться в деревнях под видом местных жителей, и только через год организовали партизанский отряд.[7] В середине сентября 1941г. был рассеян Речицкий партизанский отряд. Одни его участники погибли в боях, а другие вышли за линию фронта. После захвата Турова партизаны отошли вместе с пограничниками на правую сторону реки Ствига. В сентябре 1941 г. Туровский партизанский отряд слился со Столинским отрядом и проводил боевые действия на территории Давид-Городокского и Туровского районов до 30 сентября 1941 г., когда попал в окружение и был разгромлен.[8]

Эвакуация

Стремительность немецкого наступления не позволяла людям осознать угрожавшую опасность. Большинство из них были дезориентированы, многие ожидали контрнаступления Красной Армии. Нацисты оккупировали Минск уже 29 июня 1941 г., руководство которого тайно покинуло город без объявления эвакуации уже вечером 24 июня 1941 г. В результате, в Минске погибло почти 100 тыс. евреев. Витебск немцы заняли 11 июля 1941 г., и поэтому там погибло около 20 тыс. из 37 тыс. евреев. В Могилев немецкие войска пришли 27 июля 1941 г. и из 20 тыс. удалось спастись 10 тыс. евреям.[9]

Евреи Гомеля в этом отношении оказались в более предпочтительном

---

[6] *А.Ф. Вишневский,, А.М. Литвин*, Туров. Краткий исторический очерк. Минск, 1980 г., с. 38-40.

[7] Архив автора. Письмо Абрама Соломоновича Бухмана из Кармиеля 1 августа 1994 г.

[8] Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. В трех томах. Минск, 1967-1982 гг., т. 1, с. 118-119.

[9] *L. Smilovitsky.* "A Demographic Profile of the Jews in Belorussia from the Pre-war to the Post-war time" // Journal of Genocide Research (New York), Vol. 5 (1) 2003, p. 117.

положении. Немецкие войска пришли сюда не через несколько дней, как в западную часть Белоруссии, или недель, как в восточную, а почти на два месяца позже. Длительная оборона города и эвакуация промышленных предприятий в начале августа позволили многим уйти на восток. Из Гомеля было эвакуировано около 40 крупнейших предприятий, и каждый эшелон с промышленным оборудованием вывозил сотни людей. У нас нет сведений, сколько людей погибло по дороге от бомб, умерло от голода и болезней, путь к местам эвакуации был долгим и занимал от нескольких недель до нескольких месяцев.[10]

К 19 августа город покинули 80 тыс. жителей всех национальностей, и в Гомеле оставалось около 4 тыс. евреев из довоенных 44 тыс. чел. или 9%. В числе последних городов Гомельской области (в современных границах), Красная Армия оставила Речицу — 21 августа, Мозырь — 22, Туров — 23, Хойники — 25 августа 1941 г.[11]

Еврейское население местечек и небольших городов Гомельской области пострадали значительно больше. Основная их часть была удалена от железных и автомобильных дорог и в них ситуация разительно отличалась от промышленного Гомеля. Они избежали ударов с воздуха, туда не заходили беженцы с запада, которые могли рассказать о геноциде нацистов. Еврейская молодежь в предвоенный период выехала в индустриальные центры и на учебу, а люди старшего возраста привыкли жить «по старинке». Местные органы власти не проявили достаточно инициативы, и шансов спастись у евреев там было намного меньше. По этой причине в Буда-Кошелево погибло 98% еврейского населения, Паричах — 90,4%, в Стрешине — 84%, в Корме — 71%, Рогачеве — 72%. Но были и исключения, в Мозыре — 23,7% (речной порт на Припяти), Чечерске (лучше организована эвакуация) — 32,3%. Оборона Турова была упорной, местечко за два месяца три раза переходил из рук в руки, и евреи всеми средствами постарались уйти (пешком лесными дорогами и на телегах, по Припяти и Днепру на баржах и лодках) и почти 60% из них спаслись. В Речице, которая находилась в 60 км от Гомеля, имела железную дорогу и пристань на Днепре, наоборот, возможность спасения упустили. С июля по август 1941 г. Речица пережила три «паники», когда немцы, по слухам, прорывали фронт. Люди бежали, но, дойдя до Паричей, Гомеля или Лоева, возвращались. В результате, в гетто Речицы попали 48% членов общины, которых нацисты расстреляли в ноябре 1941 г.[12]

---

[10] *V. Dubson*. "On the problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941" // Jews in Eastern Europe, № 3 (40), 1999, pp. 37-56.

[11] Гомельская область. Гомель, 1988 г., с. 83.

[12] *L. Smilovitsky*. «Jewish Addresses in Rechitsa» // Journal of Federation of East European Family History Societies. USA. December, 2002, p. 12.

Начало оккупации и создание гетто

Территорию Гомельской области (в административных границах довоенных Гомельской и Полесской областей) оккупационные власти разделили на округа. Восемь районов (современные районы Гомель, Буда-Кошелево, Ветка, Добруш, Терехово, Уваровичи и Печера) составили Гомельский округ, который подчинили тылу группы армии «Центр», включая сам Гомель, который был переведен на положение прифронтового города. Южную часть Гомельской области (современные районы Петриков, Житковичи, Речица, Светлогорск, Туров, Мозырь и некоторые другие) присоединили к рейхскомиссариату «Украина», подчинявшемуся Житомирскому генеральному округу (см. таблицу 2).

После занятия территории (местечка, города или деревни) немцы старались четко определить, кто именно являлся евреями? Обычно для этой цели устраивали регистрацию оставшегося еврейского населения. В других случаях давались специальные указания. Областной комиссар в Мозыре разъяснял районному бургомистру в Калинковичах, что евреями необходимо считать всех, кто происходил от еврейских родителей. Уточнялось, что обряд христианского крещения не менял сути дела и, в этой связи, крестить евреев и полукровок категорически запрещалось.[13]

Следующим этапом было отделение евреев и образование гетто. В Гомельской области было образовано 20 гетто, в которых оказалось не менее 21 тысяч узников (см. таблицу 3). В самом Гомеле существовало четыре гетто, в Жлобине — два, в Корме — два, в Рогачеве, Брагине, Хойниках, Речице и некоторых других местах — по одному.[14] В Гомеле основное гетто находилось в районе Монастырек, куда согнали жителей центральной части города — 800 евреев. Второе гетто было по ул. Ново-Любенской (500), включая 97 евреев, переселенных в Гомель из Лоева. Третье гетто — на Быховской улице. Евреи, жившие в Ново-Белице на левом берегу реки Сож,, были помещены в отдельное гетто. В сентябре 1941 г. 200 узников гетто в Ново-Белице перевели в Монастырек. Узники были обречены, но в отношении евреев-специалистов делалось временное исключение. В приказе по кавалерийской бригаде СС от 28 сентября 1941 г. указывалось: "Само собой понятно, что ремесленников можно сохранить."[15]

Однако гетто в Гомельской области были организованы не везде. В ряде мест еврейского населения почти не осталось, а в других — его пере-

---

[13] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 8114, оп. 1, д. 965, л. 99.

[14] Yad Vashem Archives (YVA), Jerusalem, collection M-33/476, p. 18.

[15] Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 69, оп. 1, д. 818, л. 142.

селили в более крупные местечки. Гетто не создавали в Брагине, Ветке, Журавичах, Комарине, Копаткевичах, Лоеве, Наровле, Светиловичах, Уваровичах, Терехове, Турове, Хойниках и ряде других мест. Однако, несмотря на это, мужчин там ежедневно отправляли на принудительные работы и подвергали истязаниям, некоторым религиозным евреям обрезали бороды. Солдаты вермахта, порой, сообщали евреям о будущих расстрелах. В Турове сестры Вайнблат, Хася (15 лет) и Броня (13 лет) ходили чистить картошку на немецкую кухню, за что их кормили. Илья Гоберман вспоминает, как солдат (австриец) предупреждал, что каратели уничтожат всех евреев: «Бегите и чем быстрее, тем лучше».[16]

Сроки образования и существования гетто

Большинство гетто были образованы в Гомельской области за первые два месяца оккупации (конец августа-октябрь 1941 г). Из 20 гетто, устроенных в 15 населенных пунктах области, 13 гетто были созданы уже в сентябре, а 7 гетто — с октября по ноябрь 1941 г.[17] В крупные гетто (Гомель, Мозырь, Рогачев, Речица, Жлобин) евреев свозили со всего района. Всем беженцам (евреям и неевреям) было предписано вернуться к прежнему месту жительства, чтобы не было случайных людей. Оккупационные власти обязали указывать на чужаков. Была установлена круговая порука, и за укрывательство неизвестных следовало строгое наказание. Переселение в гетто обычно продолжалось несколько дней. Средств передвижения не давали, и каждый устраивался, как мог. На новое место разрешали взять только, что можно было унести в руках.

В Мозыре евреев поселили на улице Ромашов Ров (273 чел.), а через некоторое время туда перевели несколько семей и одиночек (38 чел.) из местечек Скригалово, Копаткевичи, деревень Прудок, Глинище, из Каменского сельсовета, а также отдельных евреев из Ельска, Петрикова, Наровли, Слобода, Мелешковичи, Михалок, Юрьевичи, Огородники, Заполье, Прудок, Редьки. Всего на 1 января 1942 г. в гетто Мозыря вместе с новоприбывшими оказалось 433 чел.[18]

Гетто в Гомельской области существенно отличались по сравнению с другими районами Белоруссии. Главным образом они служили местом изоляции евреев и пунктами сбора для быстрого уничтожения. Поэтому здесь не было никаких долгосрочных программ, отсутствовало медицин-

[16] Архив автора. Письмо Ильи Гобермана из Кирьят Ям, 17 сентября 2000 г.

[17] Подсчитано автором по кн.: «Места принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941-1944 гг.» Минск, 2001 г., с. 27-38.

[18] Архив КГБ Республики Беларусь. Материалы уголовного дела Подберезного Ивана Павловича от 21 января 1944 г., лл. 148, 151.

ское обслуживание и санитарный контроль, узники сами обязаны были заботиться о своем пропитании. В этом отношении гетто Гомельской области больше, чем в других районах республики напоминали концлагеря. Самым коротким оказалось гетто в Калинковичах (20-22 сентября 1941 г.). Два месяца гетто действовали в Буда-Кошелево, Добруше, Городец и Паричах, три месяца — Гомеле, Корме и Речице, четыре месяца — Рогачеве, Чечерске и Мозыре. Наиболее продолжительными (7-8 месяцев) оказались гетто в Жлобине, Петрикове и Стрешине — они просуществовали с сентября 1941 г. по апрель 1942 г. Узников гетто постепенно фильтровали на «нужных» и «бесполезных», голод и болезни приблизили их конец.

Место расположения гетто

Основная часть гетто располагалась в наиболее старых частях города или местечка, где выделялась одна или несколько улиц, из которых выселялось все нееврейское население. В Гомеле 4 гетто располагались по улицам Быховская, Монастырка, Ново-Любненская и в Ново-Белице. В Корме гетто устроили в двух местах - по ул. Абатурова и ул. Школьной, а в Петрикове — по ул. Володарского. Когда евреев становилось меньше, для этой цели использовали непригодные для жилья здания. В Жлобине одно гетто устроили в помещении бывшего Народного дома, а второе — по Первомайской улице. В Речице гетто действовало в помещении двухэтажном школы в фабричном районе по ул. Фрунзе за городской тюрьмой, в Унече — на птицефабрике, в Хойниках — в магазине. В Рогачеве евреев поселили в подвалах бывшего военного склада, а оттуда ежедневно отправляли убирать камни и кирпич, возить песок, воду.

Нацисты обязали евреев носить спереди и сзади особые отличительные знаки. Это могли быть желтые или белые круги, и реже шестиконечные звезды. Осенью 1941 г. в приказе по Мозырскому гебитскомиссариату указывалось, что каждый еврей или «мешанец» (полукровка — у которого один из родителей еврей) был обязан носить спереди и сзади желтый кусок материи величиной с ладонь. Отличительный знак необходимо было крепко пришить таким образом, чтобы отчетливо видеть даже тогда, когда верхняя одежда снималась. В ряде мест местные жители называли их орден Ленина и орден Сталина. За отказ носить желтые латы налагался большой денежный штраф, а в случае повторения — могли расстрелять. В большинстве мест особые знаки для евреев вводились еще до образования гетто.[19]

Все гетто Гомельской области охранялись. Покидать их пределы без особого разрешения запрещалось под страхом жестоких наказаний. Нельзя

[19] YVA, M-35/14.

было обмениваться товарами и продуктами, общаться и передавать новости. Нарушителей избивали, морили голодом, отправляли на штрафные работы. Часто эти истязания проводились публично в назидание остальным. Евреев можно было безнаказанно убить за любой проступок. Выход разрешался только на работу или для вывоза людей, умерших на кладбище, если отсутствовала похоронная команда. Цель: строгая изоляция, предотвратить доступ информации и предотвратить бегство. За самовольную отлучку наказывали всех жителей дома, членов семьи — вплоть до расстрела.

Вне пределов гетто могли жить по особому разрешению только не многие еврейские ремесленники и специалисты с семьями. Эта категория находилась под надзором белорусской полиции, а бургомистры из белорусов несли за них персональную ответственность. Больших гетто на территории области не было. Самыми крупными считались гетто в Речице (3,500) и Рогачеве (3,300), за ними шли Паричи (1,700) и Мозырь (1,500). В нескольких городах одновременно существовало несколько гетто. В Жлобине в двух гетто содержалось 1,200 чел., в Гомеле в четырех гетто — 4,000, в Корме — в двух гетто (700). Остальные гетто имели не несколько сотен узников — Чечерск (432), Стрешин (448) и Буда-Кошелево (485). Самым маленьким было, по-видимому, гетто в Добруше — 103 чел., а сведений о количестве узников в гетто деревни Городец Рогачевского района не сохранилось (смотри таблицу 3).

Состав узников по полу и возрасту

В Гомельской области среди застигнутых на оккупированной территории оказалось особенно много женщин и детей. Значительное большинство евреев, попавших в гетто, были обременены большими семьями, находились в преклонном возрасте или были больны. Взрослые мужчины и молодежь призывного возраста, женщины 20–40 лет, как правило, отсутствовали. Здесь было меньше и тех, кто испытывал иллюзии в отношении немцев, как «культурной нации», которые в 1918 г. не трогали евреев, и даже защищали их от русских погромщиков. В гетто Мозыря из 273 чел. женщины, девушки и девочки насчитывали 69% (164 чел.), а дети обоего пола в возрасте до 16 лет — 37%. (88 чел.). Пожилые люди в возрасте 70–75 лет и старше в этом гетто составляли 9%, 60–70 лет — 13%, 40–60 лет — 20%, а 17–39 лет 21%. Среди евреев Скригалова, Копаткевичей, Ельска, Петрикова, Наровли, Юрьевичи дети до 14 лет составляли 30,6%. При этом, молодежь 1920–1923 г.р. почти целиком отсутствовала.[20]

[20] Архив КГБ. Указанный источник, лл. 141-146, 148.

Еврейские советы (юденраты)

Роль внутреннего самоуправления в гетто выполняли еврейские советы или комитета, больше известные на Западе, как «юденраты». Активное участие в их образовании приняли айнзацгруппы СС и немецкая военная администрация. В приказе от 13 июля 1941г. по группе немецких армий «Центр» говорилось, что в населенных пунктах из 10 тыс. чел. в состав еврейских советов (юденратов) должны были войти 12 чел., а более 10 тыс. — 24 чел. Председателями советов назначали наиболее авторитетных евреев, часто из представителей интеллигенции, людей влиятельных, которые несли персональную ответственность за все инциденты в общине. В Минске в 1941 г. это был торговый работник, Витебске — учитель, в Могилеве — инженер. Их или выбирали сами узники гетто, или назначали немцы. Однако в том и другом случаях они мало, что могли сделать.

В Гомельской области еврейские советы возникли позже, чем на остальной оккупированной территории — в августе 1941 г. Их члены отвечали жизнью за исполнение всех приказов оккупационных властей. В состав юденратов включались только мужчины (3–12 чел.). Если по какой-то причине член еврейского («жидовского») совета выбывал, то на его место немедленно должен был встать кто-то другой. В Мозыре еврейский совет назначили из 12 чел., председателем поставили Ейшу Израилевича Койфмана (1891 г.р.), а его заместителем — Иосифа Янкелевича Бердичевского (1890). На совет были возложены функции расселения узников, поддержание внутреннего порядка и осуществлять контакты с оккупационными властями. Члены еврейских советов фактически оказались заложниками нацистов.[21]

В тех районах Гомельской области, которые оказались в зоне военной администрации, состав и обязанности еврейских советов определялись более четко, чем в зоне гражданской администрации. Сведений о еврейских советах (юденратах) очень мало, источники информации о них скудные и противоречивые. Большинство свидетелей, переживших немецкий геноцид, не охотно вспоминают об их деятельности. Это можно объяснить по-разному: как позорный торг власти, стыд за любой вид сотрудничества с оккупантами даже под видом выживания. Трудно провести грань между понятием «сотрудничал» и «не сотрудничал» о юденратах. С какой точки на это посмотреть? Сборы контрибуции — это сотрудничество или нет? Большинство еврейских советов руководствовались двумя основными

[21] Там же, л. 151.

соображениями. Ближайшая цель — это облегчить жизнь в гетто, а главная — уцелеть.[22]

Там, где юденратов не было, ставили еврейского старосту. Это назначение делалось по рекомендации бургомистра-белоруса из числа евреев имевших авторитет, покладистых и знающих немецкий язык. Старосты не имели своего аппарата власти (сотрудников с постоянными или временными поручениями). В Речице старостой был бывший меламед Маленкович, а в Турове поставили 6 старост: 4 белорусских и два еврейских. Еврейская полиция, как особые вспомогательные отряды, находившиеся в распоряжении совета, была не обязательна. Само понятие «еврейский полицейский» было двусмысленным, и вели они себя по-разному. Состав еврейской полиции был разнородным, мотивация, по которой они согласились на эту службу, существенно отличалась. Вместо оружия у них были палки и плетки. Во многих гетто еврейскую полицию было просто не из кого набирать. Мужчин призвали в Красную Армию или уничтожили каратели в первые летние месяцы 1941 г., а старики, женщины и дети служить в полиции не могли. Конец у всех был один, несмотря на обещания пощадить, убили всех.

Выборы старосты и регистрация в гетто считалась обычным мероприятием, понятным и не вызывавшим подозрений. Регистрацию проводили под предлогом обеспечения жильем, работой, переселения на новое место, сборами контрибуции, распределением питания и пр. В Мозыре список узников гетто по распоряжению городской управы составил Иосиф Бердичевский, в Речице — Маленкович. На деле, эти сведения собирались для будущих акций уничтожения, или как предлог сбора непосредственно накануне убийства. 20 сентябре 1941 г. в Калинковичах евреям приказали пройти регистрацию в помещении почты на ул. Ленина (более 700 чел.), а через два дня всех расстреляли.[23] Евреям Брагина 13 сентября 1941 г. приказали собраться в школе для выбора старосты и его заместителя, а когда 300 евреев пришли к указанному сроку, школу оцепили и поставили пулеметы. После этого евреев начали выводить группами на окраину местечка и расстреливать.[24] 1 декабря 1941 г. в Ветку прибыло 6 немецких офицеров из Гомеля и потребовали от коменданта провести регистрацию евреев, за уклонение от которой угрожали расстрелом. Евреев, прибывших на

[22] *Д. Романовский*. "Холокост в Восточной Белоруссии и Северо-Западной России глазами неевреев" // Вестник еврейского университета в Москве, № 2 (9), 1995, с. 93-103.

[23] *Марат Ботвинник.* Памятники геноцида евреев Беларуси. Минск, 2000 г., с. 204.

[24] YVA, M-33/1120, p. 5.

регистрацию (360 чел.), заперли на конюшне, а 3 декабря отвели к элеватору, заставили лечь рядами в ров и расстреляли из автоматов в упор.[25]

Принудительный труд

Гетто в Гомельской области, в отличие от большинства районов Западной Белоруссии, Польши и Литвы, не имели экономических целей. Евреев здесь очень редко посылали на работы, жизненно необходимые для города, района или немецкой армии. Это могла быть или заготовка топлива (Гомель, Речица, Мозырь), или ремонтно-строительные работы (Жлобин, Рогачев, Чечерск), или уборка территории. Возраст евреев, подлежавший трудовой повинности оговаривался разными немецкими инструкциями. Как правило, это было 16–55 лет для мужчин и 17–50 лет для женщин. Однако на практике это не соблюдалось. Чаще евреев использовали на работах, которые носили случайный характер: пилить дрова, корчевать пни, убирать улицы и мусорные ямы, закапывать трупы, собирать неразорвавшиеся мины, снаряды и бомбы. В Рогачеве евреи руками выгребали нечистоты из уборных, на которых было написано: «Только для немцев». В Гомеле, Калинковичах и Речице евреи на железнодорожной станции мыли и убирали вагоны, занимались разгрузкой и погрузкой, таскали шпалы, очищали подъездные пути, дороги и аэродром.[26]

Во время работ узников избивали палками и плетью, слабых и больных расстреливали. В Калинковичах стариков заставили мыть машины. Пейсахович из-за слабости не смог поднять ведро с водой. К нему подбежал немец, опрокинул ногой ведро, схватил у другого солдата горящий примус и поджег Пейсаховичу бороду, а тушить никому не разрешили. Убирать трупы привозили советских военнопленных. В гетто, где почти половина была инвалидов, на работу выходи все старики и дети. Детей заставляли мыть окна в полиции и комендатуре, таскать воду, чистить конюшни, мыть машины и мотоциклы, чистить дороги от снега. Отказ в выходе на работу мог обернуться трагедией. В Гомеле в сентябре 1941 г. за подобную провинность обещали расстрелять каждого пятого узника.[27]

Евреям намеренно не давали работать по специальности. Людей умственного труда, интеллигентов, учителей, врачей, инженеров направляли на тяжелые физические работы. Часто заставляли делать подчеркнуто унизительную и бессмысленную работу: ловить мух в комендатуре (Чечерск), таскать на себе телеги с водой, кирпичи, дрова и мусор с одного места на другое, копали и закапывали ямы (Петриков, Стрешин, Рога-

[25] Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. Мінск, 1985 г., с.119.

[26] ГА Гомельской области, ф. 1345, оп. 1, д. 15, лл. 3-6.

[27] НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л. 25

чев).[28] Только в случае необходимости прибегали к труду еврейских ремесленников. В Житковичах в октябре и ноябре 1941 г. еврейских портных заставили шить обмундирование для немецких солдат и полицейских, а после окончания работ всех расстреляли, с убитых сняли одежду и обувь.[29]

Состав полиции

В Восточной Белоруссии в отличие от Литвы и Западной Украины, некоторых районов Западной Белоруссии, немецкое вторжение не сопровождалось крупными еврейскими погромами. Однако это не говорило, что здесь отсутствовала почва для сотрудничества с оккупантами в уничтожении евреев.[30] Геноцид евреев в Белоруссии никогда не принял бы таких масштабов, если бы не помощь соучастников из местного населения. Немецкое руководство имело свои представления о белорусах, как народе «слуг и работников», «идеальном объекте эксплуатации». В Берлине планировали превратить Белоруссию в место ссылки для нежелательных элементов из стран Балтии и Польши.[31]

Привлечение белорусов и русских, украинцев и поляков для «окончательного решения еврейского вопроса» было принципиально важно для нацистов. Во-первых, это подтверждало тезис, что евреи — враги всех народов. Во-вторых, создавало враждебную среду, в которой евреям невозможно было укрыться, и они были обречены. В-третьих, получить практическую помощь в проведении акций уничтожения и выявлении уцелевших во время «зачисток» (повторных поисков).[32]

В августе-сентябре 1941 г. во всех городах и местечках Гомельской области были организованы отделения гестапо, СД (служба безопасности), местная гражданская полиция, тайная полевая полиция, полевая жандармерия, шуцполиция (охранная полиция), ваффкомпания (караульная команда при военной комендатуре).[33] В Речице полицейский участок открыли в бывшем доме доктора Жолквера на Вокзальной улице, а начальником полиции стал бывший бухгалтер хлебозавода Коржевский. Полицейская управа помещалась в бывшем здании райисполкома по ул. Советской,

---

[28] Советская Белоруссия, 16 мая 1995 г.

[29] НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л. 188-об.

[30] *Sh. Cholawsky*. The Jews of Belorussia during Wold War II. Amsterdam, 1998, pp. 81-82.

[31] *C. Gerlach*, Kalkulierte Morde, Hamburg, 1999, s. 94-111.

[32] *Y. Buchler.* "Local Police Force Participation in the Extermination of Jews in Occupied Soviet Territory" // Shvut, 4(20), 1996, pp. 79-99.

[33] ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 217, л. 14.

помощником бургомистра был назначен Чаловский.[34] Мозырь стал центром одноименного гебитцкомиссариата и был подчинен рейхскомиссариату «Украина» в Житомире. Руководителем полиции в городе назначили Ивана Подберезного, бывшего начальника районного отдела НКВД в Ельске, которому помогали около 40 полицейских из местных жителей.[35]

В Турове полицейский участок (36 чел.) разместили в помещении бывшей военной комендатуры пограничного отряда. Первым бургомистром стал бывший учитель сельской школы Максим Бруй по прозвищу «козел» за тонкий голос. Бруй «наделал много горя», выдавал недовольных «без оглядки».[36] Начальником полиции Турова был Акулич, который в прошлом служил в НКВД в Западной Белоруссии. После него полицейский участок в местечке возглавил Петр Кресо, бежавший в 1944 г. при отступлении с немцами, а бургомистрами - Аваакум Страх и Петро Сыромахо. Кроме них в Турове нацистам помогали коллаборационисты из Столина и Давид-Городка. В Рогачеве начальником полиции был Сидоренко, в Гомеле — бывший полковник РККА Кардаков, в Хойниках — Демьянинко.[37]

Активное участие белорусской полиции в акциях против евреев и, в ряде случаев, проявление ими особой жестокости объяснялось (1) стремлением доказать немцам свою лояльность, (2) опьянение властью, (3) антисемитизм, (4) заслужить материальное поощрение и (5) присвоить еврейское добро. Среди полицейских оказывались бывшие соседи, знакомые, родственники евреев, люди, считавшиеся до войны друзьями. Однако не всегда это было на пользу жертвам. В Паричах местных житель И. Минц, перед тем, как пойти служить в полицию, убил свою жену Фридл Нисман и двух детей. В д. Давыдовка Мирьям Паперную выдала немцам ее свекровь.[38] В Юровичах Калинковичского района Василий Прищепа, служивший в полиции, укрыл жену и детей во время ликвидации гетто, но взамен стал склонять к сожительству свою падчерицу. Когда

---

[34] Архив автора. Письмо Михаила Балтэ и Сары Бер из Речицы 12 января 2000 г.

[35] «Мозырские страницы Холокоста» // Берега (Минск), март-апрель 2002 г.

[36] Архив автора. Письмо Зиновия Вагера от 15 марта 2001 г. из Пинска.

[37] Цецилия Шапиро вспоминает, что после побега из Минского гетто она с паспортом на имя русской женщины оказалась в Гомеле. При оформлении прописки Кардаков направил ее для определения расовой принадлежности к немецкому профессору Феберу. Заключение экспертизы утверждало, что Шапиро являлась «безусловно арийского происхождения», что спасло ей жизнь. См: Неизвестная черная книга. Свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев, 1941-1944 гг. Москва-Иерусалим, 1993 г., с. 255

[38] *L.Smilovitsky.* “Righteous Gentiles, the Partisans and Jewish Survival in Belorussia, 1941-1944” // Holocaust and Genocide Studies, Vol. 11 (3), Winter 1997, pp. 309.

жена Сима возмутилась, он вывел её вместе падчерицей из убежища и застрелил. Потом напился, прибежал домой, схватил собственных детей и закричал: "За мной идите, жиденята, и вас прикончу!" Мать Василия, Акулина, спасла внучек.[39]

Белорусская полиция (50 тыс. чел.)[40] отвечала, в основном, требованиям оккупационных властей. Ее дополняли добровольцы из «Белорусской Народной Самопомощи», «Союза Белорусской Молодежи», «Белорусской Краевой Обороны», которые разделяли нацистскую доктрину «окончательного решения» еврейского вопроса.[41] Вместе с тем, для уничтожения евреев в Белоруссии нацисты привлекали карателей из Украины и стран Балтии, которые считались более надежными. По этим соображениям немецкое денежное содержание (зарплата, суточные, премиальные) у литовских и латышских полицейских было выше, чем у полицейских из Украины, а последних — чем у белорусских.

Условия существования в гетто

Невероятная скученность, антисанитария, отсутствие медицинской помощи, нехватка элементарных бытовых условий были типичными для большинства гетто. На одну комнату в 20 кв. м приходилось от 7 до 20 чел. Вещей почти не было, и это облегчало размещение. Состав узников в гетто быстро уменьшался — болезни, перевод на другое место работы, убийства. Многие искали место в подсобных помещениях — сараях, чердаках, хлеве, погребах. В хозяйстве «Прогресс Рогачевского района построили нары в три яруса и печь. Спальные принадлежности отсутствовали, готовить приходилось на кострах. В Рогачеве и Стрешине люди в гетто жили в маленьких домиках. Ночью многие не могли даже лечь и спали сидя, если от прежних жильцов оставались кровати, то спали подвое или трое и столько же под кроватью, и поэтому часто не раздевались.

Немцы не кормили евреев в гетто и не платили им за участие в принудительных работах. По воспоминаниям узников, голод мучил сильнее страха. К страху привыкали, и он притуплялся, но к голоду привыкнуть было нельзя — есть хотелось даже во сне. Самыми ценными продуктами

---

[39] Тела Симы и её дочери Прищепа похоронил под угрозами односельчан. После освобождения Юровичей Прищепу судили и дали срок, умер он в Мозырской тюрьмы, по другим сведениям, его убили сами заключенные // *L. Smilovitsky*. “The Fate of Jewish Children of Belorussia During the Holocaust, 1941-1944” // Yalkut Moreshet, No 68, 1999, pp.121-144 (Hebrew).

[40] *Gerlach.* Op. Cit, s. 204-205.

[41] *B. Chiari.* Alltag hinter der Front. Kollaboration und Widerstand in Weisrusland, 1941-1944. Schirften des Bundesarchivs, Bd. 53. Dusseldorf: Droste Verlag, 1998. s. 119.

считались мука и жир. Животных, домашней птицы, собак или кошек в гетто не было. Мяса и фруктов никто не ел, иногда была морковь и картофель, капуста. Большинство варили овощной суп. Пользовались отходами столовых. Вареные кости подбирали после разделки на кухнях немецких воинских частей или вынимали из мусорных ящиков. Из них вываривали жир, готовили студенистый навар, который шел в пищу или на продажу.

Выжить можно было только за счет собственных запасов, обмена и помощи со стороны белорусов. Насколько была велика эта помощь, необходимо рассматривать в каждом отдельном случае. Местные жители помогали безвозмездно, как правило, «своим» евреям — тем, кто состоял в браке с белорусами, деревенским евреям помогали бывшие соседи и односельчане. Но эти «свои» составляли меньшую часть заключенных в гетто. Основная масса могла рассчитывать только на обмен, который был запрещен. Обмен требовал хорошей организации и доверия, а в отдельных случаях приходилось делиться с полицией, которая закрывала глаза.[42]

Имущество евреев

После занятия немецкими войсками населенных пунктов всё имущество евреев объявлялось собственностью Рейха.[43] Однако еще до этого в дома, оставленные эвакуированными евреями, вторгались гораздо чаще, чем в дома неевреев. Сами нацисты побуждали местное население к грабежу евреев. Они заявляли, что «жиды» — это эксплуататоры белорусов и те имеют право вернуть свое добро. В результате военных действий многие остались без крова над головой, и нацисты предложили белорусам и русским занять дома евреев — прежде всего тем, кто пошел к ним на службу.

В гетто налагали контрибуции. Под угрозой расстрела заложников собирали обручальные кольца, золотые и серебряные вещи, монеты, хозяйственное и туалетное мыло, постельные принадлежности, белье, одежду и другие вещи. В гетто Гомеля в сентябре 1941 г. немецкие солдаты группами и по одиночке совершали «экскурсии» и отбирали понравившиеся им вещи, их примеру следовали белорусские полицейские.[44] В Рогачеве в ноябре 1941 г. каратели из СС, прибывшие для ликвидации гетто, раздевали и обыскивали евреев, избивали палками и плетками. В общую бочку

---

[42] *Л. Смиловицкий.* Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941-1944 гг. Тель-Авив, 2000 г., с. 46-48.

[43] L. Smilovitsky. “Nazi Confiscation of Jewish Property in Belorussia”. Review on: “Natsistskoe zoloto iz Belarusi, Dokumenty i materialy” (Nazi gold from Belorussia: documents and materials). Minsk, 1998. // *Jews in Eastern Europe*, No 1(37), 1998, pp. 75-79.

[44] НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, л. 4.

бросали найденные ценности и деньги, затем всех закрыли в подвале большого каменного здания, а на утро расстреляли.[45] В Ветке 3 декабря 1941 г. немцы увезли в Гомель 8 машин с еврейским имуществом, а только потом начался расстрел.[46]

Нацисты преследовали нееврев, согласившихся взять на хранение имущество евреев. Однако в большинстве случаев еврейская собственность, ценности и золото попадали к белорусам и русским не в виде передачи на хранение, а как плата за укрывательство, обмен на продукты питания, наконец, просто в результате грабежа. Местные жители заранее готовились к акции, узнавая о ней через родных, служивших у немцев. Они дежурили в прилегающих к гетто кварталах. После ликвидации узников наиболее ценное забирали немцы и полицейские, затем оцепление снималось, и в район гетто врывалась толпа Мародеры заходили в дома, обыскивали тела погибших, снимали обувь и одежду, выламывали зубные коронки, искали ценные вещи, деньги и часы. Забирали и увозили вещи и съестные припасы, растаскивали мебель, уносили из домов всё, что могло пригодиться - двери, рамы, окна. После этого кварталы, где еще недавно жили евреи, представляли собой одни скелеты зданий. Полиция брала под охрану оставшееся имущество евреев. Дома продавали местному населению, вещи убитых отправили в стирку в еврейские прачечные, а затем в ремонт в портняжные мастерские и продавали.[47]

Методика проведения акций.

Уничтожение гетто готовилось заранее и проводилось, как тщательно продуманная операция. Как правило, она делилась на два этапа. Сначала отбирали молодых и крепких мужчин, которых уводили из гетто под предлогом выполнения какой-то работы, заставляли готовить яму и убивали. Так гетто лишалось той своей части, которая была способна к сопротивлению. В нее могли входить бывшие партийные и советские, комсомольские работники, или просто здоровые мужчин, а иногда и женщины. Активная прослойка была невелика — молодежь призывного возраста уже была в армии. Расстрел первой части проводился большими силами немцев, опытными карателями со всеми предосторожностями (Гомель, Мозырь, Калинковичи, Корма). Белорусской полиции в первом расстреле отводилась второстепенная роль. Оставшихся евреев, подавленных и лишенных воли к жизни, женщин, стариков и детей можно было брать голыми руками (Добруш, Чечерск, Житковичи). Спустя некоторое время по-

[45] Там же, ф. 4, оп. 29, д. 113, л. 669.
[46] Архив управления МВД Гомельской области, ф. 12, оп. 1/8, д. 1, т. 1, л. 118.
[47] НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 483, лл. 29-30.

лиция из местных жителей выводила их из гетто с минимальным конвоем к месту расстрела. Такой прием удавался без труда там, где ликвидация еврейского населения проводилась рано — сентябрь-октябрь, начало ноября 1941 г. Зимой 1942 г. применялась другая тактика — облава (Жлобин, Петриков, Стрешин, Чечерск).

Роль белорусской полиции в убийствах евреев стала особенно заметна во время второй волны уничтожения, начиная с февраля-марта 1942 г. К этому времени она превратилась в более организованную силу, а немцы, со своей стороны, испытывали все большую нужду в персонале карателей, т. к. все больше сил приходилось перебрасывать на фронт. В процессе акций местные полицейские выгоняли евреев из домов, конвоировали к определенному месту, окружали кордоном и нажимали на курок. После массового расстрела именно полицейские активно искали спрятавшихся евреев, и отличались при этом большей жестокостью, чем немцы.[48]

Акции уничтожения

Убийства евреев проводились немцами в соответствии с известным приказом о комиссарах (Komissarbefhl) от 6 июня 1941 г. Его положения гласили, что к «комиссарам» причислялись все евреи всех возрастов обоего пола, включая детей. Руководство вермахта имело на этот счет приказ фельдмаршала Рейхенау от 10 октября 1941 г. и директиву Кейтеля «Евреи на ново оккупированных восточных территориях» от 12 сентября 1941 г. Уничтожение еврейского населения Гомельской области проводилось в несколько этапов.

Первым этапом стали действия карателей из айнзацгрупп и зондеркоманд, полицейских частей СС, вермахта и местных коллаборантов уже летом 1941 г.

Второй - концентрация еврейского населения в гетто для последующего уничтожения (лето-осень 1941 г.).

Третий — ликвидация узников гетто (осень 1941 г. — весна 1942 г.).

Четвертый — «зачистка» поиски и уничтожение уцелевших (весна — начало лета 1942 г.).

Пример «умиротворения завоеванных восточных территорий» в Белоруссии показала айнзацгруппа «Б». Это была одна из четырех айнзацгрупп СС, специально созданных для физического уничтожения евреев, комиссаров (коммунистов и советских работников) и других врагов Рейха. Она два раза прошла по восточным районам БССР (лето-осень 1941 г. и зима-весна 1941—1942 гг.), проводя массовые расстрелы, в ходе которых погибли

[48] *M. Dean.* Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941-1944. New York-London, 2000, p. 77.

тысячи евреев.[49] В августе 1941 г. проводилась карательная операция «Припятские болота», в которой принимали участие 1-я кавалерийская бригада СС и части 162-й и 252-й пехотных дивизий. Они прошли с запада на восток Пинскую, Полесскую, Гомельскую и часть Минской областей. В местах, где они встретили сопротивление, уничтожались целые деревни. По сведениям командира кавалерийской бригады СС, в результате карательной операции было расстреляно 13 788 советских граждан.[50]

Немецкие "доклады о событиях" сообщают о казнях отдельных групп евреев Гомельской области в сентябре-ноябре 1941 г. В самом Гомеле в августе нацисты убили 10 евреев "за диверсионные акты" сразу после вступления в город, в октябре — 52 еврея, "выдававших себя за русских". В декабре 1941 г. айнзацгруппа "Б" доложила о расстреле 2 365 евреев Гомеля «за поддержку партизан». Кроме айнзацгрупп с евреями расправлялись отряды из "командо-штаба рейхсфюрера СС" (Kommandostab ReichsAihrer-SS), полицейские формирования (немецкая "полиция порядка" — ОРПО, секретная полевая полиция (GFP), полевая жандармерия и местные комендатуры.[51]

Часть евреев Гомельской области погибла в тюрьмах (Брагин, Мозырь, Наровля, Паричи, Речица, Чечерск) и рабочих лагерях (Жлобин, Калинковичи, Любань, Хойники, Щедрин). В Гомеле сотни евреев умерли на торфоразработках в Кабановке и других трудовых лагерях, куда переводили заключенных из тюрьмы и гетто.[52]

Предлоги, которыми пользовались каратели для сбора еврейского населения перед акцией, не отличались разнообразием. Это могли быть приказы о регистрации, переселении, сообщении новых условий существований на оккупированной территории и т. д. В Калинковичах 20 сентября 1941 г. вывесили объявление всем евреям переселиться на постоянное место жительства на Дачную улицу. Тем временем 4 офицера гестапо искали место для массовой акции. Они выбрали железнодорожный переезд в Дудичах в 1,5 км от города, куда 22 сентября 700 евреев были доставлены на 12 грузовых автомобилях и расстреляны.[53] В Петриков каратели прибыли на моторных лодках и катерах по р. Припять. Они приказали

---

[49] *H. Krausnick., H.H. Wilhelm.* Die Truppe des Weltanschaungskrieges. Stuttgart, 1981, s. 179-186; *Ch. Gerlach.* Die Einsatzgruppe B // Die Einsatzgruppen in der bersetzten Sowjetunion 1941/42. Berlin, 1997, s. 52-70.

[50] «Карательные операции против партизан и населения» // Немецко-фашистский геноцид в Беларуси, 1941-1944 гг. Минск, 1995 г., с. 346.

[51] YVA, 053/3.

[52] *Д. Романовский*. «Сколько евреев погибло в промышленных районах Восточной Белоруссии в начале немецкой оккупации (июль-декабрь 1941г.)?» // Вестник еврейского университета, № 4(22), 2000 г., с. 167.

[53] НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, лл. 25-26.

местным жителям мелом нанести кресты на свои дома и начали расправу с евреями, которых загнали в воду и расстреляли (более 300 чел). На следующий день уцелевших евреев искали по домам и убивали прямо на улицах.[54] В Копцевичах собрали 25 женщин, стариков и детей, посадили на автомашину под предлогом везти на допрос в Петриков, но их довезли только до урочища Железница и там расстреляли.[55]

С августа 1941 г. по февраль 1942 г. тысячи евреев погибли в ходе разрозненных акций в местах, где гетто отсутствовали: Брагин, Ветка, Житковичи, Комарин, Копаткевичи, Красное, Пирки, Поддобрянка, Лельчицы, Наровля и многих других местах. До настоящего времени удалось найти документальное подтверждение смерти 11 705 евреев из 53 населенных пунктов современной Гомельской области, которые не являются окончательными (см. таблицу № 4).

Убийства сопровождались издевательствами и садизмом. 15 сентября 1941 г. в д.Боянов Петриковского района Лазарю Расовскому каратели выкололи глаза, кинжалом разрезали грудь и разбили голову.[56] В Горвале Хаю Шпилевскую привязывали к мотоциклу и заставляли бежать, а старика опускали на веревке в колодец и обратно, 33 еврея Горваля расстреляли разрывными пулями.[57] В Речице Юдку Смиловицкого (1901 г.р.) немцы приказали запрячь в сани (*даже не в телегу — Л.С.*) вместо лошади, а его жену Хаю (1906) погонять мужа кнутом. Когда она отказалась, Юдку убили, а Хаю отправили в тюрьму. Назавтра ее сын Левушка (1937) пытался передать матери узелок с продуктами через забор, и был застрелен конвоиром с вышки. Басю Смиловицкую (1872) столкнули в погреб дома по улице Комсомольской и нескольких дней наблюдали, как она умирала.[58]

Призывы к возмездию

В ходе акций уничтожения встречались люди, которые перед лицом смерти не потеряли самообладания. Они посылали проклятия нацистам и их соучастникам, призывали к отмщению, выражали веру в победу Красной Армии и заявляли, что их мужья, отцы и братья не оставят без наказания виновных в их гибели. В Калинковичах 23 сентября 1941 г. неизвестный мужчина 30 лет кричал: «Вы убьёте нас, но советская власть будет жить!»[59] В Лельчицах перед расстрелом Малка Марголина из Турова, муж

[54] Там же, ф. 845, оп. 1, д. 12, л. 47.

[55] *М. Ботвинник.* Памятники геноцида евреев Беларуси. Минск, 2000 г., с. 207.

[56] YVA, M-33/1126, p. 50.

[57] НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, лл. 341-342, 350.

[58] Архив автора. Письмо Ф.Л. Заёнчик из Москвы от 7 июня 1994 г.; ГАРФ, ф. 7021, оп.85, д. 217, лл. 1-8.

[59] ГАРФ, ф. 7021, оп. 91, д. 273, лл. 7-9.

которой Мейшке был на фронте, выхватила из-за пазухи платок и крикнула: «Всех не расстреляете, за нас отомстят мужья!» Мейшке и его брат Ицл Марголины погибли в боях с нацистами.[60] В Речице во время расстрела 25 ноября 1941 г. Хава-Сейна Рудницкая заявляла: "Сталин победит!", а Борис Смиловицкий кричал: "Бандиты, фашисты, вы проливаете нашу кровь, но всё равно Красная Армия победит и отомстит за нас!" [61]

Примеры подобного поведения, отмеченные и в ряде других мест, свидетельствуют о мужестве и опровергают миф о покорности евреев и нежелании сопротивляться. Поставленные в безвыходное положение они не хотели мириться с участью и выражали свое отношение к убийцам.

Сокрытие следов преступлений

Весной 1942 г. по приказу Гиммлера были созданы специальные отряды, известные как зондеркоманда-1005» под командованием штандартенфюрера Пауля Бломбеля. Им было поручено вскрывать могилы, и сжигать трупы, принимать другие меры для сокрытия мест массовых захоронений.[62] В 1942-1943 гг. подобные мероприятия были проведены в Гомельской области. Для их осуществления использовали евреев, военнопленных и местных жителей. Весной 1942 г. в Рогачеве размыло водой ров (3,000 трупов), часть из них попала в реку Друть. Немцы мобилизовали население вылавливать их баграми и снова закапывать. В декабре 1943 г. перед отступлением из города, разложившиеся человеческие останки, скелеты и кости выкопали, сложили в штабеля и чередуя рядами бревен. Штабеля облили керосином, смолой и зажгли - костры горели трое суток. Вокруг немцы выставили оцепление, и никого не пускали, аналогичные меры были приняты в Паричах, Гомеле и Наровлею.[63] При освобождении Мозыря в январе 1944 г. было установлено, что 18 могил на еврейском кладбище (960-1000 трупов), 5 могил во дворе тюрьмы СД по ул. Пушкинской (275), 4 могилы в овраге урочища Ромашов Ров (850), 2 могилы по дороге из Мозыря в д. Бобры Мозырского района - не имели надмогильных холмов, табличек или других признаков погребения.[64] Однако, эти действия не достигли цели, следы преступлений нацистов были установлены и доказаны.

---

[60] Архив автора. Письмо Татьяны Левиной из Натании, 5 октября 1999 г.

[61] YVA, M-33/476, p. 19.

[62] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации, 1941-1944 гг. Сборник документов и материалов. Под ред. Ицхака Арада. Иерусалим, 1991 г., с. 29.

[63] Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941-1944 гг. Документы и материалы. Минск, 1963 г., с. 232

[64] «Мозырские страницы Холокоста» // Берега (Минск), март-апрель 2002 г.

Отношение к геноциду

Местное население было осведомлено о геноциде евреев, несмотря на усилия нацистского руководства скрыть от посторонних акции уничтожения. Специальные приказы запрещали скопление зрителей при массовых казнях[65], проведения расстрелов за чертой города, выкапывания и сжигания трупов.[66] Они узнавали об убийствах от тех, кого нацисты заставляли хоронить, от случайных свидетелей, из рассказов полицейских, участвовали в дележе еврейского имущества.

Большинство местных жителей отвернулось от евреев. Прежде всего, из-за страха или из-за традиционного антисемитизма — выдавали евреев-соседей, беженцев из гетто, но прятали военнопленных и советских солдат окруженцев. За спасение еврея ожидали материального вознаграждения, тогда как русских спасали «за так». Сказалась и жестокость репрессий за 24 года советской власти, которая притупила чувства сострадания и милосердия. В памяти белорусов были живы примеры «жидокомиссаров», не пропорционально большого участия евреев в революции, коллективизации, советских и партийных органах. Многие белорусы и русские опасались не столько прихода немцев, сколько военных действий. Немцы обещали вернуть частную собственность и отменить колхозы. Новая власть требовала уважения и подчинения, а евреи были объявлены врагами этой власти.

Перемены произвели на евреев самое тягостное впечатление. Они почувствовали, что мир отвернулся от них, что все — и немцы, и белорусы, и русские — сообща против евреев. Это деморализовало и у большинства пропадало желание бежать или искать помощи у соседей. Уходить в лес было не к кому, партизан в 1941 г. — начале 1942 г. еще почти не было и до весны 1942 г. их положение было отчаянным. Разрозненные и малочисленные отряды партизан укрывались в труднодоступной местности. Они не пользовались поддержкой населения, не располагали необходимой силой, средствами связи и огневой мощью. Партизаны часто видели в евреях обузу. Старики, женщины, дети, больные и истощенные люди не были приспособлены к жизни в лесу и сковывали действия партизан. Евреев, ввиду невероятности их спасения, порой, принимали за немецких шпионов, подосланных отравить колодцы и ликвидировать партизанских командиров.[67]

---

[65] Приказ руководителя гестапо Мюллера от 30 октября 1941 г. // W. Benz u.a. (Hrsg), Einsatz im “Reichskommissariat Ostland”, Berlin, 1998, s. 69.

[66] *W. Orbach,* “The Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied Territories of the USSR” // Soviet Jewish Affairs, 6 (2) 1976, pp. 32-51.

[67] *Д. Романовский.* «Холокост глазами евреев - его жертв: на примере восточной Белоруссии и северо-западной России» // Вестник еврейского университета в

Расширение масштабов геноцида евреев в 1942 г. заставило многих белорусов пересмотреть свое отношение к оккупационным властям. Уничтожение евреев немцами от мала до велика, включая полукровок и нееврейских супругов, приводило к вопросу о том, кто будет следующим после евреев? Этому способствовали и страшные акции возмездия нацистов за помощь партизанам, в ходе которых уничтожались целые белорусские деревни вместе с жителями. Все это в итоге привело к негативной реакции местных жителей на массовое убийство евреев. Некоторые белорусы помогали евреям с риском для собственной жизни, однако число спасенных не сопоставимо с количеством евреев, переданных в руки нацистов.[68]

Вывод

В Белоруссии, которая наиболее пострадала в годы войны среди других республик СССР, политика геноцида мирных жителей была разработана достаточно подробно, но при этом не было принято говорить о жертвах среди евреев.[69] Считалось, что Белоруссия потеряла столько белорусов, что говорить отдельно о геноциде евреев не пристало. Гибель советских евреев рассматривалась исключительно в свете противостояния СССР и Германии, а термин «геноцид» в первые 15 лет после окончания второй мировой войны не употребляли. Одним из наименее изученных регионов Холокоста в Белоруссии до сих пор остается современная Гомельская область.

Приведенные выше материалы позволяют выделить следующие общие и особенные стороны нацистского геноцида в этом южном регионе республики:

Общее

— физическая ликвидация еврейского населения была составной частью оккупационной политики нацистов в период советско-германской войны,

---

Москве, №1 (17), 1998 г., с. 84-119; *Л. Рейн.* «Отношение белорусского населения к евреям во время Катастрофы, 1941-1944 гг.» // Евреи Беларуси. История и культура. Вып. VI. Минск, 2001 г., с. 181-205.

[68] К настоящему времени известно немногим более 500 «праведников народов мира» из Белоруссии. Подробнее: *L. Smilovitsky*. “Righteous Gentiles, the Partisans and Jewish Survival in Belorussia, 1941-1944.” // Holocaust and Genocide Studies. Vol. 11 (3), Winter 1997, pp. 301-329.

[69] Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь. Аннотированный справочник. Минск, 1998 г.; Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайне. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства. Пад рэд. А.М. Літвина, Мінск, 1999 г.

— Гомельская область оказалась той частью Восточной Белоруссии, где впервые на практике был опробован механизм поголовного уничтожения евреев. Айнзацгруппа «Б», одна из четырех айнзацгрупп СС, два раза прошла по ее районам летом-осенью 1941 г. и зимой-весной 1941-1942 гг.

— основным предлогом для уничтожения стала «советизация» евреев-восточников (Гомельская, Могилевская, Минская и Витебская области), которые, по мнению нацистов, были наиболее проникнуты коммунистическим влиянием, и способны к сопротивлению,

— немецкое вторжение не сопровождалось крупными еврейскими погромами подобными в Литве, Западной Украине, некоторых районов Западной Белоруссии, несмотря на это, нееврейская часть населения пошла на сотрудничество с нацистами в уничтожении евреев,

— как и во всех остальных областях Белоруссии в полицию пошли служить не только противники советской власти, репрессированные и уголовные элементы, но и бывшие ее функционеры, коммунисты, работники НКВД и офицеры РККА,

— для уцелевшей после первой волны уничтожения части евреев Гомельской области были созданы гетто, которые не имели ничего общего с гетто Европы, Польши и стран Балтии (отсутствие культурной, религиозной, медицинской деятельности, школ, благотворительных организаций, нелегальной экономической деятельности),

— условия существования в гетто (скученность, антисанитария, отсутствие медицинской помощи, нехватка элементарных бытовых условий), голод и болезни являлись типичными и были рассчитаны на «естественную» убыль узников,

— антисемитская пропаганда нацистов была воспринята и нашла отклик у части местного населения, они отказывали евреям в убежище, выдавали и убивали их,

— еврейское имущество было присвоено оккупационными властями, стало предметом грабежа и мародерства со стороны полиции и местных жителей,

— отношение к геноциду евреев (мирных жителей, партизан и советского руководства) до настоящего времени является неудобной темой. Руководство современной Беларуси не признало свою часть вины за геноцид евреев на территории республики в годы войны. Белорусская историография отрицает, что политика геноцида была направлена в первую очередь против евреев. Оспорить это нельзя, потому что нацисты никогда не убивали белорусов по этническому признаку (только акции возмездия, устрашения и нарушения приказов).

Особенное:

— Гомельская область - наименьшая по территории из областей БССР (15,800 кв. км), находилась по количеству еврейского населения (70 тыс. чел.) на четвертом месте после гораздо более крупных Минской, Могилевской и Витебской областей,

— была оккупирована последней в республике в конце августа 1941 г.,

— еврейская часть населения испытывала меньше иллюзий в отношении немцев, как «культурной» нации 1918 г., не способной обидеть евреев,

— большинство среди эвакуированных евреев оказалось жителями городов; многие работали на промышленных предприятиях, подлежавших эвакуации; они обладали определенной самостоятельностью мышления, что позволило правильно оценить опасность, которую таила нацистская оккупация,

— наибольшие потери понесли малые непромышленные города и местечки Гомельской области - еврейство "вчерашнего дня", сохранившее традиционную культуру, но мало затронутое "переломом" 1920-х и 1930-х гг., оно было менее политизированным и самостоятельно мыслящим. Местечки лежали в стороне от дорог, их не бомбили с воздуха, там не видели беженцев с запада Белоруссии, их население зачастую было старым, потому что молодежь мигрировала в большие города,

— гетто в Гомельской области служили местом изоляции евреев и пунктами сбора для быстрого уничтожения, поэтому здесь не было никаких долгосрочных программ, отсутствовали медицинское обслуживание и санитарный контроль, узники сами заботились о своем пропитании; в этом отношении гетто здесь больше, чем в других районах республики напоминали концлагеря,

— больших гетто на территории области не было, самыми крупными считались гетто в Речице (3,500) и Рогачеве (3,300),

— режим изоляции в гетто был более строгим, все они охранялись; за их пределами могли жить только отдельные специалисты по особому разрешению и надзором белорусской полиции и бургомистров;

— большинство узников гетто составили женщины и дети (до 60%), а также старики, тогда как здоровых, молодых и крепких мужчин и женщин почти не было; мужчины призывного возраста ушли в армию, другие эвакуировались вместе с предприятиями или бежали самостоятельно,

— отсутствовали классические юденраты (еврейские советы) и даже их подобие (Минск, Могилев, Витебск), с аппаратом сотрудников и четким распределением обязанностей; сроки существования юденратов были очень ограничены, в гетто намного больше было еврейских старост, которые служили посредниками между узниками и немецкой администрацией,

— гетто Гомельской области не имели экономических целей в отличие от большинства районов Западной Белоруссии, Польши и Литвы; евреев редко посылали на работы, жизненно необходимые для города, района или немецкой армии; большинство поручений имели случайный характер — заготовка топлива, ремонт и строительство, или уборка территории — это подтверждало скорое запланированное уничтожение узников,

— большинство узников были равны в своем несчастье, у них отсутствовали антагонизмы, характерные для евреев «восточников» и «западников».

Всего за годы оккупации общие потери еврейского населения Гомельской области, по не полным данным, достигли 32 633 чел. Из них в 20 гетто созданных в 15 населенных пунктах, в результате акций уничтожения, голода и болезней погибло 20 928 чел., а вне гетто в 53 населенных пунктах — 11 705 чел. Всего в 1941—1944 гг. Гомельская область потеряла 53 360 мирных жителей разных национальностей, из которых 61,2% составили евреи. Можно предположить, что только своевременная эвакуация и упорная оборона области в августе 1941 г., воспрепятствовали еще более тяжелым людским утратам.

Катастрофа во многом сократила численность еврейского населения Гомельской области и существенно изменила его социальный и культурный облик. Евреи, устойчиво занимавшие в области второе после белорусов место, навсегда уступили его русским. В 1959 г. из общего количества населения области 1 361 841 чел. евреи насчитывали теперь только 45 007 чел. или 3,3%, тогда как белорусы — 86,7%, русские — 6,6%, украинцы — 0,9%, поляки — 0,5%. Изменились места компактного проживания евреев, усилились процессы миграции, ослаб интерес к языку идиш, возросло количество межнациональных браков. В 1959 г. едва 25,6% всех евреев Гомельской области признавали язык идиш своим родным языком, тогда как русский язык — 71,99% евреев, а белорусский — 2,29%евреев.[70] С другой стороны, последствия Катастрофы обострили национальное самосознание и побудили многих евреев к самоидентификации. Все это отразилось на общей национальной политике властей в Белоруссии. Не только евреи, но и другие меньшинства утратили свои права. Атрибуты национальной жизни были оставлены только белорусам, как коренной нации, хотя по своей сути они оказались формальными.

История геноцида евреев в Гомельской области не написана и ожидает своего исследования. В объективном ее освещении должны быть заинтересованы, как евреи, так и белорусы.

---

[70] Подсчитано автором по материалам «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Белорусская ССР». Москва, 1963 г., с. 126.

Таблицы

Таблица 1

Административно-территориальное деление БССР и количество населения на 1 января 1941 г.

Наименование области	площадь (тыс кв. км)	население (тыс. чел.)	сельское (тыс. чел.)	городское (тыс. чел.)	городов	поселков город. типа	сельских районов	сельскихсоветов
БССР	225,7	10454,9	8118,8	2336,1	78	131	192	2808
Барановичская	23,3	1184,4	1012,5	171,9	9	15	26	375
Белостокская	20,9	1368,8	934,8	434	13	26	23	334
Брестская	17,2	790,4	666,3	124,1	8	10	18	234
Вилейская	20,7	938,3	864,5	73,8	9	9	20	304
Витебская	28,3	1293	929	364	8	19	20	309
Гомельская	15,8	917,1	656,4	260,7	6	8	15	235
Минская	28,3	1347,2	931,4	415,8	6	16	21	288
Могилевская	28,9	1402,1	1075,7	326,4	12	11	21	359
Пинская	16,3	533,6	446,8	86,8	4	6	11	159
Полесская	26,0	680	601,4	78,6	3	11	17	211

Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры Белорусской ССР к началу Великой Отечественной войны. Изд. СНК БССР, Москва, 1943 г., с. 25).

Таблица 2

Распределение гетто на оккупированной территории Белоруссии в 1941-1943 гг.

Немецкое административное деление Белоруссии	Довоенные названия	Гетто	в %
«Volyn-Padoliya» (Reichskomissariat of «Ukraine»)	большая часть районов Брестской, Пинской и Полесской областей	45	16,9
Region of «Bialystok» (a part of Reich)	Белостокская область, и северо-западные районы Брестской области, Гродно, Волковыск	110	41
Zone of the German military administration («Center» Army Group	Витебская, Могилевская, большая часть Гомельской области, восточные районы Минской и некоторые другие районы Полесской области	43	16%
«Weisruthenien» (Reichskomissariat of «Ostland»)	Барановичская область, районы Вилейской, Минской, Пинской, Брестской и Полесской областей	70	26,1
Всего:	на оккупированной территории БССР	268	100

Таблица составлена по материалам: И. Альтман. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941-1945 гг. Москва, 2002 г.; Трагедия евреев Беларуси в годы немецкой оккупации, 1941-1944 гг. Сборник документов и материалов. Изд. 2-е. Под ред. Р. Черноглазовой. Минск, 1997 г.; Холокост в Беларуси, 1941-1944 гг. Документы и материалы. Сост. Э.Г. Иоффе, Г.Д. Кнатько, В.Д. Селеменев. Минск, 2002 г.; Shalom Cholawski. The Jews of Belorussia During World War II. Amsterdam, 1998.

Таблица 3

Количество евреев, погибших в гетто на территории Гомельской области в 1941-1942 гг.

Населенный пункт	Евреев в 1939 г.	Создание гетто	Ликвидация гетто	Всего погибло	И с т о ч н и к и
Буда-Кошелево	496	25 октября 1941 г.	27 декабря 1941 г.	485	ГА Гомельской области, ф.1345, оп. 1, д. 7, л. 8; ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 35, лл. 8-11.
Гомель, 4 гетто по улицам Быховская, Монастырка, Ново-Любенская, Ново-Белица	40,880	начало октября 1941 г.	начало ноября 1941 г.	4000	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, л. 4; ГА Гом. обл. ф. 1345, оп. 1, д.9, л. 4, 181-203, 226; д. 12, л.34; ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 413, л.15; д. 415, л. 40
д. Городец Рогачевского района	-	сентябрь 1941 г.	октябрь 1941 г.	?	ГА Гомельской области, ф.1345, оп.1, д. 15, л. 55
Добруш, 3 км от города	441	сентябрь 1941 г.	октябрь 1941 г.	103	ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 38, л. 1, 10, 22

Жлобин, 2 гетто: в здании бывшего Народного дома и по ул. Первомайской	3,709	сентябрь 1941 г.	12 апреля 1942 г.	1200	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, л.144; ГА Гомельской области, ф.1345, оп.1, д. 8, л.3; ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д.413, л. 15; д. 214, л. 3, 27.
Калинковичи	3,386	20 сентября 1941 г.	22 сентября 1941 г.	900	НАРБ, ф. 845, оп. 1, д.12, л. 122
г/п Корма, 2 гетто, по ул. Абатурова и ул. Школьная	981	сентябрь 1941 г.	8 ноября 1941 г.	700	НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 113, л.667; ГА Гомельской области, ф. 1345, оп. 1, д. 5, лл. 1,2,9; ГАРФ, ф. 7021, оп.85, д. 215, л. 1-2.
Мозырь, ул. Ромашов ров	6,307	осень 1941 г.	6-7 января 1942 г.	1500	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л.2, 8, 9; ф. 845, оп. 1, д. 12, л.32; ЗГА в Мозыре, ф. 310, оп. 1, д.15, л. 4, 12,14; ГАРФ, ф.7021, оп. 91, д.20, л. 4.

г/п Паричи	1,881	сентябрь 1941 г.	ноябрь 1941 г.	более 1700	НАРБ, ф. 845, оп. 1, д.60, л. 33; ф. 861, оп. 1, д. 12, л.157об-158.
Петриков, ул.Володарского	1,074	сентябрь 1941 г.	конец апреля 1942 г.	260	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л.47, 47-об.
Хозяйство «Прогресс» Рогачевского района		сентябрь 1941 г.	март 1942 г.	3,300	ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д.39, л. 10об, 11.
Речица, фабричный район	7,237	сентябрь 1941 г.	25 ноября 1941 г.	3,500	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, л. 339; ГА Гомельской области ф. 1345, оп. 1, д.1, л. 2, 378-80; ГАРФ, ф.7021, оп. 85, д. 413, л.15.
Рогачев	4,601	сентябрь 1941 г.	начало декабря 1941 г.	3,300	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, л.99-100; ф. 4, оп. 29, д.113, л. 668; ГАРФ, ф.7021, оп. 85, д. 413, л.15.

г/п Стрешин Жлобинского района	531	сентябрь 1941 г.	14 апреля 1942 г.	448	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, л. 144; ГА Гомельской области ф. 1345, оп. 1, д.8, л. 3; ГАРФ, ф. 7021, оп. 85, д. 41, л. 2,7.
Чечерск	977	сентябрь 1941 г.	28 декабря 1941 г.	432	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, л.207об; ГА Гомельской области ф. 1345, оп. 1, д.13, л. 2об.
Всего 20 гетто (15 нас.пунктов)	72,501	сентябрь 1941 г.	апрель 1942 г.	21,828	НАРБ, ГАРФ, ЗГА в Мозыре, ГА Гомельской области

Таблица 4

Количество евреев Гомельской и Полесской областей (современная Гомельская область), погибших вне гетто в 1941-1943 гг.*

Населенный пункт	Погибло	Время акции	И с т о ч н и к и
д. Алексичи Хойникский район	366	VIII 1942	Памяць. Беларусь. Минск, 1995 г., с.318
д. Антоновка Калинковичский р-н	11	XI 1941	ГАРФ, ф. 7021, оп. 91, д. 15, л. 74, 96.
д. Бабичи Чечерский район	15	3 II 1942	Збор помнікаў гістрыі і культуры Беларусі. Гом. вобласць. Мн. 1985, с.360
д. Бабуничи Петриковский район	20	7 XI 1942	Збор помнікаў гістрыі і культуры Беларусі. Гом. вобласць. Мн. 1985, с.274
Брагин	300	13 IX 1941	ГАРФ, ф. 7021, оп.1, д. 2, л.44-45
д. Брынев Петриковский район	4	II 1943	Yad Vashem Archives, M-33/1126, p. 47-об
д. Велимов Брагинский район	15	1941	Памяць. Беларусь. Минск, 1995 г., с.239
г/п Ветка	390	3 XII 1941	Архив Управления МВД Гомельской области, ф.12, оп. 1/8, д. 1, т. 1, л. 118
д. Глушковичи Лельчицкий район	9	IX 1941	Yad Vashem Archives, M-33/1130, p. 34

д. Горваль Речицкого района	33	7 IX 1941	Память. Речицкий р-н. Минск, 1999 г. Кн. 1, с. 249
д. Давляды Наровлянский район	4	XII 1941	Марат Ботвинник. Памятники геноцида евреев Беларуси. Минск, 2000, с. 223
д. Давыдовка Светлогорский р-н	74	8 II 1942	ГАРФ, ф. 7021, оп. 91, д. 12, л. 32-33
д. Дубровица Хойникский район	62	V 1942	Памяць. Беларусь. Минск, 1995 г., с.318
д. Дьяковичи Житковичский район	7	II 1942	Yad Vashem Archives, M-33/1123, p. 52, 53
Житковичи	167	VIII, XII 1941, II 1942	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л. 188-об
д. Журавичи Рогачевского р-на	120	1941	Памяць. Беларусь. Минск, 1995 г., с.303
д. Ковтичи Светлогорский р-н	318	III 1942	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 2, л. 94
д. Копоринка Брагинский район	7	X 1941	Yad Vashem Archives, M-33/1125, p. 123
д. Копцевичи Петриковский район	96	IX-X 1941	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л. 162
д. Колыбань Брагинский район	10	X 1941	Yad Vashem Archives, M-33/1125, p. 5
Ельск	18	I 1942	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л. 211-об

г/п Комарин	89	IX-X 1941	НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 12, л. 44
д. Копаткевичи Петриковский район	35	III 1942	Yad Vashem Archives, M-33/1126, p. 6
д. Красное Брагинского района	18	IX-X 1941	НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 12, л. 45
Лельчицы	790	VIII-IX 1941	Yad Vashem Archives, M-33/1124, p. 75
д. Ленин, Житковичский район	2000	VII 1941, VIII 1942	Память. Житковичский рай-он. Минск, 1994 г. с. 459-467.
г/п Лоев	87	1943	Память. Беларусь. Минск, 1995 г., с. 286
д. Люденевичи Житковичский район	105	IX-XII 1941	Yad Vashem Archives, M-33/1123, p. 52
Наровля	110	23 XI 1941	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 12, л.169-170
д. Новая Ёлча Брагинский район	17	X 1941	Збор помнікау гістрыі і культуры Беларусі. Гом. вобласць. Мн. 1985, с. 240
д. Огородники Калинковичск. район	20	XII 1941	Yad Vashem Archives, M-33/1124, p. 10
д. Осташковичи Светлогорский р-н	4	3 II 1942	Yad Vashem Archives, M-33/1122, p. 33
д. Переров Житковичский район	80	18 VIII 1941	Память. Житковичский район. Минск, 1994 г. с. 425
д. Печищи Светлогорский р-н	82	10 II 1942	НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 2, л. 94

д. Пирки Брагинский район	10	IX-X 1941	НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 12, л. 44
д. Поддобрянка Добрушский район	200	IX 1941, I-II 1942	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, л. 203об
д. Птичь Петриковский район	33	XII 1941	Память. Петриковский район. Минск, 1995 г. с. 338-340
д. Пуховичи Житковичский район	13	XII 1941	Yad Vashem Archives, M-33/1123, p. 42
д. Ридча Житковичский район	8	VIII 1941	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 6, л. 213
д. Рубеж Лельчицкий район	13	X 1941	Yad Vashem Archives, M-33/1127, p. 38
Светлогорск (бывшая д.Шатилки)	351	III 1943	НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 2, л. 94
д. Свержань Рогачевский район	250	23 XII 1941	Память. Беларусь. Минск, 1995 г., с.202
д. Симоничи Лельчицкий район	5	X 1941	Yad Vashem Archives, M-33/1127, p. 38
д. Ситня Калинковичск. район	18	IX 1941	ГАРФ, ф. 7021, оп. 91, д. 15, л. 11, 20-об
д. Сметаничи Петриковский район	22	VII 1942	НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 12, л. 50-об
д. Сторожовцы Житковичский район	25	20 VIII 1941	Збор помнікаў гістрыі і культуры Беларусі. Гом. вобласць. Мн. 1985, с. 262
г/п Тереховка Дубрушский р-н	55	IX 1942	Память. Беларусь. Минск, 1995 г., с. 260
г/п Туров	570	VIII-IX 1941	ЗГА в г. Мозыре, ф. 310, оп.1, д. 9, лл. 1-79; д. 19, лл. 1-64

д. Уваровичи, Буда-Кошелевский район	247	18 XI 1941	Память. Беларусь. Минск, 1995 г., с. 242
д. Шугали Лельчицкий район	12	X 1941	Yad Vashem Archives, M-33/1127, p. 68
д. Щедрин Жлобинский район	1600	2 III 1942	НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 60, л. 33; ф. 861, оп. 1, д. 2, лл. 93-95
д. Юровичи Калинковичск. район	540	19, 27 XI, XII 1941	ГАРФ, ф. 7021, оп. 91, д. 15, л. 136
В с е г о	11,705	1941-1943	53 населенных пункта

*Приведенные данные являются неполными, поскольку не включают беженцев из других районов Белоруссии и Польши, евреев, которые меняли место жительства или были перемещены оккупационными властями в более крупные населенные пункты. Часть из них была задержана по дороге или вблизи указанной деревни или местечка.

Таблица составлена по материалам НАРБ; ГАРФ; Зонального государственного архива (ЗГА) в г. Мозыре; Государственного архива Гомельской области, Архива Управления МВД Гомельской области; Yad Vashem Archives (Jerusalem); *Збор помнікаў гістрыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць*. Мінск. 1985; М.Ботвинник. *Памятники геноцида евреев Беларуси.* Минск, 2000 г.; *Память*. Беларусь. Минск, 1995 г.; *Память. Речицкий район*. Минск, 1999 г. Кн. 1; *Память. Житковичский район*. Минск, 1994 г.; *Память. Петриковский район*. Минск, 1995 г.; *Немецко-фашистский геноцид в Беларуси, 1941-1944 гг.* Минск, 1995 г., с. 346; *Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941-1944 гг.* Документы и материалы. Минск, 1963 г.; *Места принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941-1944 гг.* Справочник. Минск, 2001 г.

Таблица 5

Гетто, тюрьмы и лагеря на оккупированной территории Белоруссии в 1941-1944 гг. (в современных границах).

Название области	Гетто	Тюрьмы	Лагеря уничто-жения	Лагеря военно-пленных	Лагеря гражданск. населения	Рабочие лагеря
Брестская	28	14	3	2	14	1
Витебская	36	15	1	2	22	10
Гомельская	20	11	1	1	29*	21
Гродненская	31	7	-	4	4	-
Минская	40	13	2	7	11	6
Могилевская	12	15	-	4	17	59
Всего	167	75	7	20	97	97

*Включая четыре детские донорские лагеря (7-17 лет), расположенных в хозяйстве «Красный берег» Жлобинского района, г/п Петриков, д. Лучицы Петриковского района и г. Паричи.

Таблица составлена по материалам: *Нацистская политика геноцида и выжженной земли в Белоруссии, 1941-1944 гг.* Документы и материалы, Минск, 1984 г.; *Немецко-фашистский геноцид в Беларуси, 1941-1944 гг.* Минск, 1995 г., с. 346; *Места принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941-1944 гг.* Справочник. Минск, 2001 г.

Таблица 6

Количество жертв среди мирного населения и военнопленных на оккупированной территории Белоруссии в 1941-1944 гг. по данным Чрезвычайной комиссии (ЧГК СССР)

Наименование области	Всего погибло	Мирного населения	Военно-пленных	Вывезено в Германию
Барановичская	269 586	181 179	88 407	33 773
Брестская	198 384	159 526	38 858	30 008
Бобруйская	136 207	82 194	54 013	15 275
Витебская	244 312	151 421	92 891	68 434
Гомельская	167 836	53 360	114 476	16 745
Гродненская	152 538	111 208	41 330	53 955
Могилевская	130 736	71 602	59 134	21 436
Минская	419 105	317 515	101 590	29 815
Молодечненская	77 025	42 373	34 652	8 828
Пинская	119 998	95 385	24 613	30 861
Полесская	41 101	37 981	3 120	82 202
Полоцкая	262 218	105 211	157 007	52 599
В с е г о	2 219 316	1 409 225	810 091	377 776

Источник: НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 207, л. 1

Опубликовано:

Leonid Smilovitsky. “Ghettos in Gomel Oblast, Belorussia: Commonalities and Unique Features”. Report at the symposium, *The Holocaust in the Occupied Soviet Territories: Nazi Ghettos and Jewish Armed* Resistance // The United States Holocaust Memorial Museum. Washington, D.C. November 6, 2003. http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletters/gomel/GomelGhettos/index.html

Словарь терминов

Административные

Гомельская губерния образована 26 апреля 1919 г. в составе РСФСР, упразднена в декабре 1926 г.: Гомельский и Речицкий уезды присоединены к БССР, Клинцовский, Новозыбковский, Стародубский — к Брянской губернии РСФСР.

Гомельская область образована 15 января 1938 г. в бассейне рек Припяти, Березины и Сожа, на севере граничит с Минской и Могилевской областями, на западе — с Брестской областью, на юге — с Украиной, на востоке — с Россией.

Гомельский округ — единица административного деления БССР с 8 декабря 1926 по июль 1930 г., численность населения составляла 408 100 чел., в том числе евреев — 11,2 %, упразднен в июле 1930 г.

Гомельский район — на востоке Гомельской области с центром в. Гомеле, в 1919–1926 гг. входил в Гомельскую губернию, упразднен 8 декабря 1926 г., до июля 1930 г. находился в Гомельском округе, упразднен 10 февраля 1931 г., но 27 июля 1937 г. восстановлен.

Гомельский уезд — в Могилевской губернии Российской империи (1777–1917 гг.) и РСФСР (1919–1926 гг.) с центром в Гомеле (до 1852 г. — Белица).

Могилевская губерния — на западе Российской империи, образована 28 мая 1772 г. после первого раздела Речи Посполитой на 12 уездов, включая Гомельский, упразднена 11 июля 1919 г. Девять ее уездов были включены в Гомельскую губернию РСФСР.

Полесская область — с центром в г. Мозырь с 15 января 1938 г. по 26 апреля 1954 г., после упразднения присоединена к Гомельской области.

Северо-Западный край включал шесть губерний Российской империи (Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую) после раздела Речи Посполитой.

Эрец-Исраэль (букв. «земля Израиля») — страна, по библейскому преданию завещанная евреям, один из древнейших центров цивилизации (XI—VIII тыс. до н. э.).

Связанные с еврейской традицией

Бейт-мидраш — место, специально предназначенное для постоянного изучения Торы, обычно при синагоге.

Ешива — высшее религиозное учебное заведение, предназначенное для понимания Устного закона, главным образом Талмуда, служило и для подготовки ученых к званию раввина.

Исправленный хедер (ивр., хедер метукан) размещался в просторных помещениях, здесь преподавали историю еврейского народа, географию Эрец-Исраэль, грамматику иврита, а иногда русский, польский или немецкий языки, оказал влияние на становление новой системы еврейского образования.

Маца — мучное изделие из незаквашенного теста, разрешенное евреям для употребления во время пасхальной недели.

Мезуза — пергамент с выдержками из Торы в специальном футляре, который прикрепляют к косяку двери в еврейском доме.

Миква — ритуальный бассейн, построенный с соблюдением особых правил, предусмотренных еврейской традицией.

Миньян — кворум из десяти евреев старше 13 лет для участия в общественной молитве, одновременно название официально незарегистрированного властями молитвенного собрания евреев.

Митнагдим (*ивр*. «противники») — еврейское религиозное течение, возникшее в XVIII в. как оппозиция хасидизму, отстаивает приоритет талмудической учености над хасидским мистицизмом.

Мишна — собрание Устного закона, включающее Мидраш, Галаху и Агаду, древнейшая часть Талмуда.

Моэль — человек, совершающий обряд обрезания младенцу мужского пола на 7-й день после его рождения.

Песах — праздник в память об исходе евреев из Египта и освобождении от рабства.

Пурим — праздник в память об избавлении персидских евреев от гибели, согласно книге Эстер (Эсфирь), отмечается за месяц до Песаха.

Пятикнижие — пять первых книг канонической еврейской Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие, которые в совокупности образовали Тору в узком смысле слова.

Раввин духовный — должность в России, занимаемая лицом, которому община доверяла в вопросах веры, кашрута и обрядов, в противоположность так называемому казенному раввину, назначенному властями.

Раввин казенный (общественный) — выборное лицо, которое представляло еврейскую общину перед официальными учреждениями, вело регистрацию рождений, браков, смертей евреев в рамках общины.

Талмуд-тора — еврейское религиозное учебное заведение для мальчиков из малообеспеченных семей с преподаванием иврита, Торы и Талмуда и других предметов, готовило к поступлению в ешиву.

Хабад (аббревиатура от слов «хохма», «бина», «да'ат» — буквально «мудрость», «разум», «познание») — течение в хасидизме с XVIII в., основанное Шнеуром Залманом из Лиозно.

Хасид («благочестивый») — последователь хасидизма, широкого народного религиозного движения, возникшего в XVIII в., во главе с цадиками (праведниками, духовными вождями).

Хедер (*ивр.*, букв. «комната») — начальная школа на иврите для мальчиков 3–13 лет в традиционной еврейской ашкеназской религиозной системе образования.

Исторические

Белорусизация — политика использования белорусского языка в общественной, государственной, научной, культурной и хозяйственной жизни республики и продвижение белорусов как титульной нации на руководящие должности в БССР (1924–1929 гг.), проводившаяся с разрешения ЦК ВКП(б), но свернутая под предлогом угрозы курсу сталинскому интернационализму (1930–1931 гг.); формально не отменялась, но интеллигенция республики подверглась жестоким репрессиям в рамках сфабрикованного дела «Союза освобождения Белоруссии».

«Биробиджан» — проект создания Еврейской автономной области на территории советского Дальнего Востока в поисках наилучшего варианта политики по отношению к еврейскому населению СССР с конца 1920-х гг.; лишь очень малая часть еврейского населения СССР предпочла жизнь в рамках ЕАО в Биробиджане.

Военный коммунизм — политика советского государства в условиях гражданской войны 1918–1921 гг., отличалась централизацией управления экономикой, национализация крупной, средней и даже мелкой промышленности, включая всеобщую государственную монополию, принудительное изъятие продукции сельского хозяйства, запрет частной торговли, свертывание товарно-денежных отношений, уравнивание в распределении материальных благ, использование армии и милиции в народном хозяйстве; упразднена в 1921 г. с провозглашением НЭПа.

Восстание Хмельницкого — восстание казаков под руководством Богдана Хмельницкого против власти Речи Посполитой в 1648–1654 гг., сопровождалось массовыми жестокими убийствами жителей захваченных польских городов, католических священников, монахов и евреев.

Гомельский погром 1903 г. — насильственное выступление против евреев в Гомеле в конце августа — начале сентября 1903 г., в ходе которого было ранено 50 евреев, убито не менее 12, руководство и участники еврейской самообороны были вынуждены бежать из города.

«Дер эмес» («Правда») — советская еврейская газета на идише с 1918 по 1939 г.

«Джойнт» (American Jewish Joint Distribution Committee, JDC) — Американский еврейский объединенный распределительный комитет; еврейская благотворительная организация для оказания помощи евреям, разоренным в ходе Первой мировой войны; советские евреи получали от «Джойнта» помощь при посредничестве Красного Креста; запрещен в СССР в 1938 г. и возобновил свою деятельность в 1989 г.

Идишизация — государственная политика начала 1920-х гг. для привлечения еврейского населения к мероприятиям советской власти, демонстрация равноправия евреев с белорусами как титульной нацией, включала вопросы образования, делопроизводства, исполнительной и судебной власти на идише в местах компактного проживания евреев, предполагала борьбу с сионистами и еврейской религией; была искусственно свернута в начале 1930-х гг. для ускорения русификации и ассимиляции евреев.

Изгнание еврейского населения из Москвы в 1891—1892 гг. — выселение около 20 000 евреев, не имевших права проживания в городе как часть более широкой кампании против еврейского населения, завершившее период относительной либерализации и ужесточившее жизнь евреев в черте оседлости.

Коллективизация деревни — политика объединения единоличных крестьянских хозяйств в коллективные (колхозы и совхозы), проводившаяся в СССР в период с 1928 по 1937 г. с целью увеличения сельскохозяйственного производства и перераспределения ресурсов в пользу индустриализации, сопровождался насилием, репрессиями и голодом.

Коренизация — политика преодоления противоречия между центральной властью и коренным населением советских республик (выдвижение к руководству представителей титульной нации, создание национально-территориальных автономий, внедрение языка титульной нации в книгоиздание, средства массовой информации, делопроизводство, образование); свернута конце 1930-х гг. и заменена политикой русификации.

Крымский проект — программа создания еврейской национальной области в Крыму и Южной Украине, один из проектов, которые советские власти осуществляли в поисках наилучшего варианта политики по отношению к еврейскому населению СССР; реализовывался в 1920–1930-е гг.

Ленинский призыв — массовый прием рабочих в партию в связи с кончиной В.И. Ленина (1924 г.).

Либаво-Роменская железная дорога соединяла морские порты на Балтике с Левобережной Украиной, открыта в 1876 г., проходила через Гомель.

Новая экономическая политика (НЭП) — временная политика, проводившаяся в Советской России и СССР с 1921 по 1928 г., которая пришла на смену военному коммунизму, вернула элементы рыночной экономики (частное предпринимательство, свобода торговли, денежная реформа) для восстановления народного хозяйства после разрухи гражданской войны, позволив частичное использование капиталистических

методов хозяйствования при сохранении государственного контроля, упразднена в 1931 г.

Освободительный поход — присоединение западных областей Белоруссии, находившихся в составе Польши с 1920 г., к БССР в соответствии с секретными протоколами советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

Полесская железная дорога построена в 1882–1907 гг., соединяла Полесье с Прибалтийским, Северо-Западным, Центрально-Промышленным районами, имела военно-стратегическое значение, способствовала разработке лесных массивов Полесья, развитию деревообрабатывающей и кожевенной промышленности, росту городов (Вильно, Слуцка, Белостока, Бреста, Гомеля, Брянска).

«Полесская правда»/«Гомельская правда»/«Гомельская праўда» — с момента своего основания 22 [9] марта 1917 г. и до конца 1929 г. выходила в Гомеле под названием «Известия Гомельского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (март 1917 — февраль 1918 г.) с перерывом в период немецкой оккупации Гомеля с февраля 1918 по январь 1919 г., «Известия Гомельского ревкома» (Гомель и район; январь — март 1919 г.), «Известия Гомельского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (март — май 1919 г.), «Путь Советов» (май 1919 — май 1920 г.), «Полесская правда» (май 1920 — ноябрь 1938 г.), «Гомельская праўда» (1938 г. и далее); с 1930 г. стала издаваться на белорусском языке; приостановлена с 19 августа 1941 г. по 26 июля 1943 г.

Продуктивизация — политика поощрения переселения евреев в сельские районы СССР для занятия земледелием, а также вовлечение в производственную деятельность, чтобы изменить традиционный характер занятий и интегрировать в советское общество, осуществлялась в 1920–1930-х гг., в основном через организацию КомЗЕТ.

Сионизм — национальное движение евреев, связанное эмиграцией в Палестину, якобы призванное отвлечь еврейские трудящиеся массы от революционной борьбы, чтобы сохранить господство буржуазии, угроза советскому государству; полностью запрещен в СССР в 1928 г.

«Тарбут» — еврейская светская просветительно-культурная организация, под эгидой которой в период между двумя мировыми войнами была создана сеть светских образовательных учреждений на иврите в России (до победы большевиков), Польше, Румынии, Латвии и Литве.

Политические партии и общественные организации

«**Ха-шомер ха-цаир**» (букв. «молодой страж») — сионистское социалистическое движение по подготовке молодежи к сельскохозяйственной работе в Палестине; в СССР существовала с 1922 г. на нелегальном положении до середины 1930-х гг.

«Цеирей Цион» («молодежь Сиона») — сионистское рабочее движение умеренно социалистического толка, действовавшее преимущественно в России. Летом 1917 г. насчитывало около 50 000 чел., в мае 1920 г. раскололось на две партии — сионистов-социалистов и «трудовиков».

«Югенд Бунд» — молодежная организация еврейской социал-демократической партии «Бунд».

«Бунд» (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) — еврейская социал-демократическая партия, выступала за национально-культурную автономию евреев, светскую систему просвещения, развитие культуры на идише, противник религии, сионизма и эмиграции в Палестину отрицательно встретил переворот в Петербурге в октябре 1917 г., считая это узурпацией народной воли, но потом присоединился к большевикам и был принят в Коминтерн (1920 г.); объявил о самороспуске (1921 г.), одни его члены выехали за границу, другие вступили в РКП(б), а в 1920–1930-е гг. были объявлены врагами и репрессированы.

«Гехалуц» (букв. «первопроходец») — еврейская сионистская организация по подготовке молодежи к поселению в Палестине, раскололась на две фракции (1923 г.): легальную «Гехалуц в СССР», стоявшую на позициях классовой борьбы и коллективизма, и нелегальную «Национально-трудовую организацию Гехалуц».

Евбюро — еврейское бюро, руководящий орган евсекции окружного, республиканского или союзного уровня.

Евкомол — Еврейский коммунистический союз рабочей молодежи («Югенд Поалей Цион»).

Евобщестком (Еврейский общественный комитет) — еврейская общественная благотворительная организация помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий, действовал с 1920 по 1924 г.

Евотдел — еврейский отдел при комитете просвещения губернского исполнительного комитета или Комиссариате народного образования.

Еврейская коммунистическая партия Белоруссии (ЕКПБ) — действовала с января по март 1919 г., объединяла деятелей евсекции и левых бундовцев, перешедших на позиции советской власти.

Еврейский общественный комитет помощи пострадавшим от погромов (**Евобщестком**) создан Еврейским отделом Наркомнаца в 1920 г. для распределения гуманитарной помощи пострадавшим от войны и погромов евреям (медикаменты, деньги, продовольствие, одежда, инструменты для ремесленников), которая поступала через «Джойнт».

Еврейское колонизационное общество — международная благотворительная организация, созданная бароном Морисом де Гиршем в 1881 г. в Лондоне, имела отделение в Санкт-Петербурге под руководством барона Горация (Нафтали-Герц) Гинцбурга.

Евсекция — еврейская секция КП(б)Б для распространения коммунистической идеологии среди еврейского населения республики на языке идиш, боролась с «Бундом» и другими еврейскими партиями, контролировала советскую школу на идише, еврейские научные и культурные учреждения, объединения писателей и др., негативно относилась к прошлому еврейского народа, боролась с сионизмом, еврейской традицией и религией, закрыта в 1930 г. под предлогом осуждения национализма, все активисты которой были арестованы и в основном погибли в 1937–1938 гг.

Инбелкульт — Институт белорусской культуры.

Истпарт — комиссия по истории Октябрьской революции и компартии Белоруссии.

КомЗЕТ — Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при президиуме ЦИК СССР, образован в августе 1924 г.; еврейские земледельческие поселения в Южной Украине и Крыму, а с 1927 г. в Биробиджане, расформирован в 1938 г.

«Маккаби» — международная еврейская спортивная организация, названная в память исторического героя Иехуды Маккавея; существовала в СССР в 1920-е гг.

ОЗЕТ (Общество землеустройства еврейских трудящихся, 1925–1938 гг.) — организация по распределению средств для переселенцев, созданию для них общего и профессионального образования, культурной жизни, медицинской помощи; в ходе массовых репрессий (1937–1938 гг.) была уничтожена значительная часть руководства ОЗЕТа, упразднены еврейские национальные районы и сельсоветы, а школы на идише превращены в русские, из 14 000 еврейских семей, поселенных на земле, значительная часть вернулась в города, а оставшиеся в сельской местности погибли в Холокосте.

«Поалей Цион» (букв. «трудящиеся Сиона») — движение, сочетавшее политический сионизм с социалистической идеологией.

Ревком (революционный комитет) — временный орган власти большевиков по месту жительства, наделенный чрезвычайными полномочиями в период гражданской войны в России, располагал всей полнотой гражданской и военной власти.

«Сетмасс» (Союз еврейских трудящихся масс) — организация для оказания помощи разоренным войной евреям (1919 г.), распущена в 1925 г.

Сионистская социалистическая молодежная организация (**ЦСЮФ**) — молодежная ветвь еврейской сионистско-социалистической рабочей партии, действовавшая в СССР с 1920 по 1926 г.

Социалисты-революционеры (СР, эсеры) — одна из крупнейших революционных партий в Российской империи, основывалась на идеях народничества, социализма и революционного насилия, выступала за демократическую республику, конфискацию земли у помещиков, церкви и государства и широкое самоуправление; после Февральской революции 1917 г. участвовала в работе Временного правительства, после Октябрьского переворота раскололась на правых и левых эсеров, запрещена большевиками в 1918 г.

Союз воинствующих безбожников — общественная организация в СССР с 1925 по 1947 г., ставила своей целью идейную борьбу с религией во всех ее проявлениях, председатель центрального совета СВБ Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман).

Сталинские пятилетки (1928–1932, 1933–1937 гг.) — пятилетние планы развития народного хозяйства СССР, рассчитанные на развитие экономики и культуры, централизованное государственное планирование.

Центос — общество опеки над еврейскими детьми-сиротами в 1919–1921 гг.

Словарь имен

Агранов Яаков (Янкель-Швель Шмаев), (1893–1938), родился в Чечерске Могилевской губернии, в 1917 г. — секретарь Полесского комитета РСДРП, в 1918 г. — секретарь Совета народного комиссариата РСФСР, с 1919 г. на руководящей работе в советских секретных службах, репрессирован в 1938 г.

Ауэрбах-Подгорный Борис (Берл), (1900–1919), с января 1919 г. в Гомеле, с 15 февраля 1919 г. — комиссар отдела юстиции Гомельского губернского исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (занимался организацией народных судов, революционных трибуналов, следственных комиссий, коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе, судебно-исполнительных органов), погиб во время Стрекопытовского мятежа в Гомеле.

Барышанский Рафаил-Мордехай — «Дер Геллер рав» («Рыжий раввин», 1864–1950), родился в м. Липнишки, учился в ешивах Вильны, Ковно и Белостока, с 1893 г. раввин в Гомеле, участвовал в учредительном съезде движения «Мизрахи» в 1902 г. в Вильне, основал отделение «Мизрахи» в Гомеле, в 1914–1917 гг. активно помогал еврейским беженцам, выступал против политики евсекции, направленной на запрещение еврейской религиозной жизни, весной 1922 г. привлечен к показательному «суду над хедером», приговорен к двум годам заключения, освобожден через семь месяцев, с 1923 г. — в США, в 1926–1929 гг. — раввин в Вашингтоне, с 1929 г. — раввин в Нью-Йорке, писал о проблемах еврейской жизни в США, о сионизме, Эрец-Исраэль и на религиозные темы.

Гантман Вениамин (1891–1937), родился в Речице, окончил политехническое училище, учитель, с 1922 г. — ответственный секретарь Речицкого уездного комитета РКП(б), заведующий Гомельским губернским отделом народного образования, заведующий агитационно-пропагандистским отделом Гомельского губернского комитета РКП(б), до декабря 1926 г. —

заведующий организационным отделом Гомельского губернского комитета ВКП(б), с декабря 1926 г. по сентябрь 1928 г. — ответственный секретарь Гомельского окружного комитета КП(б) Беларуси, арестован и расстрелян.

Герчиков Моисей (1904–1966), активный участник движения «Поалей Цион» и его молодежной организации, окончил гимназию в Гомеле, в 1923 г. переехал в Ленинград; по специальности химик, работал в области фармакологии, арестован в 1937 г. и приговорен к 10 годам тюрьмы, срок отбывал на Колыме; жена сослана в Татарстан, где вскоре скончалась, а маленький сын рос и воспитывался бабушкой в семье его сестры, приговор отменили в 1963 г., умер в 1966 г.

Гилинский Абрам (1897–1939), советский государственный и партийный деятель, нарком пищевой промышленности СССР, с августа 1923 г. по 1925 г. — ответственный секретарь Гомельского губернского комитета РКП(б), арестован по ложному обвинению и расстрелян в 1939 г.

Драгунский Исаак (1892–1938), родился в Гомеле, учился в гимназии, до 1 июля 1924 г. председатель Гомельского губернского суда. 1 августа 1937 г. арестован, 19 июня 1938 г. приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян.

Каганович Егуда Лейб Гершон (Ялаг) (1879–1949), секретарь сионистской организации в Гомеле, репатриировался в Эрец-Исраэль в 1923 г., написал книгу о еврейской жизни в Гомеле на иврите.

Каганович Лазарь (1893–1991), советский государственный и партийный деятель, активный участник Октябрьского переворота 1917 г. — руководил захватом власти большевиками в Гомеле.

Кацаф Соломон (1893–1949), член РСДРП(б), секретарь Гомельского военно-революционного комитета (1919 г.).

Комиссаров (Гуревич) Семен, 1896–1919), председатель ревкома в Гомеле с января по март 1919 г., убит мятежниками во время восстания Стрекопытова.

Леплевский Григорий (Гирш) (1889–1938), родился в Бресте, избран в большевистское всероссийское Учредительное собрание в Гомеле в январе 1918 г., сотрудник службы государственной безопасности и в системе прокуратуры, помощник генерального прокурора СССР, арестован и расстрелян в 1938 г.

Нодель Вульф (1897–1938), с мая 1919 по 1920 г. — председатель Гомельского губернского комитета «Бунда», председатель ЦК «Югенд Бунд», член президиума Гомельского губернского совета профсоюзов, редактор газеты, арестован и расстрелян.

Пестун Ефим (1889–1937), заместитель продовольственного комиссара Гомельской губернии (с февраля 1919 по 1920 г.), заведующий военно-трудовым отделом Гомельского губернского комитета РКП(б) (с января по июль 1920 г.), заместитель председателя Гомельского губернского ревкома, ответственный секретарь Гомельского губкома РКП(б), член военного совета Гомельского укрепленного района (1920–1921 гг.), председатель исполкома Гомельского губернского совета, арестован в 1937 г. по ложному обвинению и расстрелян.

Рабинович Моисей (1902–1952), секретарь Краснопольского волисполкома Гомельской губернии в 1918–1919 гг., секретарь ячеек РКСМ ряда кооперативных учреждений Гомеля в 1919–1920 гг., участник войны с Польшей, в августе 1920 по июнь 1921 г. интернирован в лагерь Зальцведель, Германия, в 1921–1922 гг. — заведующий транспортным подотделом Гомельского губернского эвакоуправления, в 1922–1923 гг. — секретарь организационного отдела Гомельского горкома партии, заместитель министра земледелия Казахской ССР.

Рохлин Соломон (1891–?), начальник Гомельской уездной милиции (1917 г.), начальник Клинцовской уездной милиции (1920 г.), начальник Горкинской уездной милиции, начальник Боровичской уездной милиции (1922–1924 гг.), помощник начальника Гомельского городского административного отдела (с 1925 г.), начальник управления милиции НКВД Киргизской ССР.

Фрумкина Мария (Эстер, Малка Лифшиц), (1880–1943), активная участница еврейского рабочего и коммунистического движения, в 1919–1920 гг. — член Гомельского губернского совета рабочих и солдатских депутатов, нарком просвещения БССР (с осени 1920 по март 1921 г.), одна из лидеров «Комбунда», после его слияния с РКП(б) — одна из руководителей евсекции, член редколлегии газеты «Дер эмес», член Евобщесткома, в 1938 г. арестована, в 1940 г. осуждена на восемь лет, погибла в лагере.

Хавкин Самуил (1893–1976), советский партийный деятель, участник борьбы за советскую власть в Украине и Беларуси, председатель Гомельского комитета РКП(б), комиссар труда (в 1919–1920 гг.).

Хатаевич Мендель (1893–1937), родился в Гомеле, с 1912 г. вел подпольную работу на предприятиях Гомеля, с 1913 г. член Полесского комитета РСДРП, в 1914 г. арестован и сослан в Сибирь (1915–1917 гг.), в марте 1917 г. возглавил Гомельскую организацию РСДРП(б), с сентября 1917 г. член Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), член исполкома Гомельского совета; с 1921 г. — секретарь Гомельского, с 1923 г. — Одесского губкомов РКП(б), де-факто основатель Гомельской губернии, в

1924–1925 гг. — в аппарате ЦК ВКП(б), с 1925 г. секретарь Татарского обкома, с 1928 г. Средневолжского крайкома ВКП(б), в 1932–1937 гг. член Политбюро ЦК КП(б)У, на XIV съезде ВКП(б) избран членом Центральной ревизионной комиссии, на XV съезде ВКП(б) — кандидат в члены ЦК, на XVI и XVII съездах ВКП(б) — член ЦК, награжден орденом Ленина (1937 г.), в 1937 г. арестован по ложному обвинению и расстрелян 1 февраля 1939 г., его именем названа улица в Гомеле (1973 г.).

Шлифенсон Самуил (1903–1939), начальник Управления НКВД по Гомельской области с апреля по ноябрь 1938 г., арестован и расстрелян.

Эвентов Лев (1889–1962), член ЦК ОЕСРП, член коммунистического «Бунда» (Комбунда) с 1920 по 1921 г., сделал академическую карьеру в области экономики.

Эльяшив Авраам (Авраам Левинсон, 1877–1942), родился в Шауляе (Литве), во время Первой мировой войны переехал в Гомель, где служил раввином и был известен как «Дер Гомлер рав», репатриировался в Эрец-Исраэль в 1924 г., основал компанию «Тиферет бахурим» — бейт-мидраш, в котором учились работающие иерусалимцы, представитель литовско-митнагедского течения.

Эпштейн Исаак Айзик Алеви (Исаак Гомлер, 1780–1857), раввин Гомеля и глава ешивы, приверженец движения Хабад в первом поколении движения (последователи раввина Шнеура Залмана из Ляд), его внук Цви Лутакер (сын зятя Эпштейна) также служил раввином в Гомеле после кончины Эпштейна, правнук Лутакера — израильский художник Одед Лутакер.

Географический указатель

Б

Баку — 127
Батуми — 127
Белосток — 89, 307, 308, 325, 329
Биробиджан — 125, 135, 164, 172, 216, 259, 323, 327
Бобруйск — 115, 140, 179, 255, 261, 262, 263, 282, 283, 319
Брагин — 278, 279, 280, 286, 287, 291, 299, 300, 313, 314, 315, 316
Брянск — 74, 75, 320, 325
Беларусь, Белоруссия, БНР, БССР — 13, 15, 17, 18, 25, 26, 28, 29, 63, 108, 113, 115, 120, 125, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 154, 159, 160, 161, 164, 169, 172, 173, 174, 175, 177, 180, 182, 183, 185, 188, 189, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 204, 205, 207, 208, 209, 210, 211, 214, 218, 219, 243, 256, 263, 264, 274, 275, 277, 282, 283, 298, 303, 305, 307, 308, 320, 323, 325, 331, 335
Буда-Кошелево — 282, 283, 285, 288, 309
Быхов — 115, 130, 243, 261, 262, 263, 266

В

Варшава — 45
Вашингтон — 15, 107, 329
Ветка — 142, 150, 176, 184, 249, 278, 279, 280, 282, 286, 300, 313, 356
Витебск — 8, 31, 107, 140, 147, 179, 183, 208, 284, 290, 304, 305, 307, 308, 318, 319, 321

Г

Германия — 7, 17, 28, 29, 57, 61, 62, 63, 65, 66, 125, 178, 191, 199, 218, 219, 220, 283, 303, 319, 325, 331
Гомель — 4, 5, 7, 8, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 26, 27, 28, 30, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44 45, 46, 47, 48, 49, 53, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 122, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 148, 149, 151, 152, 154, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 166, 167,

168, 170, 171, 174, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 196, 198, 200, 201, 202, 203, 205, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 223, 224, 225, 226, 227, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 240, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 254, 257, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 268, 272, 273, 274, 278, 279, 280, 282, 283, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 292, 293, 297, 298, 299, 300, 301, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 390, 310, 311, 312, 313, 317, 318, 319, 320, 323, 324, 325, 329, 330, 331, 332, 346, 348, 352, 355, 356, 357, 362, 363, 364, 369, 370, 378
Гомельская губерния — 320
Гомельская область — 4, 5, 7
Гомельский округ — 17, 18, 183, 261, 286, 320
Гомельский район — 183, 260, 320
Гомельский уезд — 36, 37, 183, 320
Горваль — 278, 314

Д

Добруш — 18, 142, 150, 184, 203, 260, 282, 284, 286, 288, 289, 297, 309, 316
Дреговичская земля – 63

Ж

Жлобин — 18, 177, 184, 185, 282, 283, 286, 287, 288, 289, 292, 298, 299, 310, 312, 317, 318, 352
Журавичи — 279, 282, 314

И

Ивье — 346

К

Калинковичи — 282, 283, 297, 299, 310, 356
Кзыл-Орда — 118
Киев — 33, 64, 88, 127, 160, 243, 249, 255, 262
Климовичи — 103, 266
Комарин — 205, 278, 280, 287, 300, 315
Корма — 185, 249, 280, 282, 297, 310
Краснополье — 72, 280
Крым — 125, 135, 164, 172, 216, 259, 263, 324, 327

Л

Латвия — 125, 126, 127
Ленин — 315
Ленинград — 31, 53, 103, 194, 330
Лида — 344
Литва — 35, 125
Лоев — 18, 142, 184, 185, 278, 280, 282, 285, 286, 287, 315

М

Микуличи — 72
Минск — 8, 15, 25, 28, 29, 31, 39, 60, 63, 78, 107, 112, 120, 140, 147, 159, 160, 179, 183, 207, 208, 215, 243, 255, 262, 282, 284, 290, 294, 299, 304, 305, 307, 308, 318, 319, 320, 321
Могилев — 8, 17, 36, 40, 56, 72, 77, 107, 130, 140, 147, 149, 183, 243, 266, 282, 283, 284, 290, 304, 305, 307, 308, 318, 319, 320, 321, 329
Могилевская губерния — 17, 36, 40, 56, 77, 243, 320
Мозырь — 267, 279, 283, 285, 286, 287, 289, 292, 294, 297, 299, 310, 320

Москва — 17, 47, 62, 72, 73, 74, 81, 107, 118, 128, 146, 156, 159, 165, 172, 199, 207, 255, 261, 262, 263, 363

Н

Ново-Белица — 92, 260, 278, 279, 280, 309, 347
Новогрудок — 34, 45, 88, 89
Новозыбков — 103, 115, 130, 207, 261, 262, 266, 282, 320
Носовичи — 278, 280
Нью-Йорк — 29, 107, 132, 329, 350

П

Паричи — 270, 289, 299, 311, 318
Петриков — 192, 286, 287, 288, 289, 292, 298, 299, 300, 311, 318
Петроград — 31, 47, 52, 56, 67, 81, 261
Пируа — 132
Поддобрянка — 142, 173, 278, 280, 300, 316
Полесская область — 18, 308, 320
Польша — 243

Р

Репки — 72
Речица — 18, 31, 103, 115, 130, 141, 142, 169, 184, 260, 261, 262, 263, 266, 278, 282, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 299, 300, 301, 305, 311, 329, 356, 371, 374, 375, 376
Рогачев — 18, 71, 115, 130, 133, 184, 185, 261, 262, 263, 266, 282, 283, 285, 286, 287, 288, 289, 292, 294, 295, 296, 301, 305, 309, 311
Россия, РСФСР — 17, 18, 70, 77, 85, 89, 91, 104, 108, 110, 111, 123, 147, 181, 320, 329

С

Санкт-Петербург — 36, 327
Салоники — 132
Светиловичи — 18, 184, 282, 287
Ситничи — 278
Слоним — 347
Советский Союз, СССР — 13, 14, 17, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 82, 86, 89, 98, 107, 108, 112, 114, 117, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 138, 141, 148, 154, 155, 156, 158, 159, 178, 180, 182, 188, 189, 192, 193, 194, 195, 197, 198, 204, 206, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 215, 218, 219, 256, 263, 264, 274, 301, 303, 319, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 330
Стародуб — 87, 103, 130, 320
Стамбул — 132
Стрешин — 185, 205, 282, 283, 285, 288, 289, 292, 295, 298, 312

Т

Тель-Авив — 8, 9, 15, 132, 133, 379
Терехов — 18, 142, 184, 185, 282, 286, 287, 316
Турция — 127

У

Уваровичи — 18, 142, 184, 185, 282, 286, 287, 317
Украина, УНР (Украинская Народная Республика), УССР — 17,19, 34, 44, 62, 63, 64, 65, 66, 70, 71, 74, 76, 77, 85, 90, 96, 108, 128, 160, 181, 186, 192, 193, 204, 206, 215, 218, 243, 249, 256, 282, 286, 293, 294, 295, 304, 320, 324, 327, 331, 369
Урал — 96, 120, 156

Х

Хойники — 72, 260, 278, 279, 280, 285, 286, 287, 288, 294, 299, 313, 314
Холмеч — 72, 278, 280

Ч

Чернигов — 87, 266, 282, 378
Чечерск — 18, 56, 142, 184, 185, 249, 266, 278, 280, 282, 285, 288, 289, 292, 297, 298, 299, 312, 329, 348
Чёнки — 203

Щ

Щорс — 282

Э

Эрец-Исраэль, Палестина — 13, 17, 35, 44, 50, 54, 80, 82, 113, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 137, 155, 156, 157, 171, 176, 254, 257, 260, 261, 262, 263, 321, 325, 326, 329, 330, 356

Именной указатель

А

Ааронсон Аарон Элиезер — 81
Абрамович Моисей — 200
Агмон Быстрицкий Натан — 82
Агранов Яаков — 56, 329
Аксельрод Зелик — 208
Александров Нахум — 41, 49, 130
Альтерман Эзра — 81
Амромин Моисей — 200
Аронов Моня — 200
Аронов Рахмиль — 200
Ауэрбах-Подгорный Борис — 86, 329

Б

Барышанский Рафаил-Мордехай — 27, 35, 49, 90, 97, 105, 106, 107, 133, 329, 350
Бейлин Соломон — 202
Белкин Калман — 118, 119, 261
Белкин Меир — 356
Белоцерковский Абрам — 202
Березкин Григорий — 208
Берия Лаврентий — 201
Бобров Барух-Янкель — 202
Бобров Берка — 202
Богданов Петр — 57, 62
Бошель Ханна — 168
Брин Залман — 356
Брискин Нехемия — 103
Брук Авраам — 45, 47, 49, 57, 64
Брук Григорий — 41
Будник Дебора — 118
Булак-Балахович Станислав — 71, 72

В

Вайнштейн Аарон — 79
Верлинский Вениамин — 116
Вигдорчик Моисей — 202
Выготский Семен — 39, 49
Вышинский Андрей — 198

Г

Габинович Яаков — 103
Ганкин Арон — 352
Ганкин Евель — 352
Ганкин Маня — 352
Ганкин Марголя — 352
Гантман Вениамин — 329
Геббельс Йозеф — 199
Герчиков Моисей — 53, 55, 61, 73, 82, 83, 87, 120, 239, 330
Гилинский Абрам — 330
Гиссин Дов — 81, 132
Гляйберзон Александр — 118

Голод Роза — 116
Голодед Николай — 169
Голодец Самуил — 81, 263
Горовиц Йоэль — 34, 45, 88, 89
Гринберг Биньямин — 103
Гроссман Меир — 53

Д

Дик Александр — 202
Диманштейн Шимон (Семен) — 80, 108
Драбинский Яков — 202
Драгунский Исаак — 62, 66, 86, 330
Дубнов Давид — 55

З

Зак Гилель — 103
Зак Зелик — 35
Зальцман Яаков — 202
Захарин Зеэв — 39, 41, 47, 49, 131, 132
Звагельский Лейба — 200
Зевин Шломо Йосл — 103
Зрубавель Яаков — 53

И

Индман Цви Хаим — 81, 133

К

Каган Гирш — 122, 209
Каган Ицкэ — 103
Каган Маркус — 39
Каган Моисей — 62, 64, 66
Каганович Егуда Лейб Гершон (Ялаг) — 131, 133, 330
Каганович Лазарь — 52, 56, 189, 330
Каганская Песя — 75, 86
Каменецкий Гирш — 208
Кахан Брейне — 150
Кацаф Соломон — 57, 86, 330
Кацман Шепсель — 191, 203
Кецлах Пинхас — 168
Кецлах Рива — 168
Колесникова Фаня — 202
Комиссаров Борух — 351
Комиссаров (Гуревич) Семен — 57, 86, 330
Комиссарчик Меир — 356
Конин Хаим — 81
Котон Борис — 116, 118
Краснова Лия — 81
Кук Авраам Ицхак — 126

Л

Левин Алтер Янкель — 103
Левин Менахем Лейб — 35
Левин Пинхас — 203
Левин Шолом — 163
Левинман Катя — 343
Левитан Михаил — 109
Леккерт Гирш — 95, 121, 177
Леккерт Франц — 244
Лелевич Григорий — 66, 76, 96, 102, 106
Леневская Надежда — 203
Ленин Владимир — 77, 88, 148, 172, 207, 208, 214, 258, 288, 291, 324
Леплевский Григорий (Гирш) — 57, 330
Либерман Бенцион — 203
Литваков Моше — 83, 107, 165
Лихтенштейн Сандер — 203
Львович Авраам — 356
Любин Ашер — 103

М

Мадорский Залман — 116
Мадорский Израиль — 117, 118, 357
Майзлин Ефим — 62, 65, 66, 76, 86
Майянц Меир — 35
Майянц Моше — 42

Малкин Самуил — 200
Маркович Исак — 203
Медведев Мардух — 116
Миневич Залман — 356

Н

Нахамкин Цадик — 42
Нодель Вульф — 330

П

Пасина Ризия — 168
Паскевич Ирина — 57
Пестун Ефим — 331
Петлюра Симон — 64, 66
Пискин Пинхас — 118
Пороцкий Барух — 103
Прыткина Дина — 112, 113
Пульнер Исай — 27, 89, 90, 94, 95, 105, 234

Р

Рабинович Моисей — 331
Рабинович Тамара — 279
Рабкин Ерухам — 156
Равинский Григорий — 198, 201
Райская Рахель — 356
Райский Меир — 356, 357
Райский Петр (Песах) — 356
Раппопорт Хаим — 118
Рахлин Авраам Лейб — 133
Рогинский Абрам — 103
Рохлин Соломон — 331

С

Силлинг Люба — 156
Симановский Бенцион — 201
Скоропадский Павел — 63, 64
Соколовская Фейга — 116
Соркин Меир — 149
Сталин Иосиф — 57, 172, 178, 194, 196, 197, 199, 201, 203, 217, 218, 220, 258, 288, 301
Стош Евгений — 63, 64
Стрекопытов Владимир — 57, 74, 75, 76

Т

Троцкий Лев — 178, 179
Тумаркин Исер — 103
Туровский Самуил — 116

У

Утевский Залман — 42

Ф

Фибих Сарра — 162, 214
Фиглин Давид — 81
Финкельштейн Аба — 203
Фишман Исаак — 116
Фрадкин Израиль — 116
Фридкина Инна — 343
Фридман Эстер — 203
Фрумкина Мария (Эстер, Малка Лифшиц) — 38, 53, 79, 165, 258, 331

Х

Хавкин Марк — 191, 279
Хавкин Самуил — 66, 86, 331
Хатаевич Мендель — 57, 70, 74, 79, 86, 331, 369
Хиршгорн Нахман — 150
Хувин Моше — 103

Ц

Цейтлин Берка — 42
Циммерман Белла — 203
Цилов Моисей — 81, 116
Цырлин Давид — 56, 66, 86

Ч

Черняк Мендель — 103
Членов Иехиэль — 55
Чунц Айзик — 352
Чунц Залман — 352
Чунц Исаак — 116
Чунц Лейба — 352
Чунц Хана — 352

Ш

Шарашевский Исаак — 200
Шейнбойм Элиезер — 131
Шик Мина — 127
Шлифенсон Самуил — 201, 332
Шлейфштейн Алка — 168
Шмулевич Зяма — 81
Шнеерсон Залман — 95, 97, 102, 103, 266
Шов Йосеф — 203
Шульман Моисей — 203

Э

Эвентов Лев — 54, 332
Эвентов Меир — 118
Эльяшив Авраам — 35, 126, 332
Эльяшив Шломо — 126
Эпштейн Исаак Айзик ха-Леви — 35, 332
Эренбург Илья — 13

Ю

Юдицкий Моисей — 150
Юдович Маша — 116

Я

Явинин Моше — 103
Яроцкер Абрам — 202
Яффе Авраам — 89

Фотографии и документы предоставили

Мордехай Райхинштейн
(Бейтар-Илит, Израиль)

Инесса Ганкина
(Минск, Беларусь)

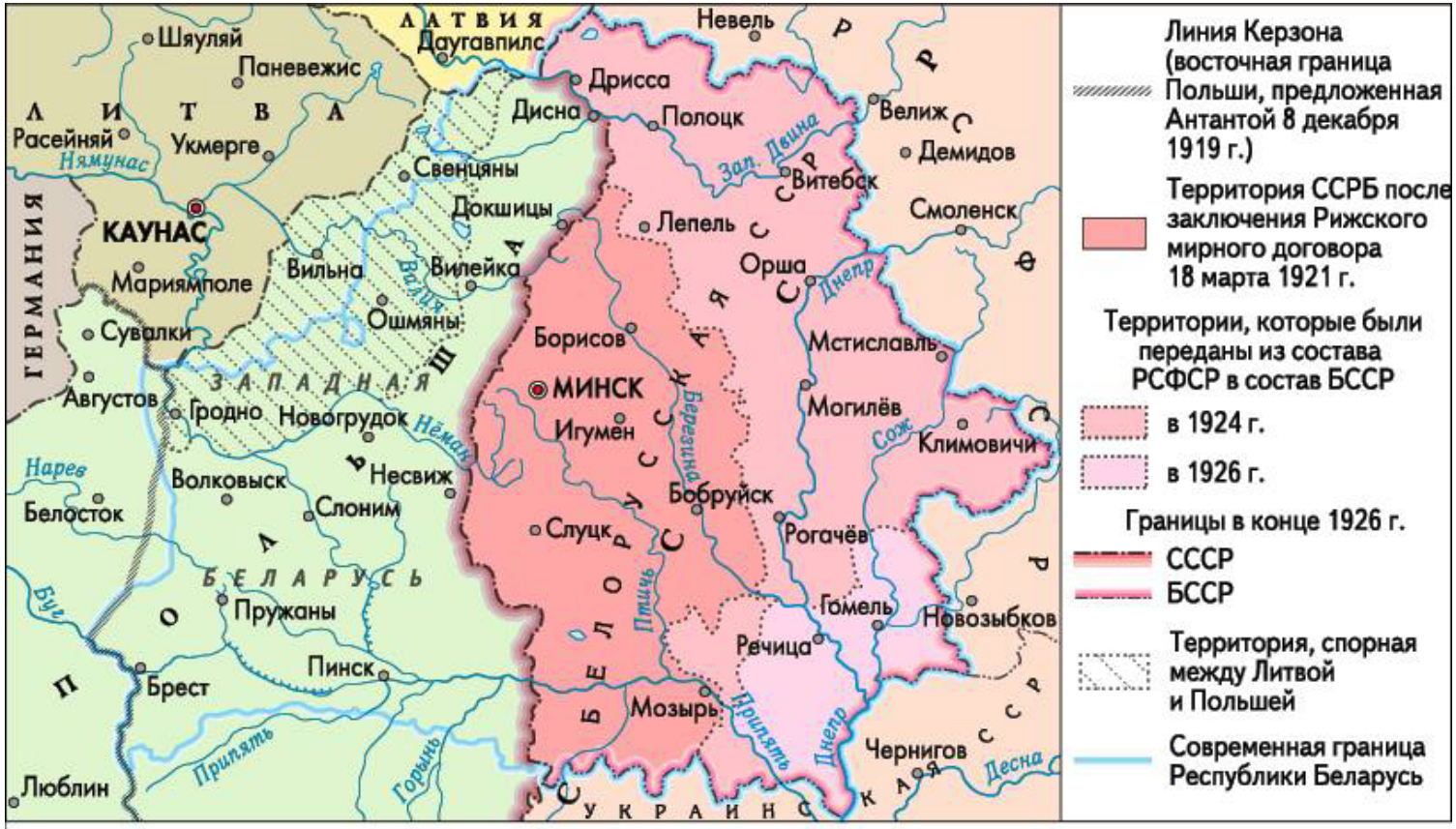
Ефим Итенберг
(Москва, Россия)

Евгений Озеров
(Зихрон-Яаков, Израиль)

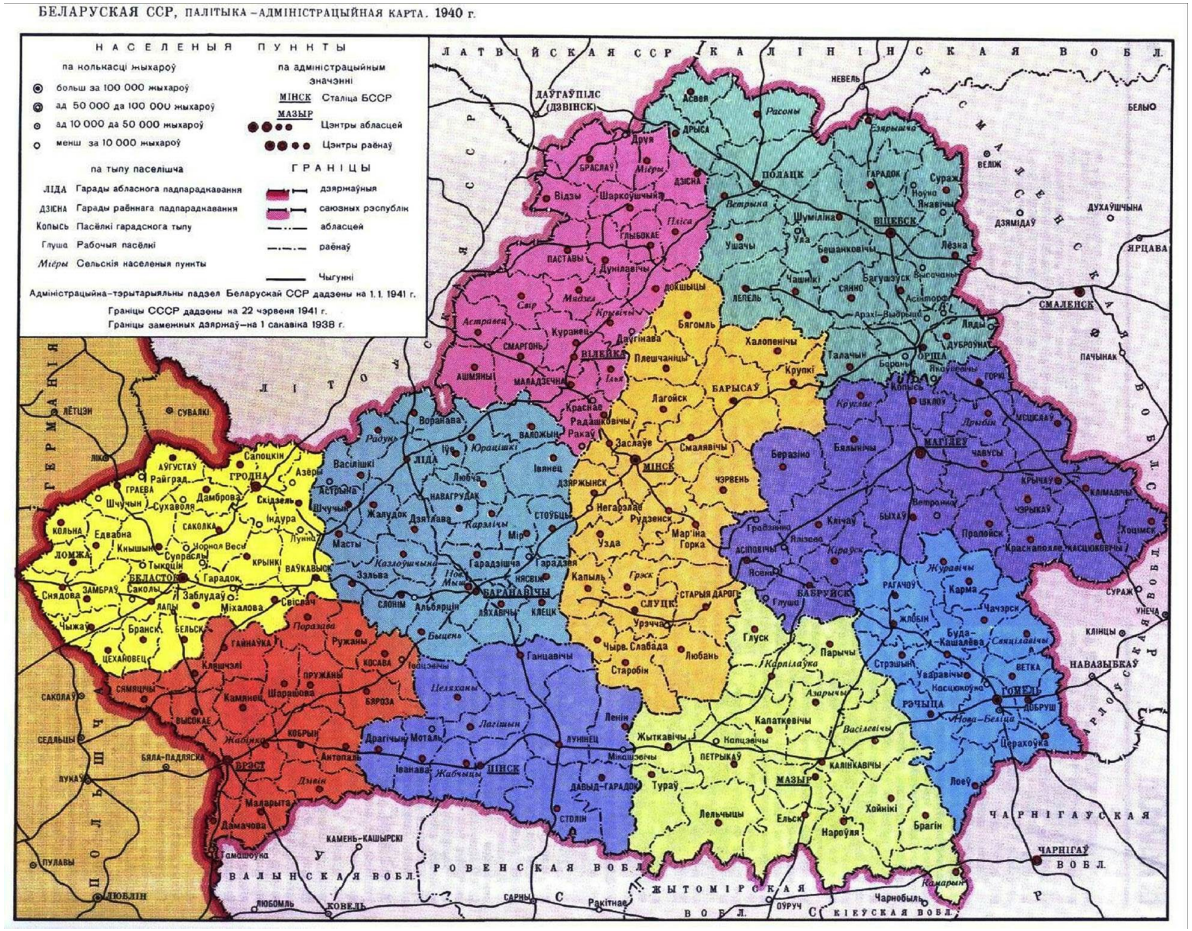
Шейла Миттельман-Крамер
(Ист-Молин, штат Иллинойс)

Альберт Каганович
(Виннипег, Канада)

Леонид Смиловицкий
(Гивон га-Хадаша, Израиль)

Карта укрупнения территории БССР в 1924 и 1926 гг.

Политико-административная карта БССР в 1940 г.

Открытки с видами Гомеля до 1917 г.

Из коллекции
Мордехая Райхинштейна

Гомель, Базарная улица.
ТОРГОВЛЯ
С. М. ЛИВШИЦА

113. Гомель, Замковая и Вокзалъ.
ЧАЙ

Еврейская жизнь до 1917 г.

Мендель Горшман
Еврейский суд,
1924 г.

Мендель Горшман
Сара молится,
а дочка комсомолится,
1925 г.

Мендель Горшман
Судный день в синагоге,
1925 г.

Соломон Юдовин. Обрезание. 1930 г.

Мендель Горшман
Свадебный танец,
1926 г.

Соломон Юдовин
Еврейская свадьба,
1930 г.

Мендель Горшман
Иллюстрации
к произведениям
Менделя Мойхер
Сфорима

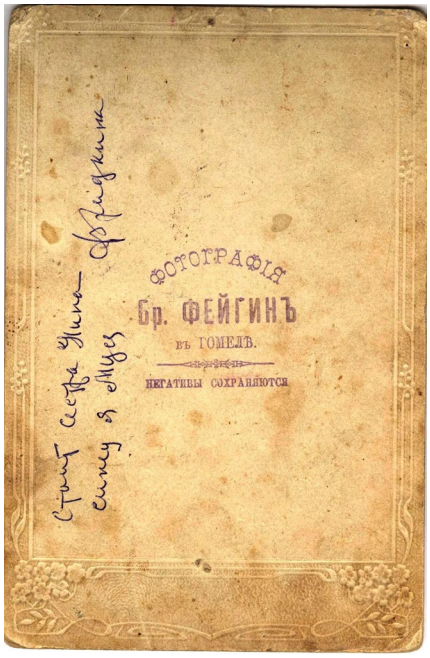

Мендель Горшман
Иллюстрации
к произведениям
Шолома-Алейхем
Тевье
и Менахем Мендл

Визит-портрет

Инна Фридкина (сидит) с сестрой Ниной

Катя Левинман

Религиозный еврей

Немецкая оккупация Беларуси 1918 г.

Главная
городская улица

Рыночная
площадь
и синагога
в Лиде

Торги
в базарный
день

Еврейские жители

803. Ein polnischer jüdischer Händler vor seinem Verkaufestand in Lida. Die neben ihm sitzende Frau hält einen Kokstopf auf dem Schoß, an dem sie sich die Hände wärmt.

Немецкие открытки с еврейскими сюжетами

Vor einer Teestube in Lida.
Die vor dem Lokal stehenden Mädchen bedienen die Gäste

Из коллекции Мордехая Райхинштейна

Phot. Gebr. Haeckel.

797. Jüdische Wasserträger in den Straßen von Lida. Diese Leute versorgen die einzelnen Häuser mangels einer Wasserleitung mit Wasser gegen geringe Bezahlung.

Барановичи

Гомель

Ивье

Ново-Белица

Еврейские беженцы, 1917 г.

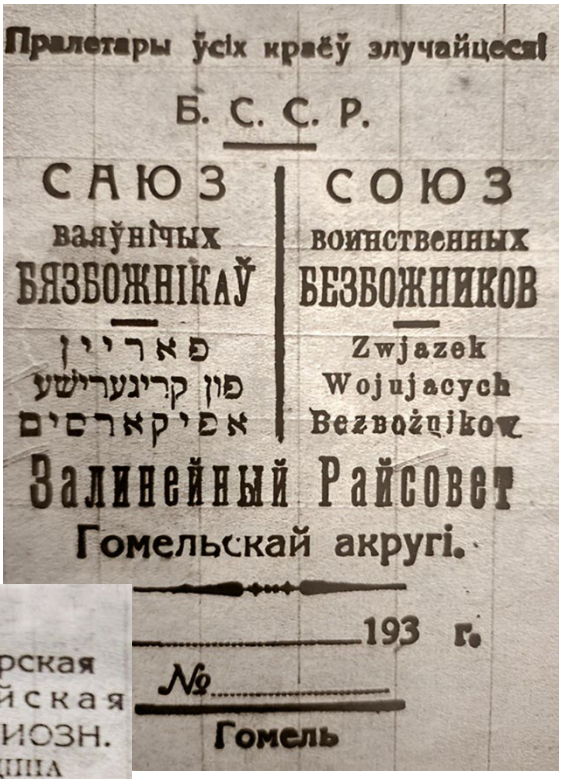

Die Flüchtlinge schlossen sich unserem Treck an

Еврейское кладбище в Слониме

Религиозная жизнь

Печать отделения Союза воинственных безбожников. Залинейный районный совет Гомельского округа, 1931 г.

Печать еврейской религиозной общины «Адас Исроэль». Чечерск Гомельского округа, 1923 г.

Синагоги — под культурные очаги.

(От нашего корреспондента).

Есть в Белоруссии старый еврейский город Гомель.

В 17—18 веке был Гомель грозной западной крепостью многих народов и государств. Не всякий из былых его врагов осмеливался нападать на ее неприступные твердыни. В эту крепость-город с запада и юга, от чванливых польских панов, от злобной расы турецких орд, они хлынули тогда с Черного моря по рекам на своих фелюгах, и лихих набегов и грабежей запорожских казаков, потянулся сюда разоренный еврейский народ.

И словно для них наготовила в городе место быстрая речушка Гомейка. Своим тысячелетним бегом в самом центре города она размыла глубокий и обширный овраг. Вот в него-то, поближе к людям и подальше от их глаз, и селилась еврейская нищета. Позже река пересохла или пошла по другому руслу, и стал овраг совсем мрачным и мусорным буераком—Каганьим Рвом.

В нем, как грибы, тесными, кривыми переулочками и тупичками росли маленькие хибарки еврейской бедноты.

Со всего верхнего города, со всех улиц, дворов и помойных ям сюда стекала зловонная жижа человеческих испражнений и отбросов пищи. Вечная грязь не покидала буерак. В лачугах по углам не переводилась зеленая плесень, и крыши были желты от грибных цветений.

Так, в невероятной тесноте, жили в овраге десятки тысяч евреев, занимались кто чем мог. Были сапожники, портные, кожевники, водовозы, рабочие соседних заводов, нищие, торговцы водой.

Нищета, неизбежно должны быть синагоги. И синагоги появились. Первую, самую большую, синагогу построил граф Румянцев.

Потом выросли другие синагоги. И на одной только этой площади было выстроено под ряд 6 синагог. И очень хорошо около них жили 11 раввинов (еврейских попов), которые «обслуживали» все

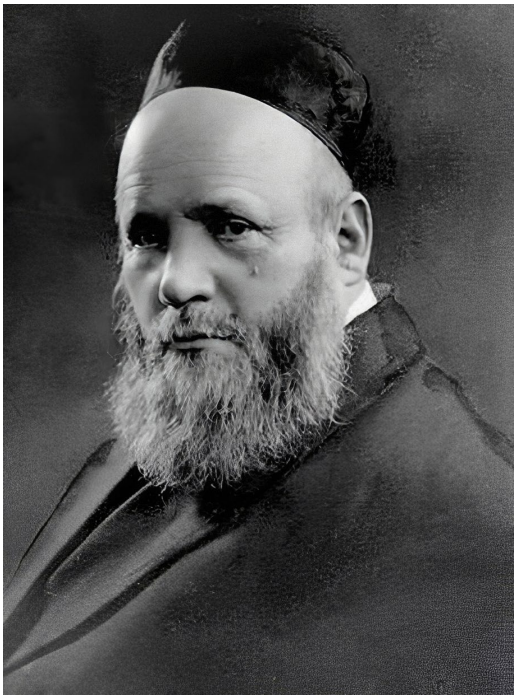
Вверху: три бывших синагоги, в которых сейчас клуб металлистов, общежитие инвалидов и их обувная фабрика «Трудовик».

Внизу: базарная площадь. На снимке под ряд две синагоги, в которых сейчас помещаются горсовет и кооперативная столовая.

Статья
в газете
«Беднота»
24 августа
1928 г.
о закрытии
синагог
в Гомеле

Плакат, призывающий на борьбу с религией, худ. Михаил Рабинович, 1930 г.

אוסף

מִכְתָּבִים מְחֻטָּבִים

וכנוס מאמרים נשגבים
בהלכה ובאגדה משולבים
שהסיב לשואליו דבר

חכם התעודה, הנה דעית, רוקח ישראל, לוקח נפשות,
חכם וסופר, הרב הגאון הגדול, איש האשכלות

מוהר"ר **רפאל מרדכי בהרב ר' יוסף** זצ"ל
שהי' אב"ד דק"ק האמעל

הועתק והוכנס לאינטרנט
www.hebrewbooks.org
ע"י חיים השס"ם

חמו"ל

ועירא דמן חבריא
שלום בריסנסקי
בן המחבר

שנת
דברי פי חכם חן
וחם אך כבוד לעולם
לפ"ק

Рафаил-Мордехай Барышанский (1866–1950), бывший раввин Большой синагоги в Гомеле, и титульный лист его духовных трудов, изданный в Нью-Йорке, 1952 г.

Борух Комиссаров,
раввин местечка
в окрестностях Гомеля,
1890 г.
Фото из семейного архива
Чунц-Кабак-Ганкиных

Большая синагога
в Гомеле
Фото до 1917 г.

Семья Чунц
Залман и Айзик
(слева направо стоят)
с родителями,
Лейбом Эльевичем Чунц
и Ханой Боруховной
(в девичестве
Комиссаровой).
Гомель, 1920 г.

Семья Ганкиных
Марголя, Маня,
Арон (старший)
и Евель (младший)
Жлобин, 1933 г.
Фото из семейного архива
Чунц-Кабак-Ганкиных

Сионисты

Делегаты окружной конференции движения «Гехалуц» в Гомеле, 1921 г.

Центральный сионистский архив в Иерусалиме, PHZPR/1253700

Группа «Гехалуц» в Гомеле, 1921 г.
Центральный сионистский архив в Иерусалиме, PHZPR/1254023

Группа еврейских спортсменов общества «Маккаби», Гомель, 1921 г.
Центральный сионистский архив в Иерусалиме, PHZPR/1252378

Группа сионистов «Галиль» из Гомеля в Каунасе перед отъездом в Палестину, 1922 г.
1. Меир Комиссарчик и 2. Залман Миневич (оба Калинковичи), 3. Меир Белкин (Гулевичи-Речица), 4. Залман Брин (Ветка — Гомель), 5. Авраам Львович (Ветка — Гомель).
Фото из семейного архива Шейлы Миттельман-Крамер (Ист-Молин, штат Иллинойс, США)

Меир Гильевич Райский с женой Рахелью и сыном Петром (Песахом). Гомель, 1935 г.
Из архива Альберта Кагановича

Меир Гильевич Райский во время ареста. Гомель, 1924 г.
Из архива Альберта Кагановича

Израиль Цодикович Мадорский

Антисемитские карикатуры

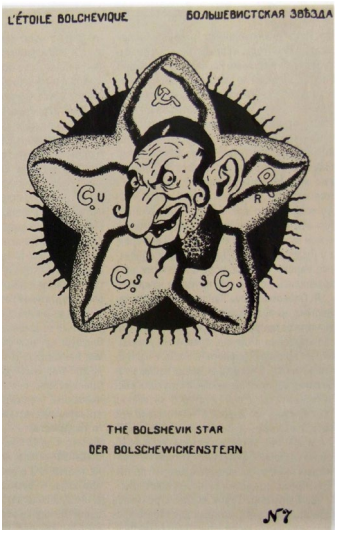

ЛИЦО БОЛЬШЕВИЗМА

РУССКИМ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!

Патриотизм
советских людей
проявляется в великолепно
построенных фабриках."
И. Сталин.
ЗАВОД
БОЛЬШЕВИК

ЖИДЫ — ВАШИ ВЕЧНЫЕ ВРАГИ!
СТАЛИН С ЖИДАМИ
ОДНА ШАЙКА ПРЕСТУПНИКОВ
ДОЛОЙ ВЛАСТЬ ЖИДОВ!

мчится тройка
СССР
НКВД
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ
по России...

A LEUR BRIDE
У НИХЪ НА ПОВОДУ
UNDER THEIR BRIDLE
AN IHREM ZÜGEL №3

Советский плакат в защиту евреев
со стихами Вл. Маяковского, 1926 г.

Медицинские работники

Медицинские сестры. Гомель, фото до 1930 г.

Кружок первой помощи Общества Красного Креста при фабрике им. Клары Цеткин. Гомель, 1930 г. *Из семейного архива Ефима Залмановича Итенберга в Москве*

Участники
V Гомельского
губернского
съезда
Союза
медицинских
работников,
не позднее 1926 г.

Советские организации

Из семейного архива Ефима Залмановича Итенберга

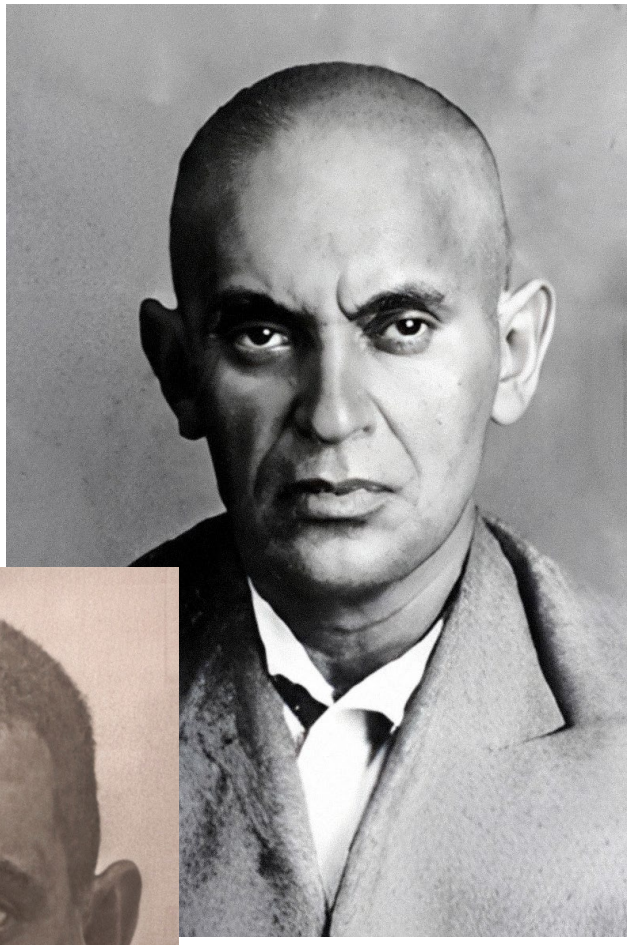
Из семейного архива Ефима Залмановича Итенберга

Из семейного
архива
Ефима
Залмановича
Итенберга

Из семейного архива Ефима Залмановича Итенберга

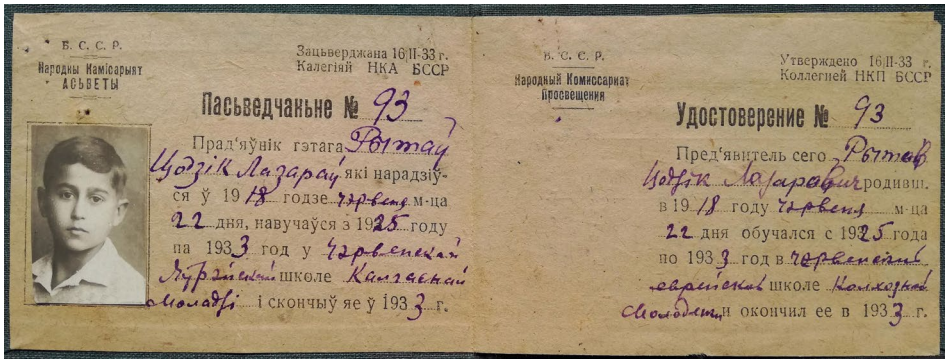

Мендель Маркович Хатаевич (1893–1937), председатель Гомельского уездного комитета РКП(б) в 1918–1919 гг., второй секретарь ЦК КП(б) Украины, 1937 г.

Учебные заведения

35-й пионерский отряд при Обществе кустарей. Гомель, 1926 г. *Из архива Ефима Залмановича Итенберга*

Б. С. С. Р.
Народны Камісарыят Асьветы

Зацьверджана 16/II-33 г.
Калегіяй НКА БССР

Пасьведчаньне № 93

Прад'яўнік гэтага Рытаў Цодзік Лазараў які нарадзіўся ў 1918 годзе чэрвеня м-ца 22 дня, навучаўся з 1925 году па 1933 год у Чэрвеньскай Курганскай школе Калгаснай моладзі і скончыў яе ў 1933 г.

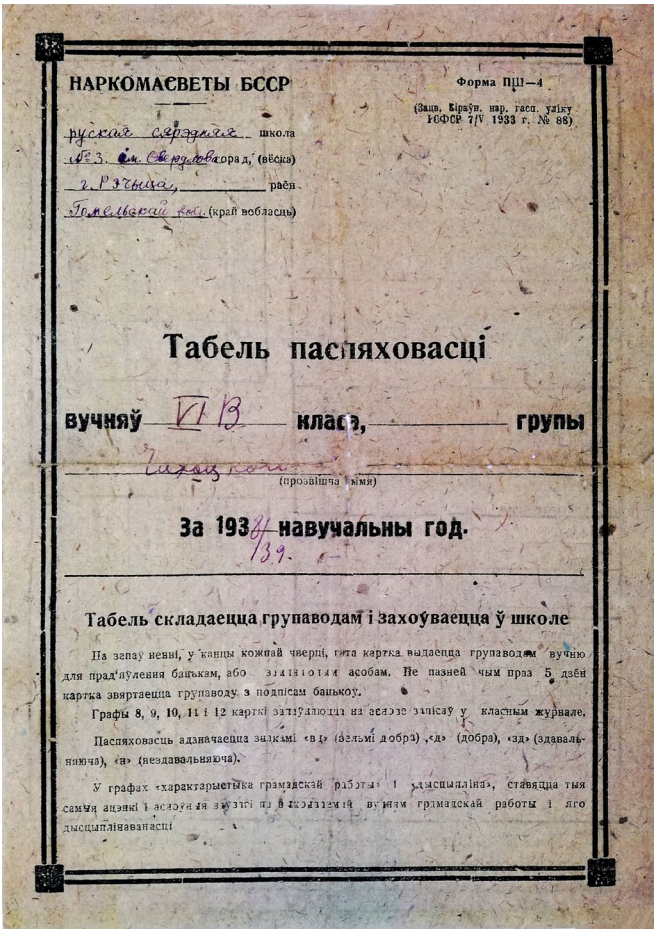
В. С. С. Р.
Народный Комиссариат Просвещения

Утверждено 16/II-33 г.
Коллегией НКП БССР

Удостоверение № 93

Предъявитель сего Рытов Цодик Лазаревич родивш. в 1918 году чэрвеня м-ца 22 дня обучался с 1925 года по 1933 год в Червенской еврейской школе Колхозной молодежи и окончил ее в 1933 г.

Свидетельство Цодика Рытова об окончании еврейской школы колхозной молодежи в Червене в 1925–1933 гг.
Из архива Леонида Смиловицкого

НАРКОМАСВЕТЫ БССР

Форма ПШ—4

(Зацв. Кіраўн. нар. гасп. улікуРСФСР 7/V 1933 г. № 88)

рускай сярэдняй школа
№ 3 ім. Свярдлова сельсавет, (вёска)
г. Рэчыца, раён
Гомельскай вобл. (край вобласць)

Табель пасяховасці

вучняў VI В класа, групы

(прозвішча і імя)

За 1938/39 навучальны год.

Табель складаецца групаводам і захоўваецца ў школе

На запаў нення, у канцы кожнай чвэрці, гэта картка выдаецца групаводам вучню для прад'яўлення бацькам, або замяняючым асобам. Не пазней чым праз 5 дзён картка звяртаецца групаводу з подпісам бацькоў.

Графы 8, 9, 10, 11 і 12 карткі запаўняюцца на аснове запісаў у класным журнале.

Пасяховасць адзначаецца знакамі «в» (вельмі добра), «д» (добра), «зд» (здавальняюча), «н» (нездавальняюча).

У графах «характарыстыка грамадскай работы і дысцыпліны», ставяцца тыя самыя ацэнкі і асноўныя звесткі пра вынікі вучняў грамадскай работы і яго дысцыплінаванасці.

Табель успеваемости Меира Чахоцкого, ученика 6-го класса средней школы в Речице за 1938/39 уч. г.
Из архива Леонида Смиловицкого

Свидетельство о переводе в 8-й класс
Гиршла Утевского,
ученика Осиповичской еврейской неполной
средней школы в 1935/1936 уч. г.

Б.С.С.Р.
Народный комиссариат просвещения
СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПЕРЕВОДЕ
Гиршл Утевский учился в 1935/1936 учебном году в 7-м классе
Осиповичской еврейской неполной средней школы
Осиповичского района Белорусской ССР и переведен в 8-й класс
с примерным поведением и следующими успехами:

1. Еврейский язык — хорошо
2. Литература — хорошо
3. Белорусский язык —
4. Литература —
5. Русский язык — удовлетворительно
6. Литература — удовлетворительно
7. Арифметика — отлично
8. Алгебра — отлично
9. Геометрия — отлично
10. Природоведение — отлично
11. История — хорошо
12. География — хорошо
13. Физика — отлично
14. Химия —
15. Обществоведение — хорошо
16. Немецкий язык — удовлетворительно
17. Черчение — отлично
18. Рисование — отлично
19. Пение —
20. Трудовое обучение — отлично
21 Физкультура — отлично

Особые замечания ---
8/VII 1936 г.
№21

Директор школы
Учителя

(Печать)

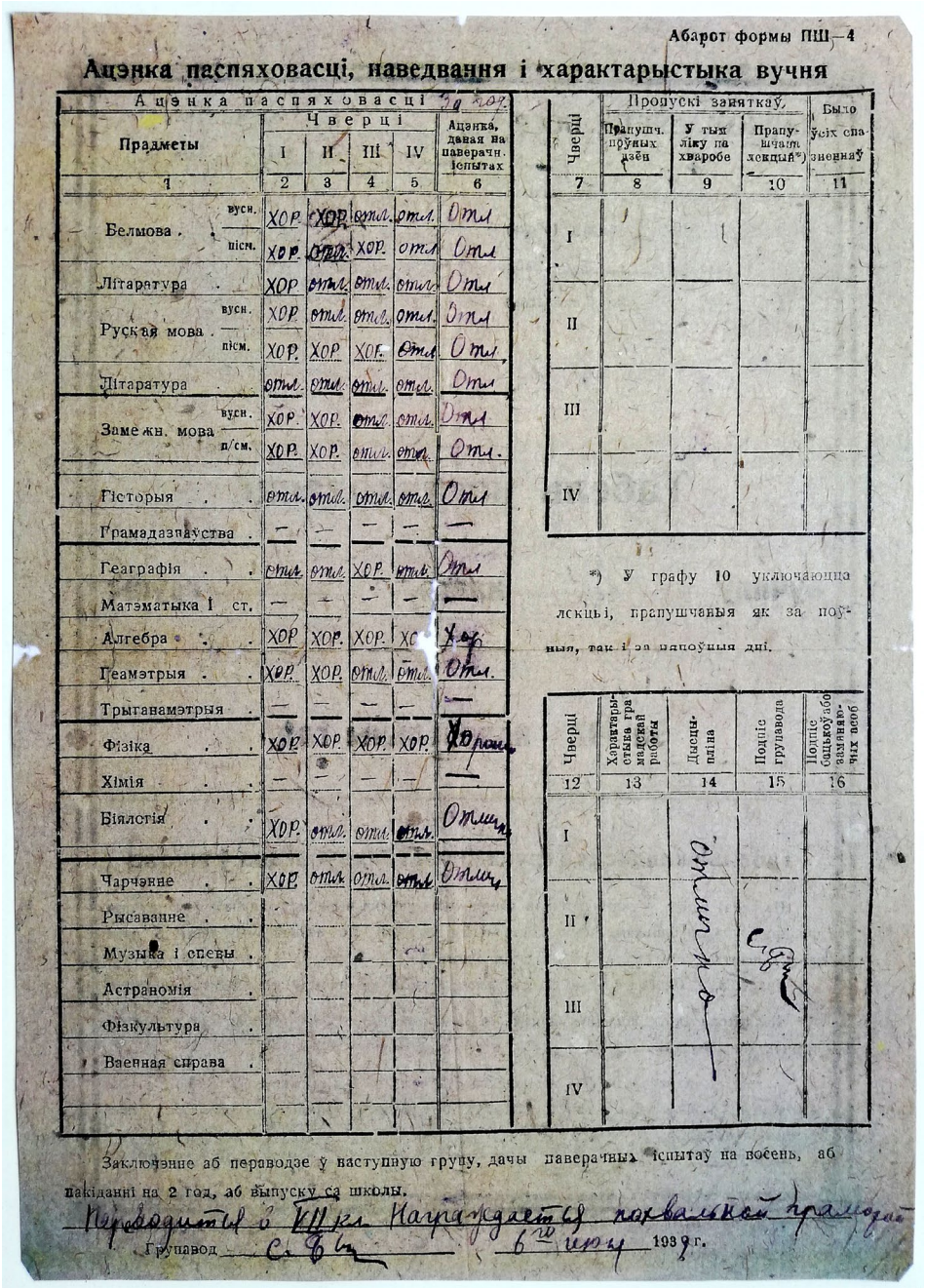
Минск, типография им. Сталина. Заказ №715

Воспитанники еврейского детского дома № 7 в Речице, 10 сентября 1920 г.
JDC Archives, Photo collection, photo NY_00606

Выпускная группа 11-го детского сада. Речица, 7 июля 1930 г. Архив Леонида Смиловицкого

Абарот формы ПШ—4

Ацэнка паспяховасці, паведвання і характарыстыка вучня

Ацэнка паспяховасці за год

Прадметы	Чвэрці I	II	III	IV	Ацэнка, дадзяя на паверачн. іспытах
1	2	3	4	5	6
Бєлмова вусн.	ХОР.	ХОР.	отл.	отл.	Отл
Бєлмова пісм.	ХОР.	ХОР.	ХОР.	отл.	Отл
Літаратура	ХОР.	отл.	отл.	отл.	Отл
Рускай мова вусн.	ХОР.	отл.	отл.	отл.	Отл
Рускай мова пісм.	ХОР.	ХОР.	ХОР.	отл.	Отл
Літаратура	отл.	отл.	отл.	отл.	Отл
Замежн. мова вусн.	ХОР.	ХОР.	отл.	отл.	Отл
Замежн. мова п/см.	ХОР.	ХОР.	отл.	отл.	Отл.
Гісторыя	отл.	отл.	отл.	отл.	Отл
Грамадазнаўства	—	—	—	—	—
Геаграфія	отл.	отл.	ХОР.	отл.	Отл
Матэматыка І ст.	—	—	—	—	—
Алгебра	ХОР.	ХОР.	ХОР.	ХО	Хор
Геамэтрыя	ХОР.	ХОР.	отл.	отл.	Отл.
Трыганамэтрыя	—	—	—	—	—
Фізіка	ХОР.	ХОР.	ХОР.	ХОР.	Хорош
Хімія	—	—	—	—	—
Біялогія	ХОР.	отл.	отл.	отл.	Отлич
Чарчэнне	ХОР.	отл.	отл.	отл.	Отлич
Рысаванне					
Музыка і спевы					
Астраномія					
Фізкультура					
Ваенная справа					

Чвэрці	Пропускі заняткаў. Прапущ. поўных дзён	У тых ліку па хваробе	Прапушчана лекцый*)	Было ўсіх спаўненняў
7	8	9	10	11
I				
II				
III				
IV				

*) У графу 10 уключаюцца лекцыі, прапушчаныя як за поўныя, так і за напоўныя дні.

Чвэрці	Характарыстыка грамадскай работы	Дысцыпліна	Подпіс грудзявода	Подпіс бацькоў або заменяючых асоб
12	13	14	15	16
I		Отлично		
II			Сміл	
III				
IV				

Заключэнне аб пераводзе ў наступную групу, дачы паверачных іспытаў на восень, аб пакіданні на 2 год, аб выпуску са школы.

Пераведзены ў VII кл. Напрауляецца на пераводны праздник

Групавод С. Ф. 6 чэрвеня 1939 г.

Табель успеваемости Меира Чахоцкого, ученика 6-го класса средней школы в Речице за 1938/39 уч. г.
Из архива Леонида Смиловицкого

Театр

ТЕАТР КАЛИНИНА

В ПОНЕДЕЛЬНИК, 21 ЯНВАРЯ 1924 Г.

Коллективом еврейской музыкальной комедии и драмы под реж. М. Л. МЕЕРСОНА

с участием Г. БЕККЕРА и М. ШТЕЙНГАРТА

В ПОЛЬЗУ БЕЗРАБОТНЫХ

ЧЛЕНОВ СОЮЗА „РАБИСА"

поставлена будет музыкальная историческая пьеса

СУЛАМИФЬ

в 4-х д. и 5-ти карт., соч. А. Гольдфадена. Постановка Г. БЕККЕРА

25 №№ пения. УЧАСТВУЕТ ВСЯ ТРУППА.

УСИЛЕННЫЙ ХОР, ПОЛНЫЙ ОРКЕСТР МУЗЫКИ

под дирижерством А. ЗАЛЕССКОГО.

Начало в 8½ час. вечера

Билеты продаются ежедневно от 12-ти до 3-х и от 6 до окончания спектакля.

Афиши еврейского театра музыкальной комедии и драмы под руководством М.Л. Меерсона во время гастролей в Гомеле, 1924 и 1926 гг.

ТЕАТР СВЕРДЛОВА

1 коллектив ЕВРЕЙСКИХ артистов музыкальной драмы и комедии под главным режиссерством М. Л. МЕЕРСОНА

при уч.: С. Стояновской, Г. Беккер, М. Штейнгарт

Пятница 21 декабря

в первый раз в ГОМЕЛЕ поставлено будет

ДЕР БЛИНДЕР МУЗЫКАНТ

в 4-х действ., соч. Ракова. Постановка Штейнгарта

Суббота 22 декабря Известная музыкальная комедия

А МЕНШ ЗОЛ МЕН ЗАЙН

в 4 д., Шора. Постановка Штейнгарта

Воскресенье 23 декабря ВО ВТОРОЙ РАЗ

МОТКЕ ГАНЕВ

известная пьеса в 3-х д., соч. Аша.

Начало ровно в 9 час. веч.

Театр закрывается.

Холокост

Памятный знак на месте расстрела евреев Гомеля в лесу напротив кладбища с правой стороны Черниговского шоссе.
Установлен Фондом имени Саймона Марка Лазаруса (Великобритания).
Фото Александра Литина, 2012 г.

В память о погибших евреях в Гомеле и Гомельской области.
Мемориал «Долина разрушенных общин». Яд ва-Шем, Иерусалим
Фото Леонида Смиловицкого, 2025 г.

Bereza 2018
Bereza 2019
Shtetl Data A-1
Shtetl Data A-2
Shtetl Data B-1
Shtetl Data B-2
Shtetl Data C-1
Shtetl Data C-2
Shtetl Data M-1
Shtetl Data M-2
Shtetl Data P
Shtetl Data T-X
Shtetl - W, W-Z
Minsk Ghetto-1
Minsk Ghetto-2
Minsk Ghetto-3
Minsk Ghetto-4
Minsk Ghetto-5
Rechitsa-1
Rechitsa-2, Photo
Gomel-1
Gomel-2
Gomel-3
Lakhva
Ivatsevichi
Ozarichi-1
Ozarichi-2
Belarus Archives Inventories
Belarus Archives Personal Data-1
Belarus Archives Personal Data-2
Belarus Archives Personal Data-3
Belarus Archives Personal Data-4
Belarus Archives Personal Data-5
Belarus Archives Personal Data-6
Belarus Archives Personal Data-7
Belarus Archives Personal Data-8
Belarus Archives Personal Data-9
Belarus Archives Personal Data-10
Belarus Archives Personal

Леон Гершович
Евреи в Гомеле, 1917–1941 гг.

Под научным руководством
Леонида Смиловицкого

Редактор и корректор
Рахель Лифшиц

Дизайн обложки
Александр Литин

Верстка
Шауль Симан-Тов

В оформлении лицевой стороны обложки
использовано фото улицы Базарная в Гомеле, 1913 г.
из коллекции Мордехая Райхинштейна

Предложения и отклики направлять по адресу:
leongershovich@gmail.com
или по тел. +(972)52-372-41-45

ISBN 978-965-7862-81-0

© Леон Гершович, текст и фотографии

Иерусалим, 2026/5786 г.

Printed in Jerusalem

